

The Third International Congress on Social Sciences and Humanities

15th November, 2014

Volume 1

«East West» Association for Advanced Studies and Higher Education
GmbH, Vienna, Austria

**Vienna
2014**

«The Third International Congress on Social Sciences and Humanities». Proceedings of the Congress (15 November, 2014). Volume 1. «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH. Vienna. 2014. 309 P.

ISBN-13 978-3-902986-27-6

ISBN-10 3-902986-27-1

The recommended citation for this publication is:

Busch P. (Ed.). The Third International Congress on Social Sciences and Humanities. Proceedings of the Congress (November 15, 2014). Volume 1. Vienna, OR: «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, Vienna.

Editor	Petra Busch, Austria
Editorial board	Egor Rachynski, Ukraine Rostislav Komarov, Russia Slavka Konstantinova, Bulgaria Jennifer Mathieson, Scotland Alajos Fazekas, Hungary
Proofreading	Andrey Simakov
Cover design	Andreas Vogel
Contacts	“East West” Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, Am Gestade 1 1010 Vienna, Austria
Email:	info@ew-a.org
Homepage:	www.ew-a.org

Material disclaimer

The opinions expressed in the conference proceedings do not necessarily reflect those of the “East West” Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, the editor, the editorial board, or the organization to which the authors are affiliated.

© «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH

All rights reserved; no part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without prior written permission of the Publisher.

Typeset in Berling by Ziegler Buchdruckerei, Linz, Austria.

Printed by «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, Vienna, Austria on acid-free paper.

Section 1. Demography and ethnography

*Tchorzevska Tatiana Viktorivna,
Odessa National Polytechnic University, Ph. D. of History,
docent of the culturology and art critice Department*

*Boguslavska Yulia Yuriivna,
Odessa National Polytechnic University, Ph. D. of History,
docent of the social work and staff management Department
E-mail: boguslav.yulia@gmail.com*

Odesa: Dynamic of Ethnic stereotypes 2007–2014

*Тхоржевська Тетяна Вікторівна,
Одеський національний політехнічний університет,
к.іст. н., доцент кафедри культурології та мистецтвознавства*

*Богуславська Юлія Юріївна,
Одеський національний політехнічний університет,
к.іст. н., доцент кафедри соціальної роботи та кадрового менеджменту
E-mail: boguslav.yulia@gmail.com*

Одеса: динаміка етнічних стереотипів 2007–2014

Стереотипізація є різновидом міфологічного світосприйняття, яке грає досить важливу роль у суспільних відносинах та активізується за умов протистояння або суперництва різних соціальних, етнічних, етнокультурних груп.

Утворення та побутування етнічних стереотипів є міждисциплінарною проблемою, яка активно досліджувалася в контексті психології¹, соціології², етноп-

¹ Поссель Ю. «Этническое бессознательное»/Ю. Поссель//Сикевич З.В., Крокинская О.К., Поссель Ю.А. Социальное бессознательное. – СПб: Питер, 2005. – С. 209–225; Иванова Т.В. Изучение этнических стереотипов с помощью проективных рисунков/Т. Иванова//Вопросы психологии. – 1998. – № 2. – С. 71–82; Стефаненко Т.Г. Этнопсихология/Т.Г. Стефаненко. – М.: Аспект-Прес, 2003. – 368 с.

² Сикевич З.В. Русские: «образ» народа/З.В. Сикевич. – СПб: Издательство С-петербургского университета, 1996. – 226 с.

сихології¹, лінгвістики². Вкрай актуальною останнім часом стає проблема змінності/незмінності масових уявлень про історичні події³, що напряду пов'язане з утворенням та динамікою етнічних стереотипів. До цього варто додати активне, особливо на сучасному етапі, формування стереотипів, у тому числі етнічних, за посередництвом ЗМІ (інформаційні передачі, телесеріали, детективні та фантастичні фільми тощо).

Етнічний стереотип містить в собі стає ядро, що складається з комплексу уявлень про зовнішній облік представників даного народу, його історичне минуле, особливості способу життя, трудові звички. Крім ядра етнічний стереотип містить низку змінних суджень стосовно комунікативних та моральних якостей даного народу. Саме змінність оцінок цих якостей стала предметом нашого дослідження. Нас, зокрема, зацікавило, як змінилися етнічні авто- та гетеростереотипи студентів м. Одеси, які визначають себе українцями, під впливом подій 2014 р.

Для досягнення цієї мети нами була залучена методика вивчення етнічних стереотипів за допомогою проєктивних малюнків, запропонована Т. В. Івановою⁴. Впродовж 2007 р. нами вже проводилося дослідження із застосуванням цієї методики. Ми вивчали етнічні стереотипи студентів м. Одеси, які визначили себе українцями, про українців (автостереотип), росіян, євреїв та болгар (гетеростереотипи). Результати було оприлюднено⁵. Саме наявність цих матеріалів надала можливість провести аналогічне дослідження із застосуванням тієї ж таки методики у жовтні 2014 р. та порівняти отримані результати.

У дослідженні брали участь студенти 18–20 років, яким було запропоновано намалювати українця, росіянина, єврея та болгарина, відобразивши, по можливості, найбільш типові риси. Відповідно до методики, на підставі попереднього аналізу малюнків та описових характеристик етносу нами було виділено змістов-

¹ Гнатенко П. И. Этническая установка и этнические стереотипы / П. И. Гнатенко, В. И. Павленко. – Днепрпетровск: ДГУ, 1995. – 300 с.; Платонов Ю. П. Этническая психология / Ю. П. Платонов – СПб: Речь, 2001. – 338 с.; Налчаджян А. А. Этнопсихология / А. А. Налчаджян. – СПб: Питер, 2004. – 380 с.

² Белова О. В. Этнические стереотипы по данным языка и народной культуры славян: автореф. дис... докт. филолог. наук: спец. 10.02.03 «Славянские языки» / О. В. Белова. – М., 2006. – 48 с.

³ Журженко Т. “Чужа війна” чи “спільна Перемога”? Націоналізація пам'яті про Другу світову війну на україно-російському прикордонні / Т. Журженко // Україна модерна. – 2011. – № 18. – С. 100–126. — Режим доступу: http://uamoderna.com/images/archiv/18/6_UM_18_Doslidzennia_Zhurzhenko.pdf; Даниленко О. А. Язык конфликта в трансформирующемся обществе: от конструирования истории к формированию социокультурных идентичностей. — ЕГУ, 2007. – 403 с.

⁴ Иванова Т. В. Вказ. праця. – С. 71–82.

⁵ Тхоржевська Т. В. До питання про сформованість етнічних стереотипів / Т. В. Тхоржевська, Ю. Ю. Богуславська // Человек в истории и культуре. – Одесса-Терновка: Друк, 2007. – С. 347–357.

ні групи, які можна визначити як окремі складові етнічного стереотипу: людина, окремі елементи зовнішності; їжа; алкоголь; державно-політичні символи; культурно-побутові символи; праця; економічне життя суспільства; тварини, рослини; демонстрація сили; техніка; негативна символіка; інтелект. Тут представляємо динаміку уявлень стосовно образу “українець” та образу “росіянин”.

Уявлення українців про себе (автостереотип)

- Образ українця в малюнках 2007 р., як правило, представлений у вигляді людини: чоловіка, жінки, чоловіка й жінки, жінки й дитини. Чоловіки-українці здебільшого зображаються з вусами, оселедцем, шаблею, у шароварах, тобто відображують уявлення про козаків (91%). У декількох випадках зображена жінка-українка у міському одязі (в одному випадку доповненому вишиванкою) з косою навкруги голови (15%). У 2014 р. порівняно з 2007 р. зменшилася частка антропоморфних зображень (77%). Актуальними залишаються національний одяг — вишиванки, вуса, оселедець, шабля, шаровари. Зустрічаються й зображення у “міському” одязі, проте їхня кількість незначна. Поряд з цим є декілька малюнків, де зображено багатьох людей, які тримаються один за одного.

- Уявлення українців про себе (2007) пов'язано з продуктами харчування. Найчастіше зображуються сало (один з головних маркерів), домашній хліб, ковбаса, миски з борщем. Тричі зображено великий накритий стіл. У 2014 р. частка їжі загалом та сала зокрема значно зменшилась (з 25% до 11,8%). Так само зменшилась і частка зображень алкогольних напоїв (16,3% — 7,7%). Ставлення до позиції „алкоголь” є досить оригінальним у порівнянні з стереотипом росіянина: українці пов'язують алкоголь більшою мірою з росіянами, ніж з представниками свого етносу (16% — 19%).

- Державно-політичні символи у малюнках 2007 р. зустрічаються не часто (4,9%) Як правило, це зображення прапора або тризуба. Натомість у 2014 р. ця категорія значно збільшилась (20,3%). Поряд з прапором та тризубом зустрічаються зображення карти України.

- Зображення культурно-побутових символів лишається майже незмінним кількісно (73,2% — 72,8%). Варто зазначити, що крім традиційних оселедців, калини, булави, хати, фартухів, тина, козацького одягу, вінків зустрічаються гасла “Слава Україні”, зображення майдану Незалежності.

- Автостереотип (на відміну від уявлень про інші етноси) містить таку позицію як „тварини й рослини” — зображення калини, верби, верби, лісу, худоби, собак та котів (16,9% — 12,6%).

- Категорії “праця у побуті” (4,9% — 1,9%) та “економічне життя суспільства” (7,1% — 3,8%), що представлені у вигляді знарядь праці (паули, лопати, вози, господарчі приміщення) та мобільних телефонів, дещо зменшилися.

- Демонстрація сили за матеріалами дослідження 2007 р. майже відсутня (1,6%) в автостереотипі українця, аналогічна ситуація щодо категорій „техніка”

(1,6%) та негативна символіка (4,3%). У малюнках 2014 р. категорія “демонстрація сили” несподівано для дослідників значно збільшилася (16,5%).

- Показовим є те, що в уявленні „українців про українців” практично відсутня така категорія як інтелект (найчастіше вона зустрічається у стереотипі єврея).

Проведення експерименту з проєктивним малюнком дає підстави стверджувати, що етнічний автостереотип в студентської молоді лише частково співпадає з образом „Я”. Про це свідчать, на наш погляд, зображення козаків та атрибутивних елементів традиційної культури, з якими опитувані, звичайно, не стикаються у своєму повсякденному житті. Останні дослідження лише намічають тенденцію до зближення “я-образу” з національним.

Для порівняння зауважимо, що дослідження етносоціальних уявлень та ідентичності студентської молоді м. Києва дали підставу О. М. Васильченко говорити про те, що „образ „Я” є близьким до автостереотипу”, до образів типового українця та особливо типової українки¹.

Уявлення українців про росіян.

- Так само, як й у автостереотипі, серед зображень людини у 2007 р. зустрічаються чоловіки, жінки, разом чоловік та жінка. Одяг росіян принципово відрізняється від одягу українця: практично не зустрічається національний (або селянський) одяг у чоловіків. Росіяни зображені переважно у „цивільному”, міському одязі. Часто зустрічаються зображення жінок-росіянок у коштовному та модному одязі. Натомість, присутні зображення жінок у сарафанах та кокошниках. В малюнках 2014 р. в образі росіян так само зменшилася кількість антропоморфних зображень на користь символів. Ситуація з одягом кардинально змінюється: зростає частка зображень сарафанів та кокошників, з'являється чимало шапок-вушанок, ватників.

- Категорія “їжа та напої”, мало представлена порівняно з українцями навіть у 2007 р., ще більше зменшується на 2014 р. (7,1% — 1,9%). Малюнків алкоголю також поменшало (19,6% — 12,6%), хоча пляшка горілки в образі росіянина лишається досить поширеною.

- Державно-політична символіка представлена, навпаки, у більшому обсязі, ніж у автостереотипі (10,3%). Це в основному зображення радянської символіки — серпа та молота, червоного прапора, написи „СССР”, в одному випадку зображена будівля непевної конструкції з написом „хрема”. У 2014 р. кількість державно-політичних символів зростає (15,5%), поряд з радянською символікою присутній російський “триколог”.

- Культурно-побутові символи представлені зображенням берези, коси, іноді зустрічається кокошник, балалайка, гармошка, баня та віник; елементи праці

¹ Васильченко О. М. Етносоціальні уявлення в структурі «Я»-концепції університетської молоді: автореф. дис... канд. психол. наук: спец. 19.00.05/О. М. Васильченко. – К., 2003. – 19 с. – С. 9.

у побуті майже не зустрічаються. У 2014 р. їхня частка збільшилася (16,3% — 32%). Почастішали зображення ведмедів: за руку з людиною, замість людини, ведмідь в камуфляжі. Новим символом є георгіївська стрічка.

- Елементів природи — тварин та рослин у 2014 р. зображено дещо більше, ніж у 2007 р. (8,7% — 10,6%).

- Символи праці зовсім зникають (3,2% — 0%), так само як і символи техніки (6% — 0%); показники “економічного життя” зменшені, але не суттєво (7,1% — 6,7%). Проте їхнє забарвлення зазнало змін: замість зображених у 2007 р. автомобілів, мобільних телефонів, грошей головним символом у 2014 р. стає зображення газової труби.

- Категорія „демонстрація сили”, представлена зображеннями широких ланцюгів, зброї, палиці тощо, у 2007 р. зустрічалась у 22,9% малюнків. У 2014 р. — лише 8,7% (зменшення в два з половиною рази).

- Натомість значно збільшилася негативна символіка — з 8,1% до 24,2%.

В уявленні українців про росіян спостерігаємо збільшення “етнографічності” образу “типового росіянина”, позначене збільшенням культурно-побутових символів та зміною характерного одягу. Збільшення долі негативної символіки одночасно зі зменшенням рівня агресивності об’єкта в малюнках може розглядатися як зниження статусу колишнього “старшого брата” та перенесення порівняння “своїх та чужих” на реалістичний рівень.

Ми також спробували оцінити ставлення респондентів до українського та російського етносу за допомогою коефіцієнтів етнічної толерантності (на базі гетеростереотипа) та негативної самосвідомості (на базі автостереотипа), що були побудовані за загальноживаним принципом демографічних коефіцієнтів. В обох випадках за базовий фактор приймається частота використання у відповідних малюнках негативних та деструктивних елементів по відношенню до кількості таких малюнків в розрахунку на сто відсотків. Обидва коефіцієнти не залежать від абсолютної чисельності респондентів, тому маємо змогу провести співставлення рівня етнічної толерантності до двох обраних етносів та прослідкувати його динаміку в часі.

Розрахунки показують, що у 2007 році загальний коефіцієнт негативної самосвідомості українців складав 6%. Загальний коефіцієнт етнічної толерантності щодо росіян складав 8%. Таким чином, обидва коефіцієнти були доволі незначними та близькими один до одного за абсолютним значенням.

Новітні дослідження показують іншу картину. Загальний коефіцієнт негативної самосвідомості українців за даними 2014 року склав 0%, адже в малюнках образу українця не зафіксовано жодного негативного елементу. Натомість загальний коефіцієнт етнічної толерантності щодо росіян збільшився до 24%.

Етнічні стереотипи є найбільш об’єктивними у разі горизонтального порівняння зі статусно-рівною групою. У разі висхідного порівняння можуть фор-

муватися негативні автостереотипи, у разі низхідного — невинувато, перебільшено позитивні. Збільшення зображень державно-політичної символіки та десятикратне збільшення демонстрації сили в уявленні українців про українців може, на наш погляд, свідчити про зміну “кута порівняння” на горизонтальний, тобто про підвищення статусу свого етносу в уяві його представників, що певною мірою говорить про активізацію процесу утворення нації. Зменшення негативної символіки маркує суміщення “Я-образу” з образом типового українця, що також корелює з вказаною тенденцією.

*Kozlovskaya Svetlana Nikolaevna,
the candidate of psychological sciences,
the docent of the department of theory
and methodology of social work RGSU, Moscow
E-mail: SNK4246270@mail.ru*

*Starovojtova Larisa Ivanovna,
Doctor of Historical Sciences,
Professor of the department of theory
and methodology of social work RGSU, Moscow
E-mail: starovojtova@list.ru*

The quality of life of older people as a social problem

*Козловская Светлана Николаевна,
кандидат психологических наук, доцент кафедры теории
и методологии социальной работы ФГОБУ ВПО
Российский государственный социальный университет, г. Москва
E-mail: SNK4246270@mail.ru*

*Старовойтова Лариса Ивановна,
доктор исторических наук, профессор кафедры теории
и методологии социальной работы ФГОБУ ВПО
Российский государственный социальный университет, г. Москва
E-mail: starovojtova@list.ru*

Качество жизни пожилых людей как социальная проблема

Каждый пожилой человек проживает непростую жизнь (трудно представить человека, который дожил бы до 60 лет, не испытав ни страданий, ни стрессов). Однако в особенно тяжком положении находятся пожилые люди в современной

России, пережившие целый ряд глобальных социальных катаклизмов. Самое страшное для человека — пережить крах всех своих внутренних ценностей, потерять все то, на что ориентировался. Ценностно переориентироваться, то есть принять полностью ценности сегодняшнего мира, пожилые люди не могут. Таким образом, они представляют собой огромную армию социопатов.

Характер пожилого человека деформируется уже в силу старения. Эта деформация представляет собой достаточно сложный процесс (как человек жил, так он и стареет). С возрастом появляется профессиональная деформация характера, так называемая акцентуация определенных черт характера — мнительности, вспыльчивости, ранимости, тревожности, педантичности, обидчивости, эмоциональной лабильности, истеричности, замкнутости, истощаемое, придирчивости, несправедливых оценок своих поступков и поступков окружающих, реактивный регресс умственных способностей, стереотипно повторяющийся в «ранимых ситуациях», и т. п.

А если пожилому человеку пришлось еще похоронить родных и близких, в особенности своих детей или супруга, вряд ли его психика и характер могут остаться «нормальными». Особое место, безусловно, занимает проблема одинокой старости. Изменение в психике одиноких людей не укладывается ни в какие синдромы, по причине уникальности и полиморфности своей в каждом конкретном случае. И, тем не менее, ни «клинической», ни «геронтологической», ни «социальной» нормой состояние одиноких стариков назвать нельзя. Здесь, как нигде, требуется индивидуальный подход.

Чтобы понять, как строятся отношения в семьях с пожилыми и долгожителями, следует принять во внимание два основных момента: один — микро-социальный; другой — индивидуально-психологический, или, что почти одно и то же, медицинский. Первый фактор: пожилой человек уже в силу своего «статуса» (то есть независимо от семьи и ее характеристик) всегда находится в центре внимания всех членов семьи, то есть является ее «ядром» («крепким» или «мягким» — другой вопрос). Второй фактор: для пожилого, и тем более для долгожителя, «родной» — очень широкое понятие¹.

В старости Л. Н. Толстой говорил о себе: «Для меня нет уже конкретного человека. Как нет человека «вообще». Каждого я воспринимаю как близкий и родной мне тип человека, то есть по неким общим, но существенным именно для данного типа чертам. Поэтому все люди для меня или чужие, или родные: знакомых, дальних, близких и др. нет»². Воспринимая людей как «родные типы»,

¹ Александровский Ю. А. Пограничные психические расстройства. Учебное пособие 3-е изд., 2007. – С. 108.

² Толстой Л. О старости СПб, 1906. – С. 23.

пожилой человек тем самым легко строит с ними отношения (на выработанных с годами стереотипах общения), адаптируется к ним, включает их в свою эмоциональную память как родных. И именно поэтому пожилые люди, и особенно долгожители, не хотят и не могут вступать хотя бы в поверхностные эмоциональные отношения с другими людьми, которые для них «чужие» — уже по одному своему типологическому статусу. Есть и другая сторона этой проблемы: дожив до определенного возраста, родные становятся для пожилых людей «чужими», ибо на первый план выступают именно те «существенно общие» типологические черты, на которые только и ориентируется пожилой человек.

Пожилый человек и его семья — одна из актуальнейших проблем и нашего общества в целом, и социальной работы в частности. Появившиеся в нашей стране хосписы для долгожителей пока демонстрируют полнейшую беспомощность, поскольку, выражая хорошую идею, они требуют, во-первых, изрядных денег, а во-вторых, иной, чем на Западе, концепции. В европейских странах, за исключением Италии и Испании, давно сложилась традиция жить отдельно от родителей. Эта же традиция в США и Канаде. Другая ситуация в Израиле и России, где в основном родители чаще живут с одним из детей, то есть одной семьей. «Свой дом» — понятие чрезвычайно разное для европейца и для русского: для европейца — это дом, где родились его дети; для русского (точно так же, как для итальянца и испанца) — это дом, где родился он сам. Хоспис для европейца — нормальное переселение его родителей в нормальные (хорошо оплачиваемые) условия. Хоспис для нашего русского современника хуже дома для престарелых, ибо это промежуточный перед кладбищем этап.

Конечно, качество жизни пожилых людей зависит не только от психических особенностей различных групп престарелых граждан, но также, и в первую очередь, от социально-экономических (бытовых, материальных) условий, в которых прошла и проходит их жизнь.

Нередко пожилых людей в социально-стратификационном отношении рассматривают в связи с возрастной структурой общества. Такой подход не всегда бывает полноценным для решения различных социальных проблем в интересах данной категории граждан. Положение пожилого человека в социальной структуре российского общества следует рассматривать и в других видах социальной структуры, представляющей совокупность устойчивых социальных связей между различными сферами общества и между социальными институтами и организациями. Пожилые люди принимают участие в функционировании таких основных сфер общества, как экономическая, политическая, социальная и духовная. Они также участвуют в функционировании социальных институтов и организаций. Пожилой человек включен в социальную структуру как устойчивую связь социальных статусов и ролей. Однако его социальные статусы и роли

изменяются, происходит трансформация его взаимоотношений с обществом, образа жизни.

В соответствии с этой моделью, при работе с пожилыми людьми, социальный работник должен исходить из самооценности индивидуального мира жизни клиента, признания его способностей многое решать самостоятельно, опираясь на личный духовный и практический опыт. Процесс оказания помощи в рамках таких оснований ведения социальной работы включает в себя: 1) обретение смысла существования, которое дает пожилому человеку ощущение, что его дела идут хорошо, жизнь изменяется по пути прогрессивного развития. При этом необязательно заниматься постоянно самоизучением; 2) центрирование, акцентировка проблем, когда социальные работники показывают клиентам, что они готовы заняться их делами, доказывая это практически, начиная знакомиться с проблемами каждого из нуждающихся; 3) действие, когда социальный работник демонстрирует деятельную открытость, мобильность, а пожилой человек видит, что поддержание безопасности, ее ощущение не всегда необходимо. Нужно просто заниматься делом, актуальным для жизни каждого из нас. Так как активный образ жизни и участие в общественной деятельности помогают пожилому человеку сохранить и реализовать себя как личность. Существенно важно и то, что у социального работника в данной ситуации не должно быть жестко заданной модели, каким следует быть клиенту или обществу, среде, которая его окружает, а, следовательно, нет диагнозов или прогнозов, основанных на этих идеальных представлениях. Цель же работы социального работника видится в том, чтобы воодушевить клиента, понять реальные возможности его жизни, активно включиться в их реализацию.

Наконец, гуманистической модели обоснования социальной работы чужд подход, когда требуется навязывать кому-то определенную модель, стандарт действия. В этом смысле социальный работник, опирающийся на рассматриваемые модели социальной работы, свободен в выборе форм и средств воздействия на клиента, сотрудничества с ним. Эта целостность обеспечивается декларацией веры в человека как высшую ценность, высшее существо, способное воспринимать и конструировать мир, принимать решения и формировать свои жизненные стратегии, изменяться под влиянием обстоятельств.

Приоритетное направление социальной работы с пожилыми — организация среды их обитания таким образом, чтобы у пожилого человека всегда был выбор способов взаимодействия с этой средой. Свобода выбора порождает ощущение защищенности, уверенности в завтрашнем дне, ответственности за свою и чужую жизнь. Прекрасным примером удачного создания окружающего пространства для стареющих людей являются пешеходные зоны в центрах городов — не только потому, что люди должны пройти пешком выбранный маршрут, но и потому, что, находясь в пешеходной зоне, они иначе воспринимают окружающее про-

странство. Пешеход получает возможность не только наблюдать себе подобных людей, но и концентрировать свое внимание на архитектуре зданий, сопоставлять атмосферу центра города с его атмосферой в целом.

В городах России очень мало мест, где можно просто посидеть (речь идет не о ресторанах и кафе, хотя и их в расчете на возможности пожилых людей крайне мало). Места, где пожилой человек мог бы просто посидеть, желательно многовариантные, должны быть не только в тихих уголках города. Некоторые избегают многолюдных городских улиц и площадей, но есть и такие, для которых пребывание в толпе спешащих куда-то людей усиливает ощущение жизни, дает дополнительный эмоциональный заряд¹.

Другими стимулирующими элементами городского пространства являются его малая архитектура, деревья, ручьи или речки, создающие впечатление «дружественности уголков», укрепляющие чувство безопасности.

Парадокс заключается в том, что чем больше мы стараемся помочь стареющим людям, тем меньше вероятность получения ими эффективной, профессиональной помощи, ибо страстное желание помочь означает, в конечном счете, взятие на себя ответственности за решение проблем пожилого человека, за его судьбу. Это форма эгоцентризма, недопустимая с профессиональной точки зрения. Пожилой человек, даже являясь клиентом социальной службы, — субъект, т. е. лицо, принимающее решение.

Важную роль в решении подобного рода задач в настоящее время играют группы самопомощи. Самостоятельное объединение социально нуждающихся существовало в России издавна. «Склонность людей к взаимной помощи имеет такое отдаленное происхождение, — писал П. Кропоткин, — и она так переплетена со всею прошлою эволюцией человеческого рода, что люди сохранили ее вплоть до настоящего времени, несмотря на все превратности истории»².

Группы самопомощи — это небольшие, привязанные к определенному месту группы, члены которых, имея общие проблемы (потребности, которые они сообща решают), помогают друг другу. Такие группы, как свидетельствует практика, состоят из 5–7 человек, живущих поблизости и имеющих периодические контакты. Эти группы иногда возникают спонтанно, но чаще их организует один из наиболее активных будущих ее членов или (реже) социальный работник, оказывающий им бытовую помощь. Каждый участник такой группы не только принимает, но и осуществляет помощь, актуализируя и развивая для этого собственные ресурсы. Цель работы в группе — смягчение влияния негативных явлений,

¹ Архитектурная среда обитания инвалидов и престарелых/Под ред. В. К. Степанова. М.: Стройиздат, 2009. – С. 90.

² Кропоткин П. Взаимная помощь как фактор эволюции. Т. 7. – СПб. 2007. – С. 227.

а не полное их преодоление (что невозможно), поддержка человека, а не формирование нового стиля жизни, постепенное научение позитивным жизненным навыкам, а не полное отрицание прошлых норм жизни.

На первый взгляд группы самопомощи аналогичны терапевтическим группам. Но при более подробном анализе их деятельности становится очевидным, что для групп самопомощи характерны самоуправление, а не управление со стороны профессионального работника, а также самопомощь.

Итак, человек ищет новые формы помощи, ибо государственная помощь нередко не совсем своевременна, неэффективна; к тому же, как говорят, «сытый голодного не разумеет». В группах самопомощи нет иерархической структуры, ее членам обеспечивается максимальное участие в жизни группы, которую они покидают, когда хотят.

По мнению специалистов Дании, группы такого рода «антипрофессиональны», дают своим членам костыль и изолируют их от общества», их помощь недостаточна, эффективность их деятельности не документирована, носит эксклюзивный характер, излишне авторитарна, в группах не соблюдается договор о неразглашении и др.

Опыт такого рода групп в России настолько мал, что серьезная экспертиза пока невозможна. Группы самопомощи нуждаются в специальной поддержке социальных работников, работающих в органах самоуправления.

Сегодня широко распространено мнение, что «эйджизм» глубоко укоренился в современном обществе. Стремление изолировать престарелых в значительной степени обусловлено современным культом молодости, здоровья, физической силы, усилено пропагандируемыми СМИ. Частично проблема проявляется и в том, что для описания пожилых людей используется термин «старый», противоположный «новому», так же как и «молодому», исходя из этого, необходимо говорить об активизации пожилых людей¹.

Приверженцы принципа активизации подчеркивают важное значение независимости и необходимости в большей мере стремиться к достижению её пожилыми людьми. Не менее существенно и то, что эти идеалы вполне совместимы с реальной необходимостью поддержки некоторых из них, уязвимых по причинам физической или умственной недееспособности или просто старческой немощности².

Пожилые люди имеют право на полноценную жизнь. И это возможно лишь в том случае, если они сами принимают деятельное участие в решении вопросов, их непосредственно касающихся.

¹ Щукина Н. Б. Новый взгляд на проблемы самоорганизации и взаимопомощи пожилых людей: Социально-технологический институт, 2009. – С. 105.

² Там же. – С. 108.

Список литературы:

1. Александровский Ю. А. Пограничные психические расстройства. Учебное пособие 3-е изд., 2007. – С. 108.
2. Архитектурная среда обитания инвалидов и престарелых/Под ред. В. К. Степанова. М.: Стройиздат, 2009. – С. 90.
3. Кропоткин П. Взаимная помощь как фактор эволюции. Т. 7. – СПб. 2007. – С. 227.
4. Старовойтова Л. И. Система социальной защиты с современный период. Новый университет. Серия: Актуальные проблемы гуманитарных и общественных наук. 2011. № 2 (2). С. 10–17.
5. Толстой Л. О старости СПб, 1906. – С. 23.
6. Шукина Н. Б. Новый взгляд на проблемы самоорганизации и взаимопомощи пожилых людей: Социально-технологический институт, 2009. – С. 105, 108.

Section 2. Journalism

*Yakimenko Alla Alexandrovna,
Nizhny Novgorod State Linguistic University,
associate professor the Faculty of Translation
E-mail: kroshkadorrit@mail.ru*

Columnistic as a form of copyright journalism in a modern Russian periodicals

*Якименко Алла Александровна,
Нижегородский Государственный лингвистический университет
доцент, переводческий факультет
E-mail: kroshkadorrit@mail.ru*

Колумнистика как форма авторской журналистики в современной российской печатной периодике

«Вершиной русской журналистики является колумнист. Колумнист в России — больше, чем колумнист. Русский колумнист — это такая огромная душа на ножках, которая два-три раза в неделю вбирает всю боль нации и изливает ее в 500–800 словах. Предтечей русского колумниста историки считают плакальщицу, которая вместе со своими товарками окружает свежий гроб и громко воет. Чем более впечатляют родственников интонация и децибелы, тем выше ценится крепкий профессионал»¹. Такую характеристику дала журналистка Татьяна Коэн работе отечественных колумнистов в Интернет-журнале «Метрополь». Однако прежде чем подтвердить данную цитату и продемонстрировать на конкретных примерах, как создаются качественные тексты в рамках авторской журналистики, необходимо дать четкое определение базисному понятию колонки.

В журналистской практике в настоящее время колонку определяют с трех различных позиций. Прежде всего, под колонкой подразумевают особым образом оформленный столбец на газетной полосе, являющийся существенным приемом

¹ Коэн Т. Как писать колонки. Интернет-журнал «Метрополь». 15 октября 2014 г. <http://mtrpl.ru/columns>

выделения материала при решении конкретных тактических задач издания — подборка информационных материалов, статистические сведения, цитаты, опросы и т. п. Также в теории журналистики можно встретить определение колонки как особого жанра, окончательно не сформированного, который призван актуализировать мысли и личные переживания автора текста по отдельно взятой проблеме посредством высказывания субъективной точки зрения. Однако есть и иная позиция среди теоретиков журналистики и пишущих журналистов, детерминирующая колонку в качестве особого метода сбора информации и ее подачи. Такие расхождения происходят из-за процесса гибридизации жанров, в ходе которого крайне трудно выделить ту или иную группу жанрообразующих признаков, а, соответственно, и жанр. Жанры не умирают, а гармонично вступают в симбиоз, взаимодополняя друг друга таким образом, что даже опытные исследователи не всегда могут определить конкретно, к какому жанру можно отнести тот или иной журналистский материал. Поэтому наряду с классической жанровой сеткой существуют новые классификации, отмечающие синкретизм журналистских жанров и их способность к диффузии. К таким классификациям можно отнести исследования профессором Пронина, Кройчика и Тertyчного.

Если говорить о колумнистике, следует учитывать тот факт, что, вплоть до настоящего момента она находится в процессе постоянной трансформации.

На страницах отечественных СМИ колонка появляется лишь в начале 90-х годов двадцатого столетия, в то время как на Западе колумнистика существует уже давно, являясь чрезвычайно популярной среди аудитории, желающей получить независимое мнение частного авторитетного журналиста. Рассматривая вопрос о жанре колонки в западной журналистике, в первую очередь, стоит говорить о совершенно иной жанровой классификации, которую используют в Европе и США. Для англосаксонской модели журналистики жанр — это тип художественной формы литературного произведения, характеризующийся общностью структурно-композиционных и стилистических признаков, специфичных именно для него¹.

Стоит отметить, что на Западе теория журналистики в принципе разработана слабо. Над теорией превалирует практический подход, и самой жанровой классификации как предмета теоретического изучения не существует. В западных словарях даются следующие определения жанра:

группа художественных произведений, объединенных общим стилем, формой или содержанием²;

¹ Glossary of Media Terminology. Brianair. <http://brianair.wordpress.com/film-theory/glossary-of-media-terminology/>

² Genre. – WordNet 2.0, Princeton University, 2003 – «G». <http://dictionary.reference.com/search?q=00-database-info&db=wn/>

тип литературного или художественного произведения; стиль авторского самовыражения¹.

Из данных определений видно, что само понятие жанра трактуется иначе, чем это принято в российской теории журналистики. Если отечественные исследователи пытаются анализировать природу жанра, то их западные коллеги просто объединяют журналистские продукты в весьма условные группы для удобства практиков. Вместе с тем американские журналисты значительно больше внимания, чем их европейские коллеги, уделяют не форме, а содержанию материалов.

Третьим значением термина «колонка» является авторская рубрика, первоочередной задачей которой является закрепить интерес определенного сегмента целевой аудитории за автором как носителем эксклюзивной концепции. Именно последнее определение используется в качестве базисного в данной работе, так как представляется наиболее точным в раскрытии сути понятия «колонка». Исходя из определения колонки как авторской рубрики, можно сделать вывод о том, что ее стратегическая задача — вывести вперед имя автора, его особенное видение проблемы, стиль, логические схемы и т. д. Таким образом, колонка становится своеобразной визитной карточкой не издания, а, в первую очередь, журналиста.

Если попытаться обобщить свойства различных текстов, публикуемых под рубрикой «колонка», становится очевидным, что часть из них обладает совершенно определенными признаками, общими для всей группы и в то же время нехарактерными для других известных жанров:

Предмет колонки — личное отношение журналиста и его мысли по частному поводу.

«Колонка — это жанр, когда человек рассказывает о том, что его беспокоит»². Таким образом футбольный комментатор и колумнист нескольких спортивных изданий Василий Уткин определяет понятие колонки. Хотя Уткин не относится к теоретикам журналистики, в своей попытке дать образное представление колонке ему удается передать смысловой стержень данного понятия — эмоциональную вовлеченность журналиста в тему, которую он освещает.

Информационным поводом к созданию колонки может быть как единичный факт или событие, явление общественной жизни или судьба частного человека. Первоочередным, однако, в колумнистике является не сам информационный повод, а то, каким образом его осмысливает колумнист, какие чувства и мысли высказывает по этому поводу. Таким образом, предметом исследования в колонке

¹ Genre. – The American Heritage Dictionary of the English Language, Fourth Edition – «G». <http://dictionary.reference.com/search?q=genre/>

² Уткин В. Играть по счету или платить? Заинтересованный взгляд на телевизионное будущее российского футбола/В. Уткин//Советский спорт. – 17 января 2009. – № 6(17722)

опосредованно является сам субъект высказывания, ход его рассуждений, его мыслительный процесс.

Целевая установка — демонстрация точки зрения субъекта социальной практики в связи с возникшей ситуацией с целью обратить внимание аудитории не только на саму ситуацию, но и на характер ее оценки.

Обязательным компонентом колонки выступает авторское «я». Именно личность колуниста, а не факт, который берется за основу, — основное смысловое ядро данного жанра. Колонку ведет, как правило, человек, чье мнение является авторитетным. При этом совсем необязательно, чтобы автор был профессиональным журналистом. Это может быть любой известный писатель, политик или специалист, в чьей компетенции лежит рассматриваемая проблема. Первостепенным в колунистике является эксклюзивность или авторского стиля, выражающегося в выборе особых стилистических средств языка, или оригинальности интерпретации фактов.

Методика подготовки материала — образный анализ, колунисты прибегают к самым разнообразным приемам, включая в свои материалы элементы заметки, эссе, фельетона, дневниковой записи и т. д. Если говорить о самой необычной форме колунистики, можно привести в пример известного журналиста, сценариста, писателя и поэта Дмитрия Львовича Быкова, который оформляет свои журналистские материалы в виде стихотворных памфлетов и фельетонов («Новая газета»). Необычные стилистические приемы, введение в текст в большой пропорции авторского «я» способствует усилению эффекта интимизации, что вызывает у реципиента ощущение эмоциональной вовлеченности в рассматриваемую проблему.

Чтобы написать качественную колонку, нужно помнить следующие правила, которые помогут создать не дилетантский текст, который больше будет походить на личный дневник или блог, а по-настоящему профессиональный интересный журналистский продукт. Роберт Л. Хот, колунист из Оклахомы, советует следовать правилам четырех «S». По его мнению, успешная колонка должна быть короткой, простой, звучной и безупречной с точки зрения языка (“short, simple, sing, sound”). Изучив работу Дэна Гилмора и статьи Роберта Хота, можно вывести следующие ключевые правила, которые помогут создать качественную колонку¹:

Писать убежденно и сильно

Колонка требует того, чтобы журналист четко осознавал правильность своего мнения. Сила убеждения автора должна быть очевидна реципиенту при прочтении колонки. Авторская журналистика не позволяет размыто писать о том, что

¹ Gillmore Den. We the Media. Robert Haught. Ten Tips for better column and article writing. <http://billybuc.hubpages.com/hub/Ten-Tips-For-Better-Column-and-Article-Writing>

ты думаешь. Если колумнист недостаточно уверен в том, что он пишет и не подкрепляет свое мнение убедительными аргументами, читатель никогда не заинтересуется таким материалом;

Оставаться в фокусе

Материал, который готовит журналист, должен описывать только одну тему. Чем больше автор уходит в размышления о нескольких проблемах одновременно, тем более размытым и неубедительным получается текст. Он становится больше похож на симулякр. В том случае, если автор старается придерживаться одной темы, он раскрывает ее более полно, что производит сильное впечатление при прочтении;

Помнить о наличии противоположной точки зрения на рассматриваемую проблему

Для того, чтобы убедить реципиента в своей точке зрения, нельзя забывать о том, что всегда существует ей противоположная. Необходимо предвосхищать то, что, возможно, будет высказано в качестве контраргументов на субъективную интерпретацию явления или события. Во время написания журналист должен отвечать мысленно на подобные возражения до того, как они будут высказаны. Другими словами, колумнист всегда идет на опережение, в противном случае, его текст будет выглядеть неубедительным и невыразительным;

Апеллировать к фактам

Безусловно, лишь небольшой процент читательской аудитории любит бесконечные перечисления фактов и статистических данных. Однако если мнение совсем не будет подкреплено фактами, такая статья будет воспринята не более чем дилетантское мнение. Конечно, не следует слишком перегружать материал цифрами или статистикой, но наличие нескольких ярких примеров, органично дополняющих позицию, сделают материал более выигрышным;

Использовать простые аналогии

Во все времена читатели лучше понимали то, о чем ему хочет сказать писатель, при условии наличия примеров из реальной жизни. Особенно это касается материалов на сложные экономические, политические или научные темы. Поэтому использование простых аналогий так важно для любого авторского текста. Именно они позволяют сделать текст более доходчивым, приближенным к простому обывателю;

Приводить в пример реальных людей

Текст, в котором не названо ни одного знакомого всем имени, или текст, где не названо ни одного человека, ничего не значат для среднестатистического читателя. Уровень абстрактных размышлений совсем не подходит авторской журналистике. Назвав какую-нибудь публичную фигуру, текст однозначно станет более интересным реципиенту. Даже если материал несет в себе критическую оценку,

не стоит бояться ставить имена людей. Главное в таком случае не быть слишком критичным, иначе возникает опасность возникновения слишком агрессивного тона и слепой одержимости собственной правотой;

Стать репортером

Чем больше исследований по рассматриваемой проблеме будет проведено, тем больше знаний будет в арсенале журналиста. Чем больше таких знаний, тем выше шанс получить доверие целевой аудитории. Например, можно провести интервью с экспертами, в чьей компетенции лежит рассматриваемый в статье вопрос, посетить архивы, поискать информацию на различных электронных ресурсах, проверяя достоверность фактов. Вся собранная информация поможет грамотно сформулировать личную позицию и подкрепить ее весомыми аргументами;

Персонифицировать текст

Чем больше журналист использует примеров из личной жизни, описывая какой-нибудь факт в общем и целом, тем сильнее данный материал запомнится реципиенту. Психология человека заключается в том, что ему всегда будет интересно узнать что-нибудь личное о своем собеседнике. При чтении колонки читатель стремится получить представление не только о проблеме, но и о самом авторе. Поэтому крайне важно включать в материал отсылки к личному опыту;

Проявить пассионарность

Обычно люди не любят выслушивать точку зрения, высказанную без особых эмоций. Задача журналиста — удивить читателя, вдохновить его на дальнейшие размышления или даже действия. Для колумниста текст — это арена, где он должен быть оратором, а не ретранслятором позиции нейтралитета. Эмоциональность демонстрирует неподдельную заинтересованность автора в раскрытии проблемы. Если тема не интересна самому колумнисту, она никогда не станет интересна его аудитории;

Подводить итоги

Текст, который выявляет проблемы, критикует, полемизирует, но не подводит никаких итогов, бесполезен. Читатели обращаются к колумнисту, потому что хотят получить не только его личную оценку проблеме, но и выяснить, как можно эту самую проблему решить. Если колумнист их не предоставляет, такой материал не возымеет должного эффекта. Более того, необходимо помнить о грамотном завершении своей колонки. В самом конце читатель должен в полной мере уяснить, каким образом частный факт соотносится с чем-то более глобальным.

Таким образом, жанровыми признаками авторской журналистики является наличие четкой позиции автора, его пассионарность, а также актуальность, злободневность рассматриваемой проблемы, оригинальность языка и трактовки рассматриваемой темы посредством приведения новых фактов или же анализ уже известных фактов под новым углом. Более того, объем самого текста не должен

быть слишком большим. Нормой для текста, написанного в рамках авторской журналистики, считается 5–6 абзацев. Написание колонки требует особой подготовки и навыков от журналиста. Колумнист должен обладать не только умением грамотно излагать свои мысли, выстраивать логические связи, последовательно приводить аргументацию, но и обладать широким кругозором для того, чтобы обогащать текст многочисленными примерами, аллюзиями, аналогиями из повседневной жизни. Кроме того, журналист, работающий в рамках колумнистики, должен уметь лаконично и в то же время максимально информативно излагать свои мысли, стараясь фокусироваться только на одной проблеме.

Список литературы:

1. Коэн Т. Как писать колонки. Интернет-журнал «Метрополь». 15 октября 2014 г. <http://mtrpl.ru/columns>
2. Уткин В. Играть по счету или платить? Заинтересованный взгляд на телевизионное будущее российского футбола/В. Уткин//Советский спорт. – 17 января 2009. – № 6 (17722)
3. Genre. – The American Heritage Dictionary of the English Language, Fourth Edition – «G».- <http://dictionary.reference.com/search?q=genre/>
4. Genre. – WordNet 2.0, Princeton University, 2003 – «G».- <http://dictionary.reference.com/search?q=00-database-info&db=wn/>
5. Gillmore Den. We the Media. Robert Haught. Ten Tips for better column and article writing. <http://billybuc.hubpages.com/hub/Ten-Tips-For-Better-Column-and-Article-Writing>
6. Glossary of Media Terminology. Brianair. <http://brianair.wordpress.com/film-theory/glossary-of-media-terminology/>

Section 3.

Study of art and cultural studies

*Gorlina Inna Grigorievna
Tashkent State Higher School of National Dance and Choreography,
professor, Republic of Uzbekistan, Tashkent
E-mail: Inna-GM-18@mail.ru*

Pushkin images in ballet art

*Горлина Инна Григорьевна
Ташкентская Государственная Высшая школа
национального танца и хореографии, профессор
Республика Узбекистан, Ташкент
E-mail: Inna-GM-18@mail.ru*

Пушкинские образы в балетном искусстве

Блистательна, полувоздушна,
Смычку волшебному послушна,
Толпою нимф окружена,
Стоит Истомина; она
Одной ногой касаясь пола,
Другою медленно кружит,
И вдруг прыжок, и вдруг летит,
Летит, как пух от уст Эола;
То стан совьёт, то разовьёт
И быстрой ножкой ножку бьёт.

Поэтическая культура Пушкина не раз привлекала внимание балетмейстеров, мастеров танца. Невозможно назвать другого автора, кроме Пушкина, по произведениям которого было поставлено столько балетных спектаклей.

Балет — это вид музыкально-театрального искусства, содержание которого выражается в хореографических образах. Балет обладает неограниченными возможностями образного отражения действительности и в лучших проявлениях он всегда воспекает прекрасное в человеке, призывает к совершенству, воспитывает благородные и добрые чувства, утверждает гуманистические идеи.

Балет — это драма, написанная музыкой и воплощенная в хореографии. Объединяя разные искусства, балет обнаруживает родство с ними. В лучших образцах балетного искусства драматургия и музыка находятся в гармоническом равновесии, и хореография является воплощением их единства. Сценическое воплощение музыкальной драматургии балета состоит прежде всего в создании хореографического действия, раскрывающего, а нередко и обогащающего содержание музыкальных образов. Основой хореографического действия является танец. Танец не дублирует развитие сюжета и музыки, а несёт своё собственное пластическое содержание, сливающееся с ними в образное единство.

Что же роднит Пушкина и балетный театр?

Во-первых, — поэзия Пушкина. Танец — это «немая поэзия». Природа хореографии — насквозь поэтическая, она связана с устремленностью к преображению действительности.

Во-вторых, — музыка стиха Пушкина. А танец это — «зримая музыка». Музыка же является основой для хореографии, основой хореографического замысла. Ещё со времен новерровских реформ начала постепенно выявляться и укрепляться тенденция сближения эстетической природы хореографии и музыки. Музыка приобретала всё большее значение в балетном спектакле и оказывала порою решающее влияние на характер и эстетическое содержание хореографического образа.

Балетный театр действительно раньше драматического начал освобождаться от суровых правил классицизма, тяготеть к естественности чувств и свободному их проявлению. Поэтические отклики А. С. Пушкина на искусство современного ему балетмейстера Ш. Дидло и известных русских балерин того времени — А. Истоминой, Е. Телешевой, Е. Колосовой, свидетельствуют о его большом интересе к искусству балета, понимании главных особенностей русского танца, в котором виртуозная техника сочетается с одухотворённостью и глубиной чувств. Одной только строчкой в своем романе «Евгений Онегин» он увековечил Дидло: «Там и Дидло венчался славой, ...»

Воспевая балерину Истому, Пушкин изобразил её танец чрезвычайно конкретно, с реалистической точностью деталей, его можно станцевать. Стихотворный портрет балерины, нарисованный в I главе «Евгения Онегина» содержит в себе указания на характер танца и на сочетание в её танце музыкальности («смычку волшебному послушна») с кантиленой плавностью движений («летит, как пух от уст Эола»). Поэтические фразы: «одной ногой касаясь пола, другою медленно кружит» — наглядно воспроизводят танцевальные движения — *rond de jambe en l'air* или «то стан совьёт, то разовьёт»- это может быть *port de bras* или *renversee*, «и быстрой ножкой ножку бьёт»- это *battement batti*. Пушкин не знал названий танца, но он настолько точно и ярко их описал стихами, что для практиков и теоретиков балета, это — настоящий клад сведений, который по-

зволяет судить о высоком уровне развития выразительных средств хореографии той эпохи.

Всё это ещё раз подтверждает, что Пушкин «ходил в балет», знал, понимал, любил балет. Как он прекрасно понял предназначение русской хореографии:

«Узрю ли русской Терпсихоры,
Душой исполненный полёт?»¹

Так, в дальнейшем для русского балета, для русской школы балета отличительной чертой, характеристикой стала **одухотворенность**.

Первым из балетмейстеров обратился к Пушкину, к образам русской поэзии, **Адам Глушковский** — ученик первого русского балетмейстера Ивана Вальберха и французского балетмейстера Шарля Дидло. Глушковский проявил себя, как 1-й теоретик и историк русского балета, а также подготовил московскую балетную труппу к созданию романтического репертуара.

В 1-й трети XIX в. балетное искусство достигло творческой зрелости, сложилось как национальная школа, для которой стали характерными искренность, правдивость, глубокая содержательность, виртуозная техника танца.

Началом романтической балетной пушкинианы явилась постановка А. Глушковским балета «Руслан и Людмила, или Низвержение Черномора, злого волшебника», музыка Щольца, в 1821 г. Обращение балетмейстера Глушковского к Пушкину, создание свободолобивых образов поэзии русского романтизма, развитие на русской национальной почве эстетического опыта Дидло, воспитание и подготовка молодых кадров всё это имело прогрессивное значение для балетного театра той эпохи.

Вторым балетом на сюжет Пушкина был «Кавказский пленник, или Тень невесты», поставленный Ш. Дидло в Петербурге, в Большом Каменном театре в 1823 г. Композитор - К.А Кавос. Дидло увлекла поэма Пушкина, особенно образ Черкешенки с её самоотверженной любовью. Остальное подверглось коренному изменению. Действие перенесли в неопределенные «древние времена», сюжет утратил трагическую развязку. Для творчества Дидло этого периода характерно было то, что образность в его балетах приобретала психологическую углубленность и драматизм. От исполнителей требовалась глубокая и разнообразная мимическая выразительность. Роль Черкешенки исполняла А. Истомина, эта роль стала вершиной её обширного репертуара.

В 1831 г. в Москве Глушковский осуществил постановку одноактного балета на пушкинскую тему «Черная шаль, или Наказанная неверность». Здесь были турецкие, сербские, молдавские, арабские, валахские и цыганские пляски. Была попытка балетмейстера очеловечить танцевальные образы, внести в них живые земные страсти и, если не историческую, то национальную конкретность.

¹ Пушкин А. С. Евгений Онегин. Собр. соч.: в 10 т. – М.: Наука, 1964, т. 5 – 738 с.

И в дальнейшем были обращения к пушкинским произведениям: «Бахчисарайский фонтан», 1854 г., Е. Андреевна; «Золотая рыбка», 1867 г., А. Сен-Леон; «Волшебное зеркало», 1903 г., М. Петипа; «Египетские ночи» (Клеопатра), 1908 г., М. Фокин; «Золотой петушок» (опера-балет), 1914 г., М. Фокин; танцы в операх — «Руслан и Людмила», 1917 г. М. Фокин и «Сказка о царе Салтане», 1929 г. Б. Нижинская. Но проблема балетной интерпретации Пушкина не была решена в русском хореографическом театре той поры, так как для успешного её утверждения, ещё не было реальных предпосылок.

Началом современной хореографической «пушкинианы» явилась постановка Р. Захаровым балета «Бахчисарайский фонтан» в 1934 г. на сцене театра им. Кирова в Ленинграде. Композитор Б. Асафьев, либреттист Н. Волков. «Пушкин через сто лет после своей смерти, оказал сильнейшее влияние на судьбу современного балета и на формирование самой профессии балетмейстера. Такова неумирающая сила гения»¹, — писал Захаров.

«Бахчисарайский фонтан» стал подлинным событием театральной культуры. Прежде всего, он знаменовал утверждение большой позитивной идеи, выраженной средствами балетного театра. Тезис Белинского, раскрывающий содержание пушкинской поэмы — «... перерождение (если не просветление) дикой души через высокое чувство любви. Мысль великая и глубокая!»² — был положен в основу хореографического замысла. Это открывало балетному театру путь к глубокой философски-значимой проблематике.

Проблема режиссуры, поставленная в балетном театре Р. Захаровым в «Бахчисарайском фонтане», сама по себе была тем ключом, без которого в художественной практике балета немислимо было бы осмысленное и убедительно сценическое прочтение Пушкина.

Другой существенной чертой принципиального значения была утверждаемая в спектакле, система образной трактовки танца. Это преобразовывало смысловую устремленность танца, не отрываемого в то же время балетмейстером от основных корней хореографической классики.

Надо отметить, что музыкально-хореографическое повествование дано через призму эпохи Пушкина, Глинки и Мицкевича. Оно обращено в своеобразную «Пушкиниану», расширяющую рамки сюжета.

Первыми исполнителями были: Мария — Г. Уланова, Зарема — О. Иордан, Гирей — М. Дудко, Вацлав — К. Сергеев. Г. Уланова писала в своей статье «Школа балерины» о работе над образом Марии: «Постановщик Р. В. Захаров и мы, исполнители, в работе над “Бахчисарайским фонтаном” старались найти правду

¹ Захаров Р. В. «Записки балетмейстера». — М.: Искусство, 1976. — 351 с.

² Белинский В. Г. Собр. соч.: в 3 томах. — М., 1948, т. 3 — 927 с.

человеческих отношений, без которой немислимо раскрытие пушкинского замысла, невозможно воссоздание чудесных образов поэта. ...

Я люблю свою партию в “Бахчисарайском фонтане” за то, что поэзия Пушкина нашла свое выражение в музыке и танце, создавших тонкий и волнующий спектакль»¹.

А вот как отзывался в своей статье выдающийся музыкальный и театралный критик И. И. Соллертинский: «главное положительное качество («Бахчисарайского фонтана»- И. Г.) в том, что он воскрешает традицию «действенных балетов», идущую от прославленного реформатора хореографии XVIII в. Новера — К Фокину. Поэтому и от артистов балета в «Бахчисарайском фонтане» требуется не изощренная техника антраша и пируэтов, но предельная сценическая выразительность. ... А Захаров как раз успешно справляется с самым трудным — с компоновкой танцевальной драмы: танец у него всегда «в образе» ... Мария, Вацлав, Зарема — это не просто балетные «партии», но настоящие танцевальные образы ... В «Бахчисарайском фонтане» есть серьезная балетмейстерская мысль, есть тяготеющее к катастрофе живое драматическое действие, есть подлинные танцевальные образы»².

Балет Р. Захарова «Бахчисарайский фонтан» оказался не только первым, по-настоящему, пушкинским балетом в истории мировой хореографии, но и подлинно новаторским. Именно Пушкин и его творчество дали балетному театру действенные стимулы и сюжетно-образный материал для осуществления этого.

Хореографическую «пушкиниану» составили в первую очередь балеты Захарова — «Бахчисарайский фонтан», «Кавказский пленник», «Барышня-крестьянка» на музыку Б. Асафьева и «Медный всадник» на музыки Р. Глиэра. В этих балетах прослеживалось настойчивое стремление авторов открыть новые, сильные, выразительные средства для пластического воплощения общих всякому большому искусству тем и образов всечеловеческой значимости.

В заключении, хочется отметить следующее, что от соприкосновения с гениальными произведениями А. С. Пушкина балетное искусство получило:

предназначение русской хореографии; большие, глубокие темы; идейную значительность и психологическую глубину в создании хореографических образов; интерес и обращение к русской литературе (Пушкину) западноевропейского балетного театра: «Пиковая дама» — С. Лифарь, Р. Пти, «Онегин» — Дж. Кранко); жанровое многообразие.

Пушкинское творчество повлияло на формирование эстетических принципов балетного театра: создание единой музыкально-хореографической драма-

¹ Уланова Г. С. Школа балерины. // Новый мир. — 1954. — № 3.

² Соллертинский И. И. Статьи о балете. — Л.: Музыка, 1973. — 208 с.

тургии; качественно новую черту балетного театра: углубление национальной, исторической и социальной достоверности образов и событий; наполнение классического танца образным содержанием; обновление балетного исполнительского искусства; усиление роли режиссуры в балете.

К Пушкинскому наследию обращаются и современные балетмейстеры, находя в нем творческие импульсы для развития и совершенствования: балет «Капитанская дочка» на музыку Т. Хренникова поставлен на сцене Омского музыкального театра (1999 г.) и на сцене Кремлевского театра в Москве (2000 г.). Прекрасным подарком к 215 — летию со дня рождения А. С. Пушкина является постановка известным хореографом Джоном Ноймайером балета «Татьяна» по роману в стихах «Евгений Онегин» на сцене Музыкального театра им. Станиславского и Немировича — Данченко в Москве.

Это служит еще одним подтверждением, что культура и искусство не имеют границ.

*Sheremet Vita Vasylivna,
Kyiv National University of Culture and Arts,
Applicant for scientific degree of Candidate of art criticism
E-mail: vita_vl@ukr.net*

Northern Black Sea in Ukraine: ethnogenesis and the formation of the artistic culture of the region

*Шеремет Віта Василівна,
Київський Національний Університет Культури і Мистецтв,
Здобувач вченого ступеню Кандидата мистецтвознавства
E-mail: vita_vl@ukr.net*

Північне Причорномор'я України: етногенез та формування художньої культури регіону

Дослідження будь-якої сфери буття народу, зокрема розвитку музичного мистецтва неможливе без розгляду духовної культури та ментальності конкретної нації, її історії та традицій. Україна – багатонаціональна держава, яка вміщує в собі декілька регіонів, кожен з яких має особливі риси розвитку культури, зумовлені історичними, географічними та соціальними чинниками.

Оскільки тема наукового зацікавлення автора стосується музичного народного-інструментального мистецтва Північного Причорномор'я, то для розуміння його регіональних рис, постає завдання проаналізувати чинники формування художньої культури краю, які в свою чергу зумовили розвиток мистецтв.

Дослідження українських істориків А.Скальковського Д.Яворницького, Ф.Вовка, В.Чистова, А.Добролюбського, культурологів-мистецтвознавців І.Мацієвського, О.Макаренка, С.Кирієнко свідчать про те, що причорноморський регіон поєднав долі людей – представників близько ста національностей, що не могло не вплинути на формування духовної культури населення регіону. На підставі аналізу досліджень названих науковців ми доходимо висновку, що шляхом історичного нашарування етнокультур і різногенетичних народних традицій утворився складний культурний простір Північного Причорномор'я. Але питання про те, які саме культурні пласти зумовляють сьогодні специфіку культури та мистецтв регіону залишається відкритим.

На нашу думку, відповідь на питання лежить у історичній площині, у розгляді умов етногенезу на теренах Північного Причорномор'я. Тому предметом розгляду даної статті виступає історія формування етнічної картини регіону, пов'язана із його заселенням.

У наукових публікаціях дослідники виокремлюють від трьох до п'яти історичних верств, які вплинули на становлення етнічного складу мешканців Причорномор'я, на матеріальну і духовну культуру суспільства, а розбіжність у кількості періодів представлених різними авторами виникає на підставі їх висновків про більшу чи меншу значущість певної історичної верстви для етногенезу та формування культури регіону.

Слід зауважити, що Причорноморський степ завжди був привабливим для заселення з огляду на особливу ландшафтно-географічну картину. Обмежені з півночі лісостепом та перетнуті чисельними низинами великих і малих річок, ці землі були принагідні для впровадження скотарсько-кочівницького господарства та, водночас, утворювали передумови для розвитку тут землеробства. Аналіз картографічних джерел показує зручність та доцільність розташування торговельних шляхів, які з розвитком історії з'явилися на теренах Причорномор'я. Все це приваблювало нових мешканців на терени краю.

Історик В.Кушнір виділяє **три** періоди народонаселення Причорномор'я. *Перший період* III – II тисячоліття до н.е – дослов'янський, що визначається заселенням вказаних територій різними за походженням етнічними спільнотами землеробів та степовиків-скотарів, які породили такі визначні типи найдавніших культур, як трипільська, Гумельниця, сабатинівська (землеробські), усатівська (осіло-кочовий побут), з якої вийшла буджацька, яка в свою чергу, співіснувала із катакомбною (поєднали осіло-кочовий побут)¹. Вони полишили по собі багато пам'яток матеріальної та духовної культури прадавніх часів.

¹ Кушнір В.Г. Народнознавство Одещини. Навчальний посібник. Одеса: Гермес, 1998 – 245 с., С. 3–4.

Другий період – I тисячоліття до н.е – I тисячоліття н.е – найдовший, який включає історію широко відомих з письмових історичних джерел народів: киммерійців, скіфів, греків, сарматів, римлян, готів, гунів та строкатого багатолюддя, що брало участь у Великому переселенні народів, та мешкало у Причорномор'ї.

Третій період, за висновками вченого, це – XVIII – XIX ст.ст., (епоха російсько-турецьких війн) коли на причорноморських землях склався портрет сучасного населення. У цей період на теренах краю проживали та мирно співіснували різні за походженням народи, які запозичали один у одного та виробляли власні адаптивні елементи нової культури і при цьому зберігали свою мову, віру, звичаї та, зокрема, традиції музичування.

Мистецтвознавці – культурологи В.Другальов¹, С.Кірієнко², О.Косьміна³, дослідження яких стосувалися Північного Причорномор'я та, зокрема, Північної Таврії (Херсонщини), виокремлюють **чотири** історичні верстви, що впливали на етнічний склад мешканців краю. При цьому перші два періоди та останній співпадають із поділом за В.Кушніром. Проте, названі вчені одноставно виокремлюють як *третій* етап, епоху українського козацтва: із середини XVст. до середини XVIII ст., яка справила значний вплив на утворення української людності та українських традицій, полишила значну кількість українських поселень, топонімів, назв місцевостей та річок (поселення Староказаче, Бандурка; річки Мертвовід, Чорний Ташлик).

Мистецтвознавець О.Косьміна (дослідження Херсонщини) також окреслює чотири історичних верстви, але посилаючись на карту земель України XII – XIII ст.ст. (за П.П.Толочком), починає відлік історичних верств, що впливали на етногенез краю, саме з цих часів. Автор називає *першим періодом* XII – XIII ст.ст. , коли землі Херсонщини були у володінні Білої Куманії – об'єднання половецьких орд. Проте, у автора не згадується прадавня доба, зокрема скіфсько-антична. *Другим* за хронологією названо період з середини XIV ст.– часи перебування на цих теренах монгольської держави Улус Джучі (Золотої Орди). *Третім* періодом виокремлено XVII – XVIII ст.ст., коли на землях Північної Таврії була розташована значна кількість козацьких зимівників (стоянок), тобто автор зауважує на довготривалому періоді вростання та розповсюдження українських традицій на цих теренах. Прикладом є збереження на Херсонщині прикладів українського традиційного

¹ Три шляхи широкії докупі зійшлися / Пісенний фольклор Херсонщини / упор. Другальов В.В. – Херсон: «Наддніпряночка», 2007,– 276 с., ил. с 8.

² Кірієнко С.І. Музично-етнографічні записи та наукові дослідження фольклору Північного Причорномор'я: автореф. дисертації на здобуття наук. ступеню канд. мистецтвознавства: спец.17.00.01. «Історія та теорія культури» / Кірієнко С. І. – К., 2003.–19 с.

³ Косьміна О.Ю. Експедиція у херсонську область / Народна творчість та етнографія № 5-6, К., – 2003., С. 120–122.

житла, та народного традиційного співу. Та *четвертий* етап – середина XVIII ст. – початок XIX ст., як і у інших дослідників, – часи панування Російської імперії (епоха російсько – турецьких війн).

Історики І.Шкляєв¹, О.Лебеденко і В.Тичина², мистецтвознавець Л. Давидова³, культурологи М.Іванов⁴, А.Михайлик⁵ – у своїх контекстуальних дослідженнях Північного Причорномор'я, зокрема внутрішніх субрегіонів, – Українського Подунав'я, Північної Таврії виокремлюють **п'ять верств** в історії, які пояснюють щільне співмешкання на теренах краю нащадків різногенетичних народів та витоки таких культурно-історичних пластів, які й до наших часів мають прояви у матеріальній та художній культурі мешканців Причорномор'я.

У роботах вищезазначених науковців, *першим* етапом вказано дослов'янський період, що тривав орієнтовно III – II тисячоліття до н.е. Він відзначився утворенням на теренах краю великої контактної зони між степовими скотарями і землеробськими народами, які побутували поруч, взаємодіяли та час від часу витіснили одна іншу.

Другим періодом вважається I тисячоліття до н.е. – I тисячоліття н.е. – часи активних міграцій (включаючи період Великого переселення народів – III–VII ст.ст. н.е.) та взаємодії кочових народів різного походження і протослов'янських племен. Найпотужнішими типами культур тих часів виявилися скіфська та антична, що існували паралельно на теренах краю. До наших днів згадки про ті часи маємо у вигляді розкопок скіфських городищ, курганів-поховань у таврійських степах, прадавніх античних міст – полісів Тіри (сучасний Білгород-Дністровський Одеської обл.), Борисфеніди на острові Березань, Ольвії (Миколаївської обл.)

¹ Шкляев И.Н. Историческое краеведение Одесщины. Одесса 2004, студия «Негоциант», 68 с., С 29–30.

² Лебеденко О.М., Тичина А.К. Українське Подунав'я: минуле та сучасне /навчальний посібник/ Одеса «Астропринт» 2002 р.–203 с.

³ Давидова Л. Общая характеристика фольклорной ситуации Херсонщины (по данным первого разведывательного полевого исследования 1990г.) // Питання дослідження та збереження музичного фольклору Херсонщини / зб. Рефератів Всесоюзної науково-практичної конференції / Упорядник Мацієвський І.// – СПб: [б.в.] 1991 (ВИР) – 122 с.

⁴ Іванов М.С. Историчні умови формування духовної культури населення Півдня України / Питання культури Півдня України у світовому аспекті сьогодення //Зб. наук. праць викладачів та аспірантів Київського Держ. Університету Культури і Мистецтв / Гол. ред. /Миколаїв МП «Можливості Кіммерії»,– 1998 р., – С. 83-84.

⁵ Михайлик А.Г., Михайлик Р.С. Духовна культура півдня України і деякі проблеми вивчення історичних тенденцій розвитку.// Питання культури Півдня України в світовому аспекті сьогодення. вип.1. / Зб. наук. праць викладачів та аспірантів Київського Держ. Університету Культури і Мистецтв / Гол. ред. Ю.М. Оришака, Миколаїв МП «Можливості Кіммерії», 1998р. С. 16.

та у вигляді елементів античного стилю в архітектурі XVIII ст. причорноморських міст. У цей період на етногенез місцевого населення впливали завойовники, мігранти, переселенці, але основними мешканцями краю були східнослов'янські племена: спочатку анти, пізніше – союз племен тиверців¹.

Відлік *третього* періоду починається від XIII ст., коли у причорноморський степ приходять монголи на чолі із ханом Батием, які витісняють половецькі орди, – і триває до XV ст. Пам'яткою тих часів залишилися віднайдені археологами половецькі кам'яні ідоли – «кам'яні баби» (Херсонщина). На початку XIV ст. міжусобні війни ханів Золотої Орди поступово знесилювали монголо-татарську державність, а на міжнародну арену вийшли інші держави, які мали свої зацікавлення у Причорноморському регіоні: Візантійська імперія, Велике Литовське князівство, Молдавське князівство, Османська імперія. На землях Причорномор'я тих часів мешкали греки, фракійці, римляни, волохи, молдавани, караїми, вірмени, татари та представники інших народів, проте східнослов'янська людність протягом тривалого часу складала основне населення краю. Підтвердження цьому знаходимо у роботах О.Макаренка, Т.Пронь, О.Лебеденко, О. Тичини, які, посилаються на здобутки археологічних, краєзнавчих розвідок та праці істориків різних часів.

Четвертим періодом науковці також вважають XVст. – друга половина XVIII ст. ст. – епоху імперських зазіхань Росії, Польщі, Туреччини на українські землі та, як наслідок, виникнення козацтва з його визначним впливом на закріплення української нації на землях Північного Причорномор'я.

Історики О.М.Лебеденко, О.К.Тичина зазначають, що трьохсотлітнє турецьке панування руйнувало, а подекуди стерло нанівець ті господарсько-культурні цінності, які започаткували на цих землях нащадки слов'янських племен. В українське етнокультурне середовище вливалися групи людей чужої віри і культури, а також, з Балкан поступово проникали племена південних слов'ян, рятуючись від турецького поневолення, та приносили на ці землі свою багату культуру. Проте козацтво, яке виникло всередині знекровленого українського народу, стало єдиною провідною силою виживання і збереження цього народу та його культури і традицій у Причорномор'ї.

П'ятий період – кінець XVIII ст. – XX ст.– відзначився колонізацією тогочасного Новоросійського краю (назва краю за часів Російської імперії). Імперський уряд заохочував іноземних європейських колоністів до заселення Причорноморських земель, як представників більш розвинених культур, для економічного

¹ Пронь Т.М. Вплив колоніальної політики Росії на етнічний стан та розвиток культури Північного Причорномор'я./Заселення Півдня України: проблеми національного та культурного розвитку: наукові доповіді міжнародної науково-методичної конференції 21–24 травня 1997/ Херсон, 1997. – ч. 2, С.319–323.

розвитку краю; відбувалися вільні та примусові переселення державних селян у цей регіон, а у I половині ХХ ст., Радянська влада здійснювала примусові переселення людей у Причорномор'я у наслідок переділу державних кордонів. Цей період виявився визначним для сучасної етнічної картини краю, та культурних стосунків його мешканців, з огляду на найбільшу кількість прибулих представників різних етносів. Сьогодні, за даними перепису, у регіоні зафіксовано представників більш як 100 національностей¹.

Аналіз історії заселення Північного Причорномор'я України дозволяє окреслити основні культурні пласти, які утворили фундамент для сучасної культури поліетнічного регіону: це скіфська культура; антична культура; культура східних і південних слов'ян; культура південноукраїнського козацтва; культура Північного Причорномор'я України ХХ століття.

Дослідження істориків свідчать, що у ході історичного розвитку, в наслідок протистояння землеробських спільнот набігам кочових племен, численних імперських колонізацій Причорномор'я, а пізніше (ХVIII –початок ХХ ст.ст.) у наслідок вільних та державницьких переселень окремих народів та етнічних груп, – одна культура змінювала іншу, один тип господарства перебував з іншим. Все це призвело до перманентного стану історико-культурної маргінальності краю, і зумовило відсутність стійких етнічних традицій та утворення численних міжетнічних варіантів у багатьох предметах матеріальної та художньої культури. Підтвердженням такої думки є розвиток традиційного народного інструментального мистецтва Причорномор'я, як предмета наукового зацікавлення автора. Даний вид мистецтва є віддзеркаленням міжетнічного спілкування: побутування інструментарію, специфіки жанрів, взаємопроникнення інтонацій.

Відкритими для дослідження залишаються питання взаємозв'язку культурних традицій в регіоні та їх відображення в мистецькому просторі регіону.

*Shleiyk Svetlana Gennadyevna,
Orenburg state University, Head of the Department
of drawing and painting
E-mail: svetlanchikdis@yandex.ru*

Principles of composite structure works by Sergei Fazytova

¹ Рада представників національно-культурних товариств Одеської області. 5 років. Одеса 2004, С. 44.

*Шлеюк Светлана Геннадьевна,
Оренбургский государственный университет,
заведующий кафедрой рисунка и живописи
E-mail: Svetlanchikdis@yandex.ru*

Принципы композиционной структуры произведений Сергея Фазутова

Творчество Сергея Фазутова среди оренбургских художников привлекает зрителя своей неповторимостью и оригинальностью. Что же является основой его идей и стилизаций, откуда появились у коренного оренбуржца, рожденного среди бескрайних оренбургских степей и бесконечного голубого неба эти знаковые емкие в своем смысловом наполнении формы? Автор на эти вопросы отвечает просто — «отец принес с работы тепловозную шпаклевку» — и с этого факта начался бесконечный творческий эксперимент художника Фазутова. Итак, наложение слоя на слой акриловой шпаклевки или современной текстурной объемной пасты дает необычайно глубокие цветовые, фактурные и пространственные эффекты. Так появилось пространство.

Пространство

Пространство — это не просто движение цвета, оттенков, воздуха, это поиск и эксперимент с наложениями слоя на слой фактуры, игра с оттенками тона, формы, пятен. Наложение дает эффекты глубины космоса, дневного яркого света, автор ведет многочисленные поиски возможностей цвета и фактур. Понятие пространства для Фазутова неразрывно связано с колористическими вариациями, с идеей передачи эмоционального напряжения цветом, и конечно с чувственной окраской сюжета. Пространство цвета само по себе настолько многомерно и так много выражает, что изначально изобразительных элементов в работах Сергея Фазутова практически не было — изображение растворялось в нем. Экспрессия мазка мастихина рождала идеи и темы. Так появилась работа «Ключ». Изображение формы предмета в трактовке автора превратилось в знак, в метафору, несущее глубинное содержание. Это не просто ключ — это символ открытия, движения к разгадке. Форма, напоминающая иероглиф или литеру, положенная горизонтально имеет тенденцию к динамике, активный трепещущий фон контрастных сочетаний черного, белого, красного подчеркивают это движение. Итак, пространство картины для Сергея Фазутова — это цветовой ассоциативный поиск — активный элемент композиции.

«Ключ» стал первой работой в поиске индивидуальности автора, затем стали рождаться другие композиции, полные смысловых ассоциаций, глубоких метафор, размышлений о жизни и, конечно, о любви.

Композиция

Рассуждая о композициях Фазутова невозможно обойти стороной его характер. Фазутов по своей природе лирик, содержание его работ сводится к формуле любви. Это основная тема. Причем он со свойственным ему терпением рассуждает о взаимоотношениях между мужчиной и женщиной, определяет смысл материнства, изображает вроде бы простые вещи — «Дом», «Качели», «Кобра», «Паук», «Часы» ... но все они размышления о бытии, глубинное самокопание, анализ, свой собственный, индивидуальный взгляд на жизненный цикл. В его картинах по-новому воспринимаются эти обыденные вещи, становясь символами, они заставляют думать и долго созерцать изображаемое. При всем его добродушном и открытом характере, его работы раскрывают в нем в первую очередь, философа искусства и вдумчивого исследователя, аналитика и прекрасного композитора. Длительный цикл подготовки к каждой работе подтверждает это.

Итак, композиция чаще всего симметричная, изображение располагается в центре формата, определяя сразу главную составляющую произведения. Основная идея скрыта в знаковой форме, которая как матрешка имеет множество скрытой информации внутри. Это основной принцип композиции, согласно которому автор выполняет все работы.

Принцип «матрешки» заложенный в наслоении различных тем и сюжетов, дает зрителю возможность созерцать работу в целом, анализируя одновременно отдельные слои и общую идею композиции. Изначально композиция произведений кажется предельно простой, так как ее основной смысл выделен изображением, цветом, фактурой и находится на поверхности формата. Визуальная простота содержит глубинные наполнения, к которым хочется тактильно прикоснуться, разобраться, раскрыть смысл.

Еще один принцип, заложенный на наш взгляд в работах Сергея Фазутова, который можно определить как принцип «ребуса». Этот принцип каждый раз заставляет зрителя искать и определять, что именно художник хотел выразить тем или иным иносказанием, символом, знаком. Знаковые формы, выложенные на плоскости определенным узором, ковром изображений напоминают сложную декоративную композицию, прикладной орнамент. Как известно, орнаменты народов мира представляют собой определенную смысловую азбуку, зная смысл, заложенный в изобразительные элементы орнамента, можно распознать содержание, заложенное изначально. Аналогично этому изображения на работах Фазутова имеют одних и тех же героев — мужчину и женщину, которые внутри картины, на втором и третьем слое изображения раскрывают и дополняют основной сюжет. Знаковые формы, многослойно лежащие на поверхности холста и мерцающая фактура, создают иллюзию тканого полотна восточного ковра.

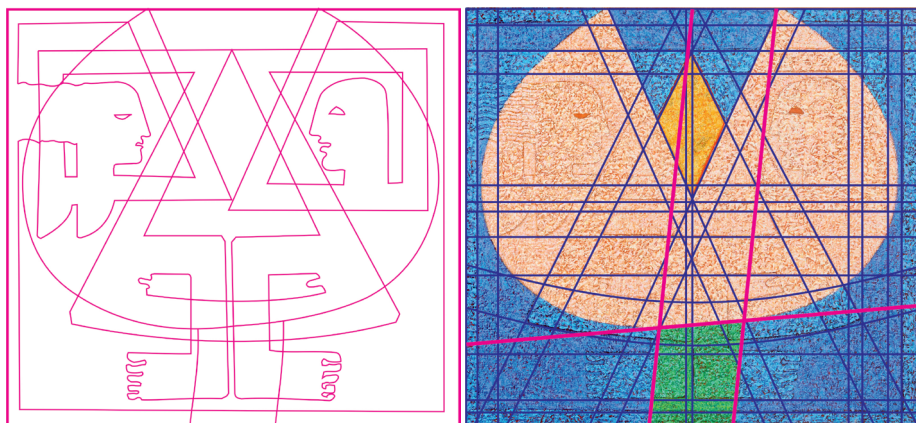
Итак, автор передает свои эмоции и чувства посредством сложных орнаментальных предельно обобщенных композиций, на наш взгляд имеющих нечто общее с восточными декоративными коврами. В этом, наверное, и определяется национальное направление творчества Сергея Фазутова. При этом необходимо отметить особый индивидуальный эстетизм его творчества, а также чувство меры и вкуса, присутствующие во всех его работах. Сложные межличностные отношения полов, вечные как мир проблемы любви и нежности раскрываются автором с достаточной долей деликатности и недосказанности. Зрителю художник дает возможность понять смысловое содержание произведения, принять его в таком виде авторской интерпретации.

Теперь собственно о композиции. Композиция практически всегда komponуется в рамке, которая объединяет изображаемые элементы и придает произведению декоративный завершающий акцент. Узкая рамка повторяет пропорции формата, она почти невидима, представляет собой лишь небольшой перепад высот рельефа поверхности. Угловатые геометрические изображения практически идеально вписываются в ее очертания, во многом многократно ее повторяя.

Изображение замкнуто в себе — цельно, самостоятельно, сформировано по принципу геометрической стилизации. В его основе сочетание вертикальных и горизонтальных направлений, которые синтезируются с пластикой форм — гнутыми контурами, напомиающими линии модерна стилем и изысканностью. Плавные линии формообразуют пластичные формы, которые замыкают сложные по конструкции основания моделей. Изображения напоминают ковер, принципы декоративности преобладают.

В работах Фазутова всегда присутствует ярко выраженный композиционный центр, выявленный формой, цветом, расположением на формате холста. Чаще всего это небольшая геометрическая фигура — треугольник, овал, ромб — знаковая форма, при помощи которой автор подчеркивает основной смысловой акцент произведения. Эта фигура, всегда выраженная контрастным теплым цветом, эквивалентна в работах Фазутова восклицательному знаку, автор адресует зрителя к этому символу, подталкивает искать разгадку именно с этой точки отсчета. Как в декоративных орнаментальных композициях в работах Фазутова, центр практически всегда располагается чуть выше пересечения диагоналей формата картины, что соответствует расположению визуального центра, психологически воспринимаемого зрителем. Центр является кульминацией эмоционального напряжения работы, изображения, которые составляют композицию, локализуются вокруг него и стремятся к нему. Движение объектов композиции вокруг центра, этот лабиринт геометричных и пластичных направлений, который определяет принцип динамики, заложенный автором изначально.

Рассмотрим картину Сергея Фазутова под названием «Лилия». Восприятие картины происходит в несколько этапов. Изначально воспринимаем нежный, простой и изысканный по очертанию цветок. Его крупный размер на формате картины говорит о том, что автор стремился продемонстрировать его значимость, замкнутая форма, стремящаяся к открытию, смыкает внутри себя целый мир, который балансирует на колышущемся стебле среди водного пространства. Изображение неразрывно связано с цветом, который определяет смысловое наполнение данной работы, создает настрой к ее считыванию. Автор использует сочетание голубого фона и бежево-розового цветка, зеленого стебля, а также золотого центра цветка. Перечисленные цвета на самом деле не являются спектральными, они состоят из множественных наложений различных теплых и холодных оттенков, которые своей рельефной поверхностью напоминают мозаику. Мерцание цвета и простая емкая форма цветка не могут оставить равнодушным зрителя, вызывают желание заглянуть внутрь и разгадать тайну, которую художник заложил в работу.

В словаре символов выясняем «**ЛИЛИЯ** — символ чистоты, величия и невинности. В классической мифологии восходит к изображению молока, льющегося из груди супруги Зевса Геры. Христиане считали, что лилия проросла из слез Евы, когда она покидала рай». Даже не обладая этими знаниями можно догадаться о содержании картины, продолжая внимательное ее изучение. Внутри лилии мы видим второй план или слой работы, исследование которого начинается второй этап восприятия.

Итак, изображение внутри изображения. Декоративный ковер, эстетичный, красивый по орнаментальным мотивам сложных стилизованных форм вызывает интерес зрителя к его расшифровке. И вот уже узнаем два силуэта — мужской и женский. Взгляд их прикован друг к другу, руки сплелись в целостную цепь, разом-

кнуть которую невозможно. По сути две фигуры слиты в единый переплетающийся декоративный узор, составляют неделимое целое. Вечная тема любви мужчины и женщины предстает перед нами как раскрывающийся цветок, как новое открытие, как замкнутая внутри чаши цветка бесконечность. Метафора ростка-стебля с чашечкой растворяющегося цветка на нем подобна зарождению и развитию нежности и любви. При всей статичности и симметричности композиции, в ней присутствует динамика, впрочем, как и во всех других произведениях Сергея Фазутова.

Структура композиции

Анализируя структуру композиции, определяем, что основные композиционные направляющие строго симметричны относительно центральной вертикали. Они удерживают равновесную систему внутри формата картины и представляют ярко выраженную статику. Динамика достигается введением в композицию небольшого движения чашечки цветка относительно горизонтали, а также отклонения стебля относительно вертикали. Эти небольшие изменения способствуют принципу зарождения движения, которое влечет за собой его бесконечное продолжение, точнее можно обозначить как принцип «маятника».

На последней схеме можно увидеть направляющие, которые дают движение всей работе. Принцип «маятника» также свойственен композициям в творчестве Фазутова, он присутствует практически во всех его работах.

Динамика

Определяя принципы динамики в композиции, вспомним, что термин динамика возник от греч. *dynamis* — «сила» и означает чередование элементов в определенной последовательности. При этом возможно их движение по диагональным осям или свободное расположение на плоскости картины. Ощущение движения возникает также при нарушении симметрии в композиции, контрасте цвета, смещении контуров по отношению цветочных пятен и т. д.

Обращаясь к произведениям Сергея Фазутова строго относить их к динамичным композициям достаточно сложно, при этом, как было сказано выше, практически каждая композиция имеет тенденцию к развитию движения. Причем одни из последних композиций художника под названием «Качели» и «Баня» представляют собой ярко выраженную динамику, что говорит о поиске автора в этом направлении.

Однако хотелось бы отметить именно те работы, в которых есть определенный нами ранее принцип «маятника». На наш взгляд наиболее интересные композиционные находки выполнены автором именно в этом направлении.

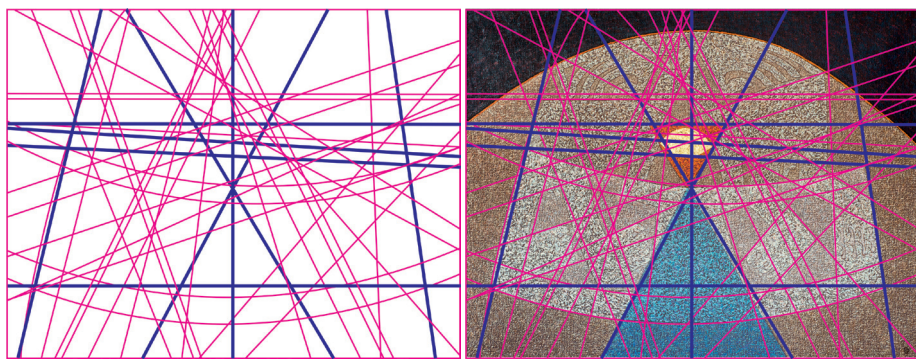
Итак, перечислим факторы, способствующие зарождению движения в композициях Сергея Фазутова.

Изначально это пространство формата, фон работы, так называемый третий план, на котором располагается действие как целое, цельное орнаментальное на-

чало. Пространство уходит за край формата. Продолжает развиваться. Оно подвижно, динамично, активно цветом, переливами фактур, текстур.

Изображение, стилистически напоминающее орнамент, метрическими и ритмическими чередованиями также выражает собой динамику. Очертания фигур в работах художника сочетают статику с элементами подвижности, причем движение находится как бы на начальном этапе, подобно стремлению к движению, как например, в работах «Баба», «Джокер», «Танец», «Яблоко», «Сфинксы», «Танец прошлого с будущим», «Монашка», «Маяк» и т. д.

Рассмотрим еще одну работу художника, которая называется «Качели».

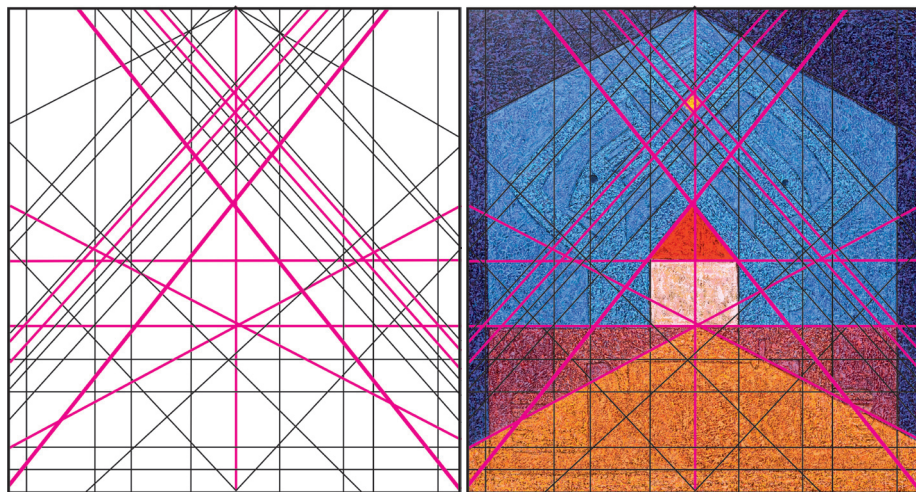
Центром композиции в работе является золотой треугольник, своей вершущой, установленный на вершине другого треугольника, основание которого статично поставлено на нижнюю сторону формата картины. Оба треугольника центральными осями располагаются по вертикальной основной оси композиции. Конструкция из этих форм представляет собой достаточно неустойчивую пирамиду, являясь при этом основанием для балансирующих на ней «крыльев». Вся геометрическая конструкция напоминает устойчивую стилизованную человеческую фигуру с раскрытыми руками, балансирующими в пространстве. Внутри верхнего золотого треугольника располагается светлый овал с острыми краями, что возможно символизирует око. Образ конструкции визуальнo передает символику чередующегося движения качелей, а «руки-крылья» своей траекторией транслируют динамику движения маятника. Все тот же принцип маятника!

В попытке определить сюжет наталкиваемся на очередную загадку. Визуальное исследование выявляет человеческие фигуры, глядя на которые приходят на память африканские мотивы или искусство ацтеков — те же приземистые сплетенные формы, как бы исполняющие ритуальный танец. На этот раз орнаментальное изображение второго плана представляет две стилизованные мужские фигуры, упершиеся друг в друга руками и балансирующие на движущейся конструкции. Руки, несмотря на геометричность прорисовки, представляют со-

бой орнаментальное декоративное пластическое целое. Головами фигур является верхний золотой треугольник, объединяющий композицию и являющийся ее композиционным центром. Итак, смысловое содержание картины сводится к извечной проблеме соперничества между мужчинами, представляет собой поединок, в котором нет победителя, ведь качели раскачиваются то в одну, то в другую сторону. Цветовое поле картины разделено также на две части — верхнюю и нижнюю. Верхняя часть залита сложным темным мерцающим цветом контрастным по отношению к нижней действующей части, на которой располагается действие картины. Между двумя полюсами проходит тонкая яркая звенящая медная линия, напоминающая движение нерва или тока в цепи, что также способствует обострению трактовки эмоционального фона картины. Насколько верно прочтение данного сюжета известно лишь автору, мы же трактовали смысл этой картины таким образом.

Время

Время для Фазутова как и пространство бесконечны, они взаимосвязаны между собой. Это обусловлено знаково-символическими формами, которыми наполнены работы художника, ярко выраженной личностной позицией автора. Смысловые сюжеты работ Сергея Фазутова непосредственно соединены с духовными измерениями жизни, раскрывают вечные вопросы бытия. Многослойность смыслов и сюжетов картин говорит о сложной полифонической структуре построения каждого произведения.

Знаково-символический подход в работах Фазутова определяет на наш взгляд актуальность тематик его произведений, обуславливает наличие пространственно-временного решения как каждого отдельного слоя работы так и в целом обще-

го ее построения. Многомерность, многосложность, многослойность произведений определяют множественную смысловую наполненность.

Обратимся к работе Сергея Фазутова «Избушка». На формате, по своим пропорциям приближенном к квадрату, в центре на горизонте видим дом, дорогу, идущую к нему и звезду в синем небе. Символика дома транслирует философские ценностные ориентиры пристанища, где можно спрятаться от людских невзгод, место к которому стремится каждый человек для обретения душевного покоя и равновесия. Понятие дом включает в себя множественные личностные, сокровенные связующие — это и родина, и отчий дом, свой собственный внутренний мир. Дорога к дому символизирует вечное тяготение души к обретению гармонии, а звезда, изображенная над крышей дома, является путеводной звездой, дающей направление и надежду в этом пути. Дом окружен аурой, замкнутой цветовой поверхностью, оберегающей его и объединяющей мир вокруг него. Глубокий философский смысл, заложенный в верхний слой картины Сергея Фазутова «Избушка», дополняется орнаментом человеческих фигур второго слоя. В небе над крышей дома узнаем сплетенные руки мужчины и женщины, символизирующие защиту дома, а звезда, горящая между рук, напоминает о тепле и любви, рождающиеся этим касанием. Символ совершенного, нерушимого дома по сюжету художника неразрывно связан с теплом сердец, создающих и охраняющих свой мир, знаком которого является дом, или как его называет автор «избушка».

Художник продолжает поиск сюжетов, используя свои излюбленные знаковые формы, меняя их расположение в пространстве формата, варьируя цвет и смысл. Так происходит трансформация форм из одной работы в другую. Юла, перевернутая по диагонали, дала изображение воздушного змея. Форма стилизованная, преобразованная в знак для Сергея Фазутова является площадкой для экспериментов, для бесконечного творческого поиска. Ее движение в пространстве поля картины, ее трансформации и развороты дают новые идеи, рождают новые смыслы.

Итак, основными принципами организации художественных произведений Сергея Фазутова являются орнаментальность мотивов, знаково-символическая импровизация образов и образного смыслового наполнения, послонная формообразующая стилизация, цветовой, декоративный поиск приемов и методов, трехмерность изображаемого пространства. Его работам характерно многослойное наложение изображения, обогащающее содержательную часть, а также глубокий философский смысловой подтекст. Используя композиционные средства — метр, ритм, симметрия как смыслонесущие категории, художник формирует взаимобратимые связи пространства и времени, выстраивая композиционную структуру работ объемной и многозначной. Выраженные общие черты композиционной организации работ художника Сергея Фазутова, помимо их структурных организаций свидетельствуют о духовном наполнении и доминирующих в них ценностных ориентирах.

Section 4. History and archaeology

*Karsakova Gulmira Bolatovna,
Ualikhhanov Kokshetau State University
senior lecturer the department of history of Kazakhstan
E- mail: Guka.83@list.ru*

Kadyr-Ali bek Zhalairi and his historical work «Zhami at Tauarikh»

*Карсакова Гульмира Болатовна,
Кокшетауский государственный университет им. Ш. Уалиханова,
старший преподаватель
кафедры истории Казахстана
E- mail: Guka.83@list.ru*

Кадыр-Али-бек Жалаири и его исторический труд «Жами ат-Тауарих»

Средневековая история Казахстана восстановлена современными исследователями благодаря кровапролитному труду предшественников — мусульманских историков средневекового Востока. В десятках различных произведений этих авторов содержится много интересного о жизни казахского общества в Средневековье. Одним из великих казахских историков средневековья, автором исторического исследования «Жами ат-Тауарих» (Сборник летописей) является Кадыр -Али- бек Жалаири. Предки Кадыр-Али-бек Жалаири со времен Каранидов непрерывно были ханскими нойонами, визирями, батырами. Его отцом был Косын-бек, а дедом — Темшик батыр. Кадыр-Али Жалаири выполнял должности воспитателя высокородных отпрысков и ханского советника при дворе правителя¹. Сам Кадыр-Али Жалаири был на службе у Ондан-султана — отца казахского царевича Ураз-Мухаммеда. Вместе с Ураз-Мухаммедом Кадыр-Али-бек Жалаири пребывает в Сибирское ханство. С тех дней начинается совмест-

¹ Аяган Б. Летописцы средневекового Казахстана // Экспресс К. № 156 (15814). 19 августа 2005.

ная биография учителя и ученика-воспитанника, полная приключений, лишений и трудностей. Перейдя в оппозицию к Кучум хан, он вместе с Ураз-Мухаммедом примкнул к Сейдяку, усилив тем самым престиж последнего. Русские летописи сообщают, что Сейдяк «стал сильнее после того, как к нему пришли некий царевич Казахской орды (Ураз-Мухаммед) и Карач-мурза (Кадыр-Али Жалаири), незадолго до того присоединившиеся к нему»¹.

В 1588 году во время «забавления ястребиной охотой на берегу реки Иртыша», Кадыр-Али бек Жалаири вместе с Ураз-Мухаммедом и Сейдяком были взяты с хитростью воеводой Данилом Чулковым в плен. Вместе с Ураз-Мухаммедом Кадыр-Али Жалаири был привезён в Москву и до конца своих дней служил его советником. В городе Касимове, по-видимому, Кадыр-Али Жалаири и закончил свои дни.

В 1597 году Кадыр-Али бек Жалаири приступает к написанию своего труда «Жами ат-Тауарих» и в 1602 году завершает свой труд. Оригинал книги пока не найден, сохранились две копии: одна хранится в научной библиотеке Петербургского университета, вторая — была переиздана профессором И. Н. Березиным в 1854 году в библиотеке восточных историков Казанского университета².

Книга не имела названия, поскольку начальная часть была утеряна, но по содержанию вторая часть посвящённая истории казахского народа, была похожа на труд средневекового персидского историка Рашид ат-Дина. «Жами ат-Тауарих», профессор И. Н. Березин издал книгу Кадыр-Али Жалаири под тем же названием. Авторское название книги до сих пор не известно. Вторым лицом, подробно познакомившимся с памятником, является известный ориенталист, знаток и исследователь казахского языка XIX века Н. И. Ильминский. После И. Н. Березина и Н. И. Ильминского в прошлом столетии на летопись Кадыр-Али Жалаири обратил внимание казахский ученый Ч. Ч. Валиханов (1835–1865 гг.). По мнению Ч. Ч. Валиханова, язык «Жами ат-Тауарих» абсолютно «джагагайский, очень близкий к нынешнему киргиз- [кайсацкому]», (то есть казахскому языку середины XIX века)³. К тому же Ч. Ч. Валиханов подчеркивает, что в летописи баснь меньше, чем у Абу-л-Гази и в «Шейбани-наме», и местами изложение Жалаирца отличается от исторических сведений других авторов. Вслед за И. Н. Березиным Ч. Ч. Валиханов отмечает то обстоятельство, что в оригинально-авторском тексте, особенно в первом разделе посвящённом Борису Годунову, с меньшей

¹ Валиханов Ч. Ч. Письмо к профессору И. Н. Березину // Собрание сочинений. Т. 1. Алма-Ата. 1984. – 163–171 с.; Извлечения из Жами ат-таварих. Алма-Ата. 1984. – 228–249 с.

² Абуев К. К., Мухаммадеева И. Ураз-Мухаммед: жизнь и необычная судьба. Астана: Елорда, 2007. – 144 с.

³ Валиханов Ч. Ч. Киргизское родословие // Собрание сочинений Т. 2. Алма-Ата: Казахская Советская энциклопедия, 1985. – 148–166 с.

частотой употреблены арабские и персидские элементы. Говоря по-иному, это часть летописи написана почти на тюркском языке.

Вслед за Ч. Ч. Валихановым к этому сочинению обращается известный русский востоковед историк В. В. Вельяминов-Зернов (1830–1904 гг.) в своих «Исследованиях о касимовских царях и царевичах» — очень ценном труде для изучения истории Казахских ханств. Во втором разделе второго тома ученый приобщает материалы летописи к своим фундаментальным исследованиям, осуществив перевод целых частей на русский язык. Таким образом, ещё в прошлом веке, как явствует из краткого экскурса, материалы исторического сочинения стали вовлекаться в научный обиход, а определённая часть памятника уже была переведена на русский язык. Лишь в начале 60-х годов нашего столетия в связи с изданием полного собрания сочинений Ч. Ч. Валиханова, известного казахского учёного XIX века, о нем вспоминают в очередной раз.

Современных читателей с «Летописью» одним из первых познакомил академик Академии Наук КазССР А. Х. Маргулан. В своей работе «Күміс сандық құпиясы» А. Х. Маргулан пишет о «Серебряном сундуке» с книгами и списками на казахском языке», владельцем которого был Ураз-Мухаммед. В сундуке находилась личная библиотека казахского султана. После смерти владельца «Серебряный сундук» со всем содержимым был передан в Царский архив; под номером 38 он хранился там в течении XVII–XVIII веков; в 1736 году его преподносят в дар Российской академии наук, здесь библиотека Ураз-Мухаммеда до середины XIX века, размещалась в Азиатском музее Академии, а в XIX веке бесследно исчезла. А. Х. Маргулан полагает, что библиотеку Ураз-Мухаммеда в основном составляли книги (художественные, исторические и другие) на языке тюркских народов, и записей казахских эпических песен, исторических сказаний, различных шежире, а также послания и переписки Ураз-Мухаммеда с казахским ханом Тауекель-ханом на изысканном казахском языке¹.

Сочинения Кадыр-Али Жалаири, условно названное И. Н. Березиным «Жами ат-Тауарих» состоит из трёх частей: первая — восхваление царя Бориса Годунова, вторая — сокращенный перевод труда Рашид ат-Дина «Жами ат-Тауарих» с персидского, третья — история династии Чингизидов до Ураз-Мухаммеда, рассказ о правителе Золотой Орды Едиге, повествование о восшествии Ураз-Мухаммеда на касимовский престол весной 1600 года². Особенно большую ценность представляет вторая часть книги состоящая из девяти дастанов (повестей), из них восемь посвящены жизнеописанию ханов-чингизидов,

¹ Абдрахманова Б. М. Борис Годунов-Ураз-Мухаммед-Хан Тауекель: к вопросу об истоках имперской идеи Российских государей. // Вестник КарГУ. № 4 (36). 2004 г.

² Батыршаұлы С. Қадырғали Жалайыри зираты. // Егемен Қазақстан. 22 января 2008.

имеющих отношение к истории Казахстана, начиная с Урус-хана, кончая Ураз-Мухаммедом. Лишь один — пятый дастан — посвящен не чингизиду — эмиру Едиге. В этом разделе также повествуется о сложном процессе образования казахской народности, характеризуется внутреннее и международное положение Казахского ханства. Особую ценность представляет девятый дастан, посвященный Ураз-Мухаммеду, где излагается его родословная, этапы его жизни и деятельности. Довольно точно передается поведения людей двора и приближенных султана Ураз-Мухаммеда. Как литературное произведение эта книга дает полное представление о нравах касимовского общества, о глубоком проникновении в жизнь мусульманской веры, о благосостоянии царской знати. Автор детально описывает процесс «инаугурации» Ураз-Мухаммеда, показывает, как султан возведён на трон в мечети, кто читал молитву (хутб), и какие люди присутствовали на этом торжестве. Основная идея сочинения Кадыр-Али Жалаири была монархистско-этикетической. Он ставил целью проследить историю всех правителей от Нуха до Огуза, от Огуза до Хижрата, от Хижрата до Чингиза, от Чингиза до Ураз-Мухаммеда и показать их роль в истории и тем самым доказать божественную законность царствования всех упомянутых им правителей и Ураз-Мухаммеда.

Автор, вероятно, предполагал в дальнейшем написать историю царствования Ураз-Мухаммеда в городе Кермане и изобразить его как справедливого правителя, создавшего в своем царстве идеальное общество, которое, как он пишет, «было [самое] спокойное во всём государстве царя Бориса Годунова»¹. Последние годы жизни Кадыр-Али бия прошли в тесной связи с Касимовским городом и с историей Касимовского ханства. В торжестве посвященной возведению на престол касимовского ханства царевича Ураз-Мухаммеда, он был первым с правой стороны среди знаменитых четырех беков посадивших царевича на золотой трон. Из этого можно заметить, что Кадыр-Али би считался одним из авторитетных личностей ханского двора Касимовского ханства. Известно, что Ураз-Мухаммед был убит в 1610 г. По историческим данным это произошло через пять лет после того времени, как скончался Кадыр-Али би. Если учесть, что в 1602 г. Был завершен сборник летописей Кадыр-Али бия, в котором автор доказывает принадлежность Ураз-Мухаммеда к роду Чингиз-хана, его достоинство ханскому престолу и восхваляет царя Бориса Годунова, то можно сказать, что возведение на ханский престол произошло между 1600–1605 гг. Это значит Кадыр-Али би достиг восьмидесятилетия и в 1605 г. умер в г. Касимове. Место захоронения Кадыр-Али бия в городе Касимове.

¹ Валиханов Ч. Ч. Киргизское родословие // Собрание сочинений Т. 2. Алма-Ата: Казахская Советская энциклопедия, 1985. – 148–166 с.

Летопись Кадыр-Али-би Жалаири «Жами ат-Тауарих» — первое историческое произведение, написанное на древнем казахском языке. Учёные, оценивая научную ценность его труда, ставят Кадыр-Али Жалаири в один ряд со многими выдающимися историками Средней Азии и Монголии. Научный труд Кадыр-Али Жалаири был высоко оценен прославленными русскими учёными, профессорами Казанского университета И. Н. Березиным, Н. И. Ильинским, академиком В. В. Вельяминовым-Зерновым и выдающимся просветителем Ч. Ч. Валихановым. Они подвергли глубокому анализу текст книги, комментировали многие страницы, сравнивали его текст с трудами других восточных авторов, восхищались языком и стилем изложения. Книга проливает свет на многие запутанные вопросы истории Казахского ханства XVI века.

Список литературы:

1. Валиханов Ч. Ч. Киргизское родословие // Собрание сочинений Т. 2. Алма-Ата: Казахская Советская энциклопедия, 1985. – 148–166 с.
2. Валиханов Ч. Ч. Письмо к профессору И. Н. Березину // Собрание сочинений. Т. 1. Алма-Ата. 1984. – 163–171 с.
3. Извлечения из Жами ат-таварих. Алма-Ата. 1984. – 228–249 с.
4. Аяган Б. Летописцы средневекового Казахстана. // Экспресс К. № 156 (15814). 19 августа 2005.
5. Марғұлан Ә. Х. Күміс сандық құпиясы // Қазақ әдебиеті. 1981 ж. 1-январь.
6. Абдрахманова Б. М. Борис Годунов-Ураз-Мухаммед-Хан Тауекель: к вопросу об истоках имперской идеи Российских государей. // Вестник КарГУ. № 4 (36). 2004 г.
7. Батыршаұлы С. Қадырғали Жалайыри зираты. // Егемен Қазақстан. 22 января 2008.

*Kindinov Mikhail Alexandrovich,
Gorno-Altai State University,
postgraduate student, the Faculty of Historical and Philological
E-mail: Shikotus@mail.ru*

**The Swedish factor in Russian-French relations
of the middle of the XVIII century (1748–1751)**

*Киндинов Михаил Александрович,
Горно-Алтайский государственный университет,
аспирант, историко-филологический факультет
E-mail: Shikotus@mail.ru*

Шведский фактор в русско-французских отношениях середины XVIII в. (1748–1751 гг.)

В середине XVIII века международная обстановка была не спокойная. Австрия и Франция продолжали бороться за гегемонию в Европе. Великобритания наращивала военный и экономический потенциал, все более расширяя свои колонии. Пруссия, благодаря активной деятельности своих монархов, особенно короля Фридриха II, готовилась отрезать свой «кусочек пирога», при малейшем удобном случае. Война за Австрийское наследство (1740–1748 гг.), разразившаяся после кончины императора Карла VII, вновь разделила Европу на два противоборствующих блока. В эти блоки объединялись не только ведущие игроки европейской политики, такие как Франция, Великобритания или Австрия, а также и государства не столь крупные и не столь влиятельные на первый взгляд, такие как Бавария, Саксония, Швеция. Российская империя относилась к категории государств на европейском континенте, которые не сумели определиться со своей позицией на международной арене. И одной из причин сложившейся ситуации стала разразившаяся в 1741 г. русско — шведская война и последовавший вскоре дворцовый переворот 25 ноября 1741 г. в пользу цесаревны Елизаветы. Воцарение на российском троне Елизаветы Петровны привело к резкому изменению внешнеполитического курса страны, произошла переориентация с Австрии на Францию. Война, ставшая катализатором внутрисполитических процессов, привела к тому, что Россия на некоторое время была вынуждена держаться в стороне от общеевропейского конфликта, т. к. она выявила ряд противоречий во внешней политике внутри страны. В частности, надежды на скорое окончание войны и статус — кво возлагаемые Россией не оправдались. Посол Франции маркиз Ж. –И. де ла Шетарди хлопотал о возвращении утерянных в ходе Северной войны земель Швеции, что в разрез шло с интересами России.

Как следствие, противоречия привели к охлаждению отношений между странами. Именно не желание Франции отказаться от поддержки Швеции и переориентировать внешнеполитический вектор на Россию, подтолкнули последнюю вернуться к союзу с Австрией. В 1746 г. был подписан русско-австрийский союзный договор. Спустя два года, в 1748 г. начался разрыв дипломатических отношений между Россией и Францией. Одним из камней преткновения явилась Швеция, игравшая ключевую роль «Восточном барьере», ставившем своей целью сдерживать Российскую империю. События, последовавшие после заключения Аахенского мира в 1748 г. полностью подтверждают данную точку зрения.

Не успела завершиться Война за Австрийское наследство (1740–1748 гг.), как в том же 1748 г. назрел очередной конфликт, только на севере Европы — в Швеции, который мог охватить и всю Европу. Дело в том, что согласно русско — шведскому договору в Або от 1743 г., в ответ на умеренные территориальные притязания со стороны России, Швеция обязалась выбрать наследным принцем Адольфа-Фридриха Голштейн-Готторпского, который должен был занять трон после смерти бездетного Фредрика I. Швеция являлась страной с ограниченной властью монарха и большим влиянием парламента (ригсдага), который в свою очередь не был единым. Политическую жизнь его направляли две, противоборствующие партии — про-французская партия «шляп» и про-русская — «копачков». Наследный принц был известен стремлением усилить свою власть и восстановить абсолютизм в Швеции, кроме того, он был женат на сестре Фридриха II Ульрике Гогенцоллерн. В своих стремлениях наследный принц был не одинок. Партии «шляп» с помощью нового руководителя — Карла Густава Тессина, — удалось привлечь наследную чету на сторону самостоятельной политики, враждебной по отношению к России, было следствием обещаний, данных этой чете, — усилить королевскую власть после того, как Адольф Фредрик прочно займет престол¹. В своих стремлениях партия «шляп» опиралась на негласную поддержку Франции.

В последние годы правления короля Фредрика I Швеция вновь берет курс во внешней политике на сближение с Францией и ее союзниками. В связи с этим, были подписаны в 1746 г. договор о взаимопомощи с Пруссией и договор о денежных субсидиях с Францией, а в мае следующего 1747 г. был возобновлен союз с Турцией². Эти события происходили в то время, когда Россия окончательно переориентировалась на союз с Австрией и Англией, что явилось результатом победы А. П. Бестужева в придворной борьбе с «французской» партией. Таким образом, к 1748 г. Швеция и Россия окончательно разошлись по двум противоборствующим коалициям. Это дало новую пищу для конфронтации.

Покончив с проблемами на континенте, канцлер А. П. Бестужев-Рюмин обратил свое внимание на северные дела. Тем более что стали распространяться слухи о желании восстановить самодержавие, подкрепляемые выше описанными аргументами и подготавливаемой шведским правительством реформы правления³. В 1749 г. посол в Стокгольме Н. И. Панин трижды предупреждал правительство К. Г. Тессина. Так в полученном в мае рескрипте говорится о том, что в случае

¹ Андерссон, И. История Швеции/Пер. со швед. Н. А. Каринцева. М., 1951. С. 269.

² Лиштенан, Ф.-Д. Россия входит в Европу: императрица Елизавета Петровна и война за Австрийское наследство, 1740–1750./пер. с фр. В. А. Мильчиной. М.: ОГИ, 2000. С. 205.

³ Валишевский, К. Ф. Дочь Петра Великого. С. 320.

отмены настоящей формы правления в Швеции, Россия займет Финляндию, для защиты «шведских вольностей по примеру 1743 г.»¹. Но воинственный настрой, царивший в Петербурге, не был поддержан ее союзниками. Австрия отмежевалась, заявляя о том, что союзный договор от 1746 г. не применим и последующую за отказом реакцию отметил в своем послании канцлеру Ульфелду граф Бернес, являвшийся представителем при российском дворе. Он писал, что «гнев канцлера, в сущности, только скверная смесь глупости и лицемерия и когда он узнает, что и другие дворы не дают ему более удовлетворительного ответа, ему будет нетрудно отговорить свою императрицу... если только он не потеряет окончательно и небольшого прирожденного ума». Английский посол Гиндфорд назвал требования А. П. Бестужева-Рюмина «отвратительным крючкотворством»². Кроме того, попытка канцлера привлечь на свою сторону Данию также провалилась. В итоге союзники России, на которых надеялся опереться российский канцлер «не желали вступать в новую войну ради русских интересов и всеми силами пытались избежать эскалации конфликта»³. Возможно, здесь также кроется и традиционная черта английской дипломатии — поддержание равновесия, стремление не дать России полностью добить Швецию и тем самым стать сильнейшей державой на Балтике⁴.

Похожую позицию заняла и Австрия, еще не успевшая отойти от прошедшей войны. Очередная война не входила в планы императрицы Марии — Терезии, тем более, что ее интересы не были задеты напрямую. Наоборот, мир и свободные военные ресурсы России были необходимы Австрии для дипломатического давления на Пруссию. «Шведский кризис 1749–1750 г. спровоцированный французской дипломатией, не привел к войне между Россией и Швецией, — констатировал С. Г. Нелипович. — Австрийским дипломатам, прежде всего канцлеру А. К. фон Ульфелду, послам г. фон Бернесу и Й. фон Претлаку удалось противостоять авантюрным требованиям российского двора и направить последний на путь компромисса со Швецией»⁵.

Следует также отметить то, что действия российского посла в Стокгольме графа Н. И. Панина были во многом похожи на действия, предпринимаемые маркизом Ж.-И. де ла Шетарди в России, и имелись элементы вмешательства во вну-

¹ Соловьев, С. М. История России с древнейших времен. С. 773.

² Цит. по: Валишевский, К. Ф. Указ. соч. С. 320.

³ Анисимов, М. Ю. Россия и Швеция в середине XVIII века: от конфронтации к союзу// Отечественная история. 2004. № 6. С. 7.

⁴ Кан, А. С. История Швеции. М., 1974. С. 297.: «Англия не смотря на свой союз с Россией, опасалась ее дальнейшего усиления на Балтике».

⁵ Нелипович, С. Г. Союз двуглавых орлов. Русско-австрийский военный альянс второй четверти XVIII в. М.: Квадрига, 2010. С. 369.

тренние дела Швеции. Кроме того, «Россия — страна самодержавного произвола — добивалась международного признания своего права на вмешательство в дела Швеции ради защиты ее полуреспубликанской конституции! — констатирует историк-скандинавист А. С. Кан. — Новый посланник в Стокгольме Никита Панин начал свою миссию там, в 1748 г. с декларации в этом духе»¹.

Все перипетии связанные с престолонаследием в Швеции и раздутым по этому поводу скандалом подробно расписано в работах Ф.-Д. Лиштенан и в М. Ю. Анисимова². Но стоит отметить то, что проблему удалось замять только в 1751 г., когда по указке Версаля кронпринц сделал заявление о верности парламентскому режиму³. Весной 1751 г. кронпринц Адольф-Фридрих вступил на трон. Описание Панина, составленное о начале правления нового короля, в какой то мере свидетельствуют о том, что опасность была преувеличена, что он не имеет ни малейшей склонности к государственным делам, но все удовольствие поставляет в солдатских обрядах⁴.

Из анализа сложившейся ситуации можно сделать вывод о том, что одним из краеугольных моментов в русско-французских отношениях рассматриваемого периода являлась Швеция и ее место в политике обеих держав. Другими словами, скандинавское государство стало полем столкновения и взаимных уколов между Российской империей и Францией. Аахенский мир 1748 г. не снял остроту напряженности, а предал ей затяжной характер, и из прямой конфронтации перевел ее в опосредованную, в дипломатическую сферу. Именно в Швеции, в Стокгольме канцлер А. П. Бестужев-Рюмин пытался взять реванш за фактическое поражение в Акс-ле-Шапель от маркиза де Пюизье, главы внешнеполитического ведомства Франции. В целом, конфликт в Швеции выполнил свое предназначение — продемонстрировал Франции ключевую роль России в скандинавских делах и лишний раз показал, что позиция канцлера А. П. Бестужева-Рюмина и его влияние на российскую внешнюю политику исключительны и непоколебимы.

Кроме того, происходящие события в Швеции отчетливо показали нежелание европейских держав затевать новый военный конфликт, следствием которого могло бы стать усиление позиций Российской империи на северных рубежах Европы. В этом стремлении интересы противоборствующих сторон: Австрии, Великобритании, Пруссии и Франции совпадали, что отразилось в их единодушном решении урегулирования конфликта любой ценой. Ценой уступок и компромиссов, так было сохранено спокойствие на международной арене.

¹ Кан, А. С. Швеция и Россия в прошлом и настоящем. М., 1999. С. 138.

² Анисимов, М. Ю. Россия и Швеция в середине XVIII века: от конфронтации к союзу С. 3–17.

³ Лиштенан, Ф.-Д. Указ. соч. С. 214.

⁴ Соловьев, С. М. Указ. соч. С. 780.

Список литературы:

1. Андерссон, И. История Швеции/Пер. со швед. Н. А. Каринцева. М.: Издательство иностранной литературы, 1951.
2. Анисимов, М. Ю. Россия и Швеция в середине XVIII века: от конфронтации к союзу//Отечественная история. 2004. № 6.
3. Валишевский, К. Ф. Дочь Петра Великого. М.: Мир книги, Литература, 2007.
4. Кан, А. С. Швеция и Россия в прошлом и настоящем. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1999.
5. Лиштенау, Ф.-Д. Россия входит в Европу: императрица Елизавета Петровна и война за Австрийское наследство, 1740–1750./пер. с фр. В. А. Мильчиной. М.: ОГИ, 2000.
6. Нелипович, С. Г. Союз двуглавых орлов. Русско-австрийский военный альянс второй четверти XVIII в. М.: Квадрига, 2010.
7. Соловьев, С. М. История России с древнейших времен. М.: Эксмо, 2010.

Section 5. Pedagogy

*Șișianu Ala Ion, senior lecturer,
PhD student, Technical University of Moldova
E-mail: ala_at@mail.ru*

Evaluation in educational process

Modernization of higher education requires a clear definition of the tasks and the aims reliable with the structural changes induced by regulatory decisions in the light of the Bologna Process.

The fundamental objectives of the reform are converging with those of the social and economic development, higher education institutions functioning as outbreaks of modernization, generators of scientific knowledge, technological expertise and spiritual values, cultural centers and civic promoters of national values and international relations.

From this perspective the following fundamental objectives could be deduced:

- 1) to improve the existing higher education so as to meet the needs of a competitive economy, with a culture based on the values of pluralist, active and participatory democracy;
- 2) increasing the quality of higher education and contingent correlation registration of students in higher education with labor market demand in the country in accordance with the European and international standards;
- 3) stimulate motivation of participation in the higher education, especially of economically disadvantaged categories;
- 4) efficient implementation of the basic functions of higher education;
- 5) initial and ongoing training of staff for the national economy;
- 6) development of a creative and competitive personality in professional and social plan;
- 7) reproduction/production and transmission of science, culture and education values.

A special role in this process, for me, has evaluation. Nowadays independent educational evaluation is a field of study with its own specific theories, processes and

methods. At the same time evaluation is a wider field, covering a wide spectrum of subdivisions with a number of features, such as evaluating the education system, academic performance evaluation, institutional evaluation, and self-assessment program.

Evaluation has become an internationally widespread, with that name (evaluation) since 1960 in a variety of contexts. Although we focus on education here, it is important to remember that assessment models have been developed in other fields, especially social sciences. It was used to test the effectiveness of national and international programs in agriculture or crime prevention, improving health and transport policy. Increasingly, social service providers, program administrators and legislators use the assessment to determine the “efficiency” of existing programs and new procedures and/or interventions to produce certain types of “success” or “modification”. The consequences of the evaluations are focused on the strengths and weaknesses of various aspects of innovation, and their general “results”. This information is in turn used to determine how such interventions could be modified, improved or eliminated in order to provide a better service to satisfy the particular needs and completely fulfilling of challenges.

In education evaluation substituted a similar practical purpose, and it was applied to major programs of “whole school reform” or specific changes in curriculum.

There is a lot of literature with reference to the different types and purposes of evaluation. After a thorough analysis of different sources on this issue, in this paper I will try to enter and to clarify the essence of assessment, complexity, and some strategies that can be used in order to obtain answers to the evaluation questions.

I. WHAT IS EVALUATION. DEFINITIONS. STRUCTURE

‘The purpose of evaluation is not to prove, but to improve’

Egon Guba

As human beings, it is natural to wonder about how useful and how valuable are our activities. We can think of evaluation as a process of considerable clarification of this control work over our carried out effort. A more formal definition is to think of assessment as a “provider of information to make decisions about our product or process diligence.”

Evaluation has existed for a long time and has been defined in many ways. Reflecting on Scriven’s early work on the formative and summative aspects associated with the methodology of evaluation, Stake (1975) defined evaluation as ‘an observed value compared to some standard.’¹ He raised the valid point that any evaluation will leave ‘some things de-emphasized’, and so no evaluation process will be able to do justice to everything being observed. There can never be a perfect evaluation. Guba and Lincoln (1981) defined evaluation as ‘the systematic investigation of an evaluand’s worth or

¹ Stake, R. (1975) Program Evaluation. Particularly Responsive Evaluation.

merit'¹. Although this definition has been used extensively and is a useful guideline, it still leaves open the question of *how* we measure the worth or merit of something accurately and according to which standards and values. More recently Fournier² has described evaluation as an 'applied inquiry process for collecting and synthesizing evidence that culminates in conclusions about the state of affairs, value, merit, worth, significance, or quality of a program, person, policy, proposal, or plan'. This is the preferred definition as it is indicative of the breadth and complexity of evaluation and does not disguise the problematic nature of the task in hand.

A number of specialists in pedagogical science define evaluation as follows:

Constantin Cucuș: evaluation is an activity through which the teacher checks the student training and appreciate it with marks³.

Ioan Jinga: Evaluation is a "Barometer" which shows at any time the state of school instruction, successes and failures, the performance against those designed through the curriculum⁴.

Steliana Toma: evaluation is a process for measuring and assessing the value of the results of the education system, or part thereof, resource efficiency, conditions, strategies used by comparing the results with targets, in view of taking a decision of improving and further training⁵.

For a proper understanding of the nature of assessment it is required the highlighting of the main features. Thus: Assessment is an action of (specific) knowledge of some phenomena in terms of their characteristics, of the state and functionality of a system, of the results of activities.

Therefore, its subject can be a phenomenon, a person (student, teacher), an activity or its results, an institution, the school system as a whole, etc.

More broadly, the evaluation is the activity through which is collected, processed and interpreted information about the state and functioning of a system, of the results which it acquires, activity leading to their appreciation based on certain criteria, standards and through which is influenced the evolution of the system.

II. ASSESSMENT'S MAIN FUNCTIONS AND OPERATIONS

The purpose of evaluation is to improve the educational process. Relating to the implementation of a training sequence, or a set of training activities the following evaluation function can be drawn:

¹ Guba, E. G. & Lincoln, Y. S. (1981) *Effective Evaluation* (San Francisco/London: Jossey Bass).

² Fournier, D.M. (2005) *Evaluation*. In S. Mathison (ed.) *Encyclopedia of Evaluation* (Thousand Oaks: Sage).

³ Cucuș C., *Educație. Dimensiuni culturale și interculturale*.

⁴ Jinga, I., Istrate, E., *Manual de pedagogie*, Editura All, Bucuresti, (1998).

⁵ Radu, I. T., *Evaluarea în procesul didactic*, EDP, Bucuresti, (2007).

Of finding — if an educational activity was conducted under optimal conditions, verifying school acquisitions;

Of informing the society through various means on the state and evolution of the training school population;

Of diagnosis of the causes leading to poor training and low efficiency of educational activities;;

Of forecasting future needs and availability of students or educational institutions;

Of selection or *decision* on the position or the integration of a student in a hierarchy, in one form or level of his training.

Pedagogical — from the student perspective — motivating, stimulating, educational and vocational guidance, strengthening the results, training of skills, awareness of the possibilities; from the teacher perspective: that of giving hints on what still has to be done.

In relation to students, assessment has the following functions:

Of supervision the student learning process compared to a set of criteria established beforehand;

Developing motivation to learn, so that students acquire the energy needed to overcome learning obstacles;

Consolidation and systematization of transmitted knowledge, skills and habits;

Creation of an internal feedback to improve the quality of results;

Selection — based on the obtained results from different types of evaluations there is carried a *Classification and admission* of students in competitions, school exams.

Certification of competence in a particular field of knowledge, professional, sport or artistic.

By reporting to the teacher, student assessment has the following functions:

Feedback on the effectiveness of teaching process, learning, teaching — learning strategies relevance;

Teaching process *auto regulation*;

Students educational and vocational *guidance*;

Knowing the student as an agent of his own formation, personalization the teaching approach on students' individual peculiarities understanding.

Evaluation's action structure includes three main operations: *measurement-assessment-decision*

A) **Measurement** is the evaluation operation that provides recording of “observable characteristics” expressed in quantitative terms (score, figures, statistics, etc..) and/or the descriptions focused on small areas of manifestation. Measurement tends to a certain objectivity, observational, supported usually by special tools for quantitative evaluation of the studied phenomenon (questionnaires, guides, standardized tests, statistical techniques, etc..).

B) **Assessment** is the evaluation operation involving interpretation of facts recorded according to certain quality criteria, definitely pedagogical, independent of the measuring instruments used in a particular method or teaching/learning strategies.

As a specific operation, assessment capitalizes on the one hand, methodological consensus institutionalized at the managerial level in connection with specific criteria for evaluating the previously measured results:

a) the criterion ratio of the quality of existing resources for “input” — the quality of process/teaching activity — the quality of the “product”/institution or student, for “output” (the end of the lesson, chapter, cycle training, etc..)

b) the criterion ratio of the specific objectives institutionalized at the level of programs — specific objectives assumed and carried out according to existing educational resources in the local educational community, school organization, classroom, each student;

c) the criterion ratio of the specific objectives set at minimum- average- maximum level and specific objectives achieved at the end of the activity in terms of performance and minimum-medium-maximum skills.

d) the criterion ratio of performance and competence level achieved by the teacher and the students in the last action of evaluation and pedagogical progress/regress carried out meanwhile;

e) the criterion ratio of teacher training (initial and continuing training, gained teaching experience, obtained teaching degree) and the assumed level of educational exigency. On the other hand, full tapping of these criteria allows the issuance of a worth judgment, made to the pedagogical diagnostics in terms of a standardized formula that reveals the assessed object strengths and weaknesses (school, class of students, student, etc.), “locating learning difficulties in order to remedy them.”

C) **The decision** is the operation of evaluation that provides an assessment extension into a school mark, characterization, determination, recommendation, etc.. with a pedagogical value forecasting.

This operation falls within the final evaluative judgments, of a great complexity psychological and social responsibility, which commits observing the following pedagogical criteria:

a) full tapping of the specific characteristics of the evaluated object (proper socio-cultural environment of the school institution, classroom, pupils psychological age), interpretable at a general, particular and individual level;

b) the permanent amelioration of the educational quality in general, teaching/education activity in particular;

c) transformation of diagnosis into forecasting with positive anticipating function of institution, class and student development, managing verifiable at different time intervals;

d) providing pedagogical communication decision in managerial terms of methodological guidance of the assessed in an opened proceedings directed to (self-) improvement.

Strategies or forms of evaluation shall be established on the following criteria: The realization time of teaching/learning, the amount of information or evaluated experience and the functions that the act of evaluation performs.

Depending on the time axis result the following types: initial assessment, parallel evaluation or concomitant to teaching (also we could use the name of continuous assessment) and final evaluation.

Depending on the amount of information can be distinguished: partial or sequential evaluation and overall assessment.

By combining the two previously mentioned criteria with the criterion of evaluation functions there result three types or assessment strategies: initial assessment (or predictive) formative assessment (continuous) and summative assessment (cumulative).

Evaluation methods

Under this heading nowadays are included:

(1) several methods of verifying pupils' progress in school (current oral examination, current written verification, periodic written verification, using the exams, practical verification, either current or periodic, comprehensive/total verification — i. e. exam — either written or oral, practical, or by combining all the mentioned methods, checking at the end of each chapter, verification by tests and

(2) methods of assessment (verbal appreciation, without assigning a mark, and alongside, marking).

III. CONCLUSIONS

The evolution of concepts of educational evaluation traverses in the XXI century, the moments of transition from “culture of testing” to “evaluation culture”, i. e. from the “measurement” to “authentic” evaluation. The dominant paradigm in the 60–70 of the XX century conferred a great attention to measurement, accuracy need, the solution being formulating educational objectives in behavioral, measurable and operational terms. Thus, it is considered that the precision in the formulation of objectives is a prerequisite for assessment objectivity, validity and reliability. Theoretical and methodological approaches have evolved in recent decades. Based on the question “what results do we want to achieve as a result of learning?” and on analyzing the negative effects of assessment on curriculum and training, on the trainer and students, there was made an attempted to “re-design” the evaluation. North American theorists use the term “authentic assessment” to describe this new concept. Assessment is no longer considered just a way to control, potentially completed with penalties. It is designed as an integral part of the whole learning process and not a separate stage

thereof. In this new context, the role of assessment is to support learning and training without “distorting” them. The specialty literature even suggests to “demystify evaluation”: the removal of mysterious aura that the assessment sometimes has and the insurance of transparency and credibility of this process.

Many specialty papers analyzed and criticized the psychometric model, particularly to the standardized tests which do not measure important aspects of learning and do not support learning. Standardized tests, normative, multiple choice items were rarely able to evaluate superior skills. The main criticisms of standardized tests revealed low diagnostic value of evaluative information, inferior capacity assessment, encouraging the response to predetermined problems. This does not reflect the diversity of student experiences, does not reflect how do they learn (the mode/way learning), but only the final results of the teaching process.

The authentic assessment model suggests shifting the focus from assessing learning outcomes to the learning process. The main features of this new conception of assessment are presented below.

1. Evaluation should be representative for student performance: they perform experiments, do not memorize the information; tasks are contextualized and complex; it (evaluation) involves meta cognition; enables expression of the learning style of each participant.

2. Evaluation criteria focus on the essential; students know the tasks and assessment criteria, know what skills should be demonstrated. It is a holistic assessment that promotes the principle that “the whole is more important than the part”.

3. Important role of self evaluation: students analyze their results, compare them, review their learning strategy.

4. Form in students the belief that their work is important, and not just the results.

References:

1. Cucuș C., Educație. Dimensiuni culturale și interculturale., Editura Polirom, Iași, 2000.
2. Fournier, D. M. (2005) Evaluation. In S. Mathison (ed.) *Encyclopedia of Evaluation* (Thousand Oaks: Sage), pp.139–140.
3. Guba, E. G. & Lincoln, Y. S. (1981) *Effective Evaluation* (San Francisco/London: Jossey Bass).
4. Illeris K: *The Three Dimensions of Learning: Contemporary Learning Theory in the Tension Field between the Cognitive, the Emotional and the Social*. Copenhagen: Roskilde University Press. 272 pages, 2002. American edition: Malabar, Florida: Krieger Publishing Company, 2004.
5. Jinga, I., Istrate, E., *Manual de pedagogie*, Editura All, Bucuresti, 1998.
6. Radu, I. T., *Evaluarea în procesul didactic*, EDP, Bucuresti, 2007.

7. Stake, R. (1975) Program Evaluation. Particularly Responsive Evaluation (University of Illinois at Urbana-Champaign: Center for Instructional Research and Curriculum Evaluation), from a paper presented at a conference on „New Trends in Evaluation“, Göteborg, Sweden, October 1973.

*Boronenkova Ljubov Sergeevna,
Perm pedagogical college № 1
teacher, a separation is a physical culture
E-mail; Luba828@yandex.ru*

Projects “University Game 2013/2014” and “We for an own health”!

*Бороненкова Любовь Сергеевна,
Пермский педагогический колледж № 1
преподаватель, отделение физическая культура
E-mail: Luba828@yandex.ru*

Проекты «Универсиада 2013/2014» и «Мы за собственное здоровье!»

В настоящее время, студент суза должен уметь работать во временных командах и коллективах, и быть готовым к совместному обсуждению и решению поставленных проблем и задач перед академической группой. Сейчас весь образовательный процесс в СПО построен согласно компетентностного подхода, который в первую очередь предполагает ориентацию на результаты, что означает стремление достичь их в процессе обучения для каждого студента. Данный процесс переносит акцент с намерений и поставленных задач преподавателями на реальные достижения обучающихся. Результатом обучения являются усвоенные знания и освоенные компетенции¹. Основной составляющий образовательных технологий, поддерживающих компетентностно-ориентированный подход в обучении, является метод проектов. Данный метод универсален по отношению к предметному содержанию, и эффективен поскольку: стимулирует практическую деятельность студентов, позволяя формировать весь набор компетенций; он наименее ресурсозатратен и является прекрасным способом, направленным на организацию «естественной среды», то есть условий деятельности, максимально приближенные к реальности. Этот метод не только создает естествен-

¹ Практические рекомендации по выбору типовой системы управления качеством образования для вузов и ссузов. СПб.: СПГУ «ЛЭТИ», 2001. С. 20.

ную среду для формирования компетенций, но и обеспечивает, освоение новых способов деятельности на интегрированном содержании, и появлении опыта соорганизации ресурсов для достижения поставленных целей преподавателем перед студентами¹.

В этой статье речь пойдет о двух рабочих проектах «Универсиада 2013/2014» и «Мы за собственное здоровье!», внедренных в СПО, первый проходил в 2013–2014 учебном году на учебной базе: ГБОУ СПО «Чаковский индустриальный колледж», а второй 2014–2015 году проводит ГБОУ СПО «Пермский педагогический колледж № 1».

Перед автором была поставлена задача спланировать систематическую занятость преподавателей физической культуры и студентов на академический год. Эта занятость требовала от участников добровольного желания участвовать в программах проектов.

В учебном заведении необходимо проектирование и создание индивидуальной модели внеучебной воспитательной деятельности, которая будет учитывать особенности студенческого коллектива, его интересы и склонности, а также организовывать отдельную составляющую сотворчества преподавателей (кураторов) и студентов².

Проект «Универсиада 2013/2014» представлен в виде трехъярусной теоретической модели. Программа этого проекта предполагает координированную работу на полностью оснащенной базе учебного заведения. База СПО «ЧИК» представлена: двумя спортивными залами, открытым спортивным сооружением (территория лесополосы (круг для бега, дистанцией — 1000 метров)), тиром и лыжной базой, а так же у учебного заведения была возможность аренды городского катка и бассейна.

Этот проект подразумевал участие студентов смешанного контингента по гендерному фактору. Участвовало 38 групп (950 студентов) очного отделения. Организовали программу, шесть преподавателей физической культуры.

Проект «Мы за собственное здоровье!» имеет менее масштабную модель, она представлена в виде трех ярусов, из которых первый спланирован на 2014–2015 учебный год. Программа этого проекта предполагает четкую координированную работу на неоснащенной базе учебного заведения. База СПО «ППК№ 1» не имеет в наличии спортивного зала, и открытого спортивного сооружения. Учебное заведение имеет возможность аренды городского катка, спортивный зала и стадиона. Этот проект подразумевает участие студентов по гендерному факто-

¹ Воровщиков С. Г. Развитие учебно-познавательной компетентности учащихся Опыт проектирования. // Управление школой. – 2009. – № 7. С. 17–28.

² Кагерманьян В. С. Примерная программа воспитания активной личности студента/Рабочая версия. М.: НИИВО, 2002. – С. 74–76.

ру, предоставление от студенчества преимущественно женских команд. В проекте участвуют 17 групп (480 студентов) очного отделения. Организуют программу проекта, два преподавателя физической культуры.

Надо отметить, что если рассматривать рабочий проект и на его основе созданную практическую модель, которая в последствии реализуется в рамках реального образовательного процесса, то результатом во внеучебной воспитательной деятельности является реализация системного, практико- и личностно-ориентированного содержания воспитания производимого педагогами на каждом мероприятии и в целом всего комплекса мероприятий. Важнейшим в данной теоретико-практической модели является создание условий для самовоспитания и самореализации студентов, обучающихся в академических группах, каждой личности в отдельности и спортивной команды. Участие в подготовке к выступлению на мероприятиях позволяет преодолеть поставленные перед студентами нереализованные первичные ориентиры и дойти до конца с получением индивидуального результата.

Внеучебная работа по физическому воспитанию, содержанием и организацией работы студентов в колледже и обусловлена целью и общими задачами физического воспитания. Опираясь на ФОСТ в частности на пункт № 7, рассматривающий требования к проведению занятий. В положение № 7.1, учебное заведение формирует социокультурную среду, то есть преподаватели обязаны создавать условия для всестороннего развития и социализации, обучаемых в колледже и сохранять их здоровье, а в № 7.9, по учебной дисциплине «Физическая культура» предусмотрено еженедельно два часа нагрузки — аудиторное занятие, и два часа самостоятельная работа основанная на реализации различных внеучебных форм занятия с учащимися¹.

Итак, исходя из вышерассмотренного *внеучебная работа по отношению к учебной занимает подчиненное положение, обогащая и наполняя последнюю специфическим содержанием и разнообразием организационных форм и она имеет методические особенности:*

- внеучебная работа строится на добровольных началах;
- содержание и формы организации занятий определяются с учётом интересов большинства студентов и условий колледжа;
- студентам предоставляется возможность широкого выбора форм и видов занятий в соответствии с их желаниями и способностями;
- внеучебная деятельность держится за счёт широкой общественной активности самих студентов колледжа, объединенных в учебные коллективы, и осуществляется при постоянном контроле и руководстве их деятельности со стороны преподавателей физической культуры;

¹ ФГОС СПО по специальности 190631 «Техническое обслуживание и ремонт автомобильного транспорта»: рабочий вариант. М.: ГНИИ ИТТ «Информатика», 2010. С. 36–37.

— педагогическое руководство в процессе внеучебной работы приобретает в большей мере инструктивно-методический и консультативно-рекомендательный характер, стимулирующий проявление творческой инициативы студентов.

Внеучебная работа не может быть полной, если не будет сопровождаться системой колледжевых спортивных соревнований, мероприятий и спартакиад. Не важно, какое название будет носить проект: «Спартакиада», «Студенческие состязания», «Олимпийский марафон» не актуально повторять предыдущее.

Стандарт третьего поколения не содержит отдельную нагрузку для секционных занятий, она уже учтена в общем количестве часов для дисциплины. В каждой группе отводится на практические занятия разное количество времени по плану.

Перед создателем проектов и теоретических моделей стояла проблема, как помочь коллективу в колледжах организовать не только секционную работу, но и внеучебную деятельность студентов итак, при написании и планировании проектов нужно учесть:

— включение секционной работы и рассмотрение её как иного вида деятельности и отдельно оплачивать как дополнительное стимулирование, рассчитав посезонно в индивидуальном порядке для преподавателя, изъявившего желание вести секционную работу. Посезонно — это время, которое отводится для подготовки команды на городское или региональное мероприятие (за 3–4 месяца до него);

— вынесение секционных занятий за пределы учебного времени из основного расписания;

— внеучебная деятельность должна охватывать полноценное участие всех групп студентов на очном отделении;

— необходимость в создании специально адаптированной гибкой системы оценивания деятельности обучаемых и исполнителей проекта;

— четкость в продумывании алгоритма информирования кураторов и студентов об условиях участия в мероприятиях;

— наличие адекватности соотношения личных ориентиров студента, от ненужных и, в конечном счёте, ложных противопоставлений общественным интересам при участии в программе мероприятий из проектов.

Универсиада и Мы за собственное здоровье! — это практически выполнимые программы мероприятий, обладающие определенной цикличностью и проводимые в течение запланированного промежутка времени (на примере периода в три года) со своей универсальной системой оценивания и направленностью в определении целевого компонента. Проект «Универсиада-2013/2014» (длился один год) и «Мы за собственное здоровье!» также спланирован на периодичность длительностью на год. Проекты направлены на организацию внеучебной деятельности студентов по физической культуре и спорту в колледжах, в частности каждый из них пред-

ставляет собой программно-нормативную основу воспитания обучающихся во внеучебное время.

Анализ сложившейся ситуации, за период 2012–2013 учебного года коллективами преподавателей ФК, наработан большой положительный опыт в организации внеучебной деятельности по физической культуре в колледжах: разработана часть положений — этапов программ проектов; в начале каждого года разрабатывается и утверждается администрацией колледжа режим работы преподавателей физической культуры; рабочей группой преподаватели составляют календарный план спортивных мероприятий и расписание работы секций в колледже; ежегодно осуществляется отбор лучших спортсменов в команды, по различным видам спорта на городские и краевые соревнования; после проведения каждого мероприятия из календарного плана преподавателями физической культуры единично оглашаются результаты.

За последний год, анализируя организацию внеучебной деятельности в колледжах, выявлен ряд проблем: 1) превалирует типовая организация процесса внеучебной деятельности, она ограничивается составлением календарного плана спортивных мероприятий колледжа и его утверждением; 2) не разработан календарь мероприятий включенных в проекты; 3) нет сводной информации для студентов о результатах выполнения группами всей программы по проектам за год; 4) нет перечня требований в программах и положениях для участия в спортивных мероприятиях колледжа; 5) нет универсального оценивания деятельности групп и кураторов; 6) нет четкого распределения обязанностей для организаторов и исполнителей проектов; 7) отсутствует практика проведения систематически построенного проекта в учебных заведениях рассмотренных в данной статье.

При написании проекта определяется перечень требований к студентам, а затем рассматриваются условия участия обучаемых в этапах программы, а потом разрабатывается и внедряется шкала оценивания результатов реализации проекта, в документации СПО. Полученную наблюдением информацию объединить в одну общую проблему, то она будет сформулирована таким образом: «В колледжах отсутствует системный подход к организации и планированию проведения этапности внеучебной деятельности основанной на цикличности спортивных мероприятий объединенных в два общих проекта, которые названы (Универсиада 2013/2014 и Мы за собственное здоровье!)».

Цель проекта: «Универсиада 2013/2014» проходит в течение одного академического года по характеру организации (динамично и слаженно); проект способствует приобщению учащихся суза к целенаправленным и систематически-организованным формам занятий в колледже; облегчает проведение мониторинга как участия групп так и, кураторов осуществляющих отбор студентов в спортивные команды. В проекте выдвигаются следующие задачи: обобщение положительного опыта в области организации внеучебной деятельности студен-

тов колледжа; отбор лучших студентов по результатам универсиады, в команды по различным видам спорта; внедрение структурированного плана систематической организации различных форм деятельности, студентов очного отделения и кураторов во время прохождения проекта в колледже; реализация универсиады преподавателями физической культуры.

Цель проекта «Мы за собственное здоровье!»: способствует формированию необходимых знаний, умений, навыков и приобщает студентов к систематическим занятиям спортивно-оздоровительной деятельностью; осуществляет пропаганду сохранения здоровья обучаемых СПО; облегчает проведение мониторинга результатов; улучшает физическую подготовленность учащихся «Пермского педагогического колледжа № 1». *Задачи проекта:* формирование и развитие у студентов устойчивой потребности в физическом совершенствовании и сохранении здорового образа жизни; повышение физической, нравственной и духовной культуры обучаемых; создание спортивной традиции колледжа; воспитание потребности и умений самостоятельно заниматься физическими упражнениями, сознательно применять их в целях отдыха, тренировки, повышения работоспособности и укрепления здоровья; содействие общественной активности и развитию творческой инициативы, самостоятельности и организаторской способности у студентов.

Принципы проектов:

1) *Оздоровительная направленность*, заключается в целевой направленности мероприятий основанных на выполнении физкультурной деятельности носящей рекреативный характер. Этот принцип характерен для всех мероприятий входящих в программу проектов.

2) *Адаптированность* заключается в принадлежности к определенному учебному заведению и специально созданным условиям, и вариативности, запланированной деятельности рассчитанной на контингент обучающихся (15–21 год и 18–22 года), и делящихся по гендерному критерию (юноши и девушки).

3) *Личностно-ориентированная направленность* — все мероприятия учитывают участие групп очного отделения, группа участница должна выставить команду от 2 до 10 человек или поучаствовать полностью всем составом.

4) *Доступность*, непрерывная информированность в виде текстовой информации в «NET-школе» и сайте в колледже: акции пиара (фильмы и фото-презентации по сюжетам соревнований); графики собраний с кураторами и физоргми групп; информация (положения соревнований и результаты).

5) *Комплексность оценивания и научная доказательность* — определенность с критериями и показателями результатов практической модели.

6) *Обязательность медицинского контроля* — каждая заявка для участия в мероприятиях включает контингент участников, и согласуется с медицинским работником колледжа, где ставится отметка о допуске студентов к соревнованиям.

7) *Непрерывность и преемственность* — мероприятие сменяется одно на другое согласно, определенному графику.

8) *Учёт средовых условий в колледже* в программу общего мероприятия организации внеучебной деятельности со студентами включаются только такие виды спорта, по которым есть возможность их проведения, а именно соответствует база колледжа.

9) *Целенаправленность, согласованность и последовательность* внеучебной деятельности, ориентирована не на разовые акции и отдельные мероприятия по видам спорта, которые в созданных условиях не утрачивают собственную значимость. Программа проекта рассчитана на циклические и долгосрочные периоды от одного до трех лет.

10) *Опора на положительные модели поведения студентов* происходит при деятельности академической группы или команды, и формируется непосредственно в студенческой среде в режиме соревнований.

11) *Установка на прямой личный контакт* студентов, с коллективом преподавателей физической культуры, кураторами групп, студентами-волонтерами и гостями мероприятий.

Этапы внедрения проектов: первый этап — «подготовительный» — начало реализации практической части с сентября 2013/2014 по декабрь 2013/2014 г; второй этап — «продуктивный» — январь 2014/2015 г по апрель 2014/2015 г (первые результаты по реализации проекта и текущий мониторинг); третий — «заключительный» — май–июнь 2014/2015 г (подсчет и анализ полученных результатов, определение балльного рейтинга групп участниц).

Прогнозируемые эффекты реализации проектов: социальный эффект (организация участия групп и кураторов в предложенных формах внеучебной деятельности суза; укрепление традиций учебного заведения); управленческий эффект (повышение технологической и исполнительской дисциплины преподавателей физической культуры и кураторов групп; повышение организации и управления этапами программы мероприятий проводимых в колледже; осуществление постоянного мониторинга результатов «Универсиады 2013/2014» и «Мы за собственное здоровье!»).

Кадровое обеспечение: созданы рабочие группы по подготовке мероприятий и утверждению положений; привлечен медицинский работник и кураторы групп, а также волонтеры и студенческое самоуправление. Координирует деятельность по реализации проекта автор Л. С. Бороненкова, и исполнители преподаватели физической культуры.

Материально-техническое обеспечение: компьютерное оснащение 1шт.; программное обеспечение «NET-школа» (только для преподавателей колледжа) и сайт суза; три открытых спортивных сооружения; два спортивных зала.

Продуктивная часть проекта включает следующие документы календарный план оформленный в таблицах 1 и 2 и смета мероприятий. Секционная работа: волейбол (ю/д), настольный теннис (ю/д), баскетбол (ю/д), мини-футбол (ю/д), АФК (ю/д).

Требования к участникам проекта, участниками являются обучаемые очного отделения (из статьи № 33, закона о перспективах среднего образования в Российской Федерации на 2013), учащимися колледжа являются студенты — это лица, осваивающие образовательные программы среднего профессионального образования, программы бакалавриата, специалитета или магистратуры. А участниками соревнований и спортивных мероприятий, являются спортсмены.

Таблица 1. – Календарный план мероприятий из проекта «Универсиада 2013/2014»

Наименование	Виды спорта	Время
Легкоатлетический кросс	Легкая атлетика	Октябрь
Силовое троеборье		Октябрь
Олимпиада для I курсов		Ноябрь-Декабрь
Неделя спорта		Февраль
Легкоатлетическая эстафета		Май
Блиц-турнир по баскетболу	Спортивные игры	Октябрь
Блиц-турнир по волейболу		Октябрь
Первенство колледжа по мини-футболу		Апрель
Кубок колледжа по баскетболу		Ноябрь
Кубок колледжа по волейболу		Февраль-Март
Первенство колледжа по пулевой стрельбе		Февраль
Первенство колледжа по настольному теннису		Апрель
Первенство колледжа по футболу		Май
Весёлые старты	Подвижные игры	Декабрь
Первенство колледжа по плаванию	Плавание	Март
Закрытие зимнего сезона	Льжные гонки	Март
Шорт-трек	Конькобежный спорт	Март
Первенство колледжа по спортивным танцам	Спортивные танцы	Апрель
Открытие «Универсиады»	Туризм	Сентябрь
Закрытие «Универсиады»		Май

Таблица 2. – Программа проекта «Мы за собственное здоровье»

Мероприятия проекта	ответственные	время
1	2	3
I семестр		
Скоростно-силовое троеборье	Бороненкова Л. С. Цветов Ю. П.	8–20 сентября
Первенство колледжа по метанию мяча из-за головы	Бороненкова Л. С. Цветов Ю. П.	6–10 октября
Конкурс эссе, посвященный празднованию Всемирного дня трезвости и борьбы с алкоголизмом	Бороненкова Л. С.	1–2 октября
Первенство колледжа по настольному теннису	Бороненкова Л. С., Цветов Ю. П.	13–17 октября
Первенство колледжа по волейболу	Цветов Ю. П.	20–31 октября
Первенство колледжа по баскетболу	Цветов Ю. П.	10–21 ноября
Конкурс стенгазет, посвященный всемирному дню борьбы со СПИДом	Бороненкова Л. С.	1 декабря
Процентное соотношение посещаемости занятий по дисциплине «Физическая культура» за I семестр	Бороненкова Л. С. Цветов Ю. П.	9 декабря
II семестр		
Олимпиада для I–III курсов	Бороненкова Л. С., Цветов Ю. П. Карпов С. А.	Январь
Неделя спорта	Бороненкова Л. С. Цветов Ю. П.	Февраль
Первенство колледжа по спортивным танцам	Бороненкова Л. С. Цветов Ю. П.	Март
Первенство колледжа по Дартс	Бороненкова Л. С. Цветов Ю. П.	Март
Первенство колледжа по метанию мяча	Бороненкова Л. С. Цветов Ю. П.	Май
Общеколледжеская легкоатлетическая эстафета	Бороненкова Л. С. Цветов Ю. П.	Май-Июнь
Конкурс стихотворений и поэм, посвященных всемирному дню борьбы с курением	Бороненкова Л. С.	Май-Июнь

1	2	3
Конкурс рисунка, на асфальте посвященный международному дню защиты детей	Бороненкова Л. С. Цветов Ю. П. Судьи студ. совет	Июнь
Процентное соотношение посещаемости занятий по дисциплине «Физическая культура» за II семестр	Бороненкова Л. С. Цветов Ю. П.	Июнь

Спортсмен — это физическое лицо, занимающееся выбранным видом спорта и выступающее на спортивных соревнованиях¹. В рамках проектов мной преобразованы способы мотивации студентов, предложенные автором В. А. Скакун²:

1. Убеждение учащихся в практической необходимости принятия участия в спортивно-массовых мероприятиях.

2. Эмоциональное воздействие, создание ситуации занимательности (разнообразие мероприятий и балльно-рейтинговая система).

3. Краткий экскурс в историю дисциплины (разнонаправленность мероприятий, и оценивание их по регламентированным общепринятым правилам).

4. Вовлечение студентов в целенаправленную и определенную деятельность (программы проектов).

5. Стимулирование новых достижений индивидуально и командно (материальная и моральная поддержка).

6. Объективность контроля и оценки (балльная система).

7. Гласность и перспективность оценки достижений учащихся (рейтинг групп).

Для получения *результатов* проводится мониторинг, заключающийся в непрерывном слежении за состоянием окружающей среды с целью предупреждения нежелательных отклонений по важнейшим параметрам³. *Под средой я рассматриваю условия, которые организует учащимся и преподавателям реализация проектов.* Методами повторных замеров и наблюдений накапливается и анализируется информация и оформляется в динамике, при этом используется сравнение с базовыми или нормативными показателями. Педагогический мониторинг — это форма организации сбора, хранения, обработки и распространения информации о деятельности педагогической системы (проекта). Он обеспечивает непрерыв-

¹ Федеральный закон о физической культуре и спорте в Российской Федерации. Новосибирск: Сибирское университетское изд-во, 2008. С. 7.

² Скакун В. А. Методика преподавания специальных и общетехнических предметов (в схемах и таблицах). М.: Академия, 2005. С. 25.

³ Иванков Ч. Т. Методические основы теории физической культуры и спорта. М.: Инсант, 2005. С. 273.

ное слежение за её состоянием и прогнозированием её развития. Критерий — это обобщенный показатель развития системы, успешности деятельности, являющийся основой для классификации¹. Первый «участие», второй «качество исполнения», третий «прогнозирование».

I. Критерий, *участие* — это добровольное согласие всех желающих поучаствовать в программах проектов, собственным участием студенты выказывают свои мотивационные предпочтения. Выражен критерий следующими показателями:

— показатель *мотивационные предпочтения*, основывается на осознанном выборе студентом отдельного вида спорта, соревнования по данному виду, или культурно-массового мероприятия. Мотивация — это совокупность устойчивых мотивов, побуждений, определяющих задачи, содержание и характер деятельности². Знание педагогом мотивации студентов к разноплановой деятельности необходимо не для того, чтобы приспособливаться к их возможностям и потребностям, а для того, чтобы учитывать реальные мотивы при организации образовательного процесса, при выборе форм и методов обучения³.

Предпочтение — это выражение преимущества при сравнении чего-либо, чем-либо или кого-либо⁴;

— *добросовестность и поддержка* характеризуется, тем, что студент стремится исполнить свой студенческий долг и поддерживает собственную команду и группу на СММ (физорг группы справляется со своими обязанностями, есть болельщики, группа выполняет волонтерскую работу);

— показатель *активное исполнение своих обязанностей* — это участие кураторов, их заинтересованность в происходящем и желание замотивировать собственную группу. Это общее количество баллов, которые зарабатывает куратор помогающий реализовывать проект.

II. Критерий — *качество исполнения* — это индивидуальный результат который получает группа, а также личное первенство каждого студента колледжа:

— показатель *индивидуальный результат* — это когда каждая группа в отдельности, целенаправленно стремится получить большее количество баллов, и желает быть лучшей по сравнению с остальными;

— *личное первенство* — это когда студент принимает участие, но при этом он оказывается лучшим по собственным показателями по сравнению с большинством, выполнившим этот вид деятельности.

¹ Педагогические технологии. Автор. составит. Т. П. Сальникова М.: Творческий центр, 2008. С. 105–106.

² Там же.

³ Иванков Ч. Т. Методические основы теории физической культуры и спорта. М.: Инсант, 2005. С. 273.

⁴ Там же.

III. Критерий *прогнозирование* — это приближенное к действительности «предсказывание» предварительных результатов, характеризуется балльным рейтингом.

— *балльный рейтинг* дает общий результат и цифровое описание участия всех групп колледжа в проектах. Оценивание участников в таблице 3.

Таблица 3. – Оценка критериев

Категории участников	Кураторы групп		Академическая группа		Физорги групп	
Название критериев	Семестры (2013/2014 года и 2014/2015)					
	I	II	I	II	I	II
Выполнение условий проекта	Четкое и верное выполнение алгоритма участия, прописанного в положении и в этапах программы мероприятий согласно требованиям проектов					
<i>Участие</i>						
Мотивационные предпочтения студентов	% соотношение направленности мероприятий программы		Предпочтение видов спорта из обработанной анкеты или опроса		Кол-во присутствующих в% по направленности мероприятий программы	
Добросовестность и поддержка	Организует группу и она принимает участие не менее в 75% от всех мероприятий программы		Самоуправление в группе эффективно работает, выбран физорг, он справляется со своими обязанностями, есть болельщики, созданы отличительные знаки для команды участницы от коллектива, есть название и девиз			
Активное исполнение своих обязанностей	0,1–16,1 баллов (0,1–10,4 баллов)	0,1–23 балла (0,1–11,7 балла)	Кол-во мероприятий в которых участвовала группа		Кол-во присутствий на собраниях и жеребьевке за год	
<i>Качество исполнения</i>						
Индивидуальный результат	8–77 баллов (64–88 баллов)	8–110 баллов (72–99 баллов)	По общему количеству оценивания результатов в баллах		0,25–3,5 балла	0,25–5 баллов
Личное первенство	Индивидуальное оценивание в баллах					
<i>Прогнозирование</i>						
Балльный рейтинг	Более 50% участие групп в большинстве мероприятий, точное и показательно-информативное оценивание результатов проектов в баллах и построение рейтинга для каждой категории полученных результатов					

Примечание к таблице № 3: жирным шрифтом в скобках отображены данные проекта

«Мы за собственное здоровье!»

Оба проекта включают ещё одну составляющую — процедуру оценивания — «оценка» — это унифицированная мера успеха в каком-либо задании, например тесте по результатам соревнования.

Оценка выражена в условных знаках-баллах, а также оценочных суждениях педагога степени усвоения студентами знаний, умений и навыков, установленных проектом.

Процесс определения оценок называется оцениванием. Он состоит из следующих стадий: 1-подбирается или создаётся шкала; 2-в соответствии с ней результаты теста преобразуются в очки (баллы); 3-полученные очки суммируются и объявляются участникам проекта. Тесты — это стандартизированные задания позволяющие выявить наличие или отсутствие каких-либо характеристик, у изучаемого лица (знаний, умений, способностей, а также отношений к тем или иным объектам). Тесты обеспечивают возможность объективной диагностики, проверки и оценки качества полноты знаний и умений студентов. *Ожидаемый результат, успешная реализация проектов и специально созданной системы балльного оценивания деятельности участников и исполнителей.* Финансовое обеспечения проектов отображено в таблице 4.

Таблица 4. –Финансирование проектов

Исполнители проекта	Материальное стимулирование	Моральное стимулирование
1. Преподаватели ФК	Поощрение согласно таблице № 3	Грамота и публичное поощрение
2. Кураторы групп	За каждый балл согласно таблице № 3	
3. Академические группы участницы	Подарки и призы (из сметы)	Сертификат, публичное поощрение
4. Физорги групп	Подарки и призы (из сметы)	Сертификат, публичное поощрение

Риски и пути их преодоления. Организационные риски: первый, связан с погодными условиями соответствие и не соответствие при проведении мероприятий; второй, связан с оформлением информационных материалов в соответствии с требованиями проектов. Происходит обсуждение путей предотвращения рисков на заседаниях и на круглых столах с коллективом преподавателей ФК.

Техническое задание к проектам: разработка макетов руководства к проведению соревнований и ведению внеучебной работы в колледжах на основе проектной деятельности («Универсиада 2013/2014» и «Мы за собственное здоро-

вье!»); написание положений к каждому мероприятию и оформление проектов на сайтах колледжей.

Соревнования и культурно-массовые мероприятия, включенные в программы проектов, стимулируют студентов к регулярным занятиям спортом, и эта форма работы является наиболее эффективной пропагандой здорового образа жизни среди студентов сузов. Успешная работа с проектами и программами соревнований заключается в четкой организации графиков мероприятий и соблюдении условий, которые непременно будут способствовать укреплению здоровья студентов, их физическому развитию и подготовленности.

Список литературы:

1. Воровщиков С. Г. Развитие учебно-познавательной компетентности учащихся. Опыт проектирования // Управление школой. – 2009. – № 7. С. 17–28.
2. Иванков Ч. Т. Методические основы теории физической культуры и спорта. – М.: Инсант, 2005. С. 278.
3. Кагерманьян В. С. Примерная программа воспитания активной личности студента. Рабочая версия. Москва НИИВО, 2002. – С. 74–76.
4. Новый закон «Об образовании в Российской Федерации» текст с изменениями и дополнениями на 2013 год. М.: Эсмо, 2013. – С. 52.2.
5. Педагогические технологии. Автор. составит. Т. П. Сальникова М.: Творческий центр, 2008. С. 107–112.
6. Практические рекомендации по выбору типовой системы управления качеством образования для вузов и сузов. СПб.: СПГЭУ «ЛЭТИ», 2001. – С. 20.
7. Скакун В. А. Методика преподавания специальных и общетехнических предметов (в схемах и таблицах). – М.: Академия, 2005. – С. 70.
8. Федеральный закон о физической культуре и спорте в Российской Федерации. Новосибирск: Сибирское университетское изд-во, 2008. – С. 7.
9. ФГОС СПО по специальности 190631 «Техническое обслуживание и ремонт автомобильного транспорта»: рабочий вариант. М.: ГНИИ ИТТ «Информатика», 2010. С. 36–37.

*Boyarkina Yuliya Anatolyevna,
Municipal autonomous educational institution gymnasium № 49,
Tyumen, candidate of pedagogical sciences, Docent, Deputy head teacher
E-mail: boyarkina_yuliya@mail.ru*

**Integration of formal and non-formal
education of teachers as a condition of
achieving topical educational results**

*Бояркина Юлия Анатольевна,
к. п. н., доцент Муниципальное автономное общеобразовательное
учреждение гимназия № 49 города Тюмени,
заместитель директора по учебно-воспитательной работе
E-mail: boyarkina_yuliya@mail.ru*

Интеграция формального и неформального образования педагогов как условие достижения актуальных образовательных результатов

Для построения эффективной системы, нацеленной на повышение профессионализма педагогических кадров, служит грамотный, объединенный общей целью, имеющий общие принципы и подходы к построению образовательного процесса педагогический коллектив.

Одним из механизмов управления коллективом, направленным на достижение «нового» качества образования выпускника, является изменение подходов к повышению квалификации педагогического коллектива. Достижение нового качества образования и эффективность в значительной степени зависит от того, с помощью какой системы и технологии управления осуществляется внутришкольное повышение квалификации.

В числе таких основных преобразований, которые необходимо осуществить в направлении изменения модели управления повышением квалификации педагогического коллектива, можно в первую очередь назвать переход от системы обновления знаний педагогов к ориентации на освоение ими новых видов деятельности, педагогических технологий и приемов построения учебно-воспитательного процесса, основанных на педагогическом сотрудничестве.

Проведенный нами мониторинг среди педагогов, учащихся и родителей выявил противоречия между:

- возросшими требованиями родительской общественности к педагогическому персоналу нашей гимназии, как статусного образовательного учреждения, реализующего программы дополнительной (углубленной) подготовки по гуманитарным предметам (английский язык и обществознание) в области качества образования и неготовностью основной массы специалистов удовлетворять современным ожиданиям родителей и обучающихся;
- укоренившейся практикой традиционного обучения на курсах повышения квалификации учителей и настоятельной необходимостью создания новых инновационных моделей обучения на рабочем месте с целью оперативного устранения затруднений, возникающих у педагогов на практике;

Выделенные противоречия обусловили проблему, которая заключается в изменении подходов к процессу профессионального роста педагогов, разработке

организационной структуры системы управления внутришкольным повышением квалификации в контексте повышения качества образования, с использованием методов как формального, так и неформального образования взрослых.

Положение «от обучения на всю жизнь к обучению через всю жизнь» служит лозунгом совокупной системы образования педагогов и наиболее полно отражает потенциал и задачи неформального образования, которое, в свою очередь, должно стать одним из механизмов реализации концепции образования на протяжении жизни.

Анализ современной психолого-педагогической литературы показал, что продуктивно выстроить систему внутришкольного повышения квалификации педагогов на базе гуманитарной гимназии, соответствующую современным требованиям, возможно с использованием положительно зарекомендовавших себя форм повышения квалификации: предметные методические объединения, единый методический день в гимназии, проблемные семинары и практикумы, школы молодого учителя, школы передового опыта и др.

Наряду с традиционными формами повышения квалификации существуют и другие на основе которых можно эффективно выстроить повышение квалификации через использование современных неформальных технологий обучения, в том числе корпоративного обучения (обучение на рабочем месте, тьюторство, ротация и др.), заимствованных из теории управления человеческими ресурсами.

Неоспоримым преимуществом интеграции формального и неформального обучения учителей выступает реальность условий и безотлагательность. Обучение на рабочем месте по М. Армстронгу¹, является «единственным способом тренировать и развивать на практике специфические умения». В этих условиях педагоги могут работать, учиться и развивать свою компетентность одновременно.

Неформальное образование взрослых в системе повышения квалификации нами рассматривается как социальная, динамичная, открытая, вариативная, мобильная система, реагирующая на профессиональные потребности взрослого человека, социокультурные изменения общества, в том числе профессиональной деятельности взрослого человека. В отличие от формального она более свободна по организации, отличается особенностью преподавательского состава, не сопровождается документами государственного образца; возможна стихийная организация по времени, содержанию, технологиям обучения, образовательной среды.

Формы работы и тематика разнообразны, но все они основаны на одних и тех же принципах – «обучение с учетом потребностей», «связь с практикой», «гибкие программы, расписание и выбор места проведения». В этом состоит его существенное отличие от формального образования.

¹ Армстронг, М. Практика управления человеческими ресурсами: Учебник. – 8-е изд. – СПб.: Питер, 2004. – 832 с.

В нашей гимназии мы осуществляем неформальное образование педагогов через социальное партнерство с образовательными учреждениями, реализующими распоряжение губернатора Тюменской области по углубленной подготовке по социально-гуманитарным дисциплинам, входящими в городское сетевое сообщество. В рамках неформального обучения педагогов организован обмен педагогическим опытом по реализации статуса: углубленное изучение обществознания и английского языка; отбор организационных форм осуществления внеурочной деятельности в основной школе в условиях перехода на ФГОС.

Помимо этого, мы реализуем неформальное обучение как педагогов, так и обучающихся гимназии в рамках сотрудничества с Центром международных отношений и межкультурного образования Тюменского государственного университета. Реализуем совместные проекты: «Тюменская модель ООН» (в декабре 2013 год состоялось 1 заседание гимназической модели, в марте 2014 — первое городское заседание модели); «Международный урок» (GlobalClassroom).

Тесное сотрудничество с ТГНГУ, Институт транспорта: работа педагогической лаборатории и исследовательская деятельность учащихся. Одним из новых форм педагогического сотрудничества в условиях неформального образования является взросло-детские проекты «Театральный карман» (на русском языке) и «Театр-экспресс» (на английском языке). В работу театра включены учителя всех предметов и ступеней образования.

Реализуя на практике перечисленные проекты, относящиеся к неформальному образованию, мы включаем в них не только педагогов гимназии, но и учащихся. По сути педагоги и ученики «обучаются сидя за одной партой», выполняя совместные образовательные проекты. Нами замечено, что в таких неформальных взросло-детских общественных объединениях, имеет место практика реализации неформальных образовательных проектов, результативность которых заключается в реальном формировании жизненных ценностей подростков, расширении их социального пространства.

Еще одним эффективным методом неформального обучения и профессионального сотрудничества педагогов гимназии являются областные стажировочные площадки, проводимые в рамках реализации социально-гуманитарного статуса гимназии.

Эффективность деятельности педагогического коллектива гимназии при привлечении неформального образования через стажировочные площадки повышается за счет:

- 1) переноса учебно-тренировочных аспектов процесса повышения квалификации педагогов в реальный контекст образовательного процесса, отдельно взятого педагога, отработки новых профессионально-педагогических умений и навыков непосредственно на практике;

- 2) активного привлечения учителей к разработке индивидуальных образовательных траекторий профессионального роста (проектируют и защищают мо-

дели своей дальнейшей профессиональной деятельности, а также планирование работы по саморазвитию);

3) построения содержания неформального повышения квалификации с учетом выявленных конкретных трудностей в педагогической работе, разнообразных педагогических проблем.

Еще одним направлением неформального образования педагогов является деятельность региональной педагогической лаборатории по теме: «Языковое развитие личности через формирование речевой деятельности в условиях поликультурного пространства гимназии».

Целью деятельности лаборатории мы видим: создание и апробирование педагогической системы, направленной на развитие языковой личности обучающихся на основе формирования речевой деятельности в условиях поликультурного пространства гимназии.

Направление работы заключаются в:

1. Поддержке городского сетевого проекта по теме: «Языковое развитие личности в системе общего образования в условиях перехода на ФГОС».

2. Обеспечении условий для инновационной деятельности учащихся, педагогов.

3. Совершенствовании педагогического мастерства и профессиональной компетентности педагогов.

4. Обобщении и представлении педагогической общественности города Тюмени и Тюменской области инновационного опыта работы лаборатории, а именно:

- Внедрение комплекса технологий, способствующих языковому развитию личности на основе формирования речевой деятельности;

- Расширение речевых практик в урочной и внеурочной деятельности;

- Расширение практики самостоятельной речевой деятельности учащихся в условиях поликультурного пространства гимназии.

Изучение теоретических подходов к управлению человеческими ресурсами, с использованием технологий неформального образования, позволило нам разработать систему модель внутришкольного повышения квалификации педагогов в условиях гуманитарной гимназии.

Предложенная нами система внутришкольного повышения квалификации педагогов является гибкой и технологичной. В основе модели лежит теория командообразования предложенная Д. Макинтошем-Флетчером¹, предполагает работу сотрудников в трёх разноуровневых подразделениях.

Уровень 1. Сплочённая рабочая группа. На уровне 1 — сплочённая рабочая группа, члены команды рассматривают себя членами одной рабочей группы, но их

¹ Холл, Р. Организации: структуры, процессы, результаты/Пер. с англ./Под ред. И. В. Андреевой. – СПб.: Питер, 2001. – 512 с.

работа в основном не зависит от работы друг друга. Для такой группы характерно: наличие разделяемой всеми командной цели, каждый участник принят группой и имеет возможность влияния на других.

Уровень 2. Эффективная рабочая команда. Её члены взаимозависимы, поэтому у них возникает необходимость распределять работу для достижения общей цели. Также, как и сплочённая группа, эффективная рабочая команда функционирует как автономное подразделение в организации, имеет цели и задачи, разделяемые и принимаемые всеми участниками команды.

Уровень 3. Эффективный организационный комплекс. Слово «комплекс» используется для описания команды с большим числом людей и подкомандами, имеющими разное назначение и выполняющими различные стадии работы. Эффективное организационное объединение имеет признаки как сплочённой рабочей группы, так и эффективной рабочей команды а также оказывает открытой и гибкой, учитывающей опыт и проблемы отдельного педагога.

Особенностью данной системы является также и то, что она технологична и охватывает полный цикл подготовки педагогов — от определения цели подготовки, до получения результата подготовки педагогов.

Основная цель подготовки педагогов в системе внутришкольного обучения — содействие развитию компетентности педагогов в решении профессиональных задач, обусловленных выявленными проблемами у каждого конкретного учителя.

Следующий шаг – разработка образовательных маршрутов (ОМ) команд педагогов, базирующихся на идеях дифференциации и индивидуализации подготовки педагогов связана с тем, что образовательный маршрут создаёт условия для самовыражения личности при обязательном достижении поставленной цели подготовки как через систему формального образования, так и через неформальное обучение.

В нашей гимназии обучение педагогов предполагает разработку трёх базовых образовательных маршрутов команд педагогов (ОМ 1 «Овладение знаниями и умениями», ОМ 2 «Рефлексивно-коррекционный» и ОМ 3 «Методологический»), на основе которых каждый педагог получает возможность построения собственного образовательного маршрута. Содержание каждого из обозначенных маршрутов строится по модульному принципу.

Эффективное педагогическое сотрудничество педагогов и реализация идей непрерывного образования не возможно при отсутствии взаимопонимания, диалога, устойчивых связей между педагогами разных ступеней образования могут способствовать обесцениванию процесса реформирования образовательной системы. Существенным показателем качества образования в данном ключе является не только уровень квалификации конкретных специалистов, а еще и наличие

у них ряда качеств, таких как: гибкость, коммуникабельность, уверенность в себе, высокая мотивация, адекватная личностная и профессиональная самооценка, умение работать в команде.

Такое разнопредметное распределение педагогов по группам за 2013–2014 учебный год показало высокие результаты, работы педагогических сообществ специалистов-партнеров, ориентированных на высокую результативность единого воспитательно-образовательного процесса. Работа творческих проблемных групп по каждому образовательному маршруту предусматривает организацию и проведение систематической и планомерной деятельности не только по обмену педагогическим опытом по заданной тематике, но и по формированию навыков партнерского взаимодействия в педагогическом коллективе. Такая работа направлена на формирование у педагогов потребности в осуществлении партнерского взаимодействия в коллективе, осознания его значимости, повышение мотивации и стремления к командному взаимодействию, развитие устойчивой профессиональной позиции, навыков успешного «безбарьерного» профессионального сотрудничества и общения.

Таким образом, интеграция формального и неформального образования учителей в течение всей жизни может обеспечить условия для самореализации каждой личности педагога, ее нравственного и профессионального совершенствования за счет представления широких возможностей в выборе направления форм образовательной деятельности.

Формальное образование педагогов не исключает неформальное образование, это разные виды образования, которые только дополняют друг друга и дают более эффективный результат, строится на основе педагогического сотрудничества и оказывают существенное влияние на повышения профессионального роста педагогов и, как следствие, на повышения качества образования в гимназии.

Список литературы:

1. Армстронг, М. Практика управления человеческими ресурсами: Учебник. – 8-е изд. – СПб.: Питер, 2004. – 832 с.
2. Холл, Р. Организации: структуры, процессы, результаты/Пер. с англ./Под ред. И. В. Андреевой. – СПб.: Питер, 2001. – 512 с.

*Bugaenko Tatiana Fedorovna,
Associate Professor, Omsk State Institute of Service
E-mail: artistan@bk.ru*

Exhibition of student projects in the educational process

*Бугаенко Татьяна Федоровна,
доцент Омского государственного института сервиса
E-mail: artistan@bk.ru*

Выставка творческих работ студентов-дизайнеров в образовательном процессе

Обучение изобразительному искусству в России насчитывает около тысячи лет. Дошедшие до нас образцы книжной графики XI века Остромирово Евангелие и миниатюры демонстрируют высокий уровень мастерства художников¹. Сегодня мы можем только предполагать о методах преподавания рисунка. Скорее всего они были основаны на копировании и работе с греческими и византийскими образцами. Иконописные мастерские также имели свой свод правил обучения художников, продиктованный сложностью технологического процесса и спецификой работы с большими архитектурными объемами. Лишь в 18 веке были приглашены европейские педагоги-художники, началось специализированное обучение художников по направлениям изобразительного искусства². По окончании учебного заведения постепенно сложилась традиция — произведения выпускников экспонировались на выставках, а лучшие образцы приобретались в коллекции музеев.

Стремительное развитие печати, информационных носителей и медиатехнологий в XX веке совершило «Визуальный переворот» в художественной практике и значительно ускорило подготовку специалистов творческих специальностей.

Выставочное пространство перестало зависеть от конкретного архитектурного сооружения. Появились видеоарт, медиа-арт, инсталляции и перформансы. Современные произведения искусства могут сочетать в себе сразу несколько направлений. Одно остается неизменным — художественная выставка это публичная демонстрация достижений в области изобразительного искусства.

Визуальная культура как тип мышления формируется на стыке наглядно-образного и наглядно-действенного мышления, познавательный процесс сопряжен с доступом к информационным визуальным источникам. Активное освоение студентами-дизайнерами цифровых технологий и навыков художественного ремесла

¹ Ростовцев Н. Н. История методов обучения рисованию. – М.: Просвещение, 1982.

² Там же.

уже на первых курсах позволяет осуществлять творческие замыслы, постепенно совершенствовать свой изобразительный язык, добиваться точной визуализации задуманного. Экспозиционные эксперименты в рамках высшей школы повышают культуру визуального восприятия и развивают объемно-пространственное мышление, причем границы возможностей определяются исключительно творческим потенциалом самого дизайнера.

Художественное творчество объединяет. Человек проникается глубоким уважением к произведениям искусства¹.

Первые небольшие выставки студенты осуществляют в стенах института, что по сути является смотром уровня профессиональной подготовки и междисциплинарных связей. Руководители проектов, в свою очередь, могут проанализировать учебный процесс.

Местом экспозиций в здании института становятся фойе, коридоры, лестничные клетки и пролеты, пол и потолок, причем особенности интерьера могут служить частью композиции либо быть задействованы как часть инсталляции. Интерактивные технологии позволяют формировать виртуальное выставочное пространство и размещать в сети и конкурсы любого уровня, дают возможность опробовать свои силы на межвузовских площадках в рамках конференций.

Организация студенческой выставки предполагает работу с куратором-педагогом, активизирующим познавательную деятельность и направляющим творческие замыслы студентов в нужное русло. Всё, начиная от идеи, материала, поиска выставочного пространства и построения экспозиции оговаривается заранее и целенаправленно, оставляя возможность для экспромта. Формируется название выставки, пишется концепция, пресс-релиз, печатается афиша, производится презентация проекта.

Любая выставка для автора — это, прежде всего, школа. Увидев свои работы в рамках экспозиции, на экранах мониторов, на афише, студенты обнаруживают их сильные и слабые стороны. У творческих людей анализ промахов и удач продолжается постоянно. Выставки словно краеугольный камень, на котором у творческого человека оттачивается мастерство, формируются эстетические качества, навык по организации гармоничной предметной среды социально-культурной сферы. Первая проба, как первый шаг, без него нельзя, но сколько неожиданностей и открытий следуют за ним.

Творческий процесс продолжается в связи с изменением технологических аспектов визуальной культуры, основываясь на нравственных принципах и целях, к которым человек должен стремиться, исходя из общепринятых убеждений. Выставка — это лишь этап и большой стимул в развитии, стартовая площадка для новых идей, испытание творца, художника.

¹ Ле Корбюзье. Архитектура XX века. – М.: Издательство «Прогресс», 1977.

Список литературы:

1. Ростовцев Н. Н. История методов обучения рисованию. – М.: Просвещение, 1982.
2. Ле Корбюзье. Архитектура XX века. – М.: Издательство «Прогресс», 1977.

*Vysotskaia Anna Vasilievna,
Novosibirsk State Technical University,
postgraduate student, the Faculty of Humanities
E-mail: 8annika8@gmail.com*

Coaching as an instrument of ESL knowledge formation for the hotel industry receptionists

*Высоцкая Анна Васильевна,
Новосибирский государственный технический университет,
аспирант, факультет гуманитарного образования
E-mail: 8annika8@gmail.com*

Коучинг как инструмент формирования языковой компетенции администраторов гостиниц при обучении английскому языку как иностранному

Администратор любого предприятия — это первый человек, к которому обращаются клиенты. Именно с ним ассоциируется организация в целом. Согласно должностной инструкции администратора гостиницы в число его обязанностей входит: создавать комфортные условия для клиентов, информировать их об услугах своего предприятия, давать устные справки по поводу гостиницы и города (важных городских сооружений, достопримечательностей и городских мероприятий), предоставлять запрашиваемую информацию по телефону, а также принимать меры по разрешению конфликтных ситуаций.

Постояльцами любой гостиницы всегда являются приезжие, и, довольно часто, иностранные гости. Иностранец редко владеет языком страны, куда он приехал на время конференции, по делам бизнеса или с личной целью. Все чаще иностранные постояльцы отказываются от услуг переводчика ввиду распространения по всему миру английского языка, надеясь на то, что кто-нибудь да поймет их. Однако, как в России, так и за рубежом гости часто сталкиваются с незнанием английского языка даже в такой сфере, как гостиничный бизнес, где от владения английским языком зависит процветание предприятия.

Знание языка выражается, прежде всего, в способности говорящего продуцировать осмысленные предложения. Языковая компетенция предполагает знание

грамматики, способность пользоваться правилами интерпретации языковых выражений и умение правильно использовать их в коммуникации¹. Необходимая степень владения языком зависит от рода деятельности учащихся.

Языковая компетенция администратора гостиницы отличается от языковой компетенции официанта, работающего в той же гостинице. Исходя из обязанностей администратора, его область применения английского языка имеет более широкий охват. Соответственно обучение администраторов английскому языку будет отличаться от обучения официантов по продолжительности курса, лексическому и грамматическому материалу, коммуникативным навыкам и, пропорционально перечисленным аспектам — по уровню владения языком.

В качестве инструмента решения данной задачи целесообразно использование коучинг-технологий, широко применяемых в области спорта, бизнеса, психологии и образования. К основным принципам коучинга относятся: четкое видение цели, позитивный настрой на результат, самонаучение и мотивированность, подкрепляемая учителем-коучем.

В отношении обучения администраторов гостиниц коучинг предполагает не только знание языка, но и овладение коммуникативными навыками, в том числе, и понимание культурных различий стилей общения на английском и родном для администратора языке, то есть необходимо не только знать, что говорить, но и как именно это делать. Также важен как внешний, так и внутренний имидж администратора, поэтому перед коучем стоит еще и психологическая задача закрепить позитивный образ в отношении самого языка и иностранца, говорящего на английском языке, чтобы администратор чувствовал себя спокойно в подобной ситуации.

Еще одним важным аспектом обучения таких специалистов является обучение на рабочем месте, то есть за стойкой администратора, отработка диалогов в комнатах гостиницы, в фойе, на лестничной клетке — именно там, где может произойти коммуникативная ситуация.

Большое значение имеет так называемый peer coaching, когда коллеги могут обучать друг друга, ведь самой эффективной методикой учения считается обучение другого. Когда коллеги учатся вместе и делятся друг с другом опытом, они формируют сплоченную команду. В этом смысле происходит не столько обучение иностранному языку, сколько решение реальных необходимых в работе ситуаций посредством английского языка.

Коучинг охватывает все большие сферы нашей жизни. Его принципы соответствуют настоящему положению вещей, его мобильность, индивидуальный

¹ Энциклопедия эпистемологии и философии науки./Отв. Ред. И. Т. Касавин. – М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2009. – 1248 с.

подход, ориентированность на результат позволяют признать коучинг одним из эффективных инструментов обучения.

Список литературы:

1. Кадровое агентство уникальных специалистов. Должностные инструкции. [Электрон. ресурс]. URL: <http://www.kausgroup.ru/knowledge/duty/material/241/> (дата обращения: 11.11.2014).
2. Обучающий центр. Профессия администратор гостиницы. [Электрон. ресурс]. URL: <http://enjoy-job.ru/professions/administrator-gostinitsy/> (дата обращения: 11.11.2014).
3. Обучение администраторов гостиницы. [Электрон. ресурс]. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=j347y0WzD38> (дата обращения: 11.11.2014).
4. Энциклопедия эпистемологии и философии науки./Отв. Ред. И. Т. Касавин. – М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2009. – 1248 с.
5. Селевко Г.К. Энциклопедия образовательных технологий. – М., 2006. – 288 с.
6. Coaching in Hospitality. [Электрон. ресурс]. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=xQEyiFeep54> (дата обращения: 11.11.2014).
7. English proficiency: What employers need for their Spanish-speaking workforce./Al Zapanta. – The Bulow Group, Inc. – 117 p.
8. ESP World. [Электрон. ресурс]. URL: <http://www.esp-world.info/> (дата обращения: 11.11.2014).

Vinevskaya Anna Vyacheslavovna,

*Ph. D., assistant professor of elementary education pedagogy
TI named AP Chekhov (branch) "RSEU (RINH)".*

E-mail: annkurepina@rambler.ru

Bomatsarova Olga Nikolaevna,

*a student of pedagogy and methodology of primary, pre-school and secondary education
TI named AP Chekhov (branch) «RSEU (RINH)».*

Smirnova Ekaterina Viktorovna,

*a student of pedagogy and methodology of primary, pre-school and secondary education
TI named AP Chekhov (branch) «RSEU (RINH)».*

Berlizova Darya Aleksandrovna,

*a student of pedagogy and methodology of primary, pre-school and secondary education
TI named AP Chekhov (branch) «RSEU (RINH)».*

E-mail: annkurepina@rambler.ru

Using art-technology in preparing children for school

*Виневская Анна Вячеславовна,
кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики
начального обучения ТИ имени А. П. Чехова (филиал) ФГБОУ ВПО
«РГЭУ (РИНХ)», г. Таганрог, Россия.*

E-mail: annkurepina@rambler.ru

*Бомацарова Ольга Николаевна,
студентка факультета педагогики и методики начального, дошкольного
и дополнительного образования ТИ имени А. П. Чехова (филиал)
ФГБОУ ВПО «РГЭУ (РИНХ)», г. Таганрог, Россия.*

*Смирнова Екатерина Викторовна,
студентка факультета педагогики и методики начального, дошкольного
и дополнительного образования ТИ имени А. П. Чехова (филиал)
ФГБОУ ВПО «РГЭУ (РИНХ)», г. Таганрог, Россия.*

*Берлизова Дарья Александровна,
студентка факультета педагогики и методики начального, дошкольного
и дополнительного образования ТИ имени А. П. Чехова (филиал)
ФГБОУ ВПО «РГЭУ (РИНХ)», г. Таганрог, Россия.*

E-mail: annkurepina@rambler.ru

Использование арт-технологий в процессе подготовки детей к школе

Одна из важнейших задач системы дошкольного образования — повышение качества подготовки детей к школе. Поступление в школу и начальный период обучения вызывает перестройку всего образа жизни и деятельности ребенка. Учебная деятельность требует от ребенка определенной степени подготовленности и в физиологическом, и в социальном отношении.

Наблюдения физиологов, психологов и педагогов показывают, что среди первоклассников есть дети, которые в силу индивидуальных психофизиологических особенностей трудно адаптируются к новым для них условиям, лишь частично справляются (или не справляются вовсе) с режимом работы и учебной программой¹. У некоторых детей в связи с обучением в школе возникает большое количество различных трудностей и проблем, формируются неадекватные механизмы приспособления к школе — школьная дезадаптация.

Педагог может многое сделать для здоровья ребенка. Он первым замечает отклонения и нарушения у дошкольника, может ежедневно вести профилактику

¹ Профессиональный стандарт педагога. [Электронный ресурс], http://www.ug.ru/new_standards/6.

охраны его здоровья. По данным Института возрастной физиологии РАО, в школу приходит около 20% детей, имеющих нарушения психического здоровья пограничного характера. А к концу первого класса их число увеличивается до 60–70%¹.

Арт-терапия — это междисциплинарный подход, который соединяет в себе разнообразные области знания — психологию, медицину, педагогику, культурологию, социологию. Художественная практика выступает основой арт — терапии, так как в ходе занятий дети вовлекаются в изобразительную деятельность.

Арт-технологии — наиболее древняя естественная форма изменения эмоционального состояния, которой многие люди пользуются (осознанно или нет), чтобы снять психическое напряжение, успокоиться, сосредоточиться. Искусству принадлежит роль естественного проводника переживаний или симптомов, и всё это независимо от возраста, пола, болезни, чувств, переживаний.

Занятия с использованием арт-технологий должны проводиться ещё в детских садах, они являются эффективными для стабилизации психологического микроклимата подготовки к школе, так как психологическая помощь позволяет детям более полно реализовать возможности личностного развития. Такие занятия могут повысить самооценку, помочь контролировать свое поведение. Это весьма важно, потому что контроль над поведением и эмоциями помогает принимать решения, делать выводы.

Основы для создания первых техник арт-терапевтической работы с детьми были заложены такими авторами, как В. Ловенфельд (Lowenfeld, 1939, 1947), Е. Кейн (Cane, 1951). Эти авторы рассматривают изобразительную деятельность ребенка в неразрывной связи с развитием его познавательной и эмоциональной сфер и видят в ней богатый потенциал для гармонизации его психики. Классическими работами в области детской арт-терапии стали публикации Э. Крамер «Арт-терапия в сообществе детей», «Арт-терапия с детьми» и «Детство и арт-терапия»².

Адаптированные интерпретации к особенностям детского восприятия ценятся тем, что они ведут к развитию у детей способности к пониманию и словесному выражению своих чувств и потребностей, осознанию мотивов своих поступков и их воздействия на окружающих. Интерпретации имеют и важную социализирующую функцию, они позволяют ребенку развить механизмы контроля над переживаниями и психологические защитные механизмы³.

¹ Алексеева М. Ю. Практическое применение элементов арт-терапии в работе учителя. – М. – 2003.

² Виневская А. В. Формирование готовности к работе в инклюзивном образовании у будущих педагогов в образовательной среде вуза // Научное обозрение: гуманитарные исследования. – 2013. – № 6. – С. 4–15.

³ Виневская А. В. Профессиональная мобильность бакалавра специального образования // Сибирский педагогический журнал. – 2012. – № 6. – С. 70–73.

В разделе «Педагогические возможности и особенности арт-терапии» М. Ю. Алексеева рассматривает некоторые варианты использования арт-терапии педагогами. Одним из таких вариантов она допускает осуществление педагогами функций арт — терапевта, когда их работа связана не с «лечением», но с воспитанием детей и их гармоничном эмоциональном и интеллектуальном развитии. Алексеева пишет, что «словосочетание «арт-терапия» в научной, педагогической интерпретации понимается как забота об эмоциональном самочувствии и психологическом здоровье личности, группы, коллектива средствами художественной деятельности»¹. Для проведения арт-терапевтической работы в системе образования существует широкий спектр показаний, которые включают «дисгармоничную, искаженную самооценку», «трудности в эмоциональном развитии», импульсивность, тревожность, страхи, агрессивность, переживание эмоционального отвержения, чувство одиночества, депрессию, неадекватное поведение, конфликты в межличностных отношениях, враждебность к окружающим.

Л. И. Глазунова говорит о том, что специфика искусства выражается в познании (отражении) мира посредством создания художественных образов в чувственно-эмоциональной сфере личности, влияя на центральную нервную систему (структуры мозга), психику, соматику².

Достоинством арт-терапии является «язык» визуальной и пластической экспрессии. Восточная мудрость гласит: «картина может выразить то, что не выразит и тысяча слов». В. С. Мухина и некоторые другие исследователи считают, что рисунок для детей является не искусством, а речью. Им свойственно стремление рисовать. Это — своеобразное экспериментирование с художественными символами в качестве заместителей реальных объектов. Потребность личности в самовыражении можно реализовать посредством рисования. Дети способны использовать художественные материалы для коммуникации, игры образами, импровизации, театрализации³.

Э. Бюлов полагает, что ребёнок чувствует ограниченность выразительных возможностей слова, и это, наверное, делает его более «совершенным» существом по сравнению со взрослым⁴. Возраст от пяти до десяти лет даже называют золотым веком детского рисунка. Цель арт — технологии: создавать психологическое пространство для повышения у детей коммуникативных навыков и приобретение нового опыта социального взаимодействия и сотрудничества средствами арт-педагогике.

¹ Алексеева М. Ю. Практическое применение элементов арт-терапии в работе учителя. – М. – 2003.

² Глазунова Л. И., Поддубная О. А. Основы музыкознания. – Белгород. – 2006. – С. 259.

³ Мухина В. С. Детская психология. – Апрель Пресс. – 2000.

⁴ Бюлов Э. А. Исцеляющее искусство. – М. – 2002. – С. 42–58.

В связи с этим выдвигаются следующие задачи: воспитательные, коррекционные, психотерапевтические, диагностические, развивающие.

К видам арт — терапии относятся: библиотерапия, сказкотерапия, маскотерапия, драматерапия, работа с глиной, песочная терапия, музыкотерапия, цветотерапия, фототерапия, видеотерапия, оригами, игротерапия, изотерапия.

Одним из ведущих методов арт — технологий выступает сказкотерапия. Сказкотерапия — метод, использующий сказочную форму для интеграции личности, развития творческих способностей, расширения сознания, совершенствования взаимодействия с окружающим миром. К сказкам обращались в своем творчестве известные зарубежные и отечественные психологи: Э. Фромм, Э. Берн, Э. Гарднер, А. Менегетти, М. Осорина, Е. Лисина, Е. Петрова, Р. Азовцева, Т. Зинкевич-Евстигнеева¹.

Сказка содержит многогранный материал, ее широко используют в психокоррекционной работе с детьми. В основе сказкотерапии лежит идея о том, что каждая сказочная ситуация несет в себе скрытый смысл решения сложных ситуаций².

Выделяют несколько основных функциональных особенностей сказок: тексты сказок вызывают интенсивный эмоциональный резонанс как у детей, так и у взрослых; концепция сказкотерапии основана на идее ценности метафоры как носителя информации о жизненно важных явлениях; о жизненных ценностях; о внутреннем мире автора (в случае авторской сказки); в сказке в символической форме содержится информация о том: как устроен этот мир, кто его создал; что происходит с человеком в разные периоды его жизни; какие «ловушки», искушения, трудности, препятствия можно встретить в жизни и как с ними справляться; как приобретать и ценить дружбу и любовь, какими ценностями руководствоваться в жизни; как строить отношения с родителями и детьми; как бороться и прощать³.

Т. Д. Зинкевич-Евстигнеева предложила систему «сказкотерапевтической психокоррекции», которая понимается как процесс знакомства с сильными сторонами личности ребенка, расширения поля сознания и поведения ребенка, поиск нестандартных оптимальных выходов из различных ситуаций, безусловное принятие ребенка и взаимодействие с ним на равных посредством работы со сказкой⁴.

Арт-терапия развивает у ребёнка уверенность в себе через раскрытие внутренних ресурсов для дальнейшего успешного обучения в школе: развитие вариативности мышления через игру; стимулирование творческого самовыражения; освоение

¹ Бюлов Э. А. Исцеляющее искусство. – М. – 2002. – С. 42–58.

² Копытин А. И. Свистовская Е. Е. Арт-терапия детей и подростков. – Когито – Центр. – 2014. – С. 9–38.

³ Лебедева Л. Д. Практика по арт-терапии: подходы, диагностика, система занятий. – СПб.: Речь 2003. – С. 7–28.

⁴ Зинкевич – Евстигнеева Т. Д. Практикум по сказкотерапии. – СПб.: Речь 2000. – С. 8–12.

разных техник запоминания информации через игру; отработка приёмов саморегуляции; формирование пространственных представлений через игру; развитие представлений о работе в команде; развитие представлений об отношениях между людьми (ребёнок-ребёнок, ребёнок-родитель, ребёнок — другой взрослый); знакомство с эмоциями человека; снятие эмоционального напряжения, тревожности, связанной с поступлением в школу. развитие чувства собственной значимости¹.

Таким образом, в результате арт — терапии: повышается познавательная активность ребёнка (как к предметному миру, так и социальному); формируются основы коммуникации (умение жить по правилам, соблюдать нормы, выстраивать в соответствии с ними отношения с окружающими людьми); удовлетворяется актуальная потребность ребёнка в признании, позитивном внимании, ощущении собственной успешности и значимости; ребёнок становится менее капризным, легче справляется со своими эмоциями; ребёнок осваивает первичные навыки общения с людьми (умение слушать и слышать другого, договариваться, доносить до другого своё мнение); ребёнок легче адаптируется к новым условиям садика, а в дальнейшем и школы.

Список литературы:

1. Алексеева М. Ю. Практическое применение элементов арт-терапии в работе учителя. – М. – 2003.
2. Бюлов Э. А. Исцеляющее искусство. – М. – 2002. – С. 42–58.
3. Винеvская А. В. Профессиональная мобильность бакалавра специального образования//Сибирский педагогический журнал. –2012.- № 6.- С. 70–73.
4. Винеvская А. В. Формирование готовности к работе в инклюзивном образовании у будущих педагогов в образовательной среде вуза//Научное обозрение: гуманитарные исследования. – 2013.-№ 6.-С. 4–15.
5. Глазунова Л. И., Поддубная О. А. Основы музыкознания. – Белгород. – 2006. – С. 259.
6. Зинкевич-Евстигнеева Т. Д. Практикум по сказкотерапии. – Спб.: Речь 2000. – С. 8–12.
7. Копытин А. И. Свистовская Е. Е. Арт – терапия детей и подростков. – Когито – Центр. – 2014. – С. 9–38.
8. Крамер Э. Арт – терапия с детьми. – Генезис – 2013.
9. Лебедева Л. Д. Практика по арт-терапии: подходы, диагностика, система занятий. – Спб.: Речь 2003. – С. 7–28.
10. Мухина В. С. Детская психология. – Апрель Пресс. – 2000.
11. Профессиональный стандарт педагога. [Электронный ресурс], http://www.ug.ru/new_standards/6.

¹ Крамер Э. Арт-терапия с детьми. – Генезис – 2013.

*Egorova Galina Ivanovna,
Tyumen state oil and gas University branch, Tobolsk, Professor,
Department of chemistry and chemical technology*

E-mail: egorovagi@list.ru

*Martynenko Helena Petrovna,
Tyumen state oil and gas University branch, Tobolsk,
assistant Professor, Department of chemistry and chemical technology*

The efficiency of formation of professional identity of bachelors of technology in technical education

*Егорова Галина Ивановна,
Тюменский государственный нефтегазовый университет филиал
в г. Тобольске, профессор, кафедра химии и химической технологии*

E-mail: egorovagi@list.ru

*Мартыненко Елена Петровна,
Тюменский государственный нефтегазовый университет филиал
в г. Тобольске, ассистент, кафедра химии и химической технологии*

Результативность формирования профессиональной индивидуальности бакалавров техники и технологии в техническом вузе

Формирование профессиональной индивидуальности бакалавра техники и технологии актуально в силу ряда причин. Во-первых, новые успехи инженерных наук и инновации в области техники и технологии делают актуальными проблему формирования так называемых уникальных компетенций. Европейское научное сообщество, Американские научные школы выводят сегодня на передний план развитие конвергентных технологий — NBIC (N — нано; B — био; I — инфо; C — когно). Во-вторых, формирование и развитие у бакалавров профессиональной индивидуальности мы связываем с новым уровнем инженерного мышления, которое обеспечит развитие новых технологий по ключевым проблемам цивилизации, в том числе по проблеме сохранения окружающей природной среды. В-третьих, процессы глобализации диктуют необходимость решения вопросов системного обеспечения качества профессиональной подготовки бакалавров в условиях вуза. В-четвертых, отметим и тот факт, что Европейская Федерация Национальных Ассоциаций Инженеров (ФЕАНИ) с учетом существенных различий систем высшего профессионального образования стран континента сертифицирует программы инженерной подготовки на основе «потенциала компетентности», который определяется рядом требований: иметь целостное знание

принципов инженерного искусства; быть способным применять принципы прогрессивных инноваций, облегчающих химическое, нефтехимическое производство, знать инновационные технологии, технику, относящиеся к области специализации, понимать тенденции основных направлений развития науки, техники и т. д. Данные показатели мы относим к тем основам профессиональной индивидуальности, которые широко востребованы в деятельности интегрированных холдинговых компаний, таких как «Сибур», Газпром», «Сургут-Нефтегаз» и др. Новое понимание масштабности роли инженера в современном цивилизованном обществе и востребованность не механической профессиональной деятельности, а деятельности творческой адекватны и очень высоки, что настоятельно требует создания определенных условий по формированию профессиональной индивидуальности. Особая роль при этом отводится техническим вузам, способствующим развитию наукоемких инновационных производств. Таким образом, профессиональная индивидуальность бакалавра техники и технологии, оказывается в фокусе пристального внимания педагогической науки последнего десятилетия¹.

В традиционном понимании в понятие профессиональной индивидуальности включает набор формируемых профессиональных компетенций (ПК) определяются набором профессиональных знаний, а также профессиональных навыков и умений. Основной перечень зафиксирован в соответствующем ФГОС ВО РФ, компетентностной модели выпускника.

Проведенный контент-анализ психолого-педагогической литературы показывает, что общепризнанного определения понятия «профессиональная индивидуальность» не существует. Обозначим некоторые авторские позиции, которые в основном ориентированы на показатели качества профессионального труда педагога: своеобразие самоактуализации и самореализации личности в профессиональной среде (К. Роджерс); интегративная характеристика системы личностных и профессиональных способностей (Дж. Гилфорда); Формируемое и динамическое системное личностное образование, способствующее самораскрытию специалиста в профессиональной сфере (Н. И. Рослякова); Высший уровень самореализации индивидуальных особенностей, самобытность личности в труде (М. А. Калугина); самостоятельное стремление к активному саморазвитию и наращиванию творческого потенциала, инициативном обогащении себя в общении с другими субъектами труда и на этой основе культивирования своего индивидуального стиля деятельности как компетентного профессионала, авторитетного члена коллектива (Е. С. Рапацевич); определяет процесс формирования профессиональной индивидуальности, как приближение состояния про-

¹ Егорова Г. И. Интеллектуализация профессиональной подготовки специалиста технического вуза. Книга II. Монография. – СПб.: ИОВ РАО, 2005. – С. 3.

фессиональной деятельности к профиограмме, к эталону модели специалиста. Процесс аккумуляции (поддержки и развития) того особенного и уникального, что заложено в человеке от природы и что выделит его из общей массы. Профессиональную индивидуализацию можно рассматривать как процесс внутреннего созревания, процесс самореализации, в результате которого раскрывается индивидуальность (А. К. Маркова); индивидуальное изменение личности в процессе освоения мира профессий, которое характеризует индивидуальную траекторию личности. Это двухсторонний процесс, включающий в себя, с одной стороны, усвоение индивидуальностью профессионального опыта путем вхождения в профессиональную среду (профессия влияет на индивидуальность), с другой стороны, процесс активного воспроизводства системы профессиональных связей за счет активной деятельности (индивидуальность вносит изменения в профессиональную деятельность (Э. Ф. Зеер); совокупность определенных свойств личности с высоким уровнем профессиональной подготовленности и способностью к креативной деятельности; самоопределение в профессии, поиск и нахождение для себя смысла, своего отношения к истине, которые воплощаются в практической деятельности (А. В. Райцев).

Педагогическая трактовка понятия «Профессиональная индивидуальность», в авторском понимании в основном связана с процессом самореализации бакалавра, магистра в профессиональной деятельности и это неслучайно. Важно понимать, что самореализация — это «выбор бакалавром, магистром направления активности, сферы приложения сил, способа воплощения себя».

Соглашаясь в основном с представленными авторскими позициями, выразим собственное видение понятия «профессиональная индивидуальность». Профессиональная индивидуальность — это неповторимое своеобразие индивидуальных профессиональных качеств, личностных проявлений человека, в процессе профессиональной самореализации.

Докажем тезисность данного определения. Во-первых, профессиональная индивидуальность проявляется в самостоятельном стремлении к активному саморазвитию и наращиванию творческого, интеллектуального потенциала, научном обогащении себя, в общении с другими субъектами труда. Во-вторых, профессиональная индивидуальность проявляется в индивидуальном стиле деятельности как компетентного профессионала и авторитетного члена производственного коллектива. В-третьих, профессиональная индивидуальность — это своеобразное понимание профессиональной деятельности (ее результатов, назначения, норм), а также индивидуальное видение профессии и роли человека в ней. Такая трактовка профессиональной индивидуальности уже обусловила существенные изменения в подходах к реализации образовательного процесса в техническом вузе. Формирование профессиональной индивидуальности выпускника инженерного

вуза требует изменений структуры и содержания образовательных программ, использования (в числе других) новых педагогических методов и технологий, а также новых критериев оценки поступающих на обучение и обучающихся.

Отметим, что формирование профессиональной индивидуальности будущего инженера, согласно новых требований ФГОС ВО, требует реализации следующих индивидуальных качеств: изобретательность; умение проводить инженерный анализ объекта, процесса или системы с использованием научных, инновационных, технических принципов; широкая специализация; мастерство — умение применять мощный научный аппарат для решения технических задач; умение принимать решения в условиях неопределенности, но при полном и всестороннем учете всех существенных фактов; знание технологии производства — понимание возможностей ограничений как прежних, так и новых технологий; умение передавать информацию о полученных результатах (способность выражать свои мысли ясно, четко, убедительно в устной, письменной и графической формах). Исходя из структуры требуемых качеств будущего специалиста, процесс формирования профессиональной индивидуальности опирается на высокоразвитое воображение и включает элементы критического, инновационного, технического мышления¹.

При разработке модели формирования профессиональной индивидуальности мы ориентировались не на уровневое ее состояние, а на изменение способов, средств и стратегий от наличного состояния индивидуальности, интеллекта бакалавра к стратегическому — высокий уровень сформированности индивидуальных профессионально-важных качеств. В процессе анализа результатов мы руководствовались следующими подходами: комплексный — вычленение и отслеживание структурно-функциональных компонентов процесса; сравнительный — выявление динамики развития показателей и критериев профессиональной индивидуальности у бакалавров 1–4 курсов в условиях интегрированного взаимодействия «вуз — производство».

Остановимся более подробно на этапах педагогического эксперимента. Педагогический эксперимент проходил в три этапа. На констатирующем этапе ставились задачи: изучить состояние исследуемой проблемы в практике высшей технической школы; разработать диагностический блок; отобрать экспериментальные и контрольные группы. Анализ результатов анкетных данных показал, что, несмотря на большой разброс мнений преподавателей по ряду вопросов, наблюдается устойчивая тенденция к возрастанию интереса к вопросам формирования профессиональной индивидуальности бакалавров. Анализ анкет показал,

¹ Егорова Г.И. Формирование научно-технического кругозора будущего специалиста. Монография. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2013. – С. 12.

что 15% педагогов постоянно используют в работе понятие профессиональная индивидуальность, но при этом не владеют методикой формирования в условиях вуза. Большой интерес для нас представил материал по опросу педагогов о роли в учебно-воспитательном процессе технического вуза, ее функциональном значении. Предлагая вопросы, мы хотели выяснить, на сколько глубоко понимают педагоги проблему в целом, ее необходимость в профессиональной подготовке учащихся технического профиля. Мы получили множество разнообразных ответов, среди которых выделим наиболее часто встречающиеся варианты: способствует формированию профессиональных компетенций (47%); формирует индивидуальное Я, помогает преобразованию действительности (24%); способствует выработке собственной картины мира (48%) ит. д.

В результате проведения бесед и анкет установлено, что работа по формированию профессиональной индивидуальности проводится на низком уровне. Несмотря на то, что 72% педагогов из числа опрошенных такую работу осуществляют, но из них 17% планируют, а 58% проводят эпизодически, по — своему усмотрению, с учетом имеющейся у них информации. В анкетах мы просили указать, какие методические пути, средства обучения, а также формы занятий они используют в плане формирования профессиональной индивидуальности. Выявлены разные позиции педагогов. Так 70% педагогов отмечают компьютерные технологии, 27% — эвристические приемы, 38% — постановку проблем и их решение, 44% — самостоятельную работу бакалавров, 9% — элективные курсы. Из форм обучения наиболее широкое применение находят профессиональные тренинги — 15%, деловые игры — 35%, экскурсии на производство — 7%. При анализе анкет выяснили трудности, с которыми сталкиваются педагоги: недостаточность подготовки самого педагога по данному вопросу; отсутствие специально подобранного материала, литературы; недостаточностью проработанности самого понятия — категориального аппарата; отсутствие эффективных методик, средств¹.

На втором, формирующем этапе, шла внедрение в учебный процесс технических вузов разработанной методики, интегрированных спецкурсов, практикумов. Для определения уровня сформированности профессиональной индивидуальности была разработана методика определения коэффициента становления профессиональной индивидуальности бакалавров. Предложенная нами методика включает 25 параметров качества профессиональной подготовки, каждый из которых отнесен к одному из 5 блоков.

¹ Егорова Г.И. Программа курса по выбору Инновации в химии, нефтехимии, химической технологии» с включением инновационных идей Программа для студентов высшей школы. — Тюмень: ТюмГНГУ, 2011. — С. 4.

1. Оценка основных характеристик познавательной деятельности бакалавра на учебном занятии: степень активности на занятии; умение решать проблемные ситуации; выполнение творческих заданий на учебном занятии; подготовка творческих учебных проектов; разработка рефератов по теме, курсу.

2. Оценка основных характеристик в научно — исследовательской работе: участие в конкурсах, выставках; участие в олимпиадах различного уровня; количество самостоятельных публикаций и с преподавателем в том числе; количество докладов на конференциях; участие в хоздоговорных разработках.

3. Оценка эффективности культуры умственного труда: рациональность и эффективность использования времени; степень ответственности, организованности, заинтересованности; умение планировать и выполнять поставленные цели; освоение новых информационных технологий; совершенствование приемов по развитию памяти, внимания, мышления, восприятия.

4. Оценка степени развития профессиональной индивидуальности, индивидуального саморазвития: способность к рефлексии: осознание и анализ профессиональной индивидуальности; моделирование профессиональной индивидуальности; освоению технологий непрерывного саморазвития, самоорганизации образовательной деятельности; интуиция — предвидение возможных препятствий в формировании профессиональной индивидуальности; проведение собственного индивидуального контроля, мониторинга.

5. Опыт коммуникации, профессионально — ценностного отношения: понимание роли будущей профессии в развитии современной цивилизации; толерантность, коммуникативность; ценностное отношение к будущей профессии инженера; выработка индивидуального профессионального стиля; обогащение профессиональной, общей культуры.

Представленный набор измерителей является далеко не исчерпывающим. Использование специальной квалиметрической процедуры позволяет корректировать список оценочных показателей коэффициента профессиональной индивидуальности, дополняя или сокращая его, вводя другие показатели вместо предложенных. Применение в течение нескольких лет методики оценки коэффициента профессиональной индивидуальности позволило нам переводить коэффициент профессиональной индивидуальности в пятибалльную систему. Получение интегральной оценки по условной пятибалльной шкале не является самоцелью, поскольку обобщенная количественная оценка несколько нивелирует значимые компоненты профессиональной индивидуальности. Показатели коэффициента профессиональной индивидуальности по каждому из пяти блоков анализировались по вертикали (I — IV курс) и горизонтали в пределах курса, что позволяет наглядно проследить изменение значений коэффициента профессиональной индивидуальности.

Оценивая ответы студентов, мы выделили систему препятствующих и стимулирующих факторов в формировании показателей профессиональной индивидуальности. Препятствующие факторы: собственная инерция, разочарование в результате имеющихся ранее неудач, отсутствие поддержки и помощи в формировании профессиональной индивидуальности, отсутствие объективной информации о себе. Стимулирующие факторы: влияние педагогов, коллег, богатая научно — техническая библиотека института, постоянная организация научно — практических конференций с привлечением студентов, возможность составить доклад, выступить на конференции, новизна деятельности, использование не традиционных технологий, свобода в выборе средств обучения, возможности Интернет.

Третий этап педагогического эксперимента — контролирующий. На данном этапе мы ставили следующие цели: разработать и апробировать программу практикума формирования профессиональной индивидуальности как эффективной формы и средства обучения. Анализ характеристик будущих инженеров показал, что наиболее выражены такие качества, как активность, высокий профессионализм, владение современными технологиями, инновациями¹.

Таким образом, опыт реализации проблемы формирования профессиональной индивидуальности бакалавров техники и технологии в техническом вузе свидетельствуют о том, что новый этап развития профессионального образования связан с доминированием аспектов формирования штучного индивидуального инженера. Что еще раз доказывает перспективность высказывания Ассоциации инженерного образования России (АИОР), а также международных организаций таких, как: FEANI, SEFI, European Standing Observatory for the Engineering Profession and Education (ESOEPE), European Network for Quality of Higher Engineering Education for Industry (ENQHEEI).

Список литературы:

1. Егорова Г.И. Интеллектуализация профессиональной подготовки специалиста технического вуза. Книга II. Монография. – СПб.: ИОВ РАО, 2005. – 257 с.
2. Егорова Г.И. Формирование научно-технического кругозора будущего специалиста. Монография. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2013. – 212 с.
3. Егорова Г.И. Программа курса по выбору Инновации в химии, нефтехимии, химической технологии» с включением инновационных идей Программа для студентов высшей школы. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2011. – 95 с.
4. Егорова Г.И. Развитие инновационной компетентности будущего специалиста: Методические рекомендации для студентов направлений: 240100.62 – Химическая технология (ХТб); 241000.62 – Энерго и ресурсосберегающие

¹ Егорова Г.И. Развитие инновационной компетентности будущего специалиста: Методические рекомендации для студентов – Тюмень: ТюмГНГУ, 2011. – С. 5.

процессы в химической технологии, нефтехимии и биотехнологии (ЭРПБ). – Тюмень: ТюмГНГУ, 2011. – 173 с.

*Ermakova Tatyana Yuryevna,
Engels school № 33
teacher geography and economics
E-mail t.ryzanceva@rambler.ru*

Integration and humanization of educational space within a technology of cooperation (the experience of participation in international projects)

*Ермакова Татьяна Юрьевна,
МБОУ «СОШ № 33»
г. Энгельс, Саратовская область, Россия,
учитель географии и экономики
E-mail t.ryzanceva@rambler.ru*

Интеграция и гуманизация образовательного пространства в рамках технологии сотрудничества (из опыта участия в международных проектах)

Педагог, который раскрывает и развивает таланты учеников, формирует мотивацию к достижениям, должен участвовать в международном проекте «Ассоциированные школы ЮНЕСКО», цель которого объединить лучшие идеи и направления в сфере образования. Использование современных технологий, инновационных программ, возможность общения со сверстниками и коллегами в нашей стране и за ее пределами способствуют духовному, творческому и профессиональному росту всех участников образовательного процесса. Несомненно, приоритетными направлениями деятельности должны стать технология сотрудничества, гуманная педагогика, проектно исследовательская деятельность, благодаря которым целенаправленно и разносторонне развивается личность учащегося, для которой понятия волонтер, толерантность не дань моде, а состояние души, формируется будущий исследователь.

В настоящее время основным условием достижения целей образования выступает культурно-образовательное пространство учебной и социальной деятельности школьников. Речь идет не только о том, что создается и поддерживается в стенах школы. Большое значение имеет пространство, в котором ребенок играет, общается со сверстниками, путешествует, живет. В детстве каждый ребенок

переживает период первооткрывателя, исследователя. Вопрос в том, насколько нежно и прочно смогут взрослые подхватить этот детский порыв и пронести его через годы. Судьба наградила меня общением именно с такими людьми. В начале педагогической деятельности знакомство с работами Ш. А. Амонашвили «Здравствуйте, дети!» и О. В. Крыловой «Интегрированный урок географии» открыло для меня удивительную сторону предмета «География». Предполагая использование большого разнообразия форм и средств обучения, он обладает широким диапазоном межпредметных связей. Это позволяет выбрать в качестве основного направления педагогической деятельности развитие творческого потенциала воспитанников средствами межпредметной интеграции, основу которой составляет исследовательская деятельность краеведческой направленности.

Помимо интегрированных уроков, я реализую интегрированные программы внеурочной предметной деятельности. Практика показала, что наиболее эффективной формой для реализации подобных программ является клуб. Только добровольная (не «затянутая» формальными рамками) клубная форма позволяет педагогу и воспитанникам разбудить и развить жилку творчества, сплотить и привлечь к совместной работе окружающих, семью. Без сопереживания творчества не получится, поэтому вместе учимся не только слушать, но и слышать, не только смотреть, но и видеть.

Ежедневная кропотливая работа в клубе «Поиск» проходит под девизом «Найти, Узнать и Сохранить!». С 2010 года деятельность клуба осуществляется в рамках международного проекта «Ассоциированные школы ЮНЕСКО», для чего я прошла обучение по программе: «Учитель ЮНЕСКО». В 2011 году нашему клубу довелось принять участие в международном волонтерском лагере по сохранению археологического историко-культурного заповедника Старая Майна (под Ульяновском). Опыт, приобретенный в рамках мастер-классов, общение с экспертами позволили мне иначе посмотреть на проблему воспитания у школьников ценностного отношения к историко-культурному наследию. Результатом этой работы стало написание при поддержке нидерландских экспертов программы «География культурного наследия». Основную часть программы составляет практическая деятельность исследовательского характера по оценке состояния объектов культурного наследия. В этом учебном году нас включили в Российский проект РГО «Живые Родники России» в числе 40 учебных заведений страны, где мы применяем уже сложившиеся подходы к оценке природного наследия региона. Исследовать, чтобы сохранить — вот что является основным мотивом работы школьников — членов клуба. Под этим девизом материалы, собранные в экспедиции, успешно становятся объектами предметных исследований для других учеников в ходе обычных уроков.

Исследования, открытия, направленные на сохранение окружающего их жизнь наследия, позволяют школьникам учиться ценить и преумножать создан-

ное и сохраненное предыдущими поколениями, отличать прекрасное от бездуховного. Реализация развивающего и воспитывающего потенциала проектно — исследовательской деятельности происходит не только самим фактом приобщения к историческому или природному памятнику, но и обязательным включением в структуру исследования задач по научной оценке значения объекта в различных аспектах жизни данной территории, региона, страны, мира.

Изучение объекта со стороны разных предметов, а в нашей практике — это история, география, биология, химия, этнография, экономика и др., не просто расширяет образовательный кругозор школьников, а, говоря языком нового образовательного стандарта, формирует метапредметные знания. Выводы, формулируемые школьниками по итогам проведенных исследований, менее всего привязаны к предметному знанию. Их больше интересуют прогнозы о том, что произойдет, как изменится, какой даст эффект, если.... На проводимой географическим факультетом СГУ первой научно — исследовательской конференции, посвященной юбилею факультета, мои ребята (ученики 9 и 11 классов) представили три исследования, которые прошли оценку экспертов и стали их первыми научными публикациями.

Внедрение в образовательный процесс интегрированных уроков и программ, цель которых создание условий для активного участия молодежи в общественной жизни, развитие навыков моделирования при использовании метода проектов, умение работать в группе, участие в решении социально значимых задач, формирование позитивных жизненных установок и мотиваций обеспечивает качественные изменения ученика.

Цель современного образования — подготовить личность, открытую к новым знаниям, межкультурному диалогу, интегрированную в мировое сообщество и здесь нужно учитывать, что помимо прочего, сохранение культурного наследия является приоритетным направлением деятельности ЮНЕСКО и объектом внимания мирового сообщества в свете провозглашаемого принципа устойчивого развития в науке, культуре и образовании.

Немного о клубе. Для меня это наиболее эффективный формат развития способностей воспитанников, формирования особого культурно — образовательного пространства, где ребята разного возраста вместе участвуя в исследовании, учатся преодолевать некоторые комплексы, повышают самооценку, часто на примере жизни и творчества личностей, о которых почти ничего нет в учебниках.

Идея сохранения и защиты творений культуры жила в умах представителей пере-

довых людей разных эпох, но особенно обострилась в 20 веке, когда само существование человечества оказалось под угрозой. Эти слова Дмитрия Лихачёва подводят нас к мысли о том, что в эту деятельность по охране культурного наследия должен включиться каждый человек в любом уголке земного шара: «Культура представляет главный смысл и главную ценность существования как отдельных народов и малых этносов, так и государств.

Вне культуры самостоятельное существование их лишается смысла». Как только, созерцая окружающую действительность, задумаешься, а в каком состоянии она, что я могу сделать, чтобы этим наслаждались земляне и после меня, ты уже становишься частью всемирного движения по охране культурного наследия.

Участие в проектах и конкурсах ЮНЕСКО заставляет результативно применять ИКТ технологии. В рамках технологии сотрудничества создавались проекты «Прогулки по Покровску», «Музей под открытым небом», «Как охраним Живую ткань Культуры?». В них исследовалось состояние объектов культурного наследия города, некоторые из которых разрушались у нас на глазах, а в проекте «Путь к Свету», прослеживается попытка проанализировать состояние души современного подростка и пути выхода из сложного духовного состояния. Привлечение к работе над проектами различных организаций, встречи и беседы с людьми, которые могли бы помочь в решении проблем, не остались незамеченными.

Так перед стройкой появился стенд с указанием о ходе реставрационных работ. И это уже результат! А высказывания участников проекта о том, как повлияло на них и их сверстников участие в проекте, свидетельство начала **НОВОГО ДУХОВНОГО ПУТИ**. Каж-

дый памятник культуры известен памятью о людях. И продолжением становятся исследования жизни и деятельности наших известных земляков и рядовых жителей. Часто такая работа приводит к неожиданным открытиям: так, наш проект «Метафизика Покровска», посвященный сохранению культурного наследия через исследование биографий по-

кровских семей Кассилей и Шнитке, позволил провести некоторые параллели. Пройдя по известным историческим местам города, мы попытались посмотреть глазами творческих людей — писателей, художников, музыкантов на родные места и найти отклик в собственной душе, отсюда возникает, произвольно, ощущение себя как частицы чего-то необъятного, далекого, но почему-то очень родного — **КОСМОСА!** А начинать движение души лучше с вопроса «Кто Я?» История своей семьи, проливает свет не только на сегодняшний день, но и на будущее каждого и еще крепче привязывает к родному городу, поселку, улице, дому.

С уроков «Моя родословная» начинается работа с каждым новым поколением клуба. «Творчество — это самостоятельное мышление, в результате которого рождается новое. Новое я прилагаю к такому физическому явлению, которое нельзя ни полностью предсказать, ни объяснить на основе уже имеющихся теоретических концепций», писал академик Петр Капица.

Результатом знакомства с жизнью и творчеством братьев Шнитке стала модель музыкального фонтана, рисунки и эссе как вариации на музыку Альфреда Шнитке и осмысление стихов Виктора Шнитке. Внимательное путешествие по страницам книги Льва Кассиля «Кондуид и Швамбрания» два раза в год приводит нас в стены дома музея писателя, где в прошлом году уже двадцатый раз прошел городской праздник, посвященный Дню Рождения Льва Кассиля, постоянным участником которого уже в десятый раз стал клуб «Поиск». Здесь же состоялось еще одно открытие: вместе с работниками музея мы решили ежегодно 8 февраля отмечать День рождения Швамбрании. В рамках клуба «Поиск» мы организуем музейные практики, являемся волонтерами музеев города. Темы исследований выбирают сами ребята, а направления уже сложились: туристско-краеведческое, экологическое, социальное проектирование. Слова Владимира Вернадского еще раз подтверждают мысль о безграничности и безмерности Творчества: «... творчество выявляет нам Космос, проходящий

через сознание живого существа» (из учения о ноосфере), заставляют людей творческих создавать новое, приоткрывая завесу прошлого и распахивая ВРАТА ГРЯДУЩЕГО!

Результаты исследования — презентации, буклеты, видеосюжеты пополняют дидактическую базу, которая с успехом применяется на уроках и в деятельности клуба, способствует сохранению и приумножению традиций укрепляет нити преемственности поколений.

Список литературы:

1. Дереклеева Н. И. Научно–исследовательская работа в школе. М.: Вербум-М, 2001.
2. Заир-Бек Е. С. Основы педагогического проектирования. СПб, 1995.
3. Ермакова Т. Ю. Культурно-образовательное пространство проектно-исследовательской деятельности школьников. Красноярск, 2012.
4. Обухов А. С. Исследовательская позиция и исследовательская деятельность: что и как развивать? Исследовательская работа школьников. 2003, № 4.
5. Савенков А. И. Виды исследований школьников. Одаренный ребенок. 2005, № 2.

*Karimova Beibitkul Sarsemhanovna,
Associated Professor,
Direktor Republican scientifically-practical center “Uchebnik”,
Republic of Kazakhstan
E-mail: nur.oras@mail.ru*

Upgrading the content of school textbooks

In recent years considerable efforts have been made to reform the educational system in the Republic of Kazakhstan.

For instance, innovative information and communication technology is being introduced in the educational process, criteria-based assessment of student achievement consistent with the updated content of secondary education is being developed for the further implementation, and state statutory educational standards have been developed and introduced. Work to ensure the on-line student access to all of the world’s educational resources is underway, the learning process is automated (electronic scheduling, electronic journals, digital libraries), monitoring of student achievement is being performed.

Paradigmatic shifts and innovative approaches should be seen as manifestation of the positive education reform. The imperative of our time is to change the “education

for life” paradigm to the “education throughout life” paradigm, hence, our task now is to make a transition from knowledge to competencies.

One of the directions of the state policy in the field of modernization of education is to update the content of education, which requires the creation of new textbooks with a pronounced practical orientation.

To date, the Ministry of Education and Science has developed a draft Action Plan to realize the top-priority goals for the development of the educational system for 2014–2016. The purpose of this Plan is to update the content of secondary education based on the experience of AEO “Nazarbayev Intellectual Schools”.

Language learning involves formation of students’ linguistic and communicative competences. The main emphasis is made on the acquisition of written and spoken language skills and formation of communicative competence. Enhanced attention is given to formation of ethnic and cultural competence. Indeed, the role of foreign language learning is enhancing with the gradual integration of the education system of Kazakhstan in the world educational space.

Studying literature involves the formation of moral and ethical, cultural and aesthetic competence.

The content of educational programs updated in line with the new educational paradigm should determine the appropriate requirements for academic literature.

In this regard, important strategic objectives are facing us:

Compiling the list of minimum requirements for textbooks and teaching materials;
Elaboration of new methods of textbook and teaching materials examination according to the updated content of secondary education;

Multi-phase elaboration and examination of textbooks and teaching materials in Kazakh, Russian and English languages and ICT (information and communication technology) for grades 5–11 in an 11-year curriculum school.

Today certain work is carried out to improve the design, examination and publication of educational literature.

The legislative and regulatory framework for organization and examination of learning material has been enhanced (Law “On Education”, “On Copyright and Related Rights”, “On Licensing”). The procedure for preparation, examination, testing and monitoring, and publication of textbooks, teaching materials and teaching aids has been approved.

A competitive environment has been created to improve the quality of textbooks. Educational organizations are provided with a right to select textbooks and teaching materials.

A database of textbooks experts has been formed and is constantly being updated.

Manuals on topical issues such as updating the content of school education and improving the quality of textbooks have been issued to ensure methodological

development of the processes of elaboration, examination and publication of educational literature:- improving the content of the modern textbook in the context of students' functional literacy development”;

- didactic function of school textbooks”;
- the requirement to elaboration of textbooks for secondary schools”;
- international experience in elaboration, examination and publication of textbooks”;
- evaluating the quality of textbooks” and others.

The Center “Учебник» (“Textbook”) has performed an analysis of textbooks used in the educational process in secondary schools. Several types of educational books are in effect in the schools of the country: books for 11-year curriculum schools, trial (experimental) textbooks for 12-year curriculum pilot schools, foreign languages textbooks of foreign publishers adapted in accordance with State Educational Standards (SES) of the Republic of Kazakhstan.

Analysis of their content demonstrated that the informative function is dominant, the didactic-educational and systematizing functions are also traced, the coordinating and integrating functions are reflected poorly, the motivating function of textbooks is hardly realized. The predominance of the informative function clearly demonstrates the orientation of our textbooks on the knowledge-centered paradigm of education.

Textbooks have insufficient focus on reflection of the modern educational technologies and paradigmas, their content is designed for assessment of the acquired knowledge and skills, but not aimed at the formation of functional literacy, as well as on the development of key subject competencies. The current textbooks offer a pale reflection of the diagnostic component, practical orientation, lack of electronic application.

Having studied and analyzed the national and international experience in textbook elaboration and educational book publishing, we have drafted the requirements for a new type of textbook for all levels of education, covering methodological and methodical, didactic-pedagogical and logical-psychological characteristics of the textbook.

Currently the project of textbook requirements is under discussion at the international Association of educational literature elaboration and publishing (Cambridge), of which the Center «Учебник» became a member last year.

Membership in the Association promotes the establishment of partnerships with international associations, expands opportunities for professional development of authors and experts. The «School of authors» and «School of experts» are planned to be established next year. This will allow for a systematic work on methodological, scientific and methodological support of the development and analysis of textbooks, collaboration with international authors to develop the concepts and the

content of textbooks. The establishment of these schools will result in organization of textbook elaboration workshops for authors and experts. Training of 50 authors and 50 experts is scheduled annually.

In April of 2014 the Centre «Учебник» in conjunction with the International Association for the development and publishing of textbooks is planning to arrange an international scientific and practical conference on the issues of development and publishing of textbooks in Astana.

The development and approval of academic programs and curricula for the 12-year curriculum primary, secondary and high schools based on the curriculum of the Nazarbayev Intellectual Schools are planned in the long term. The academic literature for the 12-year curriculum schools will be elaborated in accordance with the above-named academic programs and curricula. The list of minimum requirements should also reflect the requirements for textbooks for 12-year curriculum instruction schools.

New requirements for the content and structure of textbooks should provide considerable support for the authors, methodologists and developers of educational literature, who must ensure the congruence of textbooks to the modern educational challenges.

We plan to improve the regulatory and methodological framework for examination of textbooks on the basis of the new curricula, programs, and list of requirements:

— Introduction of amendments to the Rules on the organization of work in preparation, examination, testing and monitoring, publication of textbooks, teaching materials and teaching aids;

Development of new criteria for textbooks evaluation, order of the appointment of experts, forms of expert solutions etc.

These documents will constitute the scientific-methodological and regulatory framework for the development of a new type of educational literature in terms of updating the content of secondary education.

*Knyazeva Olga Nikolaevna,
Voronezh state agrarian University named after
Emperor Peter I, candidate of pedagogical Sciences,
senior lecturer, the humanitarian law faculty
E-mail: olga.knyazeva-2010@yandex.ru*

Constructive interaction between teachers and learners in a multicultural student group

Князева Ольга Николаевна,
Воронежский государственный Аграрный университет
имени императора Петра I, кандидат педагогических наук,
старший преподаватель, гуманитарно-правовой факультет
E-mail: olga.knyazeva-2010@yandex.ru

Конструктивное взаимодействие между преподавателями и обучающимися в многонациональном студенческом коллективе

Современные условия развития российского общества, характеризующиеся социальными и экономическими преобразованиями, применением новых инновационных технологий, определяют необходимость изменения ориентиров отечественного вузовского образования. Особенно это важно на сегодняшнем этапе его интернационального развития. Сегодня в высшей школе необходимо развивать доброжелательные межкультурные контакты в студенческих коллективах. Поэтому одним из путей инновационного образования является обеспечение конструктивного взаимодействия между преподавателями и обучающимися в многонациональном студенческом коллективе.

В системе высшего образования Е. В. Коротаева выделяет следующие виды взаимодействия: *деструктивный* (разрушающий) — искажает форму и содержание образования, дестабилизирует связи между участниками, элементами педагогической системы, что приводит к необратимым последствиям в образовательной сфере; *рестриктивный* (ограничивающий) — осуществляется посредством строгого контроля за развитием отдельных качеств без учета целостного подхода к процессу развития и формирования личности; *реструктивный* (поддерживающий) — обеспечивает решение тактических, ближайших задач в педагогическом процессе, необходимых для сохранения целостности личности на определенном уровне достижений, однако не учитывает перспективу и стратегию развития; *конструктивный* (развивающий) — обеспечивает целостность, субстанциальную связь, необходимую для полноценного жизнеобеспечения личности и создает условия для дальнейшего ее развития. Для эффективного взаимодействия преподавателей и студентов в вузе предпочтителен конструктивный вид. Рассматривая взаимодействие преподавателей и студентов в высшей школе, ряд авторов отмечают такие характерные черты конструктивного взаимодействия как сотрудничество, эффективное взаимодействие (общение), продуктивное взаимодействие, субъект-субъектные отношения, конструктивное разрешение конфликтов, сотворчество (Ю. К. Бабанский, Е. В. Бондаревская, С. В. Куль-

невич, М. И. Станкин)¹. Конструктивное взаимодействие преподавателей и студентов в процессе обучения в вузе нами определяется как взаимоотношения преподавателей и студентов в процессе обучения, обеспечивающее необходимые условия для формирования направленности, развития навыков рефлексивного поведения; характеризующиеся согласованностью целей и занимаемых субъектами взаимодействия позиций, способствующих продуктивному решению вопросов, стимулирующих развитие личности².

В Воронежском государственном аграрном университете имени императора Петра I, на гуманитарно-правовом факультете обучаются 48 студентов из Средней Азии, преимущественно из Туркмении. Знание специфики проявления в образовательном процессе национально-психологических особенностей представителей конкретных этнических общностей облегчает деятельность преподавателя. В связи с этим педагоги гуманитарно-правового факультета знакомятся с психологическими характеристиками иностранных студентов еще до начала преподавания дисциплин, так как это важно для конструктивного взаимодействия в многонациональном студенческом коллективе. Ряд авторов характеризуют представителей народов Средней Азии следующим образом:

- практическим складом ума, рациональным мышлением;
- слабовыраженной внешней эмоциональностью, сдержанным темпераментом, спокойствием и рассудительностью;
- способностью стойко переносить физические страдания, неблагоприятные погодные и климатические условия;
- высокой исполнительностью, честностью, уважением к старшим;
- определенной замкнутостью в своих национальных группах, особенно в начальный период знакомства, общения и взаимодействия с другими людьми, настороженным отношением к представителям других национальностей³.

Большинство представителей Средней Азии медленнее, чем другие народы, осмысливают жизненные и профессиональные задачи, которые возникают в процессе деятельности. Однако когда цель усвоена, она становится неотъемлемым руководством к действию. Представители этих национальностей стараются добросовестно выполнять свои обязанности. Вместе с тем, если ослабляется контроль за их деятельностью, они могут допускать поблажки себе и своим землякам⁴. Особенно это прослеживается в учебной деятельности студентов,

¹ Айсмонтас Б.В. Педагогическая психология. – М.: Издательство ВЛАДОС – ПРЕСС, 2002. – 208 с.

² Князева О.Н. Конструктивное взаимодействие преподавателей и студентов как фактор повышения качества обучения в вузе. – Воронеж: Изд-во ВОИПКиПРО, 2012. – 159 с.

³ Крысько В.Г. Этническая психология. – М.: Академия, 2002. – 320 с.

⁴ Стефаненко Т.Г. Методы подготовки к межкультурному взаимодействию // Стефаненко Т.Г., Шлягина Е.И., Ениколопов С.Н. Методы этнопсихологического исследования. М.: Изд-во Моск.

а именно по пропускам занятий и некачественной подготовке к семинарским и практическим занятиям. Представители народов Средней Азии очень тяжело переживают оскорбления, в том числе словесные, особенно нецензурную брань. В таких обстоятельствах они, как правило, сильно возбуждаются, идут на конфликты. Они очень высоко ценят ровный тон других людей, их высокую культуру и спокойную манеру речи, а также доверие, уважение, хорошее отношение к их национальным традициям, обычаям, привычкам, литературе и искусству. В частности для иностранных студентов из Туркмении свойственно стремление добросовестно относиться к своим будущим профессиональным обязанностям и добиваться хорошего отношения со стороны преподавателей и администрации вуза. Они самолюбивы, чувствительны в общении, по темпераменту не медлительные, но и не слишком быстрые. Охотно участвуют в общественной жизни, старательно выполняют поручения.

В многонациональном студенческом коллективе наблюдается большое разнообразие форм межличностных отношений, основанных на национальной принадлежности, культурной специфике, своеобразии языка, обычаях, традиций. Конструктивное взаимодействие между преподавателями и студентами при этом значительно усложняется, требует большей напряженности усилий, объемных знаний, профессиональной подготовленности, высокого педагогического мастерства. Приоритетное значение приобретает знание педагогом существа национально-психологических процессов, происходящих в коллективе, умение учитывать закономерности их проявления.

Учет национально-психологических особенностей предполагает особое построение конструктивного взаимодействия в многонациональном студенческом коллективе. Национально-психологические особенности определяют своеобразие форм и способов воспитательных воздействий, их сочетание. Представители из различных национальных общностей по-своему воспринимают стиль поведения преподавателя. Они предъявляют разные требования к моральным и нравственным качествам, профессиональным навыкам, педагогическому мастерству этих лиц. Преподавателю многонационального студенческого коллектива необходимо делать все от него зависящее, чтобы конструктивное взаимодействие со студентами было хорошо продумано, тщательно спланировано, последовательно на всех своих этапах.

Незнание национально-психологических особенностей членов коллектива ведет к появлению межнациональных трений. Последствия их опасны — это ухудшение морально-психологического климата в многонациональном студенческом коллективе, отсутствие взаимопонимания между его членами в ходе

совместной деятельности, назревание межнациональных конфликтов, переходящие в стрессы. Нельзя допускать предвзятого отношения к представителям одних национальностей и наделять привилегиями других. Преподавателю необходимо быть справедливым к каждому студенту независимо от его национальной принадлежности.

Важнейшим элементом конструктивного взаимодействия в вузе является осмысление преподавателем характера взаимоотношений, нравственно-психологической атмосферы в многонациональном студенческом коллективе. Также значение имеет деятельность преподавателя по сплочению многонационального студенческого коллектива (совместные культурные мероприятия, проекты). Преподавателю необходимо предпринимать усилия по предотвращению конфликтных ситуаций в группе. Конфликты на национальной почве являются следствием неправильного отношения представителей одной национальности к другой. Следует пресекать факты притеснения по национальному признаку (например, укрепление авторитета актива многонационального студенческого коллектива).

Конструктивное взаимодействие, связанное с преобладанием положительных эмоций, оказывает благотворное влияние на эмоционально-волевую сферу личности студентов и преподавателя, что является основой для развития творческого потенциала и самостоятельности, инициативы студентов, познавательных интересов личности в целом. Взаимодействие приобретает конструктивность при эффективной организации совместной образовательной деятельности преподавателей и студентов — использование разнообразных форм учебной работы, умение конструировать ситуации успеха, создание проблемных ситуаций, использование творческих заданий, элементов игры и т. д. Педагогический смысл конструктивного взаимодействия состоит в том, чтобы найти самый верный для каждого конкретного студента (независимо от его национальности) — подход взаимодействия, который пробудил бы у него добрые чувства, доверие и желание разобраться в себе, выполняемой деятельности, который бы способствовал принятию правильных решений и совершенствованию своих поступков, проявлению рефлексивных навыков и самостоятельности. Конструктивное взаимодействие актуализирует положительные потенциалы, имеющиеся в любой учебной ситуации.

Таким образом, учет национально-психологических особенностей в конструктивном взаимодействии преподавателей и студентов в вузе не только является важной предпосылкой повышения его эффективности, но и представляет собой сложный процесс использования целого ряда специальных знаний и навыков, которые нужно формировать у преподавателей, администрации вуза. Так как эти взаимодействия являются первоначальной ступенью всего жизненного процесса.

Список литературы:

1. Айсмонтас Б. Б. Педагогическая психология. – М.: Издательство ВЛАДОС – ПРЕСС, 2002. – 208 с.
2. Князева О. Н. Конструктивное взаимодействие преподавателей и студентов как фактор повышения качества обучения в вузе. – Воронеж: Изд-во ВОИП-КиПРО, 2012. – 159 с.
3. Крысько В. Г. Этническая психология. – М.: Академия, 2002. – 320 с.
4. Стефаненко Т. Г. Методы подготовки к межкультурному взаимодействию // Стефаненко Т. Г., Шлягина Е. И., Ениколопов С. Н. Методы этнопсихологического исследования. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1993. С. 55–78.

*Kozlovskaya Svetlana Nikolaevna,
the candidate of psychological sciences, the docent of the department
of theory and methodology of social work RGSU, Moscow
E-mail: SNK4246270@mail.ru*

*Shimanovskaya Yanina Vasilevna,
PhD in Sociology, the docent of the department of theory
and methodology of social work RGSU, Moscow
E-mail: ya1873@yandex.ru*

**The impact of employment of University students
on the formation of professional orientation**

*Козловская Светлана Николаевна,
кандидат психологических наук, доцент кафедры теории и методологии
социальной работы ФГОБУ ВПО Российский государственный социальный
университет, г. Москва
E-mail: SNK4246270@mail.ru*

*Шимановская Янина Васильевна,
кандидат социологических наук, доцент кафедры теории и методологии
социальной работы ФГОБУ ВПО Российский государственный социальный
университет, г. Москва
E-mail: ya1873@yandex.ru*

**Влияние трудовой занятости студентов вуза
на формирование профессиональной направленности**

Существенным критерием выбора профессии является соответствие склонностей и способностей человека тем требованиям, которые данная профессия

предъявляет к работнику. Несомненно, что такое соответствие будет тем более оптимальным, чем сильнее гармония между склонностью и способностями молодого человека. Вопрос о соотношении склонности как направленности на деятельность и способности к этой деятельности имеет первостепенное значение для построения профессиональной консультации.

Принципиальное решение некоторых основных сторон данного вопроса содержится в исследованиях А. Г. Ковалева и В. Н. Мясищева, а также Б. М. Теплова, посвященных проблеме способностей. Важнейшие положения, относящиеся к данной проблеме и обоснованные ими, заключаются в следующем. Способности нельзя рассматривать как скрытые до поры до времени внутренние возможности человека. Они всегда есть производное от единства индивида и условий его жизни и деятельности.

О способностях судят по деятельности. Самое же существенное в том, что в деятельности способности не только проявляются, но и создаются. Исходя из этого и решается вопрос о взаимоотношении между склонностями и способностями. Представляя собой избирательное отношение к деятельности, потребность в ней, склонность приводит к пробуждению и мобилизации скрытых до этого сил человека, помогает выявлению и формированию его способностей, в значительной степени определяет его профессиональную направленность.

Следовательно, развитие способностей к деятельности не может происходить вне склонности, а склонность неизбежно приводит к развитию способностей. В связи с этим утверждается закон соответствия способностей и склонностей. «... Хотя в отдельных случаях в силу внешних, иногда неблагоприятных, влияний может быть расхождение склонностей и способностей, но основным все-таки является правило соответствия способностей и склонностей», — отмечает Налицу З. А.¹

А. Г. Ковалев и В. Н. Мясищев подчеркивали, что случаи несовпадения склонностей свидетельствуют о наличии побочных влияний. Так, случается что «родители стремятся развить у ребенка то, для чего нет достаточных предпосылок», или человек попадает в такую среду, где господствуют специальные интересы (например, художественные, технические, сценические), где оценка человека и отношение к нему связаны с его успехами в соответствующей области. «Заразившись» этими интересами и оценками, человек ищет и мечтает о достижениях, но если способностей нет, то усилие не дает достаточно продуктивных результатов. И в этом и в другом случае обнаруживается противоречие между кажущейся склонностью и отсутствием способности².

¹ Нолицу З. А. Установление психологического контакта педагогов с учащимися // Психология учителя: Тез. докладов к 7 съезду психологов. М., – 1989. – С. 72.

² Ковалев А. Г., Мясищев В. Н. Психологические особенности человека. Т. 1. Л., 2000.

Интересной является точка зрения В. Н. Мясищева, вводящего промежуточное (между задатками и способностями) понятие данные ребенка. Данные — это относительно элементарные психические особенности, не являющиеся еще способностями и обусловленные соответствующими задатками.

Эта концепция представляет для нас особый интерес, так как позволяет понять одну из основных предпосылок избирательного отношения к окружающей действительности. Имеются в виду многочисленные случаи, когда данные человека являются основным условием возникновения склонности. Избирательность реагирования при этом обусловлена, прежде всего, более высокой чувствительностью к определенным сторонам внешних воздействий, более тонким и дифференцированным их восприятием. В свою очередь, это способствует возникновению эмоционального отклика и эстетического отношения к обстоятельствам и к деятельности, с которой человек соприкасается. Таким образом, встреча с деятельностью, для которой у человека имеются специфические данные, может актуализировать особенности, повышающие реактивность в отношении всего, что касается данной деятельности. Последняя становится все более притягательной для человека, все сильнее влияет на различные стороны его психической деятельности.

Студенчество — социальная группа молодежи в возрасте от 15 до 30 лет, основным занятием которых является подготовка к высококвалифицированному труду в высших учебных заведениях и средних специальных учебных заведениях Российской Федерации. Интересы студенческой молодежи состоят в получении высшего профессионального и культурного образования, соответствующего интеллектуальным потребностям личности, позволяющего достойно состязаться на рынке профессионального труда и эффективно трудиться в избранной сфере деятельности. Студенты, как наиболее чувствительная к переменам группа населения, чутко реагирует на изменения в жизни общества: формируется новый тип личности, ориентированный на индивидуализм, приоритет частного интереса, расчет на свои силы, складывается новая система ценностей, которая диктуется рыночной экономикой. Нередко профессиональная направленность складывается под определяющим влиянием ценностей молодого человека. Формирование направленности на деятельность может происходить под влиянием потребности человека в своем более разностороннем развитии. Влияние фактора способностей на возникновение избирательного отношения к деятельности может быть более отдаленным и опосредованным.

Несмотря на заметное увеличение количественных показателей, характеризующих профессиональное образование, социально-экономическое положение в стране не создает достаточных гарантий для осуществления молодым поколением своих прав на образование, охрану здоровья, отдых, гармоничное духовное, нравственное, физическое развитие. Заметна тенденция роста платного обучения. В тоже время

с каждым годом снижается количество студентов, получающих стипендии или другие выплаты за счет стипендиального фонда России. Как следствие, в России каждый второй студент вынужден работать. Образование отходит на второй план. Внеучебное время для большинства студентов становится рабочим, основным способом для выживания, а не возможностью духовного и физического развития.

С целью выявления причин трудоустройства студенческой молодежи и основных проблем, с которыми они сталкиваются при этом был проведен социологический опрос студентов факультета социальной работы, педагогики и ювенологии РГСУ «Возможно ли совместить работу и учебу?». Всего было опрошено 123 человека в возрасте: 17 лет — 8%, 18 лет — 10%, 19 лет — 22%, 20 лет — 15%, 21 год — 30%, 22 года — 15%, из них 46% лиц женского пола, 54% — мужского. Распределение респондентов по курсам представлено следующим образом: 1 курс — 16%, 2–20%, 3–15%, 4–22%, 5–27%. На вопросы анкеты были получены следующие результаты.

На вопрос «Получаете ли Вы стипендию?» 70% респондентов ответили положительно, дополнительно 33% опрашиваемых получают социальную стипендию. Имеют постоянную работу 96%, из них 81% нашли работу самостоятельно через объявление в газете и лишь 2% по протекции родственников.

При определении источников дохода студенческой молодежи выявлено, что 24% — рассчитывают только на свою заработную плату, 32% — на дополнительную помощь родителей.

На вопрос «В какой сфере Вы работаете?» большинство респондентов (86%) ответили в сфере обслуживания (гостиницы, парикмахерские, кафе и т. п.), в торговле — 10%, остальные 4% поровну разделили занятость в сфере обслуживания техники и работа курьером 2%.

К сожалению, 80% опрашиваемых отметили, что настоящая работа и получаемая в вузе специальность относятся к разным сферам и лишь 10% работают по специальности, притом, что по специальности в будущем собираются работать 76% респондентов.

При распределении по специальностям и направлениям подготовки выявлено примерно одинаковое распределение респондентов (в среднем около 20%). Из них 75% собираются работать по специальности после окончания университета, так как работа является их единственным источником дохода.

На вопрос «Как Вы считаете, можно ли совместить работу и учебу в университете?» 63% ответили, что работать надо только в том случае, если нет иного источника доходов и 5% что работать до окончания вуза не стоит.

Среди причин работы 68% студентов отметили, что работают для того, чтобы иметь собственный доход, 12% — чтобы помочь родителям и 12% — чтобы набрать опыт для будущей работы. Притом, что 66% респондентов имеют за-

работную плату от 2 до 4 тысяч рублей и только 22% до 7 тысяч рублей. У 18% опрошиваемых имеются семьи и у 6% из них — дети. В том числе и поэтому 45% респондентов боятся потерять работу, рассчитывая на то, что после окончания университета продолжать работу в этой же организации (12%).

Оценивая уровень квалификации занимаемых должностей 62% респондентов отметили, что всему научились самостоятельно в процессе работы и лишь 12% пришлось оканчивать дополнительные курсы.

Говоря о предоставлении гарантированного минимального социального пакета на предприятии, где работают студенты 78% из них ответили, что данный пакет не предоставляется и они не оформлены официально. Без ежегодного оплачиваемого отпуска работает 61% студентов и зачастую это происходит на негосударственных предприятиях (82%).

На вопрос «Считаете ли Вы необходимым принятие законодательства, гарантирующего защиту прав при трудоустройстве молодежи?» однозначно да ответили 96% опрошиваемых студентов, т. к. 60% респондентов дополнительно отмечают нарушение их прав на предприятиях.

Проведенное исследование показывает сохранение престижа высшего образования в глазах молодежи. Но свои возможности и перспективы получить хорошее образование, специальность, устроиться на хорошую работу молодые люди оценивают крайне низко.

Среди основных проблем студенчества можно выделить следующие: организация дополнительной занятости, улучшение жилищно-бытовых проблем, снижение уровня правонарушений, адресная социально-экономическая поддержка студентов, качественное улучшение организации творчества студентов и студенческого досуга.

Задача государства — не только в предоставлении молодым людям равных возможностей и гарантий в получении образования, но и в решении проблем, сопровождающих студенческую жизнь и, в частности, проблемы занятости молодежи. Это профориентация, начальное профессиональное обучение, дальнейший осознанный и целенаправленный выбор профессии, гарантии в трудоустройстве после окончания учебного заведения, трудоустройство учащейся и студенческой молодежи в свободное от учебы время, и как обязательный аспект, создание молодежной организации, способной комплексно решать проблемы занятости молодежи.

Достижению этих целей могут способствовать следующие направления деятельности:

- совершенствование правовых, социально-экономических и организационных механизмов защиты работающей учащейся и студенческой молодежи;
- организация трудоустройства учащейся и студенческой молодежи в свободное от учебы время;

- организация деятельности студенческих, педагогических отрядов и волонтерских лагерей;
- оказание содействия в обучении и трудоустройстве не учащейся и не работающей молодежи в возрасте 14–15 лет;
- создание новых рабочих мест для организации трудовой занятости учащейся и студенческой молодежи в свободное от учебы время;
- организация профориентации молодежи;
- организация общественных работ для молодежи;
- проведение мероприятий по непосредственному общению работодателей с учащейся и студенческой молодежью;
- организация индивидуального трудоустройства студенческой молодежи в период летних каникул;
- разработка и выпуск различных информационных материалов по подготовке учащейся и студенческой молодежи к самостоятельному выходу на рынок труда.

Захваченность деятельностью, соответствующей возможности человека, обеспечивает ее результативность. Осознание собственных способностей приводит при благоприятных условиях, к возникновению дополнительного мотива деятельности. Повышается потребность к себе, растет чувство ответственности перед обществом за результат своей деятельности. Однако при неблагоприятных воспитательных условиях могут сформироваться самоуверенность и легкомысленное отношение к трудностям. П. А. Шавир¹ рассматривал такие формы взаимосвязи между профессиональной направленностью и способностями, при которой возникшие склонности профессии происходит в связи с данными человека. Склонность здесь, по сути дела, является потребностью в реализации своих способностей. Именно в таких случаях говорят: «Человек нашел себя в деятельности». Нередко избирательное отношение к деятельности возникает не на основе реактивности личности на специфическое содержание этой деятельности, а в связи с тем, что она удовлетворяет некоторые другие потребности, являющиеся доминантными.

Несомненно, однако, что в отдельных случаях возникновение склонности еще не свидетельствует о ее соответствии врожденностям человека. Здесь, в свою очередь, встречаются два основных варианта. В процессе пробы сил, а тем более регулярной практической деятельности возможности для ее мастерского выполнения может оказаться недостаточно, и тогда склонность, не подкрепляемая чувством удовлетворения от труда, будет ослабевать, либо в процессе деятельности произойдет достаточное развитие необходимых для нее способностей. В этом случае создаются предпосылки для сдвига мотивов

¹ Шавир П. А. Психология профессионального самоопределения в ранней юности. – М., 1991.

деятельности. Привлекательным в ней для человека все больше будет становиться не внешние ее особенности, а ее творческие стороны, ее специфическое содержание.

Таким образом, П. А. Шавир отмечает, что «Соответствие между человеком и деятельностью не находится априорно. Оно формируется лишь в процессе практической деятельности, а на основе активной пробы сил, начинающейся уже в школьные годы»¹.

Список литературы:

1. Ковалев А. Г., Мясищев В. Н. Психологические особенности человека. Т. 1. Л., 2000.
2. Козловская С. Н. технологии активного обучения в профессионально-компетентностном становлении бакалавров социальной работы в системе высшего профессионального образования. Человеческий капитал. 2012. № 4 (40). С. 29–31.
3. Лопатина Я. В. Гуманизация образовательного процесса в высшем учебном заведении. Ученые записки Российского государственного социального университета. 2009. № 10. С. 120–122.
4. Нолицу З. А. Установление психологического контакта педагогов с учащимися // Психология учителя: Тез. докладов к 7 съезду психологов СССР. М., — 1989.
5. Шавир П. А. Психология профессионального самоопределения в ранней юности. – М., 1991.

Krasnozhonova Ekaterina Sergeevna,

Managarov Roman Viktorovich,

Pyatigorsk State Linguistic University,

*Candidate of pedagogical sciences, Dept. of intercultural communication,
didactics, pedagogical techniques, training and education*

E-mail: passion10@yandex.ru

Functions of teacher of foreign language in conditions of modern development of educational processes

The modern teacher of a foreign language acts as the teacher of a new formation, uniting in itself a wide spectrum of professional knowledge, skills and the abilities united by the uniform professional competence.

The professional competence of the teacher of a foreign language develops from:

¹ Шавир П. А. Психология профессионального самоопределения в ранней юности. – М., 1991, С. 48.

- Knowledge of how training process in various types of educational institutions should be organised;
- Abilities to organise training process in various types of educational institutions according to norms and requirements of educational standards and programs of a foreign language, and also taking into account requirements of modern methodical, psychological and pedagogical sciences;
- Knowledge of psychology of children's age development, and also psychology of the adult person;
- Abilities to work in uneven-age collective, various groups with non-uniform structure of the trained;
- Abilities operatively to react to changing conditions of educational process, simultaneously modernizing and improving it;
- Abilities of self improving to raise own professional methodical and linguistic level;
- general-professional (didactic, psychological, lingua-psychological, information-communication) knowledge and abilities;
- Professionally focused (methodical, linguistic, linguadidactic, intercultural/sociocultural) knowledge and abilities;
- Sufficiently own motivation and internal readiness to carry out the training actions directed on all-round intellectual, language and communicative development of the person of the pupil.

Modern teacher is responsible for result of education and the result is not only successful passing a Unified State Examination or GIA in a pursuit for which is quite often observed some kind of “withdrawal” from teaching for pupils and their general and communicative formation and development to teaching for preparation for examination.

The overall objective in the field of training to foreign languages is well-known — formation the communicative competence speaking another language allowing graduates to communicate with the native speaker at sufficient level for mutual understanding within the limits of passed in educational institution by that¹.

However in modern conditions of development of a domestic education system there is also an important purpose — formation physically and the morally (psychologically healthy and positively adjusted person, capable to be guided in the welfare environment and ready to communicate with the native speaker, continuously expanding thus own outlook of knowledge and able to study and receive necessary knowledge independently.

¹ Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, преподавание, оценка/Департамент современных языков Директората по образованию, культуре и спорту Совета Европы; Перевод выполнен на кафедре стилистики английского языка МГЛУ под общ. ред. проф. К. М. Ирисхановой. – М.: Изд-во МГЛУ, 2003.

Considering today feature of delivery of Unified State Examination, it is frequent foreign language lessons especially in the senior classes, turn to courses for pupils «how correctly to be prepared and pass the Unified State Examination» that in turn does not answer the specified purpose — formation the communicative competence speaking another language. After all it is obvious that ability to communicate with the native speaker and correctly to write the test — concepts not quite the same.

In similar conditions the communicative component of process of training to a foreign language departs far on a background. In it the key problem of the teacher also consists — to provide qualitative communicative (language and speech) preparation of the pupil, considering importance of Unified State Examination to impart it desire to work with language independently, to raise motivation to studying of nonnative languages.

The teacher of a foreign language of a new formation at modern Russian school is a person to whom the society makes quite concrete demands:

— First, to teach pupils to know really foreign (nonnative) language at least, threshold level (All-European the foreign language skills competence);

— Secondly, to provide qualitative preparation and successful delivery of uniform graduation examination in a foreign language;

— Thirdly, to promote formation it is moral the high-grade person foreign language means.

Proceeding from the given requirements, the role of the teacher of a foreign language at school should change. By and large during last times as however and today, the role of the teacher at school is reduced to performance of advisory-training function, educational function is sometimes added. Advisory-training function of the teacher is daily carried out duties on training of pupils on employment. Educational function consists mainly in the organization and any carrying out of the actions directed on an all-around development of the person of the pupil during out-of-class time.

It is necessary to notice that these functions carried out by the teacher today already insufficiently. It is obvious that the Russian society invariably develops, changes also an education system. It is logical that teachers of a foreign language of a new formation also should keep up to date and correspond to modern lines of the educational environment.

Orientation of school to a humanization of process of formation and development of the person of the child assumes necessity of a harmonious combination of educational activity, in which frameworks basic knowledge, skills, with activity are formed.

The creative, individual inclinations of pupils bound to development, their informative activity, ability independently to think, thus solving non-standard problems.

In this connection at the present stage school education problems change. It any more it can be reduced only to transfer and mastering of knowledge, acquisition of necessary abilities and skills. Before school education there is a problem of education competent, productively the conceiving person owning system of knowledge and the educed intellectual. Success of mastering of the demanded volume of the information confines time, in communications with what, it is necessary to find and realize potentialities¹.

The modern teacher of a foreign language it is not simple the transmitter of knowledge or the adviser, the assistant and operating process of informative activity of the pupil. The today's teacher of a new formation carries out a number of functions which allow it to take absolutely special place in the register преподаваемых общешкольных subjects.

The basic, in our opinion, function of the teacher of a foreign language of a new formation -is humanistic. In its basis — respect and understanding of the person of the pupil. Certainly, what today fondly to speak about love to each child, however, the valid relation is necessary and sometimes it so does not get to many teachers, unfortunately. That is shown in indifference, попустительском the relation to separate pupils or groups of pupils, absence of educational actions in training activity etc.

The problem of the modern teacher — to give to each pupil possibility to open own potential both on employment, and out of it, to impart desire to talk in studied language, to understand the interlocutor speaking another language, to understand films and magazines, to break a fear barrier to express in studied language and to make thus a grammatical or phonetic mistake.

The valid and tolerant relation to errors in process of speaking- necessary, from our point of view, an element of humanistic function. As other important element the tool of encouragement/stimulation of the pupil — a mark acts. «The classical» Russian variant of assessment without commenting is already today an echo to become obsolete old school, counterproductive and not effective reception. Each pupil in the course of work should learn to estimate the achievements/failures independently, with support of the teacher. Each exposed mark should be accompanied by the comment and encouragement of the pupil in case of it not enough effective work in a class, thus it is necessary to motivate the pupil on the further perfection of the activity on employment.

The following function of the teacher of a foreign language of a new formation is the managing director. The problem to operate pedagogical process on a foreign language — has put by no means the uneasy. The talent, some kind of pedagogical gift, a scent and, certainly, skill is for this purpose necessary.

¹ Красножонина Е. С. Развитие познавательной активности школьников с использованием видеоресурсов. // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2013. – № 8.

Separate element of effective management of process of training — professional competence of the teacher. Certainly, the teacher should be the expert of the highest level, own a foreign language at professional level, the nobility and is able to realize various technologies of training during training, to be able to use various receptions and tutorials.

The teacher of a new formation equally should be the experienced-focused children's psychologist, capable to operate attention of the pupil, to create due motivation and desire to study, learn something new and novel.

Realizing in training to a foreign language management function, the modern teacher acts in a role of the communicative person, the expert in the communications, capable to achievement of the highest purposes and results in the professional work.

High degree of development of the communicative person of the teacher assumes ability to communicate and find an individual approach to each pupil separately, to group of pupils and classes as a whole, ability to work in a command with colleagues on pedagogical shop, class teachers, the school psychologist and the social teacher, to be active, instead of the passive participant of dialogue both with pupils, and with colleagues.

Administrative function of the teacher assumes ability to use various communicative strategy/tactics of dialogue: the compromise, belief, rebellion, the request, the recommendation, upholding of own point of view, encouragement/punishment.

Tutor-training function is shown in ability correctly to use a teaching material in the pedagogical purposes. And these purposes — not only to read and translate the unfamiliar text, to work with lexicon or grammar, to write the letter to the friend or the girlfriend, and, first of all, all-round harmonious development of the person of a foreign language trained by means.

Training process at modern school is based on principles of anthropological approach, in which basis — the person of the pupil as the highest value. In this connection each task, each text, each educational action for employment has forming character.

Realizing the given function, the teacher leans against principles of the valid and tolerant relation to the country of studied language as without it basically it is not necessary to become the teacher. Well-known that the teacher of a foreign language is an expert in the intercultural communications, cultural-language «bridge» building in the activity between the country of studied language and an objective reality in which training process is carried out. Hence, each lesson is a crossroads of cultures which is accompanied any by cultural comments, cross-cultural parallels¹ etc. And only correct treatment of those or other features sociocultural, other outlook takes place to be on

¹ Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. – Москва.: Слово., 2000.

employment. Any criticism, carelessly mentioned word in educational process can appear the arrow which has been started up in the heart of a subject “Foreign language”, is sick strike on authority of a subject that, undoubtedly, will be reflected in interest, motivation of pupils and the teacher first of all.

As the necessary and important function of a reflexion of professional work of the teacher acts. Without the given function the modern teacher will appear simply by “car” which will transfer purely mechanically a material of audience and to spend regular poll of homework, to expose marks, etc.

Reflexion of training actions — an important component professional linguadidactic preparation of the teacher of a new formation. The estimation of the reached results on each concrete employment, within a week, a quarter, academic year, ability to correct, reconstruct and otherwise to simulate educational process, to offer other working methods — all these are key elements of activity of the teacher.

The teacher estimates a course of process of training, introduces necessarily concrete corrective amendments at unsatisfactory results from its point of view, discrepancy of targeting on employment or inadequacy of training actions, at insufficient motivation of pupils.

Reflexing introspection allows the teacher to build other model of training to a foreign language, adding new forms of work or changing a principle of training actions. The reflexion helps the teacher to consider own activity through a prism of the objective data, the concrete reached results both positive, and negative.

It is obvious that the teacher who has an introspection at its professional work, will always aspire to improve own model, technology of training, using thus both a private experience, and experience of the colleagues.

Essential function of the organizer of dialogue of cultures in educational process is represented to us. In view of specificity of modern process of training to a foreign language at high school, it is necessary to realize accurately that the pupil mainly on employment communicates in studied language. Hence, each separate lesson is a model of intercultural dialogue out of other ethnopolycultural spaces. Certainly, it is necessary to recognize that training to a foreign language at average general educational Russian school is carried out not by the carrier of studied language, process occurs out of the authentic language environment.

The teacher will organise employment in the tideway of dialogue of cultures that assumes creation of artificial model of dialogue at a lesson. The teacher — not the native speaker, it only a repeater and the interpreter of culture speaking another language, at the same time it unique «speaking in a foreign language» the person. For pupils it is the unique foreigner with whom dialogue in studied language is possible.

The lesson in the tideway of dialogue of cultures stimulates the real communications aimed at expansion language and социокультурной компетенций of pupils.

Such lesson assumes regular viewing of telecasts, news, fragments of films, documentary films about the country of studied language, use of authentic newspaper and journal texts.

Function of the co-coordinator of the design and experienced-focused activity of pupils assumes participation of trainees in various short-term, intermediate term and long-term projects under the direction of direct the teacher. The foreign language offers a wide field for realization of the creative beginning of schoolboys: quizzes, the Olympic Games on language, competitions on the best reader, the best expert on grammar, culture of studied language, the best translator, the developed routes for «foreign visitors», performances and statements and so forth.

Orientation of school to humanization of education abilities necessary for successful process of knowledge and development of the personality of the child assumes In pedagogies and a technique search of the rational necessity of a harmonic combination of educational organization of the educational process, stimulating activity, for which frameworks base knowledge, skills, informative activity of pupils is intensively conducted with activity of the creative, individual inclinations of other innovative models of training and modern pupils connected with development, their informative educational technologies at the Russian school are activity are formed, ability independently to think, thus constructed for the purpose of development of solving non-standard problems. In this connection at the informative processes in structure of the person. In present stage school education problems vary. It cannot practice there are some educational programs which can be reduced only to transfer and to master knowledge, increase cognitive activity of younger schoolchildren and acquisition of necessary skills. Before school education growth of their progress. A lot of schools use these there is a problem of education of the competent, programmes in their work. Use of various games and productively conceiving person owning system of exercises in educational process renders beneficial knowledge and developed mental abilities, allowing it influence not only on cognitive, but also personal sphere independently to raise an educational level throughout of pupils. The favorable emotional background created at the subsequent life where lessons promotes development of educational motivation¹.

Preparation and project realization «the New teacher of a foreign language» when in a role of the teacher one acts or group of pupils which spend one or several lessons of a foreign language can be quite actual, expose marks, carry out out-of-class action or an open lesson before school audience, the commission where joins representatives of administration of school. The commission defines the most interesting

¹ Krasnozhonova E. S. Development of schoolchildren's cognitive activity with the help of various interactive technologies // World Applied Sciences Journal. 2013. T. 24. № 3.

lesson and awards the winner, marks also other children who have taken part in the given project.

According to requirements and calls of the modern validity the teacher of a foreign language urged to carry out also function of innovator during the professional work. Innovator is first of all an ability of the teacher to realize new technologies, forms and working methods on employment, in the course of work on the project, in out-of-class work.

The teacher of a foreign language of a new formation is ready to use of modern educational technologies, is focused on introduction of socially-humanitarian innovations in training and education. However there is a certain dilemma as it is frequent in Russia any innovations are loan of foreign technologies.

Original innovations in educational activity meet extremely seldom, however, nevertheless take place to be, especially it concerns the organization of various projects as interschool, city, and regional levels.

Innovative activity of the modern teacher of a foreign language is directed on practical realization of the humanistic and personal-focused ideas in training, design actions. It is narrowly connected with the creative competence of the teacher that is able creatively to comprehend and approach to preparation and performance of various tasks, exercises, to realise projects etc.

The teacher of a foreign language of a new formation — a figure conceiving not standard, not stamps, and aspiring to develop the creative beginning in the activity, able to find original receptions and forms in the work.

Today as the main innovation ability to use information-communication technologies in training to a foreign language quite often acts. The given ability, undoubtedly, actually, it creates preconditions for additional motivation of educational activity. However, also it is quite obvious that use of such technologies as a matter of fact is not any innovation. The given ability only supplements a circle professional компетенций the teacher of a foreign language of a new formation.

References:

1. Красножоннова Е. С. Развитие познавательной активности школьников с использованием видеоресурсов. // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2013. – № 8.
2. Krasnozhonova E. S. Development of schoolchildren's cognitive activity with the help of various interactive technologies // World Applied Sciences Journal. 2013. T. 24. № 3.
3. Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, преподавание, оценка / Департамент современных языков Директората по образованию, культуре и спорту Совета Европы; Перевод выполнен на кафедре

стилистики английского языка МГЛУ под общ. ред. проф. К. М. Ирисхановой. – М.: Изд-во МГЛУ, 2003.

4. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. – Москва.: Слово, 2000.

*Lukashevich Anna Mikhailovna,
The student of the Yaroslavl Teacher's Training University
E-mail; anna-lukashevich93@mail.ru*

Methods of teaching “conditional sentences” Pupils in high school at English lessons

*Лукашевич Анна Михайловна,
Студентка Ярославского Государственного Педагогического
Университета им. К. Д. Ушинского
E-mail; anna-lukashevich93@mail.ru*

Методика обучения условным предложениям (conditional sentences) учащихся старших классов на уроках английского языка

Наиболее сложным для российских учеников является изучение английской грамматики. Система времен в английском языке и другие грамматические явления отличаются от того, что учащиеся встречают в своем родном языке. Часто они оказываются в растерянности, многие считают изучение грамматики скучным делом. С одной стороны, общаться на языке можно, не владея грамматикой в полном объеме, делая грамматические ошибки. Но, с другой стороны, школьникам приходится писать тесты и сдавать экзамены по языку в формате ЕГЭ. Не зная грамматики, они могут не выдержать данные испытания. Значит, необходимо формировать грамматические навыки. Чтобы сделать этот процесс более интересным и эффективным, я предлагаю разнообразные материалы и упражнения.

«Conditional Sentences» — это одна из наиболее сложных тем, и для того, чтобы учащиеся свободно употребляли в речи три типа условных предложений, требуется долгая и кропотливая работа.

Знакомство с первым типом условных предложений предлагаю начать с прослушивания песни «If You Go to Rome».

If you go to Rome
You'll see the Coliseum.
If you go to London

Maybe you' ll see the Queen.
If you stay with me
You won't see anything.
But you' ll be very happy,
That's for sure.
If you climb the mountains,
You' ll be above the noisy crowds.
If you catch a jet plane,
You' ll be above the clouds.
If you stay with me,
You won't see anything/
But you' ll be very happy,
That's for sure.
If you leave me now,
I' ll be sad and lonely.
If you walk away,
I' ll search around for you.
If it takes a year,
I' ll find you, my darling.
And you' ll be very happy,
That's for sure.
If I make some money,
Will you come and live with me?
If I make some money,
Will you change your mind?
If I ask you nicely,
Will you make a cup of tea?
Then I' ll be very happy,
That's for sure.

После прослушивания песни можно попросить школьников заполнить пропуски в тексте, ответить на вопросы, закончить предложения, найти предложения со структурой *If I (you) ... , I (you) will ...*. Можно раздать ребятам карточки с предложениями из песни и попросить выстроить их в нужном порядке. Цель этих заданий — презентация новой структуры, объяснение ее значения, формы и употребления.

Следующий этап — отработка структуры. На этом этапе задача учителя — обеспечить максимум упражнений для отработки данной структуры с тем, чтобы учащиеся почувствовали уверенность в использовании нового грамматического явления. Учитель контролирует школьников, исправляет ошибки, дает дополни-

тельные объяснения, подсказывает. Очень логично предложить ребятам работу с предложениями, дав задание закончить их:

If I go to the USA this summer, I will visit ...

If I feel hungry this evening, I will eat ...

If I have time next weekend, I will go ...

If I have to write a story for homework, I will write about ...

If you come to my home, you will see ...

If it is cold tomorrow, I will put on

Далее задача усложняется:

If we finish early today...

If I quarrel with my parents ...

If I lose my keys ...

If we get too much homework ...

If my friend gets into trouble ...

I'll eat an ice-cream if ...

We will be very happy if ...

I will be angry with my friend if ..

Will you help me if...? И т. д.

Другой очень интересный материал, на котором можно отрабатывать условные предложения первого типа, — это приметы.

If you walk under the ladder, you will have bad luck.

If a girl catches the bride's bouquet after a wedding, she will be the next to marry.

If you break a mirror, you will have seven years bad luck.

If you talk of the devil, he will appear.

If you see a small spider, you will get a lot of money.

If you scratch your left hand, you will give money away.

If you touch wood, your good luck will continue.

If a black cat crosses your path, you will have good luck. (In Britain)

If a black cat crosses your path, you will have bad luck. (In Russia).

Аналогично можно провести отработку условных предложений второго и третьего типа: сначала — презентация структуры, затем ее тщательная отработка под контролем учителя и, наконец, использование в неподготовленной речи. Мне хочется привести здесь наиболее интересные, на мой взгляд, примеры, упражнения и виды работ, которые можно использовать для отработки и закрепления данного языкового материала:

1. Finish the sentences.

If you asked me out for the meal, I would order ...

If I could live anywhere I wanted, I would live ...

If I had 20 children, I would be ...

If I had a museum, I would collect ...
 If we were all geniuses ...
 If you came to visit me ...
 If I could adopt a wild animal ...
 I would stand on my head if ...
 We would all be very ill if ...
 Our teacher would be delighted if ...
 Would you become a doctor if ...
 My father would give up smoking if ...

2. Answer the questions.

What if you could become someone else for a day? (Decide who you would choose to be and explain your choice. Make out your schedule for the day.)

What if everything red turned green? (List five ways your life would be affected.)

What if you could be a school principal for a day? {Say what you would or would not do as principal.}

What if you could go back in time? (Name the historical period you would want to visit first and describe an adventure you might have there.)

What if you could snap your fingers and go anywhere you wished? {Choose the places you would like to visit most and say why.}

What if you were elected president of Russia? (Think of five improvements you would try to make.)

What if you were asked to make up five < What if > questions of your own? {Write your five < What if > questions and exchange them with a friend. Answer one another's questions.}

Изучение такой сложной грамматической темы как придаточные предложения разных типов, можно организовать в виде увлекательного процесса, в котором принимают участие все ученики класса. Специально подобранные песни, стихи, упражнения, кроссворды, пословицы и поговорки, тексты, приметы, сказки и диалоги не только украшают уроки, но и делают их более понятными и интересными для ребят, повышают интерес к предмету. Особенно эффективным может стать использование личного жизненного опыта детей в процессе обучения. Такая доброжелательная обстановка на уроке, когда учитель и ученик — партнеры, друзья, они взаимодействуют, обмениваются информацией, совместно выбирают формы работы, поможет раскрыть творческие способности детей, развить их фантазию и желание изучать английский язык.

Список литературы:

1. Murphy Raimond. "English Grammar in Use" – Cambridge University Press. 2008.

2. Ur Penny. Grammar Practice Activities. – Cambridge. 2009.
3. Ur Penny. Five-Minute Activities. – Cambridge. 2009.
4. Андрианова Э. В. Mother Goose Rhymes. Москва. Радуга. 1999.
5. Арбекова Т. И. Я хочу и буду знать английский. Москва. МГУ. 1998.
6. Поспелова М. Д. Практические вопросы обучения иностранным языкам. Москва. Просвещение. 2010.

*Majorowa Natalja Iwanowna,
Die munizipale Bilungsinstitution
«die allgemeinbildende Mittelschule № 85»,
Die Lehrerin der Grundschule
E-mail: n_may@list.ru*

Die Arbeit mit der Information als eine der notwendigen Bedingungen für die erfolgreiche Lerntätigkeit

*Майорова Наталья Ивановна,
Муниципальное образовательное учреждение
«Средняя общеобразовательная школа № 85»,
учитель начальных классов
E-mail: n_may@list.ru*

Работа с информацией как одно из необходимых условий успешности учебной деятельности

Человек работает с информацией на протяжении всей жизни. Однако довольно часто можно встретить ребёнка, а порой даже взрослого, не умеющего работать с книгой, понимать прочитанное, не желающего искать дополнительную, интересующую его информацию. Как правило, обилие информации вводит в заблуждение не только детей, но и взрослого.

Современная информационная грамотность, информационная культура выступают особым аспектом социальной жизни, необходимым в качестве предмета, средства и результата социальной активности, отражают характер и уровень практической деятельности людей.

Период обучения в школе — особенно значимый для начала формирования информационной грамотности (культуры) личности¹. Школьный возраст является наиболее сензитивным периодом в восприятии нового: именно в это

¹ Колмогорова Л. С. Генезис и диагностика психологической культуры младших школьников. – Барнаул, БГПУ, 1999. – 120 с.

время развивающийся человек обретает способность сначала обдумывать, а затем делать¹.

Именно в начальной школе происходит активизация развития познавательных способностей, формирование содержательных обобщений и понятий, мировоззренческих убеждений. Поэтому знакомство с основами информационной культуры, следовательно, и формирование информационной грамотности (умение работать с информацией), должны начинаться в период обучения ребёнка в начальных классах, поскольку запоздалое формирование одних структурных компонентов информационной грамотности (культуры) в силу психических особенностей развития личности может привести к невозможности развития других².

Возрастающая доступность информационных ресурсов — характерная особенность современного общества. Каждый человек при желании может воспользоваться разнообразной печатной продукцией, аудио- и видеоинформацией, возможностями компьютерных технологий.

Инновационные процессы в российском образовании сегодня происходят в русле глобальных образовательных тенденций, к числу которых относятся, в частности, ориентация образовательной деятельности на активное освоение человеком способов добывания новой информации и постоянное стимулирование познавательных запросов и потребностей личности.

Практика показывает, что до 80% времени на уроке основными источниками информации для младших школьников служат голос учителя и учебная книга (рабочая тетрадь на печатной основе). Как правило, огромное море печатных изданий — старая и новая детская литература, газеты и журналы, современные детские энциклопедические издания, словари оказываются «за бортом». Часто остаются невостребованными в учебном процессе полезные радио- и телевизионные программы федерального и регионального уровня. Не полностью используются возможности сети Интернет для сбора информации по актуальным вопросам, связанным с образовательными потребностями младших школьников.

Качество информационных вкусов, потребностей, ценностей ученика начальных классов напрямую зависит от желания и умения учителя регулярно и комплексно работать с разными источниками информации.

Чтобы возбудить у младшего школьника желание выйти за пределы учебной книги, когда информация покажется ему скудной, недостаточной и привить вкус к поиску полезной, яркой, интересной информации, достойной внимания с точ-

¹ Каракозов С. Д. Информационная культура в контексте общей теории культуры личности // Педагогическая информатика, 2000. – № 2. – С. 53–68.

² Петухова Т. П., Ващук И. Н. Формирование информационной грамотности младшего школьника в учебной деятельности: Монография. – Нижний Новгород: ВГИПУ, 2007. – 192 с.

ки зрения культурного человека, необходимо организовать специальную работу по формированию у ребёнка собственного отношения к информации.

Такая работа должна строиться на постоянном анализе и сравнении информации разного вида на уроках и внеурочной деятельности в начальных классах.

Работа с разными информационными источниками (информацией) прививается постепенно в результате их постоянного и комплексного использования¹:

- в процессе наблюдений;
- в процессе проведения экспериментов, опытов;
- в процессе познавательного общения;
- в процессе чтения;
- в процессе использования медиаресурсов.

Наблюдение — это интересный и наиболее доступный для детей способ получения информации об окружающем мире с помощью органов чувств. Наблюдение младших школьников за собой (своими ощущениями, переживаниями), за другими людьми (их словами, эмоциями, поступками), за окружающим миром (природой, обществом) дают основу не только для вербализации результатов проведённых наблюдений, но и для формулирования собственных суждений детей по поводу полученной в ходе наблюдений информации².

Получение информации в процессе самостоятельно проведённых школьниками экспериментов и опытов — не частое явление для начальных классов. Между тем вкус к интеллектуальной деятельности у детей формируется наиболее успешно именно в самостоятельном получении и анализе информации, полученной на практике опытным путём.

Познавательное общение — обмен мыслями по поводу содержания и значения информации познавательного характера (о мире, об обществе, о себе). В процессе познавательного общения происходит усвоение и использование детьми языковых норм и правил коммуникации, формирование культуры общения.

Активизации познавательного общения младших школьников в значительной мере помогают нетрадиционные технологии уроков:

- интегрированные уроки, основанные на межпредметных связях;
- уроки в форме соревнований и игр;
- уроки — фантазии;
- уроки — имитации.

¹ Дубинина В. В. Информатика для малышей: Методическое пособие «Уроки развития» в начальном звене. – Казань: Институт повыш. квалиф. и переподготовки раб. образ. Татарстана, 1993. – 42 с.

² Соколова Т. Е. Информационно-поисковые умения. От наблюдения и описания к сравнению. – Самара: Издательство «Учебная литература»: Издательский дом «Фёдоров», 2007. – 160 с. – (Информационная культура младшего школьника; Вып. 6).

Такие уроки способствуют созданию и поддержанию высокого уровня познавательного интереса и самостоятельной умственной активности учащихся, формированию самоуправленческих механизмов ребёнка.

Широкие возможности для познавательного общения даёт метод проектов в практике начального образования. В рамках проектной деятельности на уроках и во внеурочной деятельности могут успешно использоваться такие формы делового общения, как интервью, анкетирование, опросы.

Освоение детьми форм делового общения в играх, диспутах, беседах формируется у них вкус к обмену познавательной информацией, способствует развитию умения слушать и слышать собеседника.

Основным информационным источником в школе была и остаётся учебная книга¹. В условиях развивающего обучения расширяется количество источников, из которых черпаются учениками новые знания. Всё больше и больше школьники ощущают потребность заглядывать в энциклопедии, справочники, словари, использовать научно-популярную литературу, возможности Интернета.

Вкус к самостоятельной работе с литературой познавательного характера появляется у школьников в том случае, если инициатива по поиску книг как источников информации принадлежит им самим, а работа по изучению дополнительных литературных источников детьми умело стимулируется и поощряется учителем.

Чтобы дети не потеряли интереса к книге в условиях развития компьютерных технологий, не следует противопоставлять компьютер и книгу с точки зрения их информационной ценности. Они могут и должны дополнять друг друга. Именно в этом направлении происходит сейчас интенсивное развитие отечественной библиотечной системы.

Количество печатной продукции для детей возрастает, её качество не всегда вызывает чувство удовлетворения. Сотрудничество учителя начальных классов с библиотекой исключительно важно для стимулирования и регулирования детского чтения.

Формирование системы ценностей при взаимодействии ребёнка с информационной средой становится остроактуальной проблемой общества, в том числе российского.

Сегодня учителю начальных классов невозможно игнорировать проблему формирования у детей отношения к информации. Особенно к той, что заполняет теле- и радиоэфир. Именно звуковая и видеoinформация попадает в первую очередь в поле зрения младших школьников. Содержание этой информации, её влияние на умы детей вызывает немало тревог у педагогов и родителей.

Значит, уже в начальной школе следует формировать информационные интересы, вкусы, потребности, а также развивать у школьников умение выбирать нуж-

¹ Соколова Т. Е. Информационно-поисковые умения. Библиотечные уроки в начальной школе. – Самара: Издательство «Учебная литература»: Издательский дом «Фёдоров», 2007. – 64 с. – (Информационная культура младшего школьника; Вып. 2).

ную и полезную информацию в прессе, в радио- и телепередачах, на электронных носителях, в Интернете.

Продуманное использование средств массовой информации может оказать учителю помощь в решении самых важных воспитательных задач. Это формирование системы нравственных норм и ценностей, воспитание уважительного отношения к культурному наследию предшествующих поколений. Это воспитание любви к Родине, чувства гордости за свою страну. Это уважительное отношение школьников к законам страны.

Работа с разными информационными источниками (информацией) прививается постепенно в результате их постоянного и комплексного использования. Младший школьник стремится искать необходимую информацию, используя для этого все доступные источники. Это проявляется в наличии избирательного отношения к информации в соответствии с определившимися потребностями и предпочтениями, в самостоятельности суждений, в умении формулировать и отстаивать свою точку зрения по поводу найденной информации, что обеспечивает успешность учебной деятельности. Задача учителя — развивать, совершенствовать, корректировать вкусы воспитанников, помогать школьникам в освоении приёмов информационно-поисковой и информационно-аналитической деятельности¹.

*Pechko Leyla Petrovna,
Federal state budgetary scientific establishment
of the Russian academy of education «Institute of Art Studies»,
Leading research scientist
E-mail: pechkolp@mail.ru*

Cultural and aesthetic relations in the development of humanistic giftedness

Integration of cultural-aesthetic and artistic components in education reflects the objective process of interpenetration of different forms of culture, art, the humanities and practical aesthetic in the life of the society. Researches and publications considered and characterized unique manifestations of integrated attitude to culture, art and humanistic values typical for modern schoolchildren and mediated in cultural-aesthetic activity and consciousness of a personality. The need to enhance this direction in cultural development of the young generation, implement culture-oriented models

¹ Соколова Т.Е. Комплексное использование разных источников информации на уроках в начальной школе: Учебно-методическое пособие. – Самара: Издательство «Учебная литература»: Издательский дом «Фёдоров», 2008. – 96 с. – (Информационная культура младшего школьника; Вып. 7).

and standards in education against the background of the «tsunami» of internet space becomes more and more obvious.

UNESCO Universal Declaration on Cultural Diversity refers to culture as the complex of the more rich spiritual, material, intellectual and emotional features characterizing the society or a social group, which includes not only art and literature, but life style, basic human rights, system of values, traditions and outlooks. Teachers and researchers face the tasks of discovery and development of schoolchildren's giftedness, including at teenage stage, in basic and additional forms of education in school and out-of-school environment. During the analysis of practice and theoretical models, we established fundamental importance of the general element of artistic and humanistic giftedness as well as its integrated types, namely, the mechanism of their cultural and aesthetic consciousness and its synthesized manifestation as personal attitude. It refers to classic and modern ideas developed in the sphere of aesthetic teachings relative to the complexes of perception, emotions, tastes, assessments, views, ideals, tasks and needs. But observations show they also matter in cultural and aesthetic, artistic and reproductive activities. In 20–30s of the previous century, an outstanding Russian theorist of psychology of art L. S. Vygotsky emphasized the importance of art and general aesthetic upbringing in education and artistic development of all schoolchildren. The correlation of learning of the human sphere and creative work of pupils and development of their cultural perception of art is possible within these limits. It opens an entry into social, socio-cultural space having a developing effect on pupils and their artistic giftedness, because the society has interest in it.

General giftedness is often considered as a level of development of general abilities that determines the picture of activities, in which a person can achieve big success. The views of scientists developing the theories of intellect and thinking abilities (Ch. Spearman, L. Thurstone, E. Thorndike etc.) as well as giftedness of general type (H. Eysenck, J. Guilford etc.) are especially widely known. The types of creativity, scientific-analytical, artistic-creative and specifically practical abilities, which can develop at different age stages of development, were revealed.

However, it is obvious that in order to recognize the humanistic giftedness of a pupil, they should experience school education till juvenile adolescence stage, after their consciousness has absorbed the basics of humanistic culture of their society (i. e. not earlier than 13–14 years old).

When there are no artistic-culturological courses of educational nature in high school, it is difficult to sustain and develop humanistic giftedness out of intensive involvement in creative activity of gifted pupils.

Some of them might have not revealed bright abilities before juvenile age, but sometimes, they show successful artistic works in a certain form either in the sphere of native or foreign language or interpretation of historic events and socio-

cultural knowledge. It is important for a teacher to understand the degree of value of the potential of their humanistic or, to be precise, cultural and aesthetic giftedness. Because, future lawyers, doctors, publishers, journalists, economists and architects, teachers and advertisers, designers, translators, art experts and public figures should possess valuable components of humanistic and aesthetic culture as the base of their professional realization.

Humanistic giftedness is manifested late in some pupils, but it is clear provided it is supported in the immediate environment of communication, education and activity. Without it, it is not motivated and disappears without a trace. Meanwhile, it is possible to build an activity model of revelation, substance and turning of creative manifestations of a growing person into a steady quality — creativity of a personality, which is socially valuable for humanistic professional sphere. The analysis of existing scientific sources and approaches allows discovering the required components of solution of this task, because the development of socio-aesthetic attitudes of a personality towards the surrounding during teen age becomes a condition of both substance of giftedness and cultural development of schoolchildren.

The conduct of questionnaires, diagnostic and creative tasks among the pupils of 8–11 grades and students, future teachers, and further analysis of the obtained materials confirmed the possibility of transformation of giftedness of humanistic type given a favorable educational environment into sustainable creativity of a personality, which is socially valuable in the future professional activity, particularly, of humanistic type. It refers to almost one third of the participant of the experiment.

As a result, there was a presupposition about the developing effect at transitional age stage of concentration in educational environment of the components of cultural-aesthetic attitude of a schoolchild to a wide range of artistic, aesthetic and socio-cultural objects and phenomena. It contributes to positive transition of giftedness into creativity through cultural and aesthetic attitude of a personality to the surrounding world.

The elaboration of a pedagogical model of cultural and aesthetic development of a personality with integrated orientation to substance and development of giftedness during the years of completing secondary education is current for schools. Herewith, in theoretical aspect, the principle of correlation and partial integration of concept frameworks of culturology and aesthetic as a science about the laws of creation and learning of aesthetic and artistic values, integrity and systemacity of the surrounding world is fundamental. Real being of an aesthetic component of the reality influences the nature of emotional and value attitudes of a person. Cultural and aesthetic outlook and knowledge of the basis of scientific aesthetic on the base of essential discovery of the specific of art and historic forms of its development, aesthetic culture and its role in the life of a personality, society and nature sustain the models of humanistic relations

of a person with the world. Moreover, modern science confirms the genetic giftedness with abilities for art in the representatives of all races and ethnoses on the planet.

Since the former concept of validity of recognition of only three types of giftedness prevails: natural-scientific, mathematical and artistic, we pay attention to the presence of humanistic or cultural-aesthetic type of giftedness in the practice of education of schoolchildren. It awakes later than the known ones, because it is manifested against the background of learning new cultural competences. It can be marked as giftedness in the learning of culture, which is more often observed in teen age. Further, it either strengthens and reveals in the older element of school education, or fades away due to absence of required pedagogical support.

General contours, concrete manifestations, features of humanistic giftedness in schoolchildren are discovered in their activity, studies, behavior, motivation and interests. Cultural and aesthetic component of humanistic giftedness of older teenage schoolchildren is considered by us as an integrated complex of qualities of a personality expressed in functioning of cognitive, motivation-value, emotion-value and activity manifestations aimed at learning and creativity in cultural, aesthetic-artistic and humanistic environment. Apart from this common line in humanistic giftedness, there are concrete special abilities referred to specific objects of humanistic knowledge and activity.

Realization of cultural and aesthetic attitudes of pupils is performed in artistic activities on creation of original or co-artistic products including collage and art works, project compositions, essays, presentations on humanistic topic covering diverse aspects of culture, art, history, language, ethics, aesthetics, discovery and understanding of the world, interrelations and manifestations of a man, uniqueness of ethnoses and their customs. The criterion of humanistic giftedness is a sustainable cultural and aesthetic attitude to life and activity of a man and humanistic position in the assessment of own horizon of being. Cultural and aesthetic attitudes directly refer to humanistic sphere and learning of scientific notions about a human being, his bio-social environment, history and culture of countries, civilizations and legal norms of life. In the recent years, they have referred geography to humanist sphere as an area of knowledge about nature properties, spaces, population, culture of every country and history of discovering and developing the planet.

The wider the circle of humanistic interests is, the more volume and stable cultural and aesthetic giftedness is, the more profound learning of directions of knowledge that students are interested in is, which determines their future profession. At the same time, taking into account the provision of L. S. Vygotsky about relative unsteadiness of giftedness, its local-age nature and a need of creation of supporting conditions, the researchers and teachers are called to solve the tasks of development of every concrete phenomenon of giftedness in a pupil and establishment of an integrated creativity of cultural and aesthetic nature. Herewith, there is a problem of grounding the

peculiarities of building and functioning of culture-oriented pedagogical environment. As for notions of modern schoolchildren about creativity, they, as questionnaires show, value this quality of a personality and strive to prove its features in their activity to people around. It doesn't only refer to age group of schoolchildren of the first period of youth, but also students of the second period of youth.

Such cultural-aesthetic and humanistic qualities of giftedness as perceptivity, generosity, capability of empathy, protection and support of other people are manifested in different aspects. Gifted pupils are involved in the activity of clubs, studios, classes of artistic and socio-cultural nature, projects and promotions, independent creation of art products of cultural and aesthetic nature.

References:

1. Vygotsky L. S. Psychology of art. – M.: Pedagogika, 1987.
2. Culturology: fundamental basics of applied studies. – M.: Smysl, 2010.
3. Pedagogy of aesthetic environment: theory and experience. – Minsk: NIO, IKHO RAO, 2002.
4. Takacs C. A. Enjoy your gifted child. – New York: 1986.
5. The underserved: our young gifted children. – New York: 1986.

*Skripnik Oksana Alexandrovna,
Vologda state university, lecturer*

*Cherstvaya Olga Yevgenyevna, Vologda state university,
the candidate of pedagogical sciences, the professor
E-mail: oxana1911@yandex.ru*

Pedagogical support as the factor of foreign-language culture formation

*Скрипник Оксана Александровна,
Вологодский государственный университет, старший преподаватель*

*Черствая Ольга Евгеньевна, Вологодский государственный
университет, к. п. н., профессор
E-mail: oxana1911@yandex.ru*

Педагогическое сопровождение как условие формирования иноязычной культуры студентов

Теоретический анализ программ, концепций иноязычного образования показал, что в настоящее время цели обучения иностранному языку должны сво-

даться к следующему: овладение иноязычной культурой с целью формирования необходимого обществу типа личности; развитие личности, готовой к творчеству и созиданию, самообразованию, самоконтролю, к жизнедеятельности в условиях технологического общества.

В педагогической литературе нашей страны фундаментальный вклад в разработку основ иноязычной культуры внесли Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, использовавшие термин «лингвострановедение». Пассов Е. И. дает определение нового термина «иноязычная культура» и выделяет аспекты ее содержания. Понятие иноязычной культуры с позиции культурологического подхода рассматривают Ю. В. Сенько, И. Ф. Исаев, А. С. Колесова, В. А. Сластенин, В. Э. Тамарин и другие. В современных диссертационных исследованиях понятие «иноязычная культура» рассматривается, с одной стороны, как неперемнная характеристика профессиональной культуры: Т. В. Букина, М. В. Кислинская, с другой — как характеристика личной культуры учащегося: М. В. Жехрова, Е. М. Морозова. Взяв за основу подход Е. И. Пассова, мы выделяем четыре аспекта иноязычной культуры: учебный, познавательный, развивающий, воспитательный, — и определяем иноязычную культуру как часть общей культуры личности, проявляющуюся в образованности как совокупности усвоенных лингвистических и социокультурных знаний, коммуникативных умений и умений толерантного взаимодействия.

Специфика иноязычного образования на неязыковых специальностях вуза во многом определяется направленностью на достижение, в первую очередь, практической цели обучения, то есть формирования у студента способности и готовности к межкультурной коммуникации, что предполагает развитие умений опосредованного письменного (чтение, письмо) и непосредственного устного (говорение, аудирование) иноязычного общения. Особое значение при достижении данной цели придается умению работать с литературой, т. е. овладению всеми видами чтения (просмотрового, ознакомительного, изучающего, поискового), поскольку чтение как вид речевой деятельности широко востребовано при решении многих профессиональных задач.

Реализация образовательной цели предполагает формирование у обучающихся правильного представления о языке как общественном явлении, обеспечивающим развитие логического мышления. Большой объем оригинальной специальной литературы, а также разнообразная страноведческая тематика способствуют расширению кругозора студента, повышению уровня его общей культуры и образованности, а также совершенствованию культуры мышления, общения и речи.

В плане достижения воспитательных целей иностранный язык как учебный предмет обладает огромным потенциалом. Разными аспектами воспитания обучающихся являются активная жизненная позиция; уважение к культуре, историческим и духовным ценностям, достижениям науки других народов; общая культура

межличностного общения; познавательная активность; стремление к самообразованию; эстетическое восприятие; осознанное отношение к овладению иностранным языком как средством общения, познания и самосовершенствования.

Достижение развивающих целей означает гармоничное развитие личности обучающихся, что включает в себя: развитие интеллектуальной активности, интеллектуальной инициативы, творческих способностей личности студента, развитие мышления, совершенствование умений самостоятельно логически и критически мыслить, развитие и совершенствование всех видов памяти, внимания, воображения, речевых коммуникативных возможностей, развитие познавательных способностей.

В нашем исследовании практическая цель обучения иностранному языку достигается через реализацию учебного аспекта иноязычной культуры. Содержанием учебного аспекта являются языковые знания и навыки. Образовательная цель — через познавательный аспект иноязычной культуры, содержанием познавательного аспекта являются социокультурные знания. Развивающая цель — через развивающий аспект, содержанием которого являются коммуникативные умения по видам речевой деятельности. Воспитательная цель — через воспитательный аспект, содержанием которого являются умения толерантного взаимодействия.

На наш взгляд, существует необходимость педагогического сопровождения процесса формирования иноязычной культуры студентов. Под педагогическим сопровождением мы понимаем помощь личности в ее росте (И. Д. Фрумин, В. И. Слободчиков), особую сферу деятельности по приобщению личности к социальным и нравственным ценностям (А. В. Мудрик), направление деятельности педагога в самоопределении молодежи и создании условий для продуктивного развития личности (П. А. Эльканов, С. Н. Чистяков) и, наконец, «целостный комплекс», предполагающий модель поддержки, модель помощи, модель педагогического обеспечения (О. С. Газман, И. Розман, Т. Чередникова)¹.

Процесс педагогического сопровождения формирования иноязычной культуры, заключается в реализации ряда условий: обеспечении многоцелевой направленности изучения иностранного языка, установлении субъект-субъектных отношений между преподавателем и учащимися; проблематизация и интенсификация учебного процесса.

Рассмотрим реализацию многоцелевой направленности изучения иностранного языка на конкретном примере из нашей практики. Тема “Men and women” («Мужчины и женщины»). Сначала знакомимся и отрабатываем лексику по теме. Далее читаем тексты, посвященные особенностям взаимоотношений между мужчиной и женщиной в разных странах (России, Англии, США), слушаем высказыва-

¹ Михайлова Т.А. Социально-педагогическое сопровождение студентов с особыми адаптивными возможностями в процессе получения среднего профессионального образования: автореф. дис. канд. пед. наук: 13.00.08: защищена 30.10.08. – М., 2008. – 24 с.

ния носителей языка (аудирование), организовываем дискуссии по поводу услышанного и прочитанного. Обучающиеся выражают свое мнение, какими должны быть взаимоотношения с их точки зрения (хозяин/хозяйка, кормилец, лидер, босс хранительница/хранитель (!) очага и т. д.). Далее ищем ответ на провокационный вопрос: в какой стране более правильный пример модели отношений, приходим к выводу, что в каждой стране свое мировоззрение и своя система ценностей, и поэтому ответить на данный вопрос нельзя. В качестве дополнительного задания для самостоятельной работы обучающиеся готовят доклады об особенностях взаимоотношений между мужчинами и женщинами в других странах в разные исторические периоды. Подобная организация занятий вызывает не поддельный интерес обучающихся, способствует формированию познавательной мотивации.

В нашем исследовании мы не претендуем на всесторонний анализ целей обучения иностранному языку. Мы считаем, что конечной целью обучения иностранному языку является формирование иноязычной культуры обучающихся, которая с позиций системного подхода рассматривается как целостная система в учебном, познавательном, развивающем и воспитательном аспектах.

Субъект-субъектные отношения между преподавателем и учащимися — неотъемлемое условие педагогического сопровождения, так как сам термин «сопровождение» понимается как процесс совместной деятельности сопровождающих и сопровождаемых, где личность рассматривается как субъект деятельности, которая сама, формируясь в деятельности и в общении с другими людьми, определяет характер этой деятельности и общения. Сопровождение заключается не в управлении, а направлении развития обучаемого, основанном на глубоком знании его личности и условий жизни. Процесс сопровождения имеет в виду не приспособление целей и основного содержания обучения и воспитания к отдельному учащемуся, а приспособление форм и методов педагогического воздействия к индивидуальным особенностям с тем, чтобы обеспечить запроюктированный уровень развития личности. А. К. Маркова отмечает, что при таком подходе осуществляется не только учет индивидуально-психологических особенностей учащихся, но и формирование, дальнейшее развитие психики, познавательных процессов, личностных качеств, деятельностных характеристик¹.

Особенностью педагогического сопровождения процесса формирования иноязычной культуры на неязыковых специальностях вуза является помощь студентам со стороны педагогов в осознании себя как личности, выявлении, раскрытии возможностей студентов в будущей профессиональной деятельности, в принятии лично значимых и общественно значимых культурных и профессиональных ценностей, взаимодействие преподавателя и студента. Также

¹ Маркова А. К. Психология профессионализма. – М., 1996. – 308 с.

ориентирует на целостный подход к изучению и воспитанию человека, учет его возрастных и индивидуальных особенностей и включает требование развивающего и воспитывающего характера обучения. В частности социокультурный компонент иноязычной культуры играет существенную роль в развитии личности обучающегося, так как дает возможность не только ознакомиться с наследием культуры страны изучаемого языка, но и сравнить его с культурными ценностями своей страны, что способствует формированию общей культуры студента. Данный компонент призван расширить общий, социальный, культурный кругозор обучающихся, стимулировать их познавательные и интеллектуальные процессы, научить терпимо относиться к особенностям поведения (речевого и неречевого) представителей своего социума и другой культуры. Социокультурные знания помогают адаптироваться к иноязычной среде, следуя канонам вежливости в инокультурной среде, проявляя уважение к традициям, ритуалам, стилю жизни представителей страны изучаемого языка. Следует при этом отметить, что главным является не воспитание с позиции норм и ценностей страны изучаемого языка и не «вызубривание» фактов, а умение сравнивать социокультурный опыт народа, говорящего на изучаемом языке, с собственным опытом.

При сопровождении процесса формирования иноязычной культуры методы обучения должны быть ориентированы на личность студента, на его активное участие в саморазвитии, получение качественных знаний, профессиональных навыков, творческое решение конкретных проблем — в этом заключается суть интенсификации и проблематизации учебного процесса. Методы, применяемые нами в процессе формирования иноязычной культуры студентов, имеют многоцелевую направленность. Они способствуют совершенствованию языковой подготовки и личностному развитию студентов. Эффективность педагогического сопровождения процесса формирования иноязычной культуры основывается на интегративном сочетании методов активного обучения и общедидактических методов. Этот выбор обусловлен накопившейся в последние годы тенденцией к взаимопроникновению, взаимосвязи деятельности преподавателя и студента, а также изменением их позиций в учреждениях высшего профессионального образования, как следствие, происходит замена монологических методов передачи учебной информации на диалоговые формы обучения. Студент в данном случае становится не пассивным объектом, на который направлено педагогическое воздействие, а активным субъектом, включенным в педагогический процесс, которому предоставляется возможность повысить уровень самостоятельности в обучении, а также предлагается возможность выбора содержания, форм и методов обучения.

Одним из способов решения данной проблемы, на наш взгляд, является применение в процессе обучения технологии проблемного обучения, «обучения

в сотрудничестве», лично-ориентированных форм, творческих видов работы: метода проектов, игровых методов, которые, во-первых, способствуют интенсификации процесса овладения иноязычной культурой, и, во-вторых — приобретению обучаемыми навыков самостоятельной работы.

Таким образом, педагогическое сопровождение процесса формирования иноязычной культуры студентов неязыковых специальностей вуза отражает многоцелевой характер дисциплины «Иностранный язык» и способствует реализации практической, образовательной, развивающей и воспитательной целей обучения, что отвечает современным требованиям к уровню подготовки специалиста, который наряду с профессиональными и специальными знаниями, умениями и навыками, должен обладать широким спектром личностных качеств и ключевых компетенций, обеспечивающих ему успешную социализацию и адаптацию к современным социально-экономическим условиям жизни.

Section 6.

Political science

*Huseynova Sevda Elbrus,
Azerbaijan Tourism Institute,
postgraduate student, the Faculty of International Relations
and Global Development
E-mail: sevda_adu@yahoo.com*

Political features and role of the International Economic Organizations in world policy

The role of international economic organizations in the development of modern world is obvious. Especially in recent years, impact of economic organizations in world policy making and global governance is growing and becoming one of the most important types of influencing it. If previously, international economic relations were mainly focused on the Exchange of goods, currently these relations cover quite a wide range of cooperation as scientific researches, Technologies, industry, transportation and service sector. Definitely, political interests of leading world states for strengthening their positions in the global arena and managing financial inflow and outflow of the investments were one of the main incitements in establishing international economic organizations.

As known, international economic organizations emerged mainly after World War II. Only after the War, it was recognized that efficiency of the international relations can be peacefully increased in a world system where economic interests of the states are agreed and parity among these countries is maintained. We can distinguish several stages in the establishment of international economic organizations: a) post-War period (40–50th years); b) transition period (60–80th years); c) global period (after 90th years).

Post-war stage was characteristic with establishment of quite a lot new international organizations, including economic ones as IMF, IBRD, OECD, GATT (WTO) and etc. Transition stage is characterized with development of international economic organizations, engaged new actors — independent states to the global governance, structural changes, setting new targets agreed by the acting parties –states¹. In 1961 OECD

¹ Данильцев А. В. Международная торговля: инструменты регулирования. – М., 2004. С. 30–33.

was established and this organization involved US, Canada, Japan, Australia and New Zealand along with the other European countries. During 70–80th years, when Cold War already started and economic crisis emerged, influence of international economic organizations considerably increased in Asia, Africa and Latin America. Gradually, international forum of leading world economic power states — “Great Seven (G7)” was established. In this stage main features of the international economic organizations were capital turnover, international investment activities, international migration of labor force, scientific-technical relations and international monetary cooperation¹.

Global stage in the development of international economic organizations is characterized with the start of information era. This stage could also be named as strategic development stage. In this stage economic cooperation expands, political relations become more inter-related with economic interests, more and more global problems are given to the solvency authority of international organizations. Global economic-political processes gained supra-state dominance.

Nowadays, role of the international economic organizations in global policy remains open questions for most researchers. To our conclusion, influence of these organizations is increasing quite rapidly and level of their role depends on the political features in their economic activities outline, their authority and functionality.

One of the main ideas of establishing international economic relations was application of new market mechanism, removing obstacles that limit free turnover of the capital and finally universalizing world economic arena. This was not something new. The same idea was main basis for establishing United Nations, International Labor Organization, and International Trade Chamber in the beginning of previous century. According to idealistic Wilson doctrine, they should have served to maintain peace in the world. However, due to the poor development of world infrastructure they remained uninfluential and implementer of the political power of leading states.

Globally, borders between political and economic influence are closely integrating. International economic organizations are becoming more effective political influence power in global governance. In such a situation, it would not be possible to cooperate without setting general standards. Thus, international economic organizations were initiators of setting such standards for European countries and as well as post-colonial and post-Soviet countries. Consequently, states willing to integrate to the international community, should have to accept “rules of game” that were set mainly by the developed countries.

One of the main factors of influencing power of international economic organizations is their influence on the national sovereignty. Some researchers state that,

¹ Будагов А. С. *Мировая экономика/Под ред. Будагова А. С.* – М.: Юристъ. 2007, С. 105–107., Колесов В. П., Осъмовая М. Н. *Мировая экономика. Экономика зарубежных стран/Под ред. Колесова В. П. и Осъмовой М. Н.* – М.: «Флинта». 2007, С. 207.

“international economic organizations gain more independence and power than states on their sovereignty and become quite competitive”¹. In reality starting from second half of the XX century, dependence of the world countries from each other increased, transformations started in their in-country policy. In most cases, decisions taken by the international organizations, including economic organizations carry ambiguous two sided logic for the national sovereignty of states. Exactly for this reason on, most states hesitate to join such decisions or totally reject it and withdraw from the organization. And at this point starts external pressures of other member –states –especially of those who is more politically and economically powerful and such a rejection of any state may cause “not full implementation of interests”. From the other side, liberalization of financial-monetary, credit, bank, trade sectors has resulted in inevitable transformations in the national sovereignty. Expression of “soft power”² — stated by Joseph Nye can be considered as the best word to describe international economic organizations. In XX century economic tools were most effective method to influence policy of countries. It was clearly stated in the founding documents of IMF, World Bank and WTO that “states are obliged to accept several important rules that will influence their national economy”³.

However, modern international economic organizations are not totally and completely independent from the states. As Clive Archer mentioned international organizations are kids of states, “part of modern governing system and their activities express will of states”⁴.

Role of international economic organizations in formalizing global governance is undeniable. Global governance — is the complex of methods of individuals and institutions to manage the world affairs, whereas international regime –I is tools for these activities. International organizations are basis of global governance, where international economic organizations have more and more significant role as time passes⁵.

Let’s have a more insight view to the “Great three” — IMF, World Bank and WTO and from the other side regional initiative — Eurasian Economic Community (EurAsEC). IMF was created for the purpose of regulating complex of financial-monetary relations between member-states. Its authorities include maintaining stability of currencies, supporting and regulating monetary relations among member states, preventing fictional devaluation of currencies for the purpose of competitiveness,

¹ Оос О. С. Государства и международные организации: взаимодействие и взаимозависимость М.: МАКС Пресс, 2004. – С.3

² Най Дж. Гибкая власть. М. 2005.

³ Barnctt M, Finnemore M. Rules for die World: International Organizations in Global Politics. Ihaka. 2004. P. 98.

⁴ Archer C International Organizations. New York. Routledge. 2003. 204 p. P.27.

⁵ Ibid. P.109.

eliminating challenges in currency limitations and etc¹. Effective tool of IMF in terms of political influence is the loans issued for financing deficits of member states². It's considered that, IMF was much more influential in Bretton-Woods system, however, as states passed to the active Exchange of currency system, direct political influence of IMF became limited³. Still, having sufficient financial resources to influence internal political and economic situation of the member states and through maintaining leadership of "gold billion" states and power over "indebted countries" IMF is one of the active actors of the global political and economic governance. Although initially it was established mainly to regulate monetary relations of states, currently it regulates macro-economic policy of members and acts as supervisory body for most economies.

International Bank for Reconstruction and Development being a part of the World Bank — is one of its main powers. It mainly aims to provide long-term and short-term loans to the member states for improving infrastructure, production and agriculture development, social goals as education, health and etc. It's considered that the WB is more neutral than IMF, however inter-related — members of WB should be members of IMF. Currently, WB also coordinates and supports initiatives and reforms on human and social capital development, poverty reduction, as well as, it's becoming one of the main economic researches, analyses and statistic data base for most decision-makings. This is why currently some experts call WB as main actor that is able to maintain political security in the world. Although only economic activities side of WB is seen, it also supports and actively takes part in political issues and decision-making. If just to take an example its lending operations, we can see that, WB takes into account political aspects — democracy, political stability, human rights protection in the states to which it's going to lend. It should be mentioned that WB rejected to issue loans to Egypt, Bangladesh, Indonesia and Chili as their political situation didn't met requirements of WB⁴. Furthermore, as most global information management resources are on hands of the WB and its consultants are from the Great — 7, its' political and economic influence will still be effective for a long years on.

Role of the international economic organizations should also be viewed from the neo-institutionalism approach. This theory states that, international organizations are one of the important tools for overcoming transaction problems related with im-

¹ Энциклопедия международных организаций. В 3-х т. Том 1. Международные межправительственные организации. СПб., 2003. С. 227.

² Солоненко В. И. Международные экономические организации и их роль в глобализации и либерализации мирохозяйственных отношений. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата экономических наук. М. 2001. – 26 с. С. 16.

³ Международные экономические организации: учеб. Пособие/А. П. Бородулина, И. А. Кудряшова. В. А. Юрга. – М., 2005. – с. 129.

⁴ Моисеев А. А. Международные финансовые организации. М. 2006. С. 36.

mature economic market and political “rules”. If to interrelate this theory with the “Great-three” — IMF, WB and WTO — although there was not observed open competition, internal reforms and competitive development impacted their influencing potential index and political power in the international arena.

In general, after establishment of General Agreement on Trade and Tariffs (GATT) mutual relations has increased. After the UNO Conference on Trade and Development in 1964 and long term Uruguay round of negotiations, there was recognized a need for coordination of international economic organizations. The WB was mostly focused on development, statistical researches on economies, social sectors and ecology issues in the countries, whereas IMF started mostly to stimulate “enlargement and growth of international trade”¹. Thus partnership principles between WTO, WB and IMF were stated in the special agreement concluded in 1996.

While talking how international economic organizations influence world policy, it’s worthy to analyze Eurasian Economic Community — an international organization that ensures multilateral economic cooperation among its member states. The EurAsEC was founded according to the Treaty signed by the presidents of the Republic of Belarus, the Republic of Kazakhstan, the Kyrgyz Republic, the Russian Federation and the Republic of Tajikistan in Astana in 2000². Currently it’s a union of Belorussia, Kazakhstan and Russia where they benefit from unique trade area and lower trade tariffs³. Member states decide on unique trade tariffs and apply them also in trade relations with third parties.

Since its foundation, there were lots of disagreements between its’ few members and threats of “leaving the union” by members. Even in 2010 Putin announced that Union will continue its’ activities without Belorussia. Although main authorized body of the Union is Eurasia Economic Council, main decision-making power is still Russia. This Union has definite political targets along with economic mainly presented by the interests of Russia.

It’s not surprising that when in July 2012, Azerbaijan Customs Committee announced that it will not join Eurasia Economic Community⁴, relations between Azerbaijan and Russia, (not with any other member state of the Community) were teased.

Obviously, establishment of Customs Community caused to the negative reaction of WTO. It was stated that rules of EurAsEc is not coherent with the WTO’s rules and it becomes a challenge for member state to perform compatible membership if

¹ Статьи соглашения Международного валютного фонда (Бреттон-В>дс. 22 июля 1944 года)// Моисеев А. А. Международные финансовые организации. М., 2006. С. 174.

² <http://www.evrases.com/en/about>

³ <http://inosmi.ru/infographic/20130926/214339958.html>

⁴ <http://customs.gov.az/az/news-1356.html> Azərbaycan Gömrük Komitəsinin Press Relizi “Gömrük Əməkdaşlıq Surasının 119/120ci sessiyası keçirilmişdir.

they are members of both institutions. Consequently, in 2011 EurAsEC made its norms compliant with the norms of WTO¹.

Russia not keeping in a secret its wish of strengthening its political role in both of these institutions became a member of WTO in 2012 to have a say in WTO as its full member. Russia even announced that Kazakhstan will soon become WTO member and Belorussia will take efforts on this way². This shows again Russia's political will in managing the EurAsEc.

To the conclusion, we see that role of international economic organizations is almost on the same level as political organizations and still growing. Also, we come to conclusion that, not depending on the functionality or management structure, these organizations implement or serve interests of the its biggest power members.

References:

1. Данильцев А. В. Международная торговля: инструменты регулирования. – М., 2004. С. 30–33.
2. Булатов А. С. Мировая экономика/Под ред. Булатова А. С. – М.: Юристъ. 2007, С. 105–107.
3. Колесов В. П., Осьмовая М. Н. Мировая экономика. Экономика зарубежных стран/Под ред. Колесова В. П. и Осьмовой М. Н. – М.: «Флинта». 2007, С. 207.
4. Най Дж. Гибкая власть. М. 2005.
5. Barnctt M, Finnemore M. Rules for die World: International Organizations in Global Politics. Ihaka. 2004. P. 98
6. Archer C International Organizations. New York. Routledge. 2003.204 p.
7. Энциклопедия международных организаций. В 3-х т. Том 1. Международные межправительственные организации. СПб., 2003. С. 227
8. Солоненко В. И. Международные экономические организации и их роль в глобализации и либерализации мирохозяйственных отношений. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата экономических наук. М. 2001. – 26 с. С. 16
9. Международные экономические организации: учеб. Пособие/Л. П. Бородулина, И. А. Кудряшова. В. А. Юрга. – М., 2005. – с. 129.
10. Моисеев А. А. Международные финансовые организации. – М. 2006. С. 36.
11. Статьи соглашения Международного валютного фонда (Бреттон-В>дс. 22 июля 1944 года)//Моисеев А. А. Международные финансовые организации. М., 2006. С. 174.
12. <http://www.evrazes.com/en/about>

¹ Нормы ВТО станут приоритетными по отношению к Таможенному союзу («Независимая Газета», 12.10.2011) — WTO.RU http://www.wto.ru/ru/news.asp?msg_id=28486

² http://www.wto.ru/ru/news.asp?msg_id=27635

13. <http://inosmi.ru/infographic/20130926/214339958.html>
14. <http://customs.gov.az/az/news-1356.html> Azərbaycan Gömrük Komitəsinin Press Relizi “Gömrük Əməkdaşlıq Surasının 119/120ci sessiyası keçirilmişdir.
15. Нормы ВТО станут приоритетными по отношению к Таможенному союзу («Независимая Газета», 12.10.2011) – WTO.RU http://www.wto.ru/ru/news.asp?msg_id=28486
16. http://www.wto.ru/ru/news.asp?msg_id=27635

*Melnyk Viktor Myroslavovych,
Kiev National University named after Taras Shevchenko,
student of political science at the Faculty of Philosophy,
student at the Faculty of Law, a member of the National Union
of Journalists of Ukraine
E-mail: melnyk_science@mail.ru*

Political anthropology of tradition and nation (Ukrainian ethno-historical example)

This article is first of all dedicated to the theoretical question of psychological and ideological cooperation between political stereotypes of collective cognitive structure (“political traditions”) and ethnic organisms. Ukrainian nation as ethnographic, ethnopsychological, political integrity has become the basis for ideological and theoretical reflections and proposals on this topic. Therefore, Ukrainian nation — an ethnic organism with the completed ethnopsychological and ethnogenetical evolution — is the research object of the section. “Political tradition”, its political and anthropological analysis, as well as political and ideological perspectives in Ukrainian ideological and political context have become the research subject.

The concept of “nation” has its own characteristic feature for each anthropologic landscape (that is: historical and geographical or genogeographic zone). It is important to form a synthetic pattern for interpreting the meaning of nation based on traditionalism, inherent to human nature. Tradition lies deep in the structure of consciousness (individual, collective), changing the form but not the content in the historical process by adjusting the evolution of ethnic organisms. Anthony Smith said: “A nation can be defined as a named human population sharing a historic territory, common myths and historical memories, a mass, public culture, with a common economy and common legal rights and duties for all members”¹. This concept fully correlates with the three stages of nation-building, explained by Yu. V. Bromley: ethnos — national-

¹ Smith A., Nations and Nationalism in a Global Era (Kyiv: Nika-Center, 2009), 320.

ity — nation¹. Ethnos is formed of psychologically and somatically compatible tribes which live in a defined clear-cut territorial area². L. Humilyov divides ethnogenesis as a natural process into a number of phases: “stroke”, “rise”, “acmatic phase”, “break-down”, “inertial phase”, “obscuration”, “homeostasis” and “depopulation”³. Academician Bromley wrote: “generally, the term “nation” in our literature serves to outline the community of people of one ethnonym who live within the same state. Somewhat different spatial and political parameters are embedded into the word “people”. This “nation-state” concept was developed by A. Smith, who emphasizes the contextual interrelatedness of ethno-political category of “nation” and political and ideological category of “nationalism”⁴.

Nation is the modern realization of medieval “ethnos-people” community. Nation is an example of ethnical psychology transformation through the creation of a new scheme of thinking — national identity, for which tradition of national identity, which reaches the transition of ethnos into a state system of organization by its psychological roots, is the basis⁵. Because of politicized national identity as a result of the evolution of ethno-psychological stereotypes of the collective structure of consciousness, the evolution of ethnic organisms in our modern world obtains political importance⁶.

“Ethnos — nationality — nation” problem has three approaches for determination:

1) Ethnographical, which is expressed by ethno-historical principles, phases and pushes of ethnogenesis, psychosomatic community; this community is moving constantly, evolving in the context of phase, therefore it remains the only natural association of people of individual paradigm and individual manufacturing and productive forces.

2) Ethnopsychological, which is expressed in group unity of many individual structures of consciousness which are combined by similar patterns of thinking (understanding, perception, awareness), based on the unity and indivisibility of the combined experience of life; ethno-psychological approach to the “ethnos — nationality — nation” problem solution shows traditionalist essence of collective (group) experience of life, embodied in the collective socio-ethnic structure of consciousness.

¹ Bromley Yu., *Modern problems of ethnography* (Moscow: Nauka, 1981), 390.

² Melnyk V.M., *Studies on the theory of sociocultural anthropology* (Vinnytsia: VNMU, 2013), 256.

³ Humilyov L., *Ethnogeny and terrestrial biosphere* (Moscow: Iriss-press, 2012), 560.

⁴ A. Smith, *Nations and Nationalism in a Global Era*, 320.

⁵ Melnyk V.M., *Psychological aspects of socio-cultural anthropology*, *Bulletin of Vinnytsia National Medical University*, 2 (16) (2012): 518–529.

⁶ Melnyk V.M., *Traditionalist approach in political anthropology, Current issues, problems and prospects of humanitarian development in the modern informational space: national and international aspects: Collection of research papers*, (2014): 130–132.

3) Political, which synthesizes ethnic psychology, ethnogenetic evolution and impact of natural and geographical factors on socio-ethnic processes in politico-historical, culturally-political, historically-civilizational contexts; the “ethnos — nationality — nation” problem is considered as ethnic reflection of the political community, embodied in political traditions, political culture, political stereotypes of ethnic psychology, conservative stereotypes of social psychology, the essential nationalist ideological manifestations.

These approaches are combined into a single socio-cultural anthropological plane as the object of political and anthropological analysis. “Ethnos — nationality — nation” problem better describes the relationship between individual and collective (group) psychology based on the example of conservative political and legal stereotypes reflected in the political traditionalism. Synthesis of Bromley, Humilyov, Smith views on the ethnic history movement allows to characterize psychological and political factors of interdependent collective and individual consciousness in the context of correlation of state and private ethnic organisms, ethnic and national consciousness of a person, presence of ethnic and civic nationalism as indispensable in their conservative historical and political manifestations of positive forms of traditionalist stereotypes.

The chosen socio-cultural anthropological methodology allows to explain two universal categories of political anthropology in this section: negative traditionalism (for Ukrainians: demoanarchy) and positive traditionalism (for Ukrainians: national-conservatism). Examples of the latter: the absolute and the conservative monarchy, which was a form of government for certain periods of Ukrainian historical process. The most clearly it is represented by separate periods of Kievan Rus', Kingdom of Galicia-Volhynia, in Zaporizhian Host of Bohdan Khmelnytsky (1648–1657) and in the Ukrainian State of P. Skoropadskiy (1918). The recognition of the nation, the need of its nationhood as a priority item is a characteristic feature of “positive” traditionalism. It turns the ordinary conservatism of social consciousness into the political national-conservatism which is a combination of cultural, ethnic and national traditionalism and totally rejects any liberal-democratic tendencies. Democracy in its western sense is a non-traditional product for Ukrainian historical and socio-political process. The things which are regarded as democratic freedoms of a person in Western Europe, always have led to anarchy under Ukrainian conditions (disorientation of collective structure of consciousness, as opposed to ethnocentric organization of collective structure of consciousness). That is why the creation of “democratic” system of freedoms and legal values must be integrated to national-conservatism.

Political and psychological demoanarchy came to the Ukrainian lands after the liberal revolution of consciousness of Kievan Rus residents in 1068 and transformed to civil wars of 1132–1240 and 1659–1687 years. The third period of demoanarchy is

the period of 1917–1921. The catalyst of this negative process in Ukrainian history has been and is now the trade-oligarchic class, in other words — big international capital — position of financiers for whom the state with its instrument of violence is a macroeconomic unit, and nation emerges as the market environment of consumers. Trying to help to establish democracy of “western” pattern, the large capital (whether it wants it or not) creates conditions for anarchy development through the liberalization of policy and demoralization of consciousness, which results in the ruin of the collective consciousness (in particular, perception of radical political ideologies, which is institutionalized by the establishment of dictatorship; another loss of national sovereignty). Demoanarchy turns its attention to biological existence, instinctive needs, while national-conservatism with the help of customary and fundamentalist ways fights throughout the historical process for the spiritual plane of a human, for consciousness as of an individual so of a community. Therein lies a profound separation of two political and anthropological categories traditional for Ukrainian ethnohistory¹.

Democracy can be realized only after the implementation of interior national policy of conservatism as a proper policy of centralization in self-administration, in particular with respect to certain national minorities as ensuring of fairness and morality of parliamentary elections, absence of political, clan-oligarchic interests in government representative bodies. The foregoing is the democracy in Ukrainian conditions, the immutable principle of which shall be reliance on Ukrainian tradition. Its content should not be liberal but national. Only the construction of conservatism, in my opinion, will allow building the democracy in Ukraine, which is enabled by specific Ukrainian ethnic psychology, rather than large international capital.

Negative traditionalism and positive traditionalism are the categories of political anthropology in scientific context and stereotypes of collective (socio-ethnic) structure of consciousness in psychological context. Experience of Ukrainian historical process demonstrates the identity of concept of positive traditionalism to conservative political ideology, while the concept of negative traditionalism can be analyzed through an example of ideological interaction of democracy and liberalism of western (protestant) type provided practical application of the results of this interaction in Ukrainian realities. Ethnic psychology of Ukrainians is determined by individualism and traditionalist isolation (cultural and economic conservatism), in the result of which the practical development of liberal democratic values leads to chaos of collective consciousness. Ethnopsychological chaos of collective consciousness can be easier to explain politically: anarchy.

It is important for political anthropology to analyze the ethnic psychology of study group of people, community. However, shifting to the regular characteristic of

¹ Melnyk V.M., *Studies on the theory of sociocultural anthropology*, 126–131.

political psychology of a human group (at the base of ethnic psychology) it is important to specify a purely political ideological dimension. The problematic of two universal categories of political anthropology, materialized in the collective structure of consciousness (positive traditionalism, negative traditionalism), through the example of Ukrainian ethnos, force to solve the global philosophical task on the objective distinction of subjective ideas. On the one hand — conservatism, on the other — liberalism. Becoming subjects of political psychology, they affect the object — the consciousness of the human community. In this process of influence the products of interaction, materialized in ideological and political context (i. e., legitimized psychologically), are formed: nationalism, anarchism. That is, the interaction between the philosophical idea and collective structure of consciousness is materialized politically. It reveals the term “politicization of consciousness”. Complementary products of ideas and people appear due to “adding the own” — a compulsory addition of traditional. Only subjective preciseness in subjective ideological of political science allows to find traditional (ethnic and anthropological) in global (ideological and philosophical). Each ethnos has its own traditional criteria of global transformation of philosophical ideas into political ideologies. Put simply, political anthropology lets us see why Ukrainian conservatism or liberalism differs from global ideological and philosophical originals. This result is impossible without characteristics of products of consciousness politicization. The following is important for political anthropologist in Ukrainian conditions: ideological and psychological interaction between conservatism, nationalism, fundamentalism, ideological and psychological interaction between democracy, liberalism, anarchism, finding a purely Ukrainian traditionalist aspects in such interactions.

It would be correct to combine all the foreign for Ukrainian consciousness ideological concepts methodologically under a neutral category “demoliberalism” which, by spreading, leads to the traditionally “negative demoaanarchy”.

Positive traditionalism is an aggregation of ethnic and political psychology stereotypes which is politico-ideologically closest to nation-centric conservatism. The ideology of national conservatism is to strive for building of a conservative (in cultural, ethnic, ideological and political sense) society and democratic state machine and, therefore, traditionalist system of constitutional law by means of detection and recovery of ethnopsychological tradition. Hereunder, democracy is understood not in oligarchic-capitalist or socialist interpretation, but as the rule of law, the possibility of building a legal country and legal state instrument of “violence” on the basis of the national self-conscious society¹. The modern processes of globalization are dangerous for unconscious mass of our society. Political anthropology proposes the solution of the problem by theoretical research platform: “traditionalism — fundamentalism —

¹ Melnyk V.M., Studies on the theory of sociocultural anthropology, 134–170.

conservatism”, three principles of which mean separate self-consciousness of ethnophor in historical and political aspects¹.

The above scientific and methodological ideas are examples of practical application of traditionalistic approach in political anthropology. The latter was suggested by me in the work *Traditionalist approach in political anthropology*². *The main points of the approach are:*

a) each individual as a bearer of both individual and collective structures of consciousness at the same time, united by socio-ethnic identification produces and treats hereditary patterns of the worldview, the prerequisite of which was, is and will be political psychology;

b) psychological stereotypes are based on evolutionism and heredity, which produce custom, traditionalism in reproduction of certain thoughts, actions, events — tradition;

c) any substance which is cycling in its evolution, has different form but in time plane it repeats the content which allows to determine the tradition as a static formula of historical process dynamics, as the psychology of the historical process;

d) stereotypical traditional thinking and worldview, interaction with which is necessary for successful political game in the process of state building and state management is inherent to ethnic psychology.

Traditionalism is an ideology-driven philosophical theory of evolutionary cycles which values “the own” more than “the foreign”, is psychologically oriented to family, nepotism, and economically — to private property. It shows great promise as a political ideology. Political anthropology is a scientific benchmark for political institutionalization of traditionalism.

Traditionalist ideology provides the rule of traditions, and nationalist ideology stresses on the rule of nations. However, the traditionalist approach in political anthropology legitimizes the evolution of social and ethnic organisms. These organisms are developed, first of all, in the context of mass psychology, whereas the ethnic side of the psychology is corrected by the already acquired common “customness” — tradition. It means that traditionalism is greater than nationalism due to its faith in “the own”. The two ideologies are much related, especially in terms of ethnocentrism, mythologizing of the past. Obviously, the nationalist idea came out from honoring of traditions which serve as a “unifying platform”.

In its turn, conservatism and nationalism are mutually integrated ideological notions (in the process of political history, at the level of the structure of collective

¹ Melnyk V. M., *Studies on the theory of sociocultural anthropology*, 134–171.

² Melnyk V. M., *Traditionalist approach in political anthropology*, Current issues, problems and prospects of humanitaristics development in the modern informational space: national and international aspects: Collection of research papers, (2014): 130–132.

consciousness, simply said: in political psychology of general public). Tradition, traditionalism as a psychological reflection of abstract philosophical and genetic succession, perform a role of basis for perception of politicized superstructure of nationalism, conservatism, traditionalism by ethnic organism. There is one ideological foundation — tradition, craving of ethnic psychology of each individual to traditional and customary ritual.

The world-historical process offers us, as the most globally understandable, the ethnic tradition. Therefrom we have ethnocentrism. Integrated complementarity of ethnocentric philosophical and political ideologies allows making valuable conclusions for political context (management, psychology, technology). For example: nationalism is integrated into the concept of conservatism within the historical process. We can go further: nationalism is a form of traditionalism and conservatism which in institutional (also in partological) sense was separated during the XIXth century; in the XXth century it acquired a more radical meaning psychologically. Radicality of nationalism is the most susceptible form of the national liberation struggle of a particular ethnos, expressed in ethnic nationalism, as it was written by Anthony Smith. However, on the level of the state organization of ethnic society — “statized nation” (this concept I used in my *Studies on the theory of sociocultural anthropology*, Vinnytsia, 2013), nationalism becomes a form of public nationalism (“civil” by Anthony Smith¹) and can perform a positive role only through the transfer of collective psychological emphasis on the plane of “nationhood” (synonym — state-centricity).

T. Tsymbal writes that “psychological microclimate” of each nation composes “the indispensable precondition of psychological comfort”. Thus, psychological microclimate serves as traditional customs, that is the only political and ideological form to ensure of this microclimate and its comfort is ideological traditionalism. The latter in political sense is provided by nationalism at the unofficial and by conservatism at the state level of social history.

Taras Tsymbal continues his thinking: “The blur of these associations (local class structures — V.M.) is in unison with a running and self-organizing nature of local social life, which rarely comes into formal and explicit forms (in particular, social structures of each nation, except for international oligarchy, are built in different ways — V.M.), and allows for substantial uncertainty in its periphery. A subject, which will see a particular ethnic group in this nation and call it nation, is in need to convert an ethnic group into a nation: it may be the aristocracy or national intellectuals — depending on how specific local circumstances are developed”². His views are fully shared by V. Lypynsky, who in his *Letters to fellow farmers* also highlights the overall ambiguity of the national intelligence

¹ Smith A., Nations and Nationalism in a Global Era, 320.

² Tsymbal T., Epilogue, 287–302.

role in the state-building. This role can be either positive or negative. An example of the positive role Lypynsky finds, for example, in Ukrainian szlachta (nobility) of the XVIth-XVIIIth centuries. This concept of positive influence of “noble aristocracy” on retention of Ukrainian culture, and thus ethnic psychology that allowed in 1648 to restore the state, Lypynsky concludes in the published in 1909 in Krakow book “The nobility in Ukraine: Its role in the Ukrainian people life”.

M. Zabarevsky in his work *Vyacheslav Lypynsky and his thoughts about Ukrainian nation and state* (Augsburg, 1946) provides, in my opinion, the fullest analysis of this work: “On the one hand, this book is a scientific treatise, in which based on the works of Poles it is proved that the nobility of right bank Ukraine are direct descendants of the old Ukrainian families, that even in anthropological perspective they are very different from the real Polish nobility in ethnographic Poland; on the other hand, this is a passionate manifesto, passionate appeal to right bank polonised nobility for it to realize the obligations towards Ukrainian people, felt the need to link its fate with their fate and to work for the benefit of the native land ...”. Zabarevsky provides a quotation of Lypynsky regarding the necessity of joining of “*Ukrainian noble aristocracy*” to Ukrainian central political movement and the necessity of acquiring by this aristocracy of the main role in Ukrainian political elite of that time: “We are to define our position to Ukrainian people who is waking up, because we remember that “chain people will unchain soon”, that if not today, then tomorrow they will ask us about our works. And they will ask us: you who possess such a large piece of land, you who have lived with the help of our work during centuries, what have you done for us and for our Motherland? What will we reply them? What will we tell them when they look to the history of their cultural institutions, their “Prosvita’s”, their publishers, their scientific communities and when they see that there are no aristocratic surnames; when they see that those who did not want to give land to peasants, saying that he needed “culture” only, having kept the land in their possession by themselves, did absolutely nothing for the rise of their culture!”¹.

The quote is relevant today. A similar reproach can be made to contemporary intellectuals and modern Ukrainian (not internationalized) business elites who see themselves as unprecedented patriots, not doing anything for the materialization of this patriotic idea. This is a tragedy of Ukrainian intellectuals throughout the historical process.

Any ethnos has a class of intellectuals, or intellectuals-aristocrats (the same nobility in the Polish-Lithuanian Commonwealth), which has a leading political role in the society. This phenomenon is axiomatic traditional for each ethnic organism. Under conditions of another demoaarchy invasion of liberalization through globalization

¹ Zabarevsky M., *Vyacheslav Lypynsky and his thoughts about Ukrainian nation and state*, (Augsburg, 1946), 8–16.

(internationalized averaging) of consciousness, Ukrainian society is close to the total loss of genetic intellectual aristocracy, without which the ethnic organism cannot be federally internationalized. It is not for the first time in Ukrainian ethnohistorical process. The loss of conscious intellectuals can be observed during the mentioned demoaarchy periods of 1132–1240, 1659–1687, 1709–1764, 1921–1933. The key challenge of scientific category transformation of traditionalism into the political ideology is the revival of the intellectual and material strength of intellectuals through heredity as cultural and political preservation of elite tradition. In this context, intellectuals are transformed into “national aristocracy” and “leaders of the nation”, as written by M. Hrushevsky, V. Lypynsky and D. Dontsov.

To characterize the current state of ethnic psychology and political traditionalism in Ukrainian ethnostate organism, Lypynsky’s methodology is the best according to which ochlocracy of 1991, due to globalization, liberalization and tycooniation of the ruling organization transformed into “*demoliberal anarchy*”, if comply with the worked out political and anthropological terminology above.

In particular, V. Lypynsky wrote: “democracy means a method of aristocracy of such a nation which under the influence of chaotic material development and under the influence of their own or foreign colonial expansion has already mixed socially and racially that the natural groupings of working people (which are physically, spiritually, and financially related classes) have decayed in it; where... instead of division into classes, there is a chaotic conglomerate of units, mutually foreign to themselves, mutually hating themselves and relating to one national body with the remains of national and state organizations that had developed under the ruling of previous classocratical or ochlocratical aristocracy”.

Lypynsky considers the “*classocratical*” form of internal political organization, which is a synonym of political and ideological categories of “conservatism” and identical to political and anthropological formula “traditionalism — fundamentalism — conservatism”, to be the best for Ukrainian society. M. Zabarevsky underlines: “Lypynsky calls classocratia a method of organization of such a nation, which during its material and spiritual development has already clearly divided into integral classes which personally and directly possess their means of production and are firmly connected inside by the same method of material work and the same psyche. The sameness of the psyche follows both from the same method of work, and from their internal ethnic connection and common historical tradition”¹. It is worth to stress that in some aspects the understanding of a state as a national organism, Lypynsky approaches to the theory of ethnic passionarity of Lev Humilyov.

¹ Zabarevsky M., Vyacheslav Lypynsky and his thoughts about Ukrainian nation and state, (Augsburg, 1946), 8–16.

So, short reflections on the variants of “tradition” ideologization in Ukrainian ethno-historical context allows to make the following conclusions: 1) traditionalism in its national and conservative (or “positive” from the point of view of political anthropology) interpretation is able to take an empty niche of a leading state-building ideology for Ukrainian nation; 2) Ukrainian ethno-psychological environment throughout its historical evolution at each attempt to build its own national statehood has always been managed first of all by “tradition”; 3) conditions of ethnohistorical transformations formed for Ukrainian ethnic community special kind of “preservation of social traditions”, which noted the existence of two political traditionalisms in the collective world outlook of Ukrainians (negative and positive), the criterion for the classification of which has become the corresponding dominance of negative or positive attitude to the primacy of the state in the individual structure of ethnic consciousness.

*Ponomarenko Nadezhda Anatoljevna,
The Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, PhD,
Associate Professor of Political Science and Technology
E-mail: p-nadezda@mail.ru*

System method in the study of the political elite

*Пономаренко Надежда Анатольевна,
Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ, к-т полит. наук,
доцент кафедры политических наук и технологий СИУ РАНХиГС
E-mail: p-nadezda@mail.ru*

Системный подход в элитологических исследованиях

Современная геополитическая ситуация и «вызовы» властному режиму актуализируют проблему изучения правящего класса, поскольку в трансформационные и кризисные периоды именно властная элита является силой определяющей направление дальнейшего развития государства. Диагностика системы политической элиты позволяет выявлять «зоны риска» и выработать практические рекомендации по их устранению. В этой связи развитие и совершенствование политической элитологии как отдельного научного направления крайне необходимо. Анализ правящей элиты возможен только при условии существования разработанной методологии и функциональных методов исследования.

В современной России политическая элитология переживает своеобразный «кризис роста», когда прежние методы и концепции не работают на новом эмпирическом материале, либо объяснительная составляющая существующих моделей недостаточна. В рамках XX Конгресса Международной ассоциации политической науки в Фукуоке в 2006 г. и на Первом Всероссийском элитологическом конгрессе о современной российской политической элите и направлениях ее модернизации 2013 г. обсуждалась ситуация своеобразного «кризиса» современной элитологии и необходимость разработки обобщающих концепций для дальнейшего развития дисциплины¹.

К анализу состояния политической элитологии в России обращались следующие исследователи: Я. А. Пляйс, О. В. Гаман-Голутвина, В. П. Мохов, Г. К. Ашин и др.², которые отмечали как содержательные достижения данного направления, так и явные недостатки, в частности низкую степень концептуализации и теоретизирования на базе накопленного эмпирического материала как индикатор «кризиса роста». В данной статье анализируется современное состояние политической элитологии, а также делается предположение о целесообразности применения системного подхода к анализу политической элиты.

С начала 1990-х гг. по настоящее время фиксируются содержательные достижения в исследовании политической элиты. Результаты многочисленных исследовательских проектов позволили получить довольно полную картину политических процессов в высших эшелонах власти. На сегодняшний момент исследования в рамках политической элитологии институционализированы; еще в 1989 г. в Институте социологии Академии наук СССР был создан соответствующий сектор под руководством О. В. Крыштановской³, что позволило исследованиям по политической элите быстро и плодотворно развиваться. Центрами институционализации сегодня также выступают исследовательские и учебные институты Санкт-Петербурга, Ростова-на-Дону, Перми, исследовательский

¹ См.: Элитология России: современное состояние и перспективы развития (Материалы Первого Всероссийского элитологического конгресса с международным участием, 7–8 октября 2013 года, ЮРИФ РАНХиГС, Ростов-на-Дону). Том 1. Ростов-на-Дону: Издательство ЮРИФ РАНХиГС, 2013. Элитология России: современное состояние и перспективы развития (Материалы Первого Всероссийского элитологического конгресса с международным участием, 7–8 октября 2013 года, ЮРИФ РАНХиГС, Ростов-на-Дону). Том 2. Ростов-на-Дону: Издательство ЮРИФ РАНХиГС, 2013.

² См.: Пляйс Я. А. Элиты России: обзор диссертационных исследований отечественных политологов. Ростов-на-Дону: Издательство ЮРИФ РАНХиГС, 2013.

³ Следует отметить, что на сегодняшний день исследования О. В. Крыштановской в области элит являются наиболее методологически выверенными и комплексными, благодаря чему практическая ценность данных исследований высока. Крыштановская О. В. Анатомия российской элиты. – М.: Изд-во А. В. Соловьева, 2004.

комитет РАПН по политической элитологии. Ежегодно проходят профильные семинары на базе Института социологии РАН, Социологического института Санкт-Петербурга (благодаря усилиям А. Дуки и его коллег); многочисленные конференции в Ростове-на-Дону (организаторы — А. В. Понеделков, А. М. Старостин) и Перми (организатор В. П. Мохов).

В российской элитологии накоплен существенный эмпирический материал. Помимо групповых проектов проводился ряд индивидуальных исследований, основанных, как правило, на материалах конкретного региона. Так, в рамках отечественной политологии были исследованы вопросы генезиса постсоветской элиты¹, социального состава и мобильности региональной политической элиты², ее идеологии и политической психологии³, процесса этнизации и этатизации правящего класса⁴, а также влияния экономического развития региона на формирование элит⁵.

Особенностью и достижением отечественной элитологии также являются исследования региональных политико-административных элит. Данные исследо-

¹ См.: Понеделков А. В. Политико-административная элита: генезис и проблемы ее становления в современной России. – М.: Росс. акад. гос. службы при Президенте РФ, 1995; Дискин И. Е. Россия: трансформация и элиты. – М.: Элтра, 1995; Гаман-Голутвина О. В. Политические элиты России: Вехи исторической эволюции. – М.: Интеллект, 1998; Зелетдинова Э. А. Механизмы демократизации властной элиты (общее и особенное региональное развитие). – М.: ЭКОН, 2002; Крыштановская О. В. Анатолия российской элиты. – М.: Изд-во А. В. Соловьева, 2004.

² Игнатов В. Г., и др. Профессионализм административно-политических элит (философско-социологический и акмеологический подходы). – Ростов/Д.: СКАГС, 2002; Игнатов В. Г., Понеделков, А. В. Политико-административная элита региона: методология и методика исследования // Государственн. и муницип. служба: Методология, теория, технология, зарубежный опыт. Ростов/Д.: СКАГС, 1997. – С. 30–44; Мартынова М. Ю. Политическая элита России на рубеже XXI века. – Архангельск: Поморский гос. ун-т им. Ломоносова, 2001; Махрова О. Н. Элита в России в XX веке. – М.: ЦЭМИ, 1998; Мохов В. П. Региональная политическая элита России (1945–1991 годы). – Пермь: Перм. кн. изд-во, 2003.

³ См.: Киселев И. Ю. Политическая элита: ее сущность и психология: (по материалам исслед. американских ученых). – Ярославль: ЯрГУ, 1995.

⁴ Магомедов А. К. Локальные элиты и идеология регионализма в новейшей России: сравнительный анализ. – Ульяновск: УлГТУ, 1998; Его же. Мистерия регионализма. Региональные правящие элиты и региональные идеологии в современной России: модели политического воссоздания «снизу» (сравнительный анализ на примере республик и областей Поволжья). – М.: Центр науч. и учебн. программ, 2000.

⁵ См.: Лапина Н. Ю. Формирование современной российской элиты (проблемы переходного периода). – М.: ИНИОН, 1995; Её же. Российские экономические элиты и модели национального развития. – М.: ИНИОН, 1997; Её же. Региональные элиты России. – М.: ИНИОН, 1997; Лапина Н., Чирикова Е. Региональные элиты в РФ: модели поведения и политические ориентации. – М.: ИНИОН, 1999. Лапина Н. Ю. Стратегии региональных элит: модели власти, политический выбор. – М.: ИНИОН, 2000; Крыштановская О. В., Хуторянский Ю. В. Бизнес-элита России: генезис, социальный состав, ролевые функции // Социальная стратификация российского общества / Под ред. З. Т. Голенковой. – М.: Летний сад, 2003. – С. 225–252.

вания появились практически сразу же как только тема элиты была актуализирована, что обусловлено следующими причинами. Прежде всего, Россия является федерацией стабильность и устойчивость развития во многом зависит от динамики развития регионов. Суверенизация национальных республик и областей в составе РФ в начале 1990-х гг. актуализировала исследования состава региональной политической элиты, ее устремлений и установок. С другой стороны, региональная элита более доступна для изучения, нежели федеральная. Данный факт также во многом объясняет, создание и апробирование большей части концепций и теорий в области отечественной элитологии именно на региональном материале. В отечественной элитологии созданы концептуальные модели элитогенеза, разработанные О. В. Гаман-Голутвиной, М. Н. Афанасьевым, А. К. Магомедовым и А. В. Дукой.

В целом, в методологическом плане, процесс изучения политической элиты натолкнулся на ряд долгосрочных проблем. Отчасти подобного рода проблемы элитологии зеркально отражают процесс становления отечественной гуманитарной науки в целом. Для полноты картины следует отметить, что методология как явление в российской науке продолжает оставаться явлением второстепенным, во многом данная ситуация — «наследство» советского периода. В СССР в области гуманитарных наук проблема методологии решалась однозначно: главная задача исследователя подтвердить марксистско-ленинскую теорию эмпирическим материалом.

На сегодняшней момент ситуация меняется, но крайне медленно: из автореферата диссертаций, посвященной проблемам политической элиты, в автореферат переходит чуть ли не идентичный по содержанию раздел «Методы и методология исследования», который крайне редко имеет что-то общее с дальнейшим изучением материала, более того методы, которые перечисляются в данном разделе, очень часто противоречат друг другу, а теории и концепции, которые представляют парадигму проводимого исследования, морально устарели, либо не позволяют провести данное исследование в соответствии с поставленными целью и задачами. Подобная ситуация говорит о крайне незначительной роли методологии в отечественных элитологических исследованиях, что в свою очередь блокирует возможности дальнейшего развития политической элитологии и применения на практике результатов исследования в рамках данного направления.

Из всех подходов к изучению элиты среди российских исследователей преобладает позиционный. Механическое применение данного подхода к российской реальности порождает целый ряд методологических проблем. Концептуальные схемы анализа элиты, предложенные российскими исследователями, едва ли претендуют на статус полноценных научных парадигм, они конвенционально используются большинством специалистов в различных регионах страны, при этом

теоретическая база слабая — зачастую сводится к простому биографическому анализу. В целом, возникающие трудности методологического плана характерны для допарадигмальной стадии развития субдисциплины¹.

Остается открытым целый ряд теоретических вопросов, связанных с «концептуальными натяжками», вызванными сложностями обобщения эмпирического материала. В изучении региональных элит все еще преобладают дескриптивные работы, познавательная ценность которых уменьшается по мере накопления исследовательских данных. В то время как генезис и научные ориентации ученых, работающих в сфере изучения политических элит сегодня, существенно различаются.

Более подробно следует остановиться на оценке достаточно популярных в российской политологии работ, изучающих элитогенез на историческом материале². Авторы расширяют хронологические рамки исследования политической элиты, тем самым пытаясь выявить системные особенности формирования и функционирования правящего класса. Изучение проблем элитогенеза на широком историческом материале является важным этапом развития элитологии. Подобного рода ретроспективные исследования способствуют разработке теоретических подходов к пониманию национальных особенностей политической элиты.

Характеризуя ретроспективное направление элитологии, тем не менее, следует отметить, что далеко не все попытки в этом направлении оказались удачными. Результаты существующих на сегодняшний день «исторических» исследований политической элиты слабо доказуемы, оценки, данные на расширенном эмпирическом материале очень спорные, более того в подобных работах история становится рефлексией настоящего о прошлом, т. е. события прошлого «подгоняются» под необходимую элитологическую концепцию. В данном случае имеет место ретроспективная экстраполяция модели, разработанной на современном материале, на предшествующие исторические периоды.

Следует отметить слабую интегрированность отечественной элитологии в систему гуманитарных научных знаний. К политической элите исследователи подходят как к социальной группе, следовательно, изучают состав данной группы, каналы инкорпорации и экскорпорации, но важно отметить, что тема политической элиты несколько шире чем просто социальная характеристика правящего класса, данная проблема в первую очередь затрагивает особенности правящего режима, дизайна властных институтов, перспектив трансформации и направлений трансформации политической системы. В свою очередь особенность российской элитологии, заключается в изучении «элиты ради элиты», хотя в некоторых

¹ Kuhn T.S. The Structure of Scientific Revolutions. – Chicago: University of Chicago Press, 1962.

² См.: Гаман-Голутвина О. В. Политические элиты России: вехи исторической эволюции. М.: РОССПЭН, 2006.

исследованиях провозглашается анализ трансформации политического режима с помощью элитистской парадигмы и т. д., но выводы целиком и полностью посвящены либо социальному составу правящей элиты, либо трансформации данного состава, отсюда вытекает ограниченность исследования.

В целом возможности, либо отсутствие таковых в решении поставленных исследовательских задач и проблем обусловлены концептуальным уровнем дисциплины. Без концептуальной основы крайне сложно выйти за рамки описания. Подход к политической элите как к социальной группе позволяет охарактеризовать состав, профессиональную принадлежность, психологический портрет элиты, но проанализировать структуру, функции политической элиты, создать матрицу для сравнения различных групп элиты, сформулировать концептуальные и теоретические обобщения достаточно проблематично. В результате объяснительная ценность по мере накопления эмпирического материала падает, дисциплина сталкивается с «кризисом роста». Так, в рамках прежних подходов нельзя объяснить, почему элита «проглатывает» реформы, периодически возникает явление реваншизма, воспроизводятся коррупционные связи, несмотря на радикальную смену персоналий, не меняется качество политической элиты даже в условиях трансформации, либо реформирования системы государственной.

В рамках системного подхода четко определяется концепт «элита», при этом интегрируются ранее используемые методы идентификации (позиционный, репутационный, метод принятия решений). Исследователь получает матрицу для исследования, а также более функциональный инструментарий для решения научных проблем в рамках элитологии. Естественно, системный подход имеет свои ограничения. Прежде всего, данному подходу свойственна определенная степень редуцирования, создавая модель сталкиваемся с необходимостью схематизации изучаемых процессов, а также определенного «обезличивания» элиты. Тем не менее, эффективность системного метода в исследовании политической элиты достаточно высока.

На сегодняшний момент потребность в теоретических разработках по проблемам политической элиты очевидна, разработка новых концептуальных моделей на базе накопленного эмпирического материала является наиболее востребованной, но и наиболее сложной задачей элитологических исследований, поскольку современные подходы не позволяют решать поставленные задачи. В российской элитологии сформировались определенные предпосылки выработки функциональной методологии и теоретических обобщений на более высоком уровне, способствующих качественному развитию данного направления. Для дальнейшего развития дисциплины и превращения ее в более функциональную научную отрасль, необходимо применить системный подход к исследованию феномена политической элиты.

Список литературы:

1. Афанасьев М. Н. Изменения в механизме функционирования правящих региональных элит // Полис. – 1994. – № 6. С. 59–66.
2. Афанасьев М. Н. Клиентелизм и российская государственность: Исследование клиентарных отношений, их роли в эволюции и упадке прошлых форм российской государственности, их влияние на политические институты и деятельность властвующих групп в современной России – 2-е изд., доп. – М., 2000.
3. Бабаева Л. В., Чирикова А. Е. Политические ориентации региональных элит // Бизнес и политика. – 1996. – № 3. – С. 11–16.
4. Гаман-Голутвина О. В. Политические элиты России: вехи исторической эволюции. М.: РОССПЭН, 2006.
5. Гельман В. Я. «Сообщение элит» и пределы демократизации: Нижегородская область // Полис. – 1999. – № 1. – С. 79–97.
6. Гельман В. Я., Тарусина И. Г. Изучение политических элит в России: проблемы и альтернативы // Элитизм в России: «за» и «против»: сб. материалов Интернет-конференции, февраль-май 2002 г. / Под общей ред. В. П. Мохова. – Пермь: Перм. гос-ный техн. ун-т, 2002.
7. Дискин И. Е. Россия: трансформация и элиты. – М.: Элтра, 1995.
8. Зелетдинова Э. А. Механизмы демократизации властной элиты (общее и особенное регионального развития). – М.: ЭКОН, 2002.
9. Игнатов В. Г., и др. Профессионализм административно-политических элит (философско-социологический и акмеологический подходы). – Ростов/Д: СКАГС, 2002.
10. Игнатов В. Г., и др. Региональные политические элиты в зеркале социологии. Ростов/Д: СКАГС, 2001; Игнатов В. Г., Понеделков, А. В. Политико-административная элита региона: методология и методика исследования // Государственн. и муницип. служба: Методология, теория, технология, зарубежный опыт. Ростов/Д: СКАГС, 1997. – С. 30–44.
11. Киселев И. Ю. Политическая элита: ее сущность и психология: (по материалам исслед. американских ученых). – Ярославль: ЯрГУ, 1995.
12. Крыштановская О. В. Анатомия российской элиты. – М.: Изд-во А. В. Соловьева, 2004.
13. Крыштановская О. В., Хуторянский Ю. В. Бизнес-элита России: генезис, социальный состав, ролевые функции // Социальная стратификация российского общества / Под. ред. З. Т. Голенковой. – М.: Летний сад, 2003. – С. 225–252.
14. Лапина Н. Ю. Российские экономические элиты и модели национального развития. – М.: ИНИОН, 1997. Лапина Н. Ю. Региональные элиты России. – М.: ИНИОН, 1997.

15. Лапина Н. Ю. Стратегии региональных элит: модели власти, политический выбор. – М.: ИНИОН, 2000.
16. Лапина Н. Ю., Чирикова А. Е. Регионы-лидеры: экономика и политическая динамика М.: ИС РАН, 2002 и др.).
17. Лапина Н. Ю., Чирикова А. Е. Стратегии региональных элит: экономика, модели власти, политический выбор. М.: ИНИОН РАН, 2000.
18. Магомедов А. К. Локальные элиты и идеология регионализма в новейшей России: сравнительный анализ. – Ульяновск: УАГТУ, 1998.
19. Магомедов А. К. Мистерия регионализма. Региональные правящие элиты и региональные идеологии в современной России: модели политического воссоздания «снизу» (сравнительный анализ на примере республик и областей Поволжья). – М.: Центр науч. и учебн. программ, 2000.
20. Мартынова М. Ю. Политическая элита России на рубеже XXI века. – Архангельск: Поморский гос. ун-т им. Ломоносова, 2001.
21. Махрова О. Н. Элита в России в XX веке. – М.: ЦЭМИ, 1998.
22. Миронов В. Подходы разные, цель одна: лидеры федерального центра и республиканско-региональные элиты // Власть. – 1993. – № 2. – С. 35–41.
23. Мохов В. П. Региональная политическая элита России (1945–1991 годы). – Пермь: Перм. кн. изд-во, 2003.
24. Пляйс Я. А. Элиты России: обзор диссертационных исследований отечественных политологов. Ростов-на-Дону: Издательство ЮРИФ РАНХиГС, 2013.
25. Понеделков А. В. Политико-административная элита: генезис и проблемы ее становления в современной России. – М.: Росс. акад. гос. службы при Президенте РФ, 1995.
26. Региональные элиты Северо-Запада России: политические и экономические ориентации. СПб.: Алетейя, 2001.
27. Российская региональная элита в трансформирующемся обществе // Transition – Erosion – Reaktion: zehn Jahre Transformation in Osteuropa. Frankfurt am Main; Berlin; etc.: Lang, 2002.
28. Элитология России: современное состояние и перспективы развития (Материалы Первого Всероссийского элитологического конгресса с международным участием, 7–8 октября 2013 года, ЮРИФ РАНХиГС, Ростов-на-Дону). Том 1. Ростов-на-Дону: Издательство ЮРИФ РАНХиГС, 2013.
29. Элитология России: современное состояние и перспективы развития (Материалы Первого Всероссийского элитологического конгресса с международным участием, 7–8 октября 2013 года, ЮРИФ РАНХиГС, Ростов-на-Дону). Том 2. Ростов-на-Дону: Издательство ЮРИФ РАНХиГС, 2013.
30. Kuhn T. S. The Structure of Scientific Revolutions. – Chicago: University of Chicago Press, 1962.

*Slavina Olga Vjacheslavovna,
Oles' Honchar Dnipropetrovs'k National University,
Postgraduate student, Faculty of Social Sciences and International Relations
E-mail: olga7slavina@gmail.com*

Successful practice of re-symbolization in the post-communist Baltic States

Formulation of the problem and definition of key terms. Politics is a networking communication space where the various symbolic forms operate. The last ones we understand as both creators and re-transmitters of semantic structures — ideas, values, images, opinions, interpretations, concepts and other cognitive structures. At the stage of serious political changes symbolic forms become strong resources of power, whereby state and public institutions carry out their self-representation, legitimation and promotion of certain images of reality (world view), and fulfill the positioning of social actors in the socio-economic, political and cultural spheres. In this case symbolic dynamics of the transition process is determined by the use of re-symbolization technology. Under re-symbolization we understand the mechanism of deconstructing the old socio-political image of the world and creating a new symbolic pattern relevant to the historical and social necessity. As a result of re-symbolization there are several effects: articulation of changing social pretensions, reproduction of updated system of power relations, formation of a new ideological identity of a social community.

Recently the problem of implementation of re-symbolization has sharply actualized for the Ukrainian state, which is going through a painful transit to the democratic regime with rule of law. Some attempts to form a holistic symbolic imprint of political reality are difficult to be called productive at this stage. Therefore it makes sense to turn to the successful practice of rotating the symbolic forms which is fixed in international past. In this context the Baltic experience is particularly interesting.

Main material. The essence of the post-Soviet transit in the Baltic States (Estonia, Lithuania, Latvia) assumed a gradual switch-over to a democratic way of functioning of the political system. Therefore the legitimation of the new order had to follow in close conjunction with the declaration of the benefits of democratization on the one hand and criticism of the former communist regime on the other. In connection with this, re-symbolization of political space in these countries took place in several directions and included: re-ideologisation, significant institutional reforms, restoration of historical justice, and consistent policy of historical memory. Let us consider in more detail.

First of all Estonia, Lithuania and Latvia are brought together by their unequivocal opinions on the events of 1940 and the accession to the USSR. Therefore, at the time of the collapse of the communist system, societies in these countries had been consolidated on the basis of departure from the Soviet Union. Orientation for

entry into the united Europe had opened the unprecedented (of depth, speed, and efficiency) opportunities for the system reforms.

An illustrative example of re-ideologisation is that political forces that came to power in Estonia in 1992, went to the polls with the slogan “Let’s clean the area from the old!”. They proceeded from the fact that the Soviet economy had not left anything useful for Estonian society¹. So policy of establishing the effective functional institutions (based on legality and democratic procedures) was resolutely proclaimed.

Also one of the conditions of legitimization of reforming post-Soviet Baltic regimes was the dissident past of their political leaders. For example, the fate of social acceptance of L. Meri (Conservative Bloc “Fatherland”), the future President of Estonia, was largely determined already in the period of existence of the Soviet state because of his clear strategy, which did not coincide with the official line of the Soviet party. Such a scenario of political legitimation can be observed in Lithuania and Latvia. The benefit of the effectiveness of this position is indicated by the fact that the presidents of the above mentioned states were associated with popular democratic projects. The public support of these projects had created the legitimizing optimum directly for their authors, many of whom had the fate of dissidents (“Sajūdis” — V. Landsbergis, “The Latvian way” — A. Gorbunov).

Eloquent testimony to the aspirations aimed at updating the governing system was also blocking ways for representatives of the communist *nomenklatura* to obtain ruling positions. Post-communist Eastern Europe was the first region that embraced lustration as a method of transitional justice². Lustration as a whole had been a valuable contribution to “consolidation of emerging democracy”. Lustration had made bureaucratic institutions that were useful to the new democracies and helped them dismantle the communist domination. It had helped to create better conditions for free and fair political competitions as well as the rule of law and spirit of constitutionalism³. Thus, the break with the Soviet past in Estonia was symbolized by the age of the new leaders of the country: at the time of the electing the Prime Minister was 33 years, the Minister of Internal Affairs — 29, the Minister of Defense — 28, the Minister of Foreign Affairs — 27 years. New managers had come to power through free elections and enjoyed a high electoral support. Thus lustration had helped “to refresh” the legal profession and stabilize democratic constitutional and legal culture. Lustration had brought transparency to the elites of the financial, banking and key industrial

¹ Путь в Европу/Под общ. ред. И. М. Клямкина и Л. Ф. Шевцовой. – М.: Новое издательство, 2008. – 400 с.

² Eva-Clarita Pettai. Memory and Pluralism in the Baltic States. Routledge; 1 edition, 2011, 160 p.

³ Lavinia Stan. Transitional Justice in Eastern Europe and the Former Soviet Union: Reckoning with the communist past (BASEES/Routledge Series on Russian and East European Studies). Routledge; 1 edition, 2009, 326 p.

spheres and removed the former corrupted *nomenklatura* from its positions. It is also worth to be noted that in Estonia the Communist Party could not to implement self-transformation as in other countries, and in 1992 it was dissolved.

Next direction of re-symbolization in the post-Soviet transit in the Baltic countries was defined with plenty of hardware Cabinet reshuffles. In the period from 1990 to 1999 (which, in our opinion, can be considered as a substantially completed diffusion of Baltic states into the European identity) there were 7 government reshuffles in Estonia, 8 — in Lithuania, and 11 in Latvia. As is known the role of governing institutions increases in the situation of political transformation. The failure of power institutions to provide the requested efficiency turns to them into the crisis. Thereat there were fairly high expectations to the governments of Estonia, Lithuania and Latvia that they were not able to meet. Each regular failure was followed by resignation that in democratic systems is the best (in some meaning) tool of resolving conflicts and neutralizing the effects of the crisis.

Also speaking about significant institutional changes as a symbol of breaking with the old system we should mention the judicial reforms in the considered Baltic countries. Estonia, Lithuania and Latvia as well suffered from high levels of corruption in their own judicial systems. But the key to success in all three cases was in that the judicial system had not been reformed on the base of the Soviet model, but virtually created from scratch in accordance with the requirements of the European Union. All three countries faced with specific problems, and each solved them in its own way. So, by the end of 1994 in Estonia a new three-tier judicial system had launched (replacing the Soviet-type two-tier system), and the judiciary had been updated to 67% (the mean age of judge was less than 40 years). Also the importance of organizing the system of training for judges was immediately recognized: in 1995 it was taken up by the Foundation “Estonian Law Centre”, and in 2009 the Supreme Court of Estonia took this function (i. e. over 14 years the training for judges was in charge of the civil society institute). In addition, judicial reform in Estonia provided a need of qualifying examination for the judge position. Thus, the judge practicing in the Soviet period had to be tested for the ability to deliver justice under the conditions of transformation of the political regime and the transition to the market economy¹.

We proceed to the next direction of re-symbolization in the political space of the post-communist Baltic States, which regards the restoration of historical justice. To a large extent, this process is related to the procedure of restitution — the return of land and other property unlawfully expropriated during the Soviet times to its former owners or their descendants. Symbolic assignment of restitution is to ensure the succession to the pre-Soviet Estonia, Lithuania, Latvia, thus providing a stable legal system and

¹ Shabbir G. Cheema. Building Democratic Institutions: Governance Reform in Developing Countries. Kumarian Press, 2005, 288 p.

strengthening the right of ownership, which is one of the essential foundations of a market economy¹. Back in the early 1990s the specific laws establishing the principles of restitution had passed. In Lithuania, there were the laws “On the procedure and conditions to restore the rights of ownership to the existing real property” and “On Land Reform”; in Latvia — “On denationalization of households in the Republic of Latvia” and “On the return of property to religious organizations”. Application procedures for restitution (in addition to their immediate purpose) had actualized the issue of conservation of national memory, returning the mass consciousness to the traditions and values of the pre-war period. As a result, European future was seen in continuity with own European past of the Baltic countries, and integration to Europe as a returning to it.

In general, the policy of historical memory in the Baltic States was aimed primarily at the legitimation of power by the “historical excuses”, “historical justification”, and “historical continuity”. The peculiarity of the latest period in the history of Estonia, Lithuania and Latvia is a high level of institutionalization of the policy of historical memory through the creation of special institutions, commissions, museums, NGOs that not only collect, store and study historical memory, but also meet on requests from politicians and political institutions². Instructive case in this context is one with the transfer of the monument to Soviet soldiers in Tallinn in spring 2007. As is known, the monument was removed from the bus stop to a military cemetery in the center of Tallinn, where also the remains of Soviet soldiers were reburied. Notably, the monument was not destroyed, but only its disposition was changed. This testifies to the civilized, but strong commitment of the Estonian authorities to withdraw the public from the influence of the symbols of the Soviet era.

Conclusions. Re-symbolization in post-communist Baltic States was multifaceted, focused, and coherent. Adoption of the new symbolic forms happened under the line of legitimization of a new political regime and the growing citizens’ solidarity with democratic values and procedures. Experience of Estonia, Latvia and Lithuania has clearly demonstrated that a symbolic way of integrating the political space increases the mutual responsibility of the participants of the democratization process. Ukraine is only to be learned. As of today out of four directions of re-symbolization only the one — re-ideologisation — is realized here. The starting point for the replacement of the dominant ideological complex became the Revolution of Dignity 2013–2014 and Ukraine’s European choice. The signing of the Association Agreement with the EU and the subsequent parliamentary elections became the official symbolic matrix of

¹ Csongor Kuti. *Post-Communist Restitution and the Rule of Law*. Central European University Press, 2009, 330 p.

² Georges Mink, Laure Neumayer. *History, Memory and Politics in Central and Eastern Europe: Memory Games*. Palgrave Macmillan, 2013, 296 p.

Ukrainian reflection of European identity that emerged in the mass consciousness. In relation to the institutional reforms it is necessary to note the signing of the Law “On Lustration” by the President of Ukraine. Now there is a challenge to ensure its implementation. After all the experience of the Baltic countries showed that in combination with the implementation of appropriate legal proceedings and solving problems with access to classified materials and functioning of the political police, lustration had become an effective tool for restoring transitional justice in post-communist context. The same can be said with regard to judicial reform and law enforcement reform, which have not yet been carried out in Ukraine, while maintaining a high level of corruption.

In relation to restitution as a way of restoring historical justice, the situation in Ukraine is more complicated. The fact is in that the declaration of independence of Ukraine did not emphasize the continuity of statehood with the pre-Soviet era (in contrast to the Baltic countries). Hence, the development of an appropriate regulatory framework regarding the restitution faces the main difficulty arising in determining the point of “historical justice”. In this situation, the occurrence of different points of view between the authorities and the public is natural. In this regard, it is proposed to conduct lengthy and deep consultation on this issue with representatives of civil society, experts and all interested parties.

In relation to the policy of historical memory in Ukraine it should be noted the absence of the necessary extent of consolidation of society around European values as it was in Estonia, Lithuania and Latvia. This factor dictates the need for a soft and unobtrusive symbolization avoiding deepening the ideological divide in the country. In contrast to the Baltic countries, which focused on the criticism of communism, it would be more appropriate in Ukraine to focus on the benefits of the European future of the state.

Section 7. Psychology

*Minullina Aida Faridovna,
Kazan (Volga region) Federal University,
Institute of Psychology and Education associate professor,
chair of general and practical psychology
E-mail: aidamin@rambler.ru*

*Murtazina Elmira Ildusovna,
Kazan (Volga region) Federal University,
Institute of Psychology and Education associate professor,
chair of general and practical psychology
E-mail: elil@inbox.ru*

Emotional attachment to the mother (normal and pathological)

*Минуллина Аида Фаридовна,
Казанский (Приволжский) Федеральный университет,
Институт психологии и образования,
доцент кафедры общей и практической психологии
E-mail: aidamin@rambler.ru*

*Муртазина Эльмира Ильдусовна,
Казанский (Приволжский) Федеральный университет,
Институт психологии и образования,
доцент кафедры общей и практической психологии
E-mail: elil@inbox.ru*

Эмоциональная привязанность к матери (в норме и в патологии)

В современной научной психологии привязанность является ключевым понятием, описывающим отношение ребенка к близкому взрослому. Формирование привязанности жизненно необходимо для развития ребенка. Она дает ему чувство безопасности, способствует развитию образа себя и социализации. Выбор

объекта, а также сила и качество привязанности во многом зависят от поведения родителей по отношению к ребенку¹.

Изучение потребности привязанности — одно из ведущих направлений зарубежной экспериментальной психологии на протяжении последних десятилетий.

Исследователями были получены доказательства того, что взаимодействие матери и новорожденного в первые часы после рождения оказывают влияние на последующее общение. В частности, было показано, что эмоциональные связи ребенка с матерью усиливаются благодаря наличию взаимодействия в первые часы жизни ребенка, а разлука матери и ребенка в этот период может привести к негативным эффектам. Однако другие исследования не подтвердили установления специфических эмоциональных связей между матерью и новорожденным сразу после рождения. Х. Р. Шеффер обратил внимание на то, что новорожденный имеет определенные биологические механизмы, лежащие в основе потребности устанавливать эмоциональную связь с кем-либо².

В отечественной психологии изучение привязанностей ребенка к взрослому велось в рамках психологии общения, в русле концепции М. И. Лисиной. Избирательные привязанности ребенка к взрослому рассматривались как продукт общения, зависящий от его содержания.

Большое значение для понимания природы детско-материнской привязанности имеет положение А. С. Выготского о том, что любой контакт младенца с внешним миром опосредован значимым для ребенка взрослым окружением. Отношение ребенка к окружающему неизбежно преломлено отношением к другому человеку, во всякой ситуации его взаимодействия с миром явно или неявно присутствует другой человек³.

Детско-материнская привязанность возникает еще внутриутробно, на основе пренатального опыта. Важную роль в формировании материнских чувств у беременных женщин играют, согласно В. И. Брутману, М. С. Радионовой, телесные и эмоциональные ощущения, возникающие в процессе вынашивания будущего ребенка⁴.

Формирование привязанности младенцев к родителям в первые месяцы жизни опирается на некоторые инстинктивные формы поведения детей, интерпретируемые взрослыми как знаки общения. В теории привязанности J. Bowlby — M. Ainsworth такие формы поведения носят название «паттернов привязан-

¹ Мухамедрахимов Р. Ж. Формы взаимодействия матери и младенца // Вопр. психол. – 1994. – № 6. – С. 16–25.

² Смирнова Е. О. Теория привязанности: концепция и эксперимент // Вопр. психол. – 1995. – № 3. – С. 134–150.

³ Выготский А. С. Младенческий возраст // Вопр. детск. психол. – СПб, Союз, 1997. – С. 40–111.

⁴ Брутман В. И., Радионова М. С. Формирование привязанности матери к ребенку в период беременности // Вопр. психол. – 1997. – № 6. – С. 38–48.

ности»¹. Формирование привязанности в большой степени зависит от заботы и внимания, которое уделяет ребенку мать. Матери надежно привязанных младенцев внимательны и чувствительны к потребностям детей. В общении с детьми они часто используют средства эмоциональной экспрессии. Если взрослый хорошо понимает ребенка, младенец чувствует заботу, комфорт и надежно привязывается к взрослому.

М. Silven, М. Vienda показали, что из таких материнских качеств, как способность побуждать ребенка к игре, эмоциональная доступность, стимуляция познавательной деятельности, гибкость в стиле воспитания, наиболее важным для развития надежной привязанности является эмоциональная доступность. Она включает в себя способность разделять чувства ребенка как главного инициатора детско-материнского общения.

Личностные особенности матери, влияющие на ее отношение к ребенку, рассматриваются в качестве главных («классических») детерминант надежной привязанности. Они прямо или косвенно влияют на формирование привязанности у ребенка. Их прямое влияние связано с чувствительностью матери к подаваемым младенцем сигналам. Оно проявляется в типичных ситуациях взаимодействия.

Отношения между матерью и ребенком в раннем возрасте зависят от взаимодействия множества факторов, каждый из которых играет важную роль в поведении ребенка. В первые месяцы жизни младенец растет и развивается в условиях психофизиологического «симбиоза» с матерью². У младенца возникновению привязанности способствует врожденная необходимость связи с человеком, который обеспечивает удовлетворение его биологических потребностей в тепле, пище, физической защите, а также психологический комфорт, формирует у ребенка чувство защищенности и доверия к окружающему миру.

Таким образом, детско-материнская привязанность характеризуется наличием надежных и устойчивых отношений между ребенком и ухаживающими за ним взрослыми. Признаками надежной привязанности, по мнению авторов, являются следующие: 1) объект привязанности может лучше других успокоить ребенка; 2) ребенок обращается за утешением к объекту привязанности чаще, чем к другим взрослым; 3) в присутствии объекта привязанности ребенок реже испытывает страх³.

¹ Смирнова Е. О., Радева Р. Развитие теории привязанности (по материалам работ П. Криттенден)//Вопр. психол. – 1999. – № 1. – С. 105–117.

² Солоед К. Разлука с матерью на первом году жизни: влияние на объектные отношения у детей//Московский психотерапевтический журнал. Специальный психоаналитический выпуск. 2000. № 4. С. 70–94.

³ Смирнова Е. О., Радева Р. Развитие теории привязанности (по материалам работ П. Криттенден)//Вопр. психол. – 1999. – № 1. – С. 105–117.

Таким образом, на процесс формирования эмоциональной привязанности детей к родителям оказывает влияние система разнообразных факторов. По мнению одних авторов, способность к формированию привязанности у ребенка во многом обусловлена наследственным фактором. Другие исследователи выделяют фактор чувствительности окружающих взрослых к потребностям ребенка и социальные установки родителей.

Однако, процесс формирования и развития эмоциональной привязанности ребенка к родителям (прежде всего, к матери) может быть патологичным.

Расстройства детско-родительской привязанности характеризуются отсутствием или искажением нормальных связей между ребенком и тем, кто за ним ухаживает. Это происходит по ряду причин. Нарушения привязанности наблюдаются во всех случаях, когда родители неспособны понимать своих детей в силу наличия у родителей психических заболеваний. Показано, в частности, что если мать страдает послеродовой депрессией, то у ребенка существенно задерживается развитие навыков взаимодействия со взрослыми. Варианты нарушения детско-материнской привязанности зависят от разновидности послеродовой материнской депрессии. У матерей, страдающих тревожной депрессией, дети отличаются двойственной небезопасной привязанностью. При тоскливой материнской депрессии у детей отмечается избегающая небезопасная привязанность¹.

Грубое искажение привязанности отмечается также при различных проявлениях к детям физического насилия. Родители, использующие насилие в качестве основного воспитательного метода, всегда испытывают проблемы с установлением надежной привязанности к детям. Так, у детей в возрасте от 1 года до 1 года 9 месяцев, подвергшихся физическому насилию со стороны отцов, отмечается выраженная реакция страха в присутствии мужчин и, наоборот, спокойствие и отсутствие тревоги при нахождении в женском обществе. Так же нарушению привязанности к родителям может способствовать, в частности, «насильное» кормление детей, страдающих инфантильной анорексией, когда процессы жевания и проглатывания пищи у детей сильно замедлены².

В настоящее время имеется большое количество данных, свидетельствующих об отсутствии или искажении развития привязанности ко взрослым у детей, воспитывающихся в детских закрытых учреждениях. Однако и в условиях полной материнской депривации у ребенка может сформироваться своеобразный

¹ Баз Л. А., Скобло Г. В. Искажение материнского поведения при послеродовых депрессиях: влияние раннего и актуального жизненного опыта женщины // Социальное и душевное здоровье ребенка и семьи: защита, помощь, возвращение в жизнь. Матер. Всерос. науч.-практ. конф. (Москва, 22–25 сентября 1998 г.). – М., 1998. – С. 82–83.

² Мухамедрахимов Р. Ж. Формы взаимодействия матери и младенца // Вопр. психол. – 1994. – № 6. – С. 16–25.

«суррогат» нормальной привязанности. Известно, что воспитанники детских учреждений иногда испытывают чувство любви к медперсоналу и воспитателям домов ребенка. Обнаружено, что такие дети достаточно компетентны в общении со сверстниками, часто проводят время в контактах с другими детьми и в социальных играх. Надежная привязанность к опекунам проявлялась у них также в отсутствии агрессивности, враждебности и позитивном отношении в целом к играм и общению¹. Но и эта привязанность может разрушаться под влиянием некоторых факторов: частая смена персонала детских закрытых учреждений, наличие возрастного ограничения для пребывания детей в одних и тех же группах.

Более того, было показано, что в детском саду дети, надежно привязанные к воспитателям, но ненадежно к матери, проявляют большую игровую активность, чем те, которые надежно привязаны к матери и ненадежно к воспитателям детского сада².

Дефицит общения и необходимых для ребенка соответствующих возрасту впечатлений также является предпосылкой неправильного развития привязанности у ребенка. Например, уже в раннем возрасте у детей, подвергшихся длительной разлуке с родителями, может возникнуть отказ от общения с ними, отрицательные эмоции при попытке ухаживания³. Причем недостаток заботы и внимания со стороны родителей дети часто отказываются компенсировать путем общения с другим взрослым. Они не смотрят людям в глаза и не проявляют интереса к играм типа «дай-возьми», если предварительно не делали этого с матерью или иными родственниками⁴.

Имеется связь между ранней родительской депривацией в младенчестве и отклоняющимся поведением в подростковом возрасте. В частности, мальчики, воспитывавшиеся с раннего возраста без отца, не могут компенсировать свою агрессивность. Девочки, воспитывавшиеся в раннем возрасте асоциальной матерью, часто не способны поддержать домашний очаг, создать уют и доброжелательность в семье⁵.

¹ Зальсина И. А., Смирнова Е. О. Некоторые особенности психического развития дошкольников, воспитывающихся вне семьи // *Вопр. психол.* – 1985. – № 4. – С. 31–37.

² Прихожан А. М., Толстых Н. Н. Особенности психического развития младших дошкольников, воспитывающихся вне семьи // *Вопр. психол.* – 1982. – № 2. – С. 80–86.

³ Солоед К. Разлука с матерью на первом году жизни: влияние на объектные отношения у детей // *Московский психотерапевтический журнал. Специальный психоаналитический выпуск.* 2000. № 4. С. 70–94.

⁴ Козловская Г. В., Проселкова М. Е. Эмоциональные нарушения в условиях сиротства у детей раннего возраста // *Сироты России: проблемы, надежды, будущее. Матер. Всерос. науч.-практ. конф.* – М., 1994. – С. 55–57.

⁵ Мухамедрахимов Р. Ж. Формы взаимодействия матери и младенца // *Вопр. психол.* – 1994. – № 6. – С. 16–25.

Возникновение расстройств привязанности возможно с 8-месячного возраста. К патологическому относят только двойственный тип привязанности (по М. D. Ainsworth), тогда как индифферентный тип возникает и в норме при высокой активности ребенка и развитом самосознании¹.

В МКБ-10 нарушения привязанности описаны в разделе F9 «Поведенческие и эмоциональные расстройства, начинающиеся обычно в детском и подростковом возрасте». Критериями расстройства привязанности согласно МКБ-10 являются: а) возраст до 5 лет; б) неадекватные или измененные социально-родственные отношения вследствие: недостатка возрастного интереса ребенка к контакту с членами семьи или другими людьми; реакции страха или чрезмерной чувствительности в присутствии незнакомых людей, не исчезающие при появлении матери или других родственников; в) неразборчивая общительность (фамильярность, пытливые вопросы и т. д.); г) отсутствие соматической патологии, умственной отсталости, симптомов раннего детского аутизма².

Авторы различают 2 варианта расстройств привязанности — реактивное и расторможенное. Реактивное расстройство привязанности проявляется аффективными нарушениями в ответ на изменение окружающих условий, особенно в период, когда взрослые расстаются с ребенком. Характерна боязливость и повышенная настороженность («заторможенная бдительность») в присутствии незнакомых людей, не исчезающие при утешении. Дети избегают общения, в том числе и со сверстниками. Расстройство может возникнуть как результат прямого родительского пренебрежения, жестокого обращения, серьезных ошибок в воспитании. Принципиальное отличие этого состояния от раннего детского аутизма в том, что в обычных условиях у ребенка сохраняются живые эмоциональные реакции и стремление к общению. При реактивном расстройстве привязанности отсутствует патологическая отгороженность, характерная для аутизма, а также интеллектуальный дефект. Расторможенное расстройство привязанности проявляется неизбирательной прилипчивостью к взрослым ребенка в возрасте 2–4 лет³.

Между тем, считается, что надежная привязанность между ребенком и матерью в первые годы жизни закладывает основы будущего чувства доверия и безопасности к окружающему миру.

Дети, имевшие надежную привязанность к матери в возрасте 12–18 месяцев, в 2 года достаточно общительны, проявляют сообразительность в играх. В под-

¹ Смирнова Е. О., Радева Р. Развитие теории привязанности (по материалам работ П. Криттенден)//Вопр. психол. – 1999. – № 1. – С. 105–117.

² Международная классификация болезней 10-го пересмотра. Классификация психических и поведенческих расстройств. – СПб, Адис, 1994. – 303 с.

³ Смирнова Е. О., Радева Р. Развитие теории привязанности (по материалам работ П. Криттенден)//Вопр. психол. – 1999. – № 1. – С. 105–117.

ростковом возрасте они более привлекательны как деловые партнеры, чем дети с ненадежной привязанностью. В то же время у детей, первичная привязанность которых характеризуется как «дезорганизованная» и «неориентированная», имеется риск возникновения враждебного и агрессивного поведения в дошкольном возрасте и отвержения их сверстниками.

Дети, надежно привязанные к матери в 15-месячном возрасте, в 3,5 года среди группы сверстников демонстрируют ярко выраженные черты лидерства. Они легко иницируют игровую активность, достаточно отзывчивы в отношении нужд и переживаний других детей и, в целом, очень популярны среди других детей. Они любознательны, самостоятельны и энергичны. Напротив, дети, которые в 15 мес имели ненадежную привязанность к матери, в детском саду проявляют социальную пассивность, нерешительность в привлечении других детей к игровой активности. Они менее любознательны и непоследовательны в достижении цели. В возрасте 4–5 лет дети с надежной привязанностью также более любознательны, чувствительны в отношениях со сверстниками, менее зависимы от взрослых, чем дети с ненадежной привязанностью. В предпубертатном возрасте надежно привязанные дети имеют ровные отношения с ровесниками и больше близких друзей, чем ненадежно привязанные дети¹.

Проведенные нами исследования по изучению эмоциональной привязанности у детей дошкольного возраста к родителям, также подтверждают данные факты. Фигура матери является центральным объектом привязанности у детей дошкольного возраста. Однако, высокая эмоциональная привязанность детей дошкольного возраста к матери (сверхпривязанность) может приводить к замедлению, нарушению процесса взросления детей и (по результатам наших исследований), возможно, способствует формированию у них неадекватной половозрастной идентичности².

Таким образом, ранняя детско-родительская привязанность существенно влияет на способность ребенка в школьном и более старшем возрасте адекватно социализироваться, приобретать правильные стереотипы поведения.

Различные же варианты нарушения детско-родительской привязанности существенно влияют на все последующее развитие ребенка, сказываются на характере взаимоотношения ребенка с окружающим миром, обуславливают способность к формированию вторичной привязанности к друзьям, лицам противоположного пола, учителям и др.

¹ Смирнова Е. О., Радева Р. Развитие теории привязанности (по материалам работ П. Криттенден)//Вопр. психол. – 1999. – № 1. – С. 105–117.

² Минулина А. Ф., Акрамова И. А. Особенности эмоциональной привязанности к родителям у детей дошкольного возраста с адекватной и неадекватной половозрастной идентичностью. Неврологический вестник-2013-XLV-вып. 1, – С. 100–104.

Список литературы:

1. Баз Л. Л., Скобло Г. В. Искажение материнского поведения при послеродовых депрессиях: влияние раннего и актуального жизненного опыта женщины//Социальное и душевное здоровье ребенка и семьи: защита, помощь, возвращение в жизнь. Матер. Всерос. науч.-практ. конф. (Москва, 22–25 сентября 1998 г.). – М., 1998. – С. 82–83.
2. Брутман В. И., Радионова М. С. Формирование привязанности матери к ребенку в период беременности//Вопр. психол. – 1997. – № 6. – С. 38–48. Залыгина И. А., Смирнова Е. О. Некоторые особенности психического развития дошкольников, воспитывающихся вне семьи//Вопр. психол. – 1985. – № 4. – С. 31–37.
3. Выготский Л. С. Младенческий возраст//Вопр. детск. психол. – СПб, Союз, 1997. – С. 40–111.
4. Козловская Г. В., Проселкова М. Е. Эмоциональные нарушения в условиях сиротства у детей раннего возраста//Сироты России: проблемы, надежды, будущее. Матер. Всерос. науч.-практ. конф. – М., 1994. – С. 55–57.
5. Международная классификация болезней 10-го пересмотра. Классификация психических и поведенческих расстройств. – СПб, Адис, 1994. – 303 с.
6. Минулина А. Ф., Акрамова И. А. Особенности эмоциональной привязанности к родителям у детей дошкольного возраста с адекватной и неадекватной половозрастной идентичностью. Неврологический вестник-2013-XLV-вып. 1, С. 100–104.
7. Мухамедрахимов Р. Ж. Формы взаимодействия матери и младенца//Вопр. психол. – 1994. – № 6. – С. 16–25.
8. Прихожан А. М., Толстых Н. Н. Особенности психического развития младших дошкольников, воспитывающихся вне семьи//Вопр. психол. – 1982. – № 2. – С. 80–86.
9. Смирнова Е. О. Теория привязанности: концепция и эксперимент//Вопр. психол. – 1995. – № 3. – С. 134–150. Смирнова Е. О., Радева Р. Развитие теории привязанности (по материалам работ П. Криттенден)//Вопр. психол. – 1999. – № 1. – С. 105–117.
10. Солоед К. Разлука с матерью на первом году жизни: влияние на объектные отношения у детей//Московский психотерапевтический журнал. Специальный психоаналитический выпуск. 2000. № 4. С. 70–94.

*Ovchinnikova Oksana Anatolevna,
Omsk State University named after Fyodor Dostoyevsky
student, the Faculty of Philosophy
E-mail: sanna13sanna@mail.ru*

Psychological characteristics of victims — members of bullying

*Овчинникова Оксана Анатольевна,
Омский Государственный Университет имени
Федора Михайловича Достоевского
студентка, факультет психологии
E-mail: sanna13sanna@mail.ru*

Психологические характеристики жертв — участников буллинга

Проблема буллинга становится с каждым днем всё более актуальной, так как данный феномен пагубно влияет на безопасность образовательной среды. «Жертва»- личность, переживающая психологическое насилие, изоляцию, одиночество, ощущение опасности и тревоги. Жертвой издевательств может стать каждый ребенок. Как правило, ребенок-жертва страдает от нескольких форм насилия, он переживает как бы «много насилий сразу». Проявления жестоких отношений в образовательной среде многообразны: от безобидных шуток («приколов»), на взгляд самих шутников («приколистов»), до травли и тяжёлых насильственных действий. Поэтому обсуждаемая проблема автоматически затрагивает все эти слои общества от высшей государственной власти до ответственного отношения института семьи, с которой всё в нашей жизни и начинается.

Теоретический анализ проблемы буллинга в образовательной среде показал недостаточную разработанность данной проблемы. Наибольший интерес к этой проблеме проявили зарубежные авторы, которые сходятся во мнении, что буллинг — это длительное физическое и психологическое насилие осуществляемое человеком или группой в отношении человека, который не способен защитить себя в данной ситуации. По результатам теоретического обзора проблем буллинга в образовательной среде и жизнестойкости личности была обоснована гипотеза о том, что принятие подростками роли «жертвы» в ситуации буллинга в образовательной среде взаимосвязана с психологическими особенностями подростков.

Явление буллинга в образовательной среде все больше становится международной проблемой. После того, как D. Olweus¹ в конце 70-х провел первое

¹ Olweus D. Bully-victim problems among school children: Basic facts and effects of a school-

исследование по предотвращению проблемы буллинга, было проведено много исследований, которые позволили глубже понять проявления буллинга, поведение в ситуации буллинга и факторы, его вызывающие. Одной из главных проблем изучения данного феномена является отсутствие точного определения школьной травли. Согласно результатам исследований, буллинг — сложная проблема. Буллинг не является обособленным поведением, которое основано на таких переменных как статус, власть или конкуренция. Это социальное поведение, которое проявляется в относительно устойчивых группах и способно вовлекать других.

Е. Roland¹ (1989) описывает «буллинг-структуру» — социальную систему, включающую обидчиков (преследователей, агрессоров, хулиганов), их жертв и свидетелей (наблюдателей). Каждый участник системы имеет собственную точку зрения на происходящее.

D. Olweus² (1994) утверждает, что «обидчики» могут быть охарактеризованы как обладающие высоким потенциалом общей агрессивности. Они «нападают», так или иначе, не только на своих жертв, но также и на своих учителей, на родных. Они также проявляют более положительное отношение к агрессии, чем «свидетели» и чем «жертвы». «Жертвы» часто переживают психологическое насилие над их личностью, изоляцию и одиночество, ощущение опасности и тревоги. Все эти проявления являются результатом воздействия атмосферы, которая окружает «жертву» буллинга. Буллинг включает в себя несоответствие силы и власти, которое приводит «жертву» в состояние, в котором она неспособна эффективно защищаться от отрицательных воздействий. «Жертвы» отличаются социальной отрешенностью, склонностью уклоняться от конфликтов. Как отмечает Д. Лейн³, выделение характерологических черт «свидетеля» является наиболее сложной задачей. Это обусловлено тем, что в ситуациях буллинга в роли «свидетелей» оказывается большинство детей во всем своем многообразии и разнородности.

И всё же недостаточно исследовано влияние буллинга на личность. Ведь именно в подростковом возрасте складывается образ «я», и насколько он будет положительным либо негативным, зависит от многих факторов, и буллинг занимает одно из первых мест. Кроме того, он имеет в своей основе многообразные причины возникновения. С. Мадди⁴ выделяет феномен жизнестойкости как ин-

based intervention program. In K. Rubin, D. Pepler (Eds.), *The development and treatment of childhood aggression*. 1991. pp. 85–128. Hillsdale, NJ: Erlbaum.

¹ Olweus D. *Bullying at school: What we know and what we can do*. Cambridge, MA: Blackwell. 1994.

² Ibidem.

³ Лейн Д. А. Школьная травля (буллинг). [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <http://www.supporter.ru/docs/1056635892/bullmg.doc>.

⁴ Мадди С. Р. Смыслообразование в процессе принятия решений // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 6. С. 87–101.

тегральную личностную черту, ответственную за успешность преодоления личностью жизненных трудностей. Л. А. Александрова¹ отмечает, что вовлечённость является важной особенностью представлений в отношении себя, окружающего мира и характера взаимодействий между ними. Таким образом, целью данного исследования явилось изучение самоотношения, жизнестойкости, агрессивности, тревожности жертв буллинга в образовательной среде.

В исследовании приняли участие 102 ученика СОШ 6–8 классов (12–14 лет), из них было выявлено 44 ученика, являющиеся «жертвами» буллинга в образовательной среде. Мы использовали следующие методики: анкетирование на выявление жертв (И. А. Фурманов²); методика измерения уровня тревожности (Шкала Дж. Тейлора); опросник самоотношения (Столин — Пантелеев); Тест «жизнестойкость» (Д. А. Леонтьев; Е. И. Рассказова); методика Басса-Дарки для диагностики агрессивности.

В результате данного исследования психологический портрет жертв буллинга отличается такими особенностями как самоинтерес, самоуважение и принятие риска, показатели, которых находятся на среднем уровне, но являются выше показателей учеников, соблюдающих нейтралитет в процессе буллинга. Возможно, причиной выраженности данных показателей является проявление защитного механизма «жертв». Они склонны «погружаться» в себя, чтобы понять, почему именно они подвергаются травле со стороны сверстников. В тоже время личность «жертвы» демонстрирует высокий уровень тревожности, низкий уровень жизнестойкости. Это говорит о том, что «жертв» буллинга отличает чрезмерное беспокойство, причем, иногда они боятся не самого события, а его предчувствия. Часто они ожидают самого худшего. «Жертвы» чувствуют себя беспомощными, опасаются приступить к новым видам деятельности. У них высокие требования к себе, они очень самокритичны. Уровень их самооценки низок, они думают, что хуже других во всем, что они самые некрасивые, неумные, неуклюжие. Они ищут поощрения, одобрения взрослых во всех делах. Повышенный уровень тревожности у «жертвы» буллинга может свидетельствовать о его недостаточной эмоциональной приспособленности к тем или иным социальным ситуациям. Это порождает общую установку на неуверенность в себе.

Такие компоненты, как подозрительность, обида, враждебность, чувство вины и самообвинение выражены на среднем уровне, но выше показателей учеников, соблюдающих нейтралитет в процессе буллинга.

¹ Александрова Л. А. Психологические ресурсы адаптации личности к условиям повышенного риска природных катастроф: дис. ... канд. психол. наук. Кемерово, 2004. 207 с.

² Фурманов И. А. Агрессия и насилие. Диагностика, профилактика и коррекция. – СПб.: Речь, 2007.

Враждебность — качественная характеристика отношений «жертвы» к кому-либо, выражающихся в состоянии неприязни, зла по отношению к объекту враждебности. Враждебность может перерасти из состояния в устойчивое нравственное, а, вернее, безнравственное качество личности и даже превращаться в навязчивое состояние. Чувство враждебности возникает из отрицательного опыта общения и взаимодействия с каким-либо человеком в ситуации конфликта. Возможно, эти показатели являются следствием буллинга. «Жертвы» буллинга испытывают данную разрушительную эмоциональную реакцию в связи с тем, что винят себя в том, что позволяют подвергать себя агрессии, унижениям, обидам со стороны сверстников, одноклассников.

Чувство вины может быть обозначено как самоуничужение, самобичевание, стремление к самонаказанию. «Жертвы» буллинга возможно очень часто выносят себе приговор « это все из-за тебя». Чувство вины они испытывает гораздо чаще за то, что не совершили или не могли изменить, чем за то, что совершили или могли изменить и не сделали этого. То есть, очень часто чувство вины «жертвы» испытывают за то, что не могут за себя постоять, избавиться от уже существующей роли «жертвы», за то, что позволяют одноклассникам и сверстникам унижать, обижать, оскорблять себя.

Подозрительность можно проинтерпретировать как недоверие, осторожность по отношению к другим людям, возможно убеждение в том, что другие могут нанести вред. «Жертвы» буллинга настороженно относятся к своим сверстникам, одноклассникам, они недоверяют им, так как боятся, что те снова их начнут высмеивать, показывать на них пальцем, обижать их.

Обида — не менее важный компонент, который отмечают у себя «жертвы» буллинга в образовательной среде. Обида — это чувство, которое возникает у человека тогда, когда как он считает, к нему относятся несправедливо. Оно возникает в ответ на причиненное огорчение, оскорбление, дурной отзыв, насмешку, причиненную боль, побои, убыток. Здесь более чем очевидна причина выраженности данного компонента, ведь именно в адрес «жертв» обращены все вышеперечисленные действия, поэтому выраженность такого компонента, как обида достаточно обоснована.

Еще один из выраженных компонентов — самообвинение, то есть «жертвы» склонны во всех неприятностях винить себя, видеть причину неудач и неприятностей именно в себе, возможно, «жертвы» буллинга обвиняют себя в том, что позволяют подвергать себя издевательствам, насмешкам со стороны сверстников.

Таким образом, в работе выявлены личностные особенности «жертв» буллинга. Перспективными направлениями дальнейшего исследования проблемы являются: изучение психологических характеристик не только «жертв», но и «обидчиков», «свидетелей» в различных возрастных категориях, социальных аспектах; изучение мотивационных, ценностных особенностей участников буллинга.

Список литературы:

1. Александрова Л. А. Психологические ресурсы адаптации личности к условиям повышенного риска природных катастроф: дис. ... канд. психол. наук. Кемерово, 2004. 207 с.
2. Лейн Д. А. Школьная травля (буллинг). [Электронный ресурс] – Режим доступа:
3. URL: <http://www.supporter.ru/docs/1056635892/bullmg.doc>.
4. Мадди С. Р. Смыслообразование в процессе принятия решений // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 6. С. 87–101.
5. Фурманов И. А. Агрессия и насилие. Диагностика, профилактика и коррекция. – СПб.: Речь, 2007. – 480 с.
6. Maddi S. R., Kobasa S. C. The hardy executive: Healthunder stress. Home wood, IL: Dow Jones-Irwin. 1994.
7. Olweus D. Bullying at school: What we know and what we can do. Cambridge, MA: Blackwell. 1994.
8. Olweus D. Bully-victim problems among school children: Basic facts and effects of a school-based intervention program. In K. Rubin, D. Pepler (Eds.), The development and treatment of childhood aggression. 1991. pp. 85–128. Hillsdale, NJ: Erlbaum.
9. Roland E. Bullying: the Scandinavian research tradition. In D. Tattum (Ed.), Bullying in School. 1989.

Section 8.

Regional studies and socio-economic geography

*Bubnovskaya Olesya Vladimirovna,
Head of the Scientific and International Activities' Center,
Professor of Russian Academy of Natural History,
Candidate of Psychological Sciences,
Doctor of Science, Honoris Causa
E-mail: olesya.fareast@gmail.com*

*Kacherauskayte Tatiana Leonas,
the fourth-year student, the department of service, construction and design
Vladivostok State University of Economics and Service, Russia
E-mail: kacherauskayte.tatiana@gmail.com*

Role of ICT in the booking of travel services and tourism products

Information Technology is the processes using a set of methods and tools for collecting, processing and transmission of data (primary information) to obtain information about the quality of a new state of the object, process or phenomenon (information product). Information technology is a process consisting of strictly regulated rules of operations, actions, stages of varying difficulty on the data stored in computers¹.

For the present stage of society development, the role of information technology is strategically important, and its importance is growing rapidly.

The most information-rich activity is tourism. Service in tourism is usually bought in advance and away from the place of consumption. Thus, the tourism market is almost entirely depends on the images, descriptions, means of communication and information transfer. Information-rich work is a connecting center, which holds various manufacturers within the tourism industry. Namely information flows rather

¹ Информация. Информационные технологии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.itstan.ru/>

than goods provide links between producers of tourism services, and they are not only in the form of data streams, but also act in the form of services and payments¹. A certain level of information technology development has become a premise for the development of electronic business. The feature of e-business is a minimum participation of people in the processing of transactions, and the basic technology in e-business is innovative management².

Having considered the main types of relationships that occur in e-business, you should select the most widespread such as³:

- «Business Customer»: «B2C», (eg, Amazon, Otto sites or tour operators with the possibility of booking and payment services),
- «Business to Business»: «B2B» (eg, IBX, Europace),
- «Business staff»: «B2P» (eg, commercial information channels created between the head office and the offices of the company).

Tourism is a growing sphere of information technology which consists of: computer reservation system, teleconferencing systems, video systems, computers, management information systems, electronic information systems of airlines and electronic transfer of money, telephone networks, mobile means of communication, etc⁴.

It should be noted that this technology system is used not only by travel agents, hotels and airlines individually but all of them together.

In fact, the work of travel agents and tour operators cannot be imagined without computer reservation systems, video systems, systems of interacting videotext. So, about 90% of travel agents in the USA and the UK are connected with computer reservation systems⁵.

Booking is reservation part of funds and resources for their subsequent use in complicated for a company, a firm or a businessman situation⁶.

¹ Allbest. Otherreferat. Информационные технологии в туризме [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://otherreferats.allbest.ru/sport/00115591_0.html

² Pandia. Энциклопедия знаний. Возможности использования международного опыта электронных продаж в туризме в контексте развития региональных программ продвижения и реализации турпродукта [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pandia.ru/text/77/146/494.php>

³ Ibid.

⁴ ИНФОРМАЦИЯ. Информационные технологии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.itstan.ru/>

⁵ Учебные материалы. Автоматизированные системы бронирования в туризме [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://txtb.ru/110/39.html>

⁶ Большой толковый словарь русского языка. Бронирование [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tolslovar.ru/b6965.html>

Table 1. – Comparative analysis of reservation types

		Type of booking	
Way to book Compare Options	Booking through a travel agency (offline)	Online booking systems	Booking of travel service directly
Disadvantages	<ol style="list-style-type: none"> 1. It takes more time to get to a travel agency; 2. The cost of purchase includes a fee for travel agency services. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. For an unexperienced user it is difficult to construct an online tour him\ herself; 2. The low percentage of using credit cards by customers when paying via the Internet; 3. Fear of customers to online shopping; 4. Fear of clients to fraudulent schemes. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. lack of knowledge of foreign languages by most customers; 2. Uncertainty of buyers that they can cope with technical difficulties.
Advantages	<ol style="list-style-type: none"> 1. Reliability; 2. Experienced staff; 3. Working with documents of tourist; 4. The availability of information about discounts and rates; 5. Provides all the information to you about trip. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Saving of time; 2. Ability to compare prices and choose the best variant; 3. The low fee for the travel agency services. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Saving time; 2. The cost of tourism products without excess fee for services.

A consumer of travel service can book product he is interested in in three ways: directly, through a travel agency and through online-reservation system.

Booking travel services or tourist product directly is that booking takes no commissions and discounts. That is to say, a client wishing to buy a ticket, apply directly to the airlines; the customer wishing reserve a hotel contact either on site of the hotel or by telephone.

Booking through a travel agency (offline) is ordering a tour through offline travel agencies. With this reservation between the client and the agency there is a necessary feedback.

When online booking you can find out any information about different travel services and also can reserve a hotel, an air ticket or a tour without leaving home through the special booking system. Comparative analysis of different reservation types shown in Table #1, let us determine the advantages and disadvantages of each type.

From Table 1, you can see that each type of reservation has both advantages and disadvantages. This is reflected in the share of the tourist market: so, in Europe online sales of travel packages reach 29.6%. In Russia, according to RBC, 13.6% of all airline tickets, 13.1% of railway tickets, hotels booked 9.5%, are bought online but the online sales of travel packages remain low - only 2.3%. In the Russian segment of the online tourism, the lion's share of which is booking of tickets and hotels, takes only 7% of the country's tourist market nowadays¹.

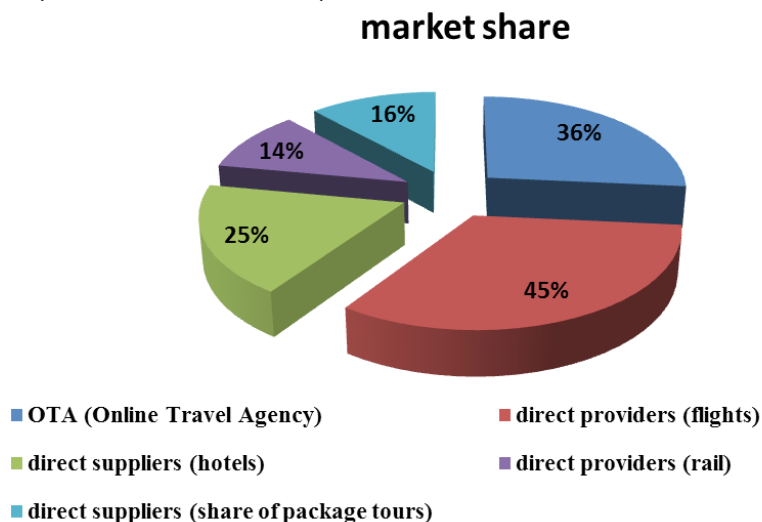

Figure 1. – Shares of the Russian online tourist market in 2011.

¹ Библиотека книг и статей профессора В.В.Трофимова. Информационные системы бронирования в туризме [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://tvvlibrary.narod.ru/papers/2011/2011_2/2-34.pdf

Analyzing Figure 1, we can conclude that the OTA (Online Travel Agency) occupies 36%, direct providers (airlines, hotels and railway transport) occupy 64%. Thus, we can see that people prefer to do purchases of travel services and tourism products directly.

Statistics shows that the popularity of independent online reservation is growing rapidly.

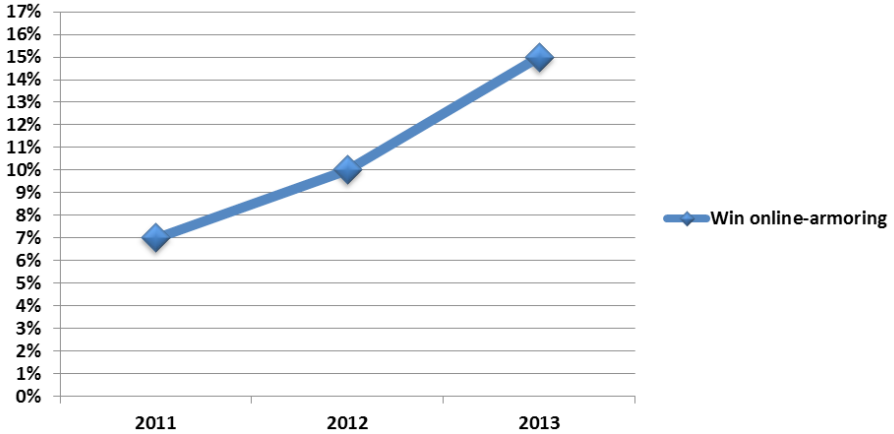

Figure 2. – Percentage of online-booking from 2011 to 2013.

Figure 2 shows that the popularity is increasing every year and according to forecast of PhoCusWright will be approximately 23% -27% in 2014.

Most systems on the Russian online market can be divided into local and global. Global systems are Booking.com (hotel reservations, hotels, hostels, etc.) and Skyscanner (ticket booking). Local systems are Ostrovok.ru (Russian system), Oktogo.ru for hotel reservation. The share of Booking.com is 60% of all online bookings in Russia.

Let us make comparative analysis of global and local systems in the segment of online hotel reservations on an example of Booking.com and Ostrovok.ru.

Table 2. – Comparative analysis of global and local online booking systems

Reservation Systems \ Compare Options	Global hotel booking Booking.com	Local hotel booking system Ostrovok.ru
	1	2
Prices	In comparison with Ostrovok.ru – higher	Compared with Booking.com lower
Interface	Clear and available	Clear and available

1	2	3
Reliability	Above the average	Above the average
Financial security	Not of a high level	Of a high level
Search parameters	less flexible	More flexible
Advantages	A large number of hotels and inns in the database	There are agents in all major cities of the former USSR; better understands in local customs Best price guarantee
The number of existing hotels	210,000	130,000
Telephone support	Around the clock	Around the clock
Cancellation	Cancellation free of charge up to 2 days or 1 day, but with a small fine	Without penalty, if not later than the day
Commission	It is absent	It is absent
Hotel Information	Full description of hotels	Full description of hotels
Availability city maps	Straddles all the hotels on the big map of the city	Straddles all the hotels on the big map of the city
Payment	No prepayment, but the presence of a certain amount on the credit card	Immediately paid card or within 7 days via terminals Qiwi, or on arrival at the hotel
Prepayment	Payment on arrival	Prepayment
Regional aspect	Without prepayment	Better understands in local customs
Mobile app	Not included	There are agents in all major cities of the former USSR
Language	Russian and another 41 languages	Russian, English

Hence, Table 2 shows that the local booking systems have more advantages than «the Giants». That is why it is necessary to develop local systems. For today, more people are moving away from classical tour operators; using Internet resources, they form their own journey.

In future, not only the psychology of a buyer will change, but the functions performed by agencies will change. Agencies are unlikely to disappear, but they will have to serve their clients in a totally different way. According to some experts, travel agents will have to retrain in a sort of guides on computer networks. After all, hardly

a business - tourists are able and willing to spend hours at the computer in search of a suitable hotel and flight connections. To help tourists in their search of necessary information on the Internet will be the main task of the agency in future.

References:

1. Информация. Информационные технологии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.itstan.ru/>
2. Allbest. Otherreferat. Информационные технологии в туризме [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://otherreferats.allbest.ru/sport/00115591_0.html
3. Pandia. Энциклопедия знаний. Возможности использования международного опыта электронных продаж в туризме в контексте развития региональных программ продвижения и реализации турпродукта [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pandia.ru/text/77/146/494.php>
4. Учебные материалы. Автоматизированные системы бронирования в туризме [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://txtb.ru/110/39.html>
5. Большой толковый словарь русского языка. Бронирование [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tolslovar.ru/b6965.html>
6. Библиотека книг и статей профессора В.В.Трофимова. Информационные системы бронирования в туризме [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://tvvlibrary.narod.ru/papers/2011/2011_2/2-34.pdf

*Gluschkowa Irina Walerjewna,
Fremdsprachenkurse am Außenministerium Russlands, Lehrerin
E-mail: delf-kassio@mail.ru*

Energiepolitik Deutschlands – Herausforderungen und Erwartungen auf einen Blick

Eine verlässliche und nachhaltige Energieversorgung bei ökonomisch vertretbaren Kosten ist die Voraussetzung für die Funktionstüchtigkeit einer modernen Industriegesellschaft und somit auch die Basis für die Erhaltung des Lebensstandards der Bevölkerung jedes Landes. Zur langfristigen Sicherung des Wirtschaftsstandortes Deutschland, seiner dauerhaften Konkurrenzfähigkeit im internationalen Umfeld sowie zur Vermeidung stärker und einseitiger Abhängigkeiten von ausländischen Energielieferanten sollte es daher vorrangiges Ziel der Energiepolitik sein,

- eigene, möglichst erneuerbare Energiequellen bei konkurrenzfähigen Kosten zu erschließen,

- die Effizienz und Umweltverträglichkeit konventioneller Kraftwerke soweit wie möglich zu steigern,
- Energiespeicher, intelligente Strom und andere Versorgungsnetze zu entwickeln und zur Verfügung zu stellen und nicht zuletzt,
- energieeffiziente, umwelt und ressourcenschonende Technologien in der Industrie sowie in den Haushalten zu etablieren¹.

Der Großteil der deutschen Energie wird noch klimaschädlich erzeugt und das Land ist von Importen abhängig. Um das Erreichen der oben formulierten Ziele zu gewährleisten, ist ein erheblicher Wandel in allen Bereichen des Energiesektors erforderlich, wie er im Energiekonzept der Bundesregierung vom September 2010 und seiner beschleunigten Umsetzung vom Juni 2011 dargelegt ist².

Der Wechsel hin zu erneuerbaren Energien und einer effizienten Energiewirtschaft birgt ein erhebliches wirtschaftliches Potenzial. Deutschland hat die Chance, zum weltweit richtungsweisenden Protagonisten im Umbau von Energiesystemen zu werden und sich damit einen entscheidenden wissenschaftlichen, metrologischen sowie mess und verfahrenstechnischen Vorsprung in einem sich rasant entwickelnden zukünftigen Wachstumsmarkt zu verschaffen.

Regenerative Energiequellen werden seit Tausenden von Jahren von der Menschheit genutzt. Industriell sind sie aber, abgesehen von Wasserkraftwerken, derzeit durch hohe Anfangsinvestitionen und nicht stetigen Energiefluss noch unattraktiv. Deshalb wird die Nutzung von regenerativen Energiequellen in vielen Ländern von den Regierungen durch Subventionen gefördert. Dies soll den Einsatz attraktiv machen und die Weiterentwicklung fördern. Die Erzeugung von erneuerbarer Energie ist – vom Bau der Kraftwerke abgesehen – CO₂-frei und setzt keine weiteren Schadstoffe frei³.

Dabei gibt es längst Pläne, wie man zum Sparmeister werden könnte. Ausgewogener Mix aller Energieträger – deutsche Überraschung bei Energieforderungen:

- verlässliche Rahmenbedingungen,
- sinnvolle Förderung von Forschung und Entwicklung Binnenmarkt für Strom und Gas,
- vollständige und gleichwertige Marktöffnung so schnell wie möglich,

¹ Das aktuelle Energieprogramm für die anstehende Legislaturperiode. Rede des Bundesministers Rainer Brüderli anlässlich der 17. Handelsblatt Jahrestagung Energiewirtschaft 2010 in Berlin/ <http://www.bmwi.de>

² Energiekonzept für eine umweltschonende, zuverlässige und bezahlbare Energieversorgung. 28 September 2010. BMWi, Berlin, 2010, S. 4, 15.

³ Das aktuelle Energieprogramm für die anstehende Legislaturperiode. Rede des Bundesministers Rainer Brüderli anlässlich der 17. Handelsblatt Jahrestagung Energiewirtschaft 2010 in Berlin/ <http://www.bmwi.de>

- verhandelter Netzzugang ist praxistauglich - kein Anlass für umfassende und detaillierte Regulierung Energiesteuerharmonisierung im europäischen Rahmen,
- schwierig, aber unverzichtbar – keine weitere Erhöhung der Energiebesteuerung, schon gar nicht im nationalen Alleingang Umwelt- und Klimaschutz,
- Stärkung der bewährten marktwirtschaftlichen Instrumente - Harmonisierung der Anforderungen im europäischen Rahmen „Versorgungssicherheit“,
- marktorientierte Aufgabenteilung zwischen Energiewirtschaft und Energiepolitik Kompetenzen europäischer Energiepolitik,
- Vorrang für Harmonisierung und Subsidiarität vor Zentralisierung¹.

Ginge es nur um die gute Absicht, würden die Deutschen sich bereits heute großteils mit erneuerbarer Energie versorgen. Doch Sonne, Wind und Co. decken tatsächlich erst weniger als ein Viertel Prozent des Energiebedarfs für Heizung, Strom, Verkehr und Industrie. Für den Rest werden Bodenschätze klimaschädlich verbrannt – oder in Atommüll verwandelt.

Die Ziele der deutschen Bundesregierung sind in Punkto Energiewende im Energiekonzept hoch gesetzt. Bis 2050 soll die Energiewende sicher, bezahlbar und umweltschonend zu einem Großteil vollzogen sein. Die Zielgröße ist für 2050 mit 60% definiert. Bis 2050 könnte man mit Sparsamkeit und neuer Technik den Energieverbrauch um 42 % senken und gleichzeitig den regenerativen Anteil auf 49 % steigern², heißt es im jüngsten Leitszenario des Bundesumweltministeriums.

Der erste Milestone ist für das Jahr 2020 festgelegt. Zu diesem Zeitpunkt soll der Primärenergieverbrauch beispielsweise bereits um 20% gegenüber dem aus dem Jahre 2011 gesenkt und der Anteil der Erneuerbaren deutlich auf 18% gesteigert werden³.

Um diese Vorgaben erreichen zu können, bedarf es einer Weiterentwicklung bestehender und Entwicklung gänzlich neuer Technologien im Bereich der erneuerbaren Energien und deren Integration in das bestehende System um das Gesamtvolumen an erzeugter Energie an die Grenzen des Solls zu bringen. Die Bundesregierung stellte dafür eine Investitionssumme von 3,5 Milliarden Euro zur Verfügung, mit der technische Optionen mit ökonomisch sinnvollem Hintergrund gefördert werden sollen⁴.

Der Anteil der umweltfreundlichen (erneuerbaren) Energien an der Stromerzeugung wird immer größer, deren Ausbau ist ein wichtiges Thema in der Politik und bei der Bevölkerung. Zu den erneuerbaren Stromquellen gehören Windkraft, Sonnenenergie,

¹ GWS-Prognos. Energieszenarien für ein Energiekonzept der Bundesregierung. Projekt Nr. 12/10 Osnabrück, 27 August 2012.

² Ibid.

³ «Weltenergieat-Deutschland». Hamburg, 2012. № 5. C. 30–32.

⁴ Energiekonzept für eine umweltschonende, zuverlässige und bezahlbare Energieversorgung. 28 September 2010. BMWi, Berlin, 2010, S. 4, 15.

Wasserkraft und Biomasse. Insgesamt lag der Anteil der erneuerbaren Energien 2009 bei etwa 10 % der Endenergie und 16 Prozent der Stromerzeugung. Anfang 2014 stieg der Anteil an Erneuerbaren auf 23,8 %¹. In Deutschland leistet die Windkraft den größten Beitrag. Problematisch dabei sind die Schwankungen, denen natürliche Energieträger beispielsweise durch Jahreszeiten und Wetterbedingungen ausgesetzt sind. Außerdem ist der Ausbau teuer, der Wirkungsgrad vergleichsweise gering. Die absehbare Verknappung fossiler Brennstoffe und Klimaschutzbemühungen führen jedoch dazu, dass immer stärker auf erneuerbare Energien zur Stromerzeugung gesetzt wird.

Die Beschaffung von Erdgas - ebenso wie Mineralöl überwiegend Importenergie - wird die Unternehmen künftig vor große Herausforderungen stellen. Ihre Fähigkeit, die Beschaffungsbasis langfristig abzusichern, muss gesichert bleiben. Eingriffe, die die Erfüllung dieser langfristigen, mit hohen Investitionen verbundenen Aufgabe erschweren können, müssen unterbleiben.

Die kohlepolitische Vereinbarung von 1997 ist Grundlage für den Versorgungsbeitrag der inländischen Steinkohle zum deutschen Energiemix, insbesondere zur Stromerzeugung und zur Stahlherstellung². Durch die neue EU-Verordnung über einen Gemeinschaftsrahmen für staatliche Beihilfen für den Steinkohlenbergbau ist diese Vereinbarung EU-rechtlich abgesichert. Auf ihrer Basis ist rechtzeitig eine nationale Anschlussregelung ab 2006 zu finden.

Auch die Absicherung des wichtigen Versorgungsbeitrags der Braunkohle zur Stromerzeugung setzt langfristig verlässliche, diskriminierungsfrei ausgestaltete energie- und umweltpolitische Rahmenbedingungen voraus. Angesichts des absehbaren massiven Ersatzbedarfs an Kraftwerksleistung ab 2010 ist Planungssicherheit zu gewährleisten, damit die notwendigen Investitionszeit- und bedarfsgerecht erfolgen können³.

Das Ende April 2002 in Kraft getretene Gesetz zur geordneten Beendigung der Nutzung der Kernenergie in Deutschland bietet die Chance für einen Betrieb der Anlagen in der verbleibenden Restlaufzeit ohne politisch motivierte Störungen⁴. Das

¹ Статистика по энергетике. Отчет Федерального Министерства ФРГ по экономике и технологии. Bundesministerium für Wirtschaft und Technologien: Die wirtschaftliche Entwicklung des Bergbaus in der Bundesrepublik Deutschland im Jahr 2010, 2011, 2012, 2013, 2014. Bergwirtschaft und Statistik. Dokumentation. www.bmwi.de/Dateien/Energieportal/PDF/monitoring-versorgungssicherheit-2013,property=pdf,bereich=bmwi2012,sprache=de,rwb=true.pdf. www.bmwi.de. Energie in Deutschland. Trends und Hintergründe zur Energieversorgung, 2011–2013.pdf.

² Gerbault C., Egerer J., Oel P.-Y., von Hirschhausen Ch. Abnehmende Bedeutung der Braunkohleverstromung: Weder neue Kraftwerke noch Tagebaue benötigt // DIW Wochenbericht. 2012. №48. S. 25–33.

³ Im Geist der Planwirtschaft. «Handelsblatt», 26/27 November 2011.

⁴ «Weltenergieat-Deutschland». Hamburg, 2012. № 5. С. 30–32.

kerntechnische Know-how in Deutschland muss nicht nur zur Gewährleistung des sicheren Betriebs der bestehenden Anlagen, sondern auch im Interesse des Offenhaltens künftiger energiepolitischer Weichenstellungen erhalten und weiterentwickelt werden.

Der Umwelt- und Klimaschutz stellt einen wesentlichen Bestandteil in der Führung und Gestaltung der „Enovos“¹ dar, so dass er mit ökonomischen Unternehmens- und Mitarbeiterzielen gleichgestellt ist. Dabei berücksichtigt „Enovos“ den Ansatz der Nachhaltigkeit in der Entwicklung von neuen Produkten und Dienstleistungen.

Gemeinsam mit Kunden und Mitarbeitern sucht „Enovos“ nach Lösungen, die sich für die Umwelt ökonomisch und ökologisch auszahlen können. Vor diesem Hintergrund setzt „Enovos“ die Anforderungen der DIN EN ISO 14001 um und hält sich an gesetzliche Vorgaben. Hierbei nimmt „Enovos“ die Einsparung von Ressourcen und Vermeidung von Umweltbelastungen ernst und beteiligt sich aktiv an einer kontinuierlichen Verbesserung der Umweltleistung. Dazu zählen insbesondere die Verminderung von Emissionen sowie deren potentielle Auswirkungen auf die Umwelt. Dabei werden alle Mitarbeiter in wesentliche Umweltbelange mit einbezogen. Durch die Integration und Sensibilisierung im Bereich des Umwelt- und Klimaschutzes wird das Umweltbewusstsein aller Mitarbeiter bis hin zu einer aktiven Umsetzung im Alltag gefördert².

Umweltschutzaktionen der „Enovos“ – Einige Beispiele für weitere Aktionen im Rahmen des Klima- und Umweltschutzes:

- Jedes Jahr lässt sich die „Enovos“ klimaneutralstellen;
- „Enovos“ nimmt teil an der Aktion «100 klimaaktive Unternehmen»;
- Kontinuierliche Sensibilisierung der Mitarbeiter durch Aufklärung, Informationen und konkrete Anweisungen im Rahmen des Umwelt-Managements;
- Einsatz von umweltverträglichen Produkten zur Büroreinigung;
- Einsatz von Kopierpapier aus 100% Altpapier;
- Mitglied im Ökoprotit Klub Wiesbaden;
- Mitgliedsunternehmen bei B.A.U.M.e.V³.

Den sogenannten neuen erneuerbaren Energien sind heute noch technisch-wirtschaftliche Grenzen gesetzt. Die Energiepolitik sollte deshalb – auch im europäischen Rahmen, und zwar einheitlich — geeignete Förderinstrumente entwickeln. Windkraft, Biomasse, Sonnenenergie können allerdings künftig nur dann einen eigenständigen Versorgungsbeitrag leisten, wenn diese Fördersysteme

¹ Fraunhofer-Institut für solare Energiesysteme ISE. Stromerzeugung aus Solar- und Windenergie im Jahr 2012. Freiburg, 2013.

² Diekman J., Kempf C., Neuhoff K., Schill W.-P., Traber T. Erneuerbare Energien: Quotenmodelle keine Alternative zum EEG // DIW Wochenbericht. 2012. №45. S. 15–20.

³ Отчет Федерального Министерства ФРГ по альтернативной энергетике. www.erneuerbare-energien-made-in-germany. 2011–2013.

wettbewerbsorientiert und degressiv ausgestaltet sind, also zu größtmöglichen Kostenreduktionen sowie technischen Weiterentwicklungen anreizen. Dauersubventionen oder verbindliche quantitative Vorgaben wären der falsche Weg. Da die Förderung der erneuerbaren Energien eine gesamtgesellschaftliche Aufgabe ist, sollte sie aus dem allgemeinen Steueraufkommen finanziert werden.

Die Formulierung angebotsseitiger Erwartungen und Forderungen ist nicht misszuverstehen als Festschreibung von Marktanteilen. Sie steht auch nicht im Widerspruch zur notwendigen weiteren Erhöhung der Energieeffizienz und zur Energieeinsparung.

Hier haben gerade deutsche Unternehmen — in allen Sektoren — schon überdurchschnittlich viel erreicht. Diese Bemühungen müssen auch künftig nach Kräften unterstützt und gefördert werden. Es darf aber keine Priorität der Nachfragesteuerung gegen den Markt, verbunden zudem mit unverhältnismäßig hohen volkswirtschaftlichen Kosten, geben. Daher ist es unerlässlich, Bedingungen und Anreize für Unternehmen wie Verbraucher zu schaffen, ihre Anstrengungen zur Erforschung, Entwicklung, Markteinführung und zum Einsatz effizienter und umweltverträglicher Technologien zur Gewinnung, zum Transport, zur Umwandlung und zur Nutzung von Energie zu erhöhen. Hierzu gehört auch eine langfristig angelegte Förderung von Forschung und Entwicklung, die möglichst unter Wettbewerbsgesichtspunkten erfolgen sollte, um den technisch wie wirtschaftlich besten Lösungen zum Durchbruch zu verhelfen.

References:

1. Gerbaulet C., Egerer J., Oel P.-Y., von Hirschhausen Ch. Abnehmende Bedeutung der Braunkohleverstromung: Weder neue Kraftwerke noch Tagebaue benötigt // DIW Wochenbericht. 2012. №48. S. 25–33.
2. Diekman J., Kemfert C., Neuhoff K., Schill W.-P., Traber T. Erneuerbare Energien: Quotenmodelle keine Alternative zum EEG // DIW Wochenbericht. 2012. №45. S. 15–20.
3. Отчет Федерального Министерства ФРГ по альтернативной энергетике. www.erneuerbare-energien-made-in-germany. 2011–2013.
4. Статистика по энергетике. Отчет Федерального Министерства ФРГ по экономике и технологии. Bundesministerium für Wirtschaft und Technologien: Die wirtschaftliche Entwicklung des Bergbaus in der Bundesrepublik Deutschland im Jahr 2010, 2011, 2012, 2013, 2014. Bergwirtschaft und Statistik. Dokumentation. www.bmwi.de/Dateien/Energieportal/PDF/monitoring-versorgungssicherheit-2013,property=pdf,bereich=bmwi2012,sprache=de,rwb=true.pdf. www.bmwi.de. Energie in Deutschland. Trends und Hintergründe zur Energieversorgung, 2011–2013.pdf.
5. «Weltenergieat-Deutschland». Hamburg, 2012. № 5. С. 30–32.

6. Fraunhofer-Institut für solare Energiesysteme ISE. Stromerzeugung aus Solar- und Windenergie im Jahr 2012. Freiburg, 2013.
7. Energiekonzept für eine umweltschonende, zuverlässige und bezahlbare Energieversorgung. 28 September 2010. BMWi, Berlin, 2010, S. 4, 15.
8. Im Geist der Planwirtschaft. «Handelsblatt», 26/27 November 2011.
9. Das aktuelle Energieprogramm für die anstehende Legislaturperiode. Rede des Bundesministers Rainer Brüderli anlässlich der 17. Handelsblatt Jahrestagung Energiewirtschaft 2010 in Berlin/ <http://www.bmw.de>
10. GWS-Prognos. Energieszenarien für ein Energiekonzept der Bundesregierung. Projekt Nr. 12/10 Osnabrück, 27 August 2012.

*Don Sergey Vissarionovich,
the fifth-year student, the department of service,
construction and design
E-mail: donsergio90@mail.ru*

*Volkova Anna Olegovna,
the teacher of Psychological and social technologies department
Vladivostok State University of Economics and Service, Russia*

The analysis of expected demand of the ecological tour «Leopard path» (Khasansky District) by foreign and Russian tourists

The analysis of expected demand of the ecological tour «Leopard path» (Khasansky District) by foreign and Russian tourists.

Among the main reasons of ecological tourism origin the leading is amplifying with tourism mass nature load on natural and culture-historical resources which increase in direct ratio to growth rates of tourist visits. Now the problem of environmental protection holds a prominent place in many surveys. Formerly, the surveys devoted to tourist activity were given little attention and then the tourism impact only in certain points of the globe or influence of its separate types was considered.

Modern tourism may harm environment indeed in the course of tourist activity inevitably an environment change occurs. Ecotourism, including the study of natural environment, serves for environmental improvement since environmental care as well as assistance to protection of environment and traditional cultures lie at the root of it¹. Emergence of ecotourism and its development is explained by the aspiration

¹ Лукичев А. Б. Сущность устойчивого и экологического туризма // Российский журнал Экотуризма. – 2011. – № 1.

to minimise the environment changes, ecological tourism suppose to connect an active recreation with the wild severe nature¹.

The ecological tour «Leopard path» is planned to carry out on the territory of Khasansky District of Primorsky Krai. The main task of the tour is to attract attention to Amur Leopard, unique flora and fauna of Primorsky Krai.

Khasansky District is located in the extreme South of Primorsky Krai, rather narrow zone extended from the North to the South along the western coast of Amur Bay and Peter the Great Bay. More than 20 islands and islets located near the coast go to make up the district. District area (including islands) equals 4130 km², that makes 2,54% of all territory of the region². The territory has unique biodiversity, is characterizes by existence of specially protected area, superb ecology, wonderful sceneries and landscapes create the ideal conditions for travelling³.

The goal of research is to find out the diversity of expected demand of the ecological tour «Leopard path» (Khasansky District) by foreign and Russian tourists on the basis of data science of questionnaire.

More than 1500 people took part in the questionnaire (fact sheet and 10 questions on the raised point) during 2012–2014. For the analysis questionnaires of 1260 people were selected. Among them 900 are Russian and 360 are foreign tourists.

For the statistical certainty assessment of the received diversity of the Russian and Foreign tourists groups the criterion of Fisher's angular transformation in Kolmogorov-Smirnov's adaptation and Manna-Uitni's criterion (significance point $p \leq 0,01$) were used. On the basis of the information come next to the application of grouping method and systematics, the ratio of respondents' answers was analyzed and conclusions on the raised point were drawn.

Due to the research it was revealed that women more willingly express their opinion in polls, as they made the primary majority of respondents in percentage ratio (67% — women, 33% — men)

The majority of respondents (70%) represent youth and mature age. Thus, 46% of respondents noted the age from 18 to 30, 24% of respondents — from 31 to 45, 16% — from 45 to 55, and the fewest, i. e. 14% are made by respondents who are over-56.

Various social-ecological characteristics and all education levels of respondents are submitted in the selection. Having analyzed the data of questionnaires, respondents were conditionally separated into two categories: Russian and foreign tourists.

¹ Воскресенский В. Ю. Международный туризм: учеб. пособие для студентов вузов/В. Ю. Воскресенский. – М.:ЮНИТИ-ДАНА, 2010.

² Свободная энциклопедия википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа <http://en.wikipedia.org/wiki/Насанскырайон>

³ Рекреационные ресурсы России и Дальнего Востока: Курс лекций/Сост. В. М. Урусов, И. С. Майоров.-Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2004.

On the basis of data resulting from the questionnaire among the types of passive tourism Russian respondents prefer vacation on the beach, and foreign respondents prefer educational tours. Among the types of active recreation most foreigners selected ecological tours and safari. Hiking and downhill skiing moved to the fore among Russians. Surf riding and diving took the last positions of the rating of preferences both among Russian and foreign tourists.

Among the factors considered when choosing an ecological route, according to the Russians, the «beauty of a nature/landscape» and «cost» factors appeared the most popular. The “existence of comfortable infrastructure” item appeared on the last place, as less important when choosing an ecological route, according to the Russian tourists.

For foreign respondents by contrast, along with «beauty of the nature and landscape», «existence of comfortable infrastructure» is most important. Foreigners are ready to pay for provided services and high level of service. «Cost» and «popularity» of ecological routes are unimportant factors for them. The ecoroute popularity is an insignificant factor when choosing an ecological route both for Russian, and for foreign tourists.

Such factors as “service level”, “an opportunity to see animals in a native habitat” and “a favorable ecological situation in a tour venue” take the middle positions of the rating of preferences among all respondents. So these factors are “neutral” when choosing an ecological route both for Russian, and for foreign tourists.

In gradation of Russian respondents’ preferences of visiting unique natural areas national and natural parks, the state nature sanctuaries, natural monuments are in the lead, on the second place there are health and recreation areas and resorts. The “ecological parks” item took the last place of the rating since it was chosen by the smallest number of respondents. This fact is explained by the lack of clear vision about ecological parks and the lack of wide use and practice of creation of these kinds of unique natural areas in Russia.

In gradation of foreign respondents’ preferences of visiting unique natural areas national and natural parks, the state nature sanctuaries, natural monuments are in the lead, too. On the second place there are national and ecological parks. The “health and recreation areas and resorts” item took the last place of the rating since it was chosen by the smallest number of respondents.

Considering preferences of types of the helping measures to the visited territory which would be given by respondents, we will note a tendency of choice of the “payment of charitable contribution” and/or “purchase of souvenir gifts” items. The modern person realizes the liability for ecological support, but is characterized by environmental friendliness consciousnesses in a greater degree, than behavior¹. Participation in

¹ Качераускайте Т.А., Бубновская О.В. Влияние туристского опыта на экологическое сознание людей // Современные наукоёмкие технологии. – № 9. – 2013. – С. 46–47.

ecological land improvement is more usual for Russian tourists. This participation is often explained by their mistrust that spent money will go to target needs.

In determining of degree of respondents' awareness about ecological tours in Khasansky district it is traced that most both Russian, and foreign tourists didn't hear about this direction before. The number of Russian informed respondents made 15% in a percentage ratio, foreign informed respondents made 5%.

The aspect of select ecotourism objects revealed substantial controversies in preferences of respondents (Table 1). On interest degree respondents graded 7 objects of ecotourism: "Central" (a water complex, the leopard museum, caves, flora pieces, an ecotrail), "Aqua" (a water park, lodges, the sea museum, a beach, a quay, farms), "The Mill" (open-air cages for animals and birds, an interactive complex, the fauna museum, park of animals), "Tourist" (a children's complex, the museum of butterflies and insects, the tent camp, recreation grounds, a shooting room), "The scientific complex" (a children's complex, a motel, the museum of geology, recreation grounds), "Bohai" (an archeological and regional complex, the museum of archeology, an excursion on horses, deer park), "The Cossack village"¹.

Table 1. – The gradation of ecotourism objects on interest degree of Russian and foreign tourists (the scale from 1 to 7 items)

The scale on interest degree revealed from Russian tourists	The scale on interest degree revealed from foreign tourists
1. Central	
2. Aqua	2. Bohai
3. The Mill	3. The Cossack village
4. Tourist	
5. The scientific complex	
6. Bohai	6. Aqua
7. The Cossack village	7. The Mill

According to the table data, Russian and foreign respondents feel the greatest interest in «Central» foothold. Russian respondents also take the great interest in such objects as «Aqua» and «The Mill», while foreign tourists move these objects to the bottom positions of a rating. It should be noted that Russian respondents don't show interest to «Bohai» and «the Cossack village» objects, and foreigners on the contrary, consider these ecological objects attractive.

The following question for respondents intended to separate three most important components from the offered objects of ecological tourism (Table 2).

¹ Пичугина Д. Ю., Бубновская О. В. Проект экологического парка «Тропа леопарда» как объекта экотуризма в Приморском крае // Современные наукоемкие технологии. – № 9. – 2013. – С. 49–50.

Table 2. – The most important components of each of the offered ecotourism objects.

Russian tourists	Foreign tourists
1. Food services area	1. Retiring room. An information centre
2. An information centre	2. Food services area
3. A recreation room (hall), combined with playroom for children and show house	

According to the table data, selection priorities of components of ecotourism objects for respondents are virtually the same, but it is necessary to consider that foreign respondents note the importance of the «Retiring room» item.

In gradation of objects of the adjacent grounds on importance degree the Russian respondents are more intent to bed-and-breakfasts of the budget choice. Foreigners mark out the need of existence of luxury guest lodges. Existence of places for car camping sites on the border territory of ecological tour is of the smallest interest to both foreigners, and Russian respondents.

So, the research suggested that ecological tourism is popular among the interrogated respondents, and the most preferable of this tourism type are adventure tours for the Russian tourists, and informative tours for foreigners.

The results of the questionnaire also showed that the most popular objects of ecotourism to Russian respondents are «Central» and «Aqua» this points to the fact that they express an interest to the entertaining objects. Foreign respondents on the contrary, wish to get to know better the history and traditions of the region, separating such centers, as «Bohai», «the Cossack village», and «Central».

Among the factors considered when choosing an ecological route, according to all interrogated respondents, the most important is the «beauty of a nature/landscape» factor. For the Russian tourists such factor as «cost», significantly influences a route choice, too. For foreigners at a choice of ecological tour the large role «existence of comfortable infrastructure» factor plays a major role. At that, tour cost poorly influences their choice.

Based on the conducted research of expected demand of ecological tour «Leopard path» by foreign and Russian tourists it is necessary to give the following recommendations:

- in the process of ecological tour working out it is necessary to consider ecological resource base and current situation at the tourist service market of Primorsky Krai;
- it is important to take measures to promotion of ecological tourism, and also awareness of ecotourism condition in Primorsky Krai, unique flora and fauna of the region;
- in the process of ecological tour working out it should be appreciated that account must be taken of the questionnaire data for more accurate performance of foreign and Russian tourists' consumer preferences.

The revealed preferences of the Russian and foreign respondents at a choice of ecological tour differ essentially from each other. Therefore, for tour working out first and foremost it is necessary to narrow down the target audience. So, for tour working out it is necessary to create an ecological tour with beautiful landscapes and entertainment programs. Thus the tour should be inexpensive. In the process of ecological tour working out for foreigners it is necessary to consider such factors, as service level, convenience and tour cognition.

References:

1. Воскресенский В. Ю. Международный туризм: учеб. пособие для студентов вузов/В. Ю. Воскресенский. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010.
2. Качераускайте Т. Л., Бубновская О. В. Влияние туристского опыта на экологическое сознание людей//Современные наукоёмкие технологии. Материалы конференции. Социологические науки. Секция «Влияние туризма на окружающую среду». – № 9. 2013. – С. 46–47.
3. Лукичев А. Б. Сущность устойчивого и экологического туризма//Российский журнал Экотуризма. – 2011. – № 1.
4. Пичугина Д. Ю., Бубновская О. В. Проект экологического парка «Тропа леопарда» как объекта экотуризма в Приморском крае//Современные наукоёмкие технологии. Материалы конференции. Социологические науки. Секция «Влияние туризма на окружающую среду». – № 9. 2013. – С. 49–50.
5. Рекреационные ресурсы России и Дальнего Востока: Курс лекций/Сост. В. М. Урусов, И. С. Майоров. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2004.
6. Свободная энциклопедия википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа <http://en.wikipedia.org/wiki/Hasanskyrayon>

Section 9. Agricultural sciences

*Tkacheva Olga Alesandrovna,
Novocherkassk Institute
of Reclamation Engineering DSAU, professor
E-mail: allesgut75@mail.ru*

Information technology in the use and protection of land resources

*Ткачева Ольга Александровна,
Новочеркасский инженерно-мелиоративный
институт ДГАУ, профессор,
E-mail: allesgut75@mail.ru*

Информационные технологии в системе использования и охраны земельных ресурсов

Информационная технология является одной из главных составляющих процесса создания и функционирования информационных ресурсов общества. Функции информационного обеспечения рационального использования и охраны земельных ресурсов обеспечивает в основном мониторинг земель, который входит составной частью в единую государственную информационную систему сведений о состоянии окружающей среды и природных ресурсов. Среди природных ресурсов страны земли сельскохозяйственного назначения имеют особую ценность. Важно иметь оперативную и достоверную информацию об их использовании, эколого-экономическом состоянии, что обуславливает актуальность данных мониторинга в сфере аграрного природопользования¹.

¹ Ткачева О. А., Тарасов С. А. Состояние и пути развития информационного обеспечения охраны земельных ресурсов // Вестник Южно. – Рос. гос. тех. ун-та (НПИ): Серия: Социально-экономические науки. 2013. № 2., Ткачева О. А., Мещанинова Е. Г. Эколого-экономические аспекты устойчивости сельскохозяйственного землепользования // Научный журнал Российского НИИ проблем мелиорации. 2013. № 1(09).

Мониторинг земель как система наблюдения за состоянием земель для своевременного выявления изменений, их оценки, предупреждения и устранения последствий негативных процессов нуждается в современной инструментарию получения, обработки и предоставления оперативной информации. Получение информации при осуществлении мониторинга производится с использованием: дистанционного зондирования; сети постоянно действующих полигонов, эталонных стационарных и иных участков, межевых знаков; наземных съемок, наблюдений и обследований; соответствующих фондов данных. В настоящее время многие стационарные полигоны не функционируют в полной мере, следовательно, не обеспечивают должным образом получение достоверной, актуальной и полной информации. Особенно данное обстоятельство сказывается в сельском хозяйстве, на землях данной категории. Поэтому была одобрена концепция развития государственного мониторинга земель сельскохозяйственного назначения¹, в её рамках можно выделить две составные части: мониторинг плодородия земель сельскохозяйственного назначения и мониторинг мелиорированных земель.

Согласно концепции цели государственного мониторинга сельскохозяйственных земель включают: предотвращение выбытия земель сельскохозяйственного назначения; сохранение и вовлечение земель сельскохозяйственного назначения в сельскохозяйственное производство; разработка программ сохранения и восстановления плодородия почв; обеспечение государственных органов, включая органы исполнительной власти, осуществляющие государственный земельный контроль, юридических и физических лиц, а также сельскохозяйственных товаропроизводителей всех форм собственности достоверной информацией о состоянии и плодородии сельскохозяйственных земель и их фактическом использовании.

Задачами государственного мониторинга являются: своевременное выявление изменений состояния сельхозземель, оценка этих изменений, прогноз и выработка рекомендаций по повышению их плодородия, предупреждению и устранению последствий негативных процессов; получение данных на основе систематического обследования плодородия почв и наблюдений за качественным состоянием и эффективным использованием сельхозземель как основного ресурса сельскохозяйственной деятельности с использованием географической привязки сельскохозяйственных полигонов и контуров; ведение реестра плодо-

¹ Постановление Правительства РФ от 30.07.2010 г. № 1292-р «Концепция развития государственного мониторинга земель сельскохозяйственного назначения и земель, используемых или предоставленных для ведения сельского хозяйства в составе земель иных категорий, и формирования государственных информационных ресурсов об этих землях на период до 2020 года» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.mcx.ru/navigation/page/show/320.htm>

родия почв сельхозземель и учет их состояния; формирование государственных информационных ресурсов о сельхозземлях в целях анализа, прогнозирования и выработки государственной политики в сфере земельных отношений (в части, касающейся сельхозземель) и эффективного использования таких земель в сельском хозяйстве, а также использования в статистической практике; обеспечение доступа юридических и физических лиц к информации о состоянии сельхозземель; участие в международных программах (обеспечение выполнения международных обязательств); мониторинг состояния растительности сельскохозяйственных угодий.

Состав и структура государственного мониторинга земель сельскохозяйственного назначения можно представить в виде системы дистанционного и наземного мониторинга, формирующей данные о состоянии и использовании земель сельскохозяйственного назначения. Все данные, связанные, так или иначе, с землей имеют пространственную привязку и моделируются посредством специализированных программных средств — географических информационных систем (ГИС). Геоинформационная система представляет собой систему сбора, хранения, анализа и графической визуализации пространственных (географических) данных и связанной с ними информацией о необходимых объектах. Также ГИС используется в качестве инструмента, позволяющего пользователям искать, анализировать и редактировать как цифровую карту местности, так и дополнительную информацию об объектах¹. Географические информационные системы и материалы дистанционного зондирования земли составляют основу формирования информационного ресурса по землям сельскохозяйственного назначения Российской Федерации².

Данный информационный ресурс включает две части общей системы государственного мониторинга сельскохозяйственных земель: Система дистанционного мониторинга земель сельскохозяйственного назначения агропромышленного комплекса (СДМЗ АПК) и Электронный атлас земель сельскохозяйственного назначения (ФГИС АЗСН). Заказчиком информационного ресурса является Министерство сельского хозяйства РФ, а разработкой занимаются специалисты компании «Совзона»³.

¹ Ткачева О. А., Мещанинова Е. Г. Геоинформационные системы в земельном кадастре: учебное пособие. – Новочерк. гос. мелиор. акад. – Новочеркасск, 2007.

² Геоинформационные технологии и система мониторинга земель сельскохозяйственного назначения [Электронный ресурс]: Режим доступа: ftp://ftp.sovzond.ru/forum/presentations/Zakharov_presentation.pdf

³ Кива Р: Новая система мониторинга сельхозземель сделает махинации невозможными [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.cnews.ru/reviews/index.shtml?2013%2F11%2F12%2F549384=>

ФГИС АЗСН предназначена для учета земель сельхозугодий и сбора информации от подведомственных учреждений Министерства сельского хозяйства о состоянии этих земель. Полученные данные служат, в том числе, основой для второй части системы — системы дистанционного мониторинга земель сельскохозяйственного назначения агропромышленного комплекса. Таким образом, ключевым звеном ФГИС АЗСН является централизованное хранилище, данные в котором оперативно обновляются посредством настроенной системы репликации с агрохимическими службами и становятся доступны через картографическое веб-приложение, размещенное в сети Интернет и служащее для визуализации и анализа данных по сельскохозяйственной тематике. Для доступа к веб-приложению не требуется специализированного программного обеспечения. Данные, публикуемые на центральном сервере Минсельхоза России, доступны для всех категорий пользователей. В качестве дополнительного источника информации о состоянии сельхозугодий во ФГИС АЗСН используются данные космической съемки, а также другие данные из открытых источников.

Создание ФГИС АЗСН позволяет решать ряд задач: предоставление специалистам агрохимслужб автоматизированные инструменты ввода, редактирования и контроля корректности данных о состоянии земель сельскохозяйственного назначения; обеспечение синхронизации изменений, проводимых на местах, с информацией в централизованном хранилище данных; обеспечение оперативного доступа всех заинтересованных лиц к данным мониторинга использования и состояния сельскохозяйственных земель.

Электронный атлас земель сельскохозяйственного назначения внесен Роскомнадзором в Реестр федеральных государственных информационных систем 7 февраля 2013 г. под номером 288 0296. ФГИС АЗСН доступна в сети Интернет: <http://atlas.mcx.ru>¹.

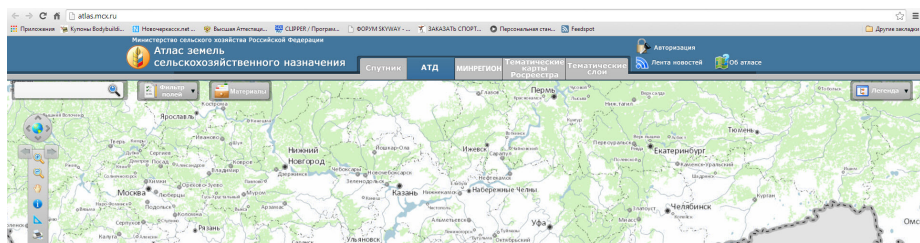

Рисунок 1 – Геопортал ФГИС АЗСН

Целью системы дистанционного мониторинга земель сельскохозяйственного назначения агропромышленного комплекса является управление сельскохозяй-

¹ Атлас земель сельскохозяйственного назначения [Электронный ресурс] : Режим доступа: <http://sovzond.ru/services/gis/ogv/federal/azsn/>

ственным производством на различных уровнях, что требует наличия объективной и регулярно обновляемой информации. Космический мониторинг обеспечивает оперативный контроль состояния посевов, прогноз урожая, решение других задач в различных отраслях сельского хозяйства.

Внутренняя организация Системы дистанционного мониторинга земель сельскохозяйственного назначения АПК включает в себя следующие подсистемы: автоматизированного обеспечения космическими снимками; автоматизированной обработки космических снимков для получения промежуточных продуктов, на базе которых будут формироваться статистические выкладки, суммарные цифры по РФ и регионам, тематические карты на всю территорию РФ; получения оперативных статистических выкладок, отчетности по каждому региону, суммарных цифр по РФ, тематических карт на всю территорию России; ввода, обработки, интерпретации полевой информации в целях автоматизированного использования данных полевых исследований в системе для определения по космическим снимкам конкретных характеристик посевов; автоматизированного определения типа сельскохозяйственной культуры, произрастающей на полях, с использованием космических снимков и соответственно площадей, занятых теми или иными типами сельскохозяйственных культур, на уровнях районов, регионов, федеральных округов, РФ в целом; автоматизированного определения темпов/результатов уборки урожая озимых и яровых культур с использованием космических снимков на уровнях районов, регионов, федеральных округов, РФ в целом.

Доступ к СДМЗ АПК обеспечивается путем создания геопортала, который представляет собой распределенную геоинформационную систему, оснащенную всем набором необходимых инструментов для обеспечения разных уровней сетевого доступа к информации специалистам, руководителям министерства, подведомственным и прочим организациям, сельскохозяйственным производителям. Достоинства такого доступа заключаются в общедоступности: информационные ресурсы доступны в сети интернет через web-браузеры; информативности: географическое представление полевых, статистических данных и данных ДЗЗ; удобства в использовании: отсутствие необходимости установки дополнительного программного обеспечения для пользователей.

В настоящее время система проходит последние этапы тестирования и готовится к введению в эксплуатацию в департаментах Министерства сельского хозяйства. СДМЗ АПК доступна в сети Интернет: <http://sdmz.gvc.ru>¹.

¹ Система дистанционного мониторинга земель сельскохозяйственного назначения [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://sovzond.ru/services/gis/ogv/federal/sdmz/>

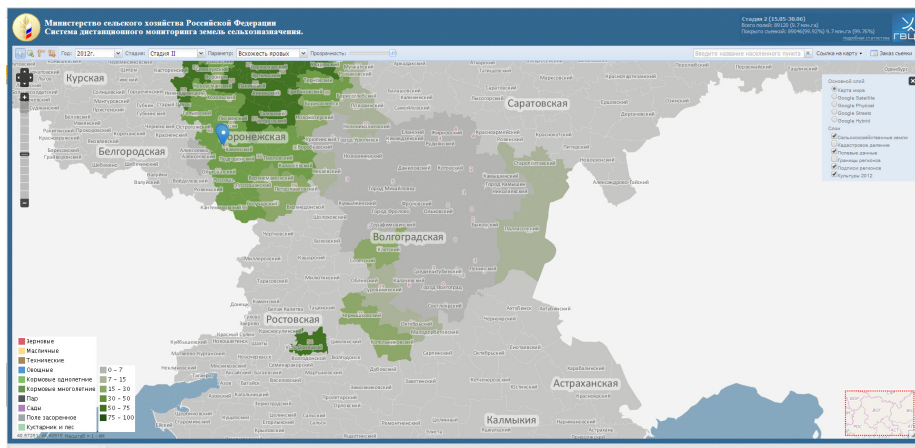

Рисунок 2. – Геопортал СДМЗ АПК

Сложившаяся ситуация в системе использования и охраны земельных ресурсов требует проведение оперативных систематических мониторинговых исследований земли, а использование современных информационных технологий и ресурсов обеспечивает качественно новый уровень принятия управленческих решений в этой сфере.

Section 10. Sociology

*Angel Olga Yurievna,
Southern Federal University
senior lecturer, Institute of sociology and regional studies
E-mail: Kornienko00@yandex.ru*

The role of social networks in the professional field

*Ангел Ольга Юрьевна,
Южный федеральный университет,
Институт социологии и регионоведения
E-mail: Kornienko00@yandex.ru*

Роль социальных сетей в профессиональной сфере

Социальные сети — это база данных контактов. Сеть микроблогов Twitter, порталы Facebook, Xing стали для многих платформой общения. По оценкам экспертов, в настоящий момент уже полмиллиарда пользователей зарегистрированы в социальных сетях, сообществах и интернет-порталах. Теоретически здесь можно искать партнеров по бизнесу, отбирать кандидатов и искать работу. Регистрируясь в социальной сети, человек заявляет о себе всему интернет-сообществу. Имя, возраст, профессия, интересы — эту информацию сегодня без особого труда можно найти о пользователях порталов. Регистрация в социальной сети — это, по сути, онлайн-резюме, доступ к которому работодатель может найти без труда.

500 миллионов человек в мире зарегистрировано в социальных сетях. Обмен контактами и информацией пока используется больше в личных интересах, а не во благо профессии, но «членство» на порталах может повлиять на карьеру¹. Только в одной из крупнейших сетей Facebook зарегистрировано около 200 миллионов человек. Многие находятся в Сети в рабочее время. В Италии это уже вызвало критику со стороны работодателей. Некоторые компании даже запретили

¹ StudiVZ.de – Vkontakte.ru по-немецки [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dw.de/studivzde-vkontakte-ru-по-немецки/a-4142924>

своим сотрудникам пользоваться Facebook. В Неаполе было принято решение ограничить время пользования этой сетью в офисе до одного часа.

Как отмечают эксперты, социальные сети — это, прежде всего, сфера частных интересов. В профессиональных целях они пока практически не используются. К такому выводу пришла немецкая технологическая компания Avira. На вопрос, какую роль играют социальные сети в профессиональной сфере, ответили 1837 респондентов. Социальные сети в профессиональном плане не представляют собой ценность, об этом заявили 12% опрошенных. 18% признались, что для них это, скорее, вопрос будущего. В компаниях, где они работают, к настоящему моменту только завершился этап освоения электронной почты. Как отметила данная группа респондентов, теперь каждый сотрудник пользуется интернетом для корреспонденции, а вот социальные сети — это долгосрочная перспектива¹.

И только 10% опрошенных являются активными пользователями социальных сетей. О чем работники компании имеют право оставлять заметки в блогах, сколько времени можно тратить на социальные сети. Важно, чтобы сотрудники получали от этого удовольствие. Социальные сети меняют отношения между подчиненными и работодателями. Свободы для самовыражения становится больше, впрочем, как и возможностей влиять на имидж компании. Для работодателя это, конечно, определенный риск.

Согласно актуальным опросам, четверть пользователей интернетом уверены, что информационным технологиям не заменить общение на личном уровне. Поиск информации и возможности коммуникации — эти преимущества социальных сетей больше всего ценят современное поколение. 50 миллионов европейцев встречаются, знакомятся, общаются в социальных сетях. По прогнозам к 2012 году эта цифра увеличится в два раза. В любом случае потенциал для роста в карьере в Сетях имеется.

Международная компания Badenoch & Clark, которая занимается трудоустройством профессиональных сотрудников, обращает внимание на то, что проверка социальных сайтов является для рекрутеров обычным делом. Большинство из них зарегистрировано на социальных порталах, что позволяет им найти черные пятна в профиле даже с виду безукоризненного кандидата².

Поэтому специалисты рекомендуют проявлять осторожность при размещении фотографий. Все это может создать отрицательное впечатление у стороннего наблюдателя и повредить карьерным перспективам.

¹ Борисова М. Социальные сети: возможности и угрозы для карьеры [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dw.de/социальные-сети-возможности-и-угрозы-для-карьеры/a-4237044>

² Попад в социальные сети, можно лишиться работы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.faito.ru/blog/?p=220>

Во всём мире стало модным выкладывать на своих страничках всё, что до этого считалось только сугубо частным делом. Люди всех возрастов рассказывают о себе практически всё: об учёбе, месте работы, привычках.

Довольно откровенно обсуждаются те или иные события в жизни, как страны, так и коллектива в котором работают пользователи сети. Жизнь миллионов стала доступной для любого желающего, стоит только найти страничку в одной из многочисленных социальных сетей. Работодатель нанимающий себе сотрудника, устоит перед тем, чтобы узнать о претенденте на страницах любой из социальных сетей. Резюме и собеседование даёт возможность определить профессиональные возможности будущего сотрудника. Но любому руководителю безразличны и личные качества человека, который должен будет влиться в коллектив. А эту информацию можно почерпнуть на страничке претендента. Рекрутинговые агентства и менеджеры по персоналу крупных компаний давно имеют возможность это сделать. Излишняя откровенность в социальных сетях может быть использована конкурентами. Ведь порой в пылу дискуссии по какому-либо профессиональному вопросу, человек может написать что-то не подлежащее огласке. А ведь в друзьях у многих состоят не только бывшие однокурсники, но и коллеги по работе. Так что вполне вероятно, что любой работодатель имеет возможность принимать кадровые решения, по итогам изучения странички претендента в социальных сетях. К этому нужно быть готовым, потому что размещённая в сети личная информация, уже не может считаться такой уж «личной».

Список литературы:

1. StudiVZ.de — Vkontakte.ru по-немецки [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dw.de/studivzde-vkontakteru-по-немецки/a-4142924>.
2. Борисова М. Социальные сети: возможности и угрозы для карьеры [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dw.de/социальные-сети-возможности-и-угрозы-для-карьеры/a-4237044>.
3. Попав в социальные сети, можно лишиться работы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.faito.ru/blog/?p=220>

*Kashirina Maria Valerevna,
Khakass State University, named by N. F. Katanov, graduate student
E-mail: ProstoVerner@mail.ru*

Nietzsche against Scheler: the sociological aspect of the debate about the resentment

*Каширина Мария Валерьевна
Хакасский государственный университет
им Н. Ф. Катанова, аспирант
E-mail: ProstoVerner@mail.ru*

Ф. Ницше против М. Шелера: социологический аспект дискуссии о ресентименте

Актуальность данного исследования обусловлена несколькими обстоятельствами. Наиболее очевидным обстоятельством является то, что социальная действительность полна социальными взаимодействиями, окрашенными отрицательными эмоциями.

Также исследование этой проблемы важно с той точки зрения, что ресентимент проявляется не только и не столько в форс-мажорных обстоятельствах, сколько в упорядоченных социальных связях и отношениях.

Кроме того, проблема ресентимента, как правило, достаточно подробно исследуется представителями таких наук, как, например культурологии, психологии и философии. Но в истории социологии исследование феномена ресентимента не получило широкого освещения.

Проблема социогенеза на основе психологических состояний и акций состоит в том, что психологические состояния индивидов с очевидностью получают социальные выражения. Но, во-первых, скрытые явления души, которые влияют на социогенез, не столь очевидны: поступки могут быть учтены и упорядочены, тогда как стоящие за ними мотивы учету теми же средствами не подлежат. Во-вторых, мотивы, психологические состояния, будучи восприняты, оказывают воздействие не только на рациональный, но и на эмотивный уровень рефлексии. Это часто является помехой для адекватного социологического анализа.

В числе многочисленных теорий в истории социологии неоднократно выдвигалось предположение, что социогенез имеет своим преимущественным источником психологические явления, процессы, состояния. Например, теории В. Вундта, Г. Лебона, Г. Тарда.

В современной социологии интерес к исследованию внутренних состояний, предваряющих различные социальные последствия, представлен, например, методологией аттитюдных исследований. Проблема в том, что довольно редко рассматриваются деструктивные и иррациональные душевные движения, такие как зависть, ненависть и месть.

Наиболее распространенное определение **зависти** — чувство досады, вызванное успехом, благополучием другого.

В пассивной форме зависть связана с унынием, депрессией. В активной форме она связана с местью.

Месть является реакцией на «вред», причиненный «злодеем» «жертве». Эта реакция состоит во «вреде», который «наказующий» причиняет «наказуемому».

Ненависть чаще всего определяется как чувство сильной вражды, злобы.

Задача же социологии — выявить, как эти чувства проявляются на практике, в социальных взаимодействиях.

При исследовании социального поведения индивидов порой неразличимыми оказываются мстительность и зависть, зависть и ненависть, ненависть и страх. Наше знание о том, что эти эмоции по отдельности, в комплексах и в причинно-следственных цепочках оказывают существенное влияние на социальную действительность, основано на личных переживаниях и рискует остаться умозрительным.

Одним из наиболее перспективных выходов из сложившегося затруднения мог бы стать теоретический вариант, объединяющий все эти эмоции в одну гибкую систему, для которой как количество элементов, так и последовательность их активации являются несущественными условиями. Главным требованием здесь должны были бы стать инвариантные характеристики, распространяющиеся на все случаи активации такой эмотивной системы.

Такой перспективный выход был предложен в конце XIX — начале XX веков великими социальными мыслителями Ф. Ницше и М. Шелером. В их теориях такая система получила название «ресентимент».

Вслед за Ницше и Шелером под ресентиментом мы в дальнейшем будем понимать долговременную психическую установку, которая возникает в результате систематического запрета на выражение таких душевных движений и аффектов, как жажда и импульс мести, ненависть, зависть.

В дальнейшем мы постараемся не только детализировать, но и трансформировать позиции Ницше и Шелера на предмет ресентимента в социологический дискурс.

Социологическая реконструкция теории ресентимента Ф. Ницше.

При выборе конкретных фрагментов для социологической реконструкции перед нами предстал сложный выбор. Эта сложность связана не с дефицитом, а с переизбытком материала. В результате отбора нами были выбраны несколько фрагментов. Критерием отбора служила методологическая сложность предстоящих процедур, изящества предполагаемых решений. В данной работе представлены реконструкции одного фрагмента работы Ницше и Шелера, остальные оставлены для дальнейших разработок и публикаций.

«Благодарность и мечь. Основание, почему могущественный человек склонен к благодарности, состоит в следующем. Его благодетель своим благодеянием как бы незаконно вторгся в сферу могущественного человека и нарушил ее границы; в виде возмездия последний в свою очередь вторгается в сферу благодетеля посредством акта благодарности. Это есть более мягкая форма мести. Не получив удовлетворе-

ния в благодарности, могущественный человек показал бы себя бессильным и впредь считался бы таковым. Поэтому каждое хорошее общество — а это первоначально всегда означает общество могущественных — ставит благодарность в число первых обязанностей. — Свифт бросил реплику, что люди благодарны в той же мере, в какой они склонны к мести». Данный фрагмент взят из «Человеческое, слишком человеческое»¹.

Главную трудность и главное искушение для социологии в приведенном фрагменте представляет понятие «могущественный человек». Не трудно догадаться, что речь идет о пресловутом «сверхчеловеке». Сверхчеловек — это тип, обладающий настолько сбалансированным внутренним миром и настолько социально самодостаточный, что в реализации всех поставленных перед собой целей воспринимает социальные институты либо как факультативные, необязательные средства, либо вообще как помеху. Если такой целью оказывается ответ не на благо-, а на злодеяние, то вместо роскоши благодарность он дает себе аттитюд на рафинированную, ничем не сдержанную, незамутненную завистью и ненавистью месть.

Высказанные выше мысли пересекаются с идеями П. Сорокина. Близко к позиции Ницше подошел М. Вебер в своей теории социального действия в качестве примера аффективного действия приводит ничто иное, как жажду мести, т. е. ре resentment.

Для социологической обработки необходимо операционализировать основные понятия. К основным понятиям, на наш взгляд следует отнести такие понятия, как благодеяние, благодарность, месть.

Выборку можно конкретизировать и сузить массив примеров, поскольку можно с достаточной долей вероятности предугадать место в социальной действительности, которое занимает ницшеанский идеал. Действительно, мало кто отважится совершить акт мести, зная при этом, что понесет за это уголовную ответственность и будучи готовым к этому. Следовательно, наиболее вероятен вариант встречи со Сверхчеловеком в местах заключения, тюрьмах. Конечно, не следует исключать и иных фрагментов социального пространства. Например, явным позиционированием и идентификацией себя как Сверхчеловека отдает поведение высокопоставленного чиновника или удачливого бизнесмена.

В совокупности **методов**, применяемых в таком исследовании, методы обнаружения носителя чистой мести и благодарности, особой сложности не представляет. Если отсев будет производиться среди заключенных, достаточно ограничиться анализом документов. Если в отношении «новых русских» таким методом может быть наблюдение.

¹ Ницше, Фридрих. Сочинения в 2т./Сост., ред. изд., вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьян; Пер. с нем. — М.: Мысль, 1997. — С. 269.

Социологическая реконструкция теории Шелера.

«Находящийся во власти ressentимента человек, на которого тяжелым гнетом ложится пугающая и мучительная для него негативная оценка его бытия, основанная на объективной оценке ценностей, — хотя он втайне сознает произвольность или извращенность собственных оценок, — «переоценивает» саму идею оценки, отрицая объективный порядок ценностей. В случае с ressentиментом дело обстоит следующим образом: его носитель мстит идее, перед которой не смог выстоять, принижая её до своего фактического состояния.

Однако человек ressentимента слаб; он не может остаться один на один со своим суждением, и вскоре возникает потребность в объединяющих формах оценки»¹.

Таким образом, возникает напряжение между влечением к благу и бессилием, невозможностью его достичь. И, согласно Шелеру, ressentимент оказывается тем средством, которое снимает это напряжение: ненависть превращается в свою противоположность — в особого рода «любовь» к объектам, олицетворяющим низшую (часто зеркально-перевернутую) ценность, к объектам, вызвавшим в начале отвращение и апатию.

Но тем самым, человек наносит ущерб своему естественному «ценностному чувству». Оно словно притупляется, и индивид теряет твердость позиции и постепенно у него извращается «ценностное чувство». Для обозначения выявленного психологического механизма предлагаем ввести понятие аксиологической эрозии, или «обесценения ценностей».

Основные понятия: ценности, аксиологическая эрозия, «оценка бытия». В данном случае интерес представляет механизм замещения или вытеснения ressentимента, ««переоценивания» идеи оценки».

Достижение поставленной цели средствами социологии возможно, с нашей точки зрения, лишь при условии исследования выбранной совокупности в динамике.

Методы. Выше сказанное, почти автоматически, приводит нас к необходимости применения лонгитюдных методик, а также вынуждает работать на отностительно небольших выборках и массивах.

Определение поля и выборки. В качестве одной из таких фокус-групп нами предлагается избрать группу людей без определенного места жительства. Бомжевание является и остается устойчивой социальной практикой — это факт. И здесь стоит сказать, что среди членов этой группы имеются не только люди, которые вынуждены так жить в силу тяжелых жизненных ситуаций, но и люди, которые по сути дела добровольно избрали этот образ жизни. И согласно теории М. Шелера, объяснение этого как раз кроется в ressentименте, то есть в замещении или

¹ Шелер, Макс. *Рессентимент в структуре моралей*/Пер. с нем. А. Н. Малинкина. – СПб.: Наука, Университетская книга, 1999. – С. 162.

вытеснении прежних ценностей. Иными словами, люди, относящиеся к группе без определённого места жительства, либо смиряются с такими условиями, и происходит замещение ценностей, либо избирают этот путь, и происходит их вытеснение.

На наш взгляд, для того, чтобы отследить этот процесс, следует взять для исследования определённую конкретную группу и отследить психологическую и социальную динамику.

Вывод: В ходе многофазисной обработки исходного текстового материала были выделены не только положения, по существу являющиеся рабочими гипотезами, но также выработаны основные параметры эмпирической апробации этих гипотез — цели, проблемное поле, выборка, методологическое оснащение. В ходе операционализации теоретических позиций Ницше и Шелера было показано, что обе взятые для рассмотрения гипотезы имеют право на существование. Их детальная апробация — дело дальнейших исследований.

Список литературы:

1. Ницше, Фридрих. Сочинения в 2 т./Сост., ред. изд., вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьян; Пер. с нем. — М.: Мысль, 1997. — 829, [2] с., 1 л. Портр. — (Филос. Наследие).
2. Шелер, Макс. Ресентимент в структуре моралей/Пер. с нем. А. Н. Малинкина. — СПб.: Наука, Университетская книга, 1999. — 231 с. (Сер. «Слово о сущем»).

*Krivorotova Tatyana Anatolyevna, the Moscow University
of S. U. Witte (branch in of Nizhny Novgorod),
the department chair of humanitarian and natural-science
disciplines, candidate of pedagogical sciences, associate professor
E-mail: krivorotova2005@rambler.ru*

Russian identity: on the way to post-industrial society

*Криворотова Татьяна Анатольевна, Московский университет
им. С. Ю. Витте (филиал в г. Нижний Новгород),
зав. кафедрой гуманитарных и естественнонаучных дисциплин,
кандидат педагогических наук, доцент
E-mail: krivorotova2005@rambler.ru*

Российская идентичность: на пути к постиндустриальному обществу

Идея перехода к постиндустриальному обществу, со времен провозглашения её Д. Беллом, глубоко пустила корни в социальное тело мирового сообщества,

подкрепляемая естественной природой социально-гуманитарных процессов. Их главной характеристикой выступает новое качество социальных систем, пронизанных многообразием культурных сред, порождающих благоприятную почву для формирования homo informicus («человека информационного») как человека нового типа.

В споре ученых, публицистов, политиков, журналистов о качественном значении этого социокультурного новообразования не последнее место занимает вопрос о национальной идентичности. Позволяя эффективно реализовать скрытые механизмы индивидуальной (групповой) адаптации, наличие национальной идентичности способствует самоидентификации с определенным политическим (национальное государство) и культурным (национальная культура) сообществом¹. Однако следует разделять понятия «национальная идентичность» и «идентичность этническая». В условиях развития полиэтнических государств национальное самосознание индивида может формироваться на «сверхэтнической» основе. Этническая идентичность связана со значением культуuroобразующих признаков этноса, активно проявляющихся в процессе социальной коммуникации; она складывается в результате самоопределения и самосознания индивида, в отличие от доминирования внешних (т. н. «приписываемых») свойств идентичности национальной.

Россия последнего десятилетия — мир этнокультурного многоголосия, где звучание социальных обертонов колеблется от радикального изоляционизма до культурной ассимиляции. Данные социологических исследований последних лет (Арутюнян Ю.В., Дробижева Л. М., Губогло М. Н., Зайнетдинова Л. Ф., Трофимова Г. В. и др.) указывают на изменение показателей этнического состава Российской Федерации, увеличение плотности системных связей полиэтнической структуры, что предопределяет новое содержание социальных процессов, не лишенное проблем и противоречий. С одной стороны, это — провозглашение идей культурной интеграции, стремление к созданию новой культуuroобразующей основы национального пространства; с другой — обострение социальных противоречий, смена доминант культурных взаимосвязей, размытость ментальных конструкций коллективного поведения. Анализ имеющихся данных показал, что проблема межэтнической напряженности чаще всего связана с фактором потери т. н. «национального домена», который имеет место в сложных полиэтнических структурах, где ставится под сомнение традиционная культурная доминанта базового этноса. В этих условиях происходит трансформация как национальной,

¹ Новая философская энциклопедия: В 4 тт. М.: Мысль. Под редакцией В. С. Стёпина. 2001. [Электронный ресурс].- Режим доступа:http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/419/ИДЕНТИЧНОСТЬ,свободный.-Загл.сэкрана (дата обращения 29.09.2014).

так и этнической ментальности индивидов (социальных групп)- своеобразного индикатора развития социокультурной среды этносистемы региона.

Термин «этносистема» неоднократно встречается в работах Л. Н. Гумилева, П. В. Чернова, Д. Берталанфи, А. Малиновского и понимается с точки зрения социально-исторической эволюции праэтнической составляющей в мировом историческом процессе. Особенности этносоциального развития современных регионов России по большей части позволяют использовать указанный термин как характерологическую основу структурно-функциональных изменений поликультурного пространства, позволяющую объяснить специфику этнокультурного процесса, спрогнозировать его траекторию и управлять им.

Любая этносистема в основе своей содержит совокупность характерологических свойств ментального конструкта входящих в него этносов, который обеспечивает культурантропологическую целостность т. н. «ядра». Трансформация «ядра этносистемы» предопределяет смену её культурообразующих доминант и аксиологических смыслов бытия, а в отдельных случаях может привести к гибели этносистемы как социального организма¹. Устойчивость и жизнеспособность этносистемы зависит от множества факторов, одним из которых является национальная идентичность.

Интегральная природа национальной идентичности вбирает в себя совокупность ценностно-смысловых и потребностно-мотивационных характеристик современных россиян с учетом их этнокультурных притязаний. Именно поэтому вопрос о характере трансформаций российской идентичности в условиях социального развития России является одним их наиболее сложных. Первым шагом к решению этой проблемы следует считать комплексное исследование структурных компонентов социального образа современного россиянина. Опираясь на данные сравнительного анализа результатов первичного исследования респондентов по Нижегородскому региону, в котором принимали участие совершеннолетние (от 20 до 55 лет) представители семи основных этнических групп, проживающие в регионе от 3 до 10 лет, а также материалы вторичного исследования данных ВЦИОМ (2013 г.) и Левада-центра², нам удалось выделить ряд общих особенностей, присущих, по нашему мнению, жителям России.

¹ Гуманитарные проблемы современности: человек и общество. Монография /Ю. В. Жикривецкая, Н. В. Камалова, Т. А. Криворогова и др./Под общ. ред. С. С. Чернова. – Книга 18.- Новосибирск: ООО агентство «СИБПРИНТ», 2013. С. 17.

² Доклад международного дискуссионного клуба «Валдай» [Электронный ресурс].- Режим доступа: http://vid1.rian.ru/ig/valdai/doklad_identichnost_RUS_ISBN.pdf, свободный.-Загл. с экрана (дата обращения 29.09.2014); Идентичность россиян. Левада- центр [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/20-09-2013/identichnost-rossiyan>, свободный.- Загл. с экрана (дата обращения 29.09.2014).

- В мировоззрении современных россиян стремление оценивать реальность окружающего мира с позиции социальной справедливости граничит с желанием уберечь свой мир от возможных отрицательных последствий социальных перемен. Встречается явление некоторой социальной отстраненности в контексте как оптимистических, так и пессимистических ожиданий.

- Вынужденное сопротивление переменам, по мнению современников, есть крайняя мера, которая по природе своей — бунт стихийный, всепоглощающий с «великой» разрушительной силой, а потому порождает желание перейти к более цивилизованным способам разрешения конфликтов через эффективные механизмы социальной коммуникации.

- Для современных жителей России характерно взаимосочетание коллективного и индивидуального социального начала, которое они видят, с одной стороны, в необходимости наращивания личностно-профессионального потенциала, позволяющего нестандартно решать задачи, стоящие перед человеком; с другой, стороны, в стремлении к самореализации в сильном государстве, способном эффективно реализовать функции социально-правовой защиты граждан.

- Современные россияне в основном тяготеют к либерально-потребительской системе ценностей, где основу рационального смысла бытия составляет стремление обладать материальными благами. Однако следует заметить, что эта система ценностных ориентиров более присуща россиянам в возрасте до 35 лет, а среди этнических групп менее выражена у представителей восточных народов.

Общесоциальная направленность результатов исследования указывает на устойчивое стремление россиян найти свое место в меняющемся мире. Однако мучительное стремление к самоопределению вскрывает ряд проблем на фоне неоднозначных оценок статичности и динамики перехода к постиндустриальному обществу.

1. Приоритет либерально-потребительской системы ценностных ориентиров для этнически автохтонных сообществ означает ослабление духовно-нравственных начал российской традиционности и, как следствие, потерю исторической памяти народа. В условиях этносоциальной динамики, появления новых этнических диаспор с более четко выраженной традиционностью возможна частичная или полная смена автохтонного начала принимающей территории. Наглядным примером этого процесса является обострение межэтнической ситуации между арабами и французами во Франции, а также немцами и турками в Германии.

2. Общая совокупность характеристик облика современного россиянина, изобилующая большим количеством противоречий, представляет собой весьма зыбкую основу для прочного мировоззренческого фундамента человека постиндустриальной эпохи.

3. Размышляя о личностно-профессиональном самосовершенствовании, мало кто из опрошенных оперирует категорией труд. Концентром внимания

респондентов выступает система вознаграждения, а не качество труда. С этой точки зрения для группы опрашиваемых, не относящихся к коренному населению региона, материальное благополучие выступает результатов образования и труда, в отличие от автохтонного либо этнофорного населения, идентифицирующего себя с русскими.

4. Исключительное большинство респондентов высказывают неудовлетворение последствиями реформирования сферы образования. Если говорить об этническом соотношении, то процент неудовлетворенных в группе автохтонного населения выше, нежели среди представителей этнических групп, в течение 10 лет проживающих на территории Российской Федерации.

5. Удивление вызвал факт незнания особенностей развития сопредельных исторически связанных с конкретной территорией культур. Так, казалось бы, давнее соседство русских, татар, чувашей и марийцев на территории Нижегородского региона не только не является определяющим в выборе друзей, знакомых и родственников из числа представителей указанных выше групп, а, наоборот, вызывает большее раздражение, нежели со стороны представителей этнических сообществ недавно начавших осваивать территорию региона. По нашему глубокому убеждению подобная ситуация может быть вызвана недостаточным уровнем информирования о сопредельных культурах субъектов межэтнического взаимодействия.

Проблемы, которые были выявлены в ходе исследования, указывают на необходимость определения стратегических ориентиров развития Российского этносоциума. Движение в сторону построения прогрессивного государства новой исторической формации предопределяет необходимость поиска новых смыслов соотношения «*российская идентичность — национальная идея*». Смысловое выражение национальной идеи будущей России представляет собой совокупность взаимосвязанных постулатов, указывающих на возможные изменения российской идентичности.

Идея априорного начала. Любая земля, соединившая различные этнические сообщества обладала некой формой историко-культурного первоначала с последующей её эволюцией. Эволюция первоначала есть суть национального бытия и единства народа в рамках одного государства, где главными компонентами являются язык и история, а инструментом трансляции социальная герменевтика как возможность толкования исторически сложившихся традиционных для данной территории смыслов социального бытия. Полнота проявления идеи априорного начала обозначается тремя базовыми уровнями: СЕМЬЯ-ЭТНОС-ГОСУДАРСТВО и реализуется посредством закрепляемых ритуалов, обычаев, традиций.

Идея трансформации мировоззренческих смыслов связана с формированием мировоззрения человека новой постиндустриальной эпохи, который обладает

синергетикой мышления, способностью широко использовать когнитивные и коммуникативные свойства личности, а также развивать способность к «самоконструированию» на основе ценностно-смыслового самоуправления.

Идея культа труда. Понятие «культ» вызывает множество негативных ассоциаций, но, если вспомнить этимологию слова, то произошло оно от понятия «культура», что указывает на феноменологию труда, начиная с осознания ценностно-смысловых значений индивидуальной и совместной деятельности, понимания широкого формата дефиниций «человек труда» до создания механизмов эффективного управления территориями.

Идея приоритетности образования предполагает создание базовой основы образования как центра социального осознания (где ценность человека является основной единицей жизнедеятельности общества и общественного прогресса) и, как производной необходимости последовательного изучения опыта истории и культуры — необходимой части прогрессивной эволюции обществ¹. Идея приоритетности образования предполагает качественные изменения образовательной модели, где её характерными чертами выступают синергетичность и рефлексивность; формирование ценностных установок целеориентированного поведения; развитие творчества с опорой на внутрисистемные установки; умение опираться в профессиональной деятельности и свободно владеть достижениями мировой культуры; развитие пространственного типа мышления и осознание социокультурного феномена человека как высшей ценности.

Идея этнокультурного взаимообогащения ориентирована на активизацию поля этнокультурного обмена на территории Российской Федерации.

Подводя итог рассуждениям о российской идентичности, хотелось бы заметить, что российская идентичность — есть сложное социальное образование, вбирающее в себя противоречия статических и динамических характеристик современной эпохи. Её постижение — ключ к разгадкам тайн будущего Российской государственности, а потому поиск продолжается.

Список литературы:

1. Новая философская энциклопедия: В 4 тт. М.: Мысль. Под редакцией В. С. Стёпина. 2001. [Электронный ресурс].- Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/419/ИДЕНТИЧНОСТЬ, свободный.- Загл. с экрана (дата обращения 29.09.2014).

¹ Криворотова Т.А., Особенности трансформации социокультурного кода образования в рамках функционирования современных этносистем//«Образование, экономика, право в современном информационном обществе». Материалы VIII т Международной научной конференции 27 марта 2012 г. Ч. III/Отв. Ред. А. В. Семенов, Ю. А. Руденко. – М.: НОУ ВПО «МУ им. С. Ю. Витте», 2012. – С. 363–364.

2. Гуманитарные проблемы современности: человек и общество. Монография /Ю.В. Жикривецкая, Н.В. Камалова, Т.А. Криворотова и др./Под общ. ред. С.С. Чернова. – Книга 18.- Новосибирск: ООО агентство «СИБПРИНТ», 2013. С. 17.
3. Доклад международного дискуссионного клуба «Валдай» [Электронный ресурс].- Режим доступа: http://vid1.rian.ru/ig/valdai/doklad_identichnost_RUS_ISBN.pdf, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения 29.09.2014); Идентичность россиян. Левада-центр [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/20-09-2013/identichnost-rossiyan>, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения 29.09.2014).
4. Криворотова Т.А., Особенности трансформации социокультурного кода образования в рамках функционирования современных этносистем//«Образование, экономика, право в современном информационном обществе». Материалы VIII Международной научной конференции 27 марта 2012 г. Ч. III/Отв. Ред. А.В. Семенов, Ю.А. Руденко. – М.: НОУ ВПО «МУ им. С.Ю. Витте», 2012. – с. 363–364.

*Mukha Victoria Nikolaevna,
Kuban State Technological University
associate Professor, Department of sociology,
jurisprudence and personnel management, candidate of sociological sciences
E-mail: v.mukha@bk.ru*

Risks of identity in a multiethnic region

*Муха Виктория Николаевна,
Кубанский государственный технологический университет
доцент кафедры социологии, правоведения и
работы с персоналом, кандидат социологических наук
E-mail: v.mukha@bk.ru*

Риски идентичности в полиэтническом регионе

Значимые общественные изменения в российском обществе формируют специфические адаптационные реакции, меняя сознание и поведение людей, сопровождаются модификацией старых, поиском и оформлением новых идентичностей, появлением феномена массового «поиска идентичности». Процессы трансформации идентичности характеризуются сегодня пересмотром основ национальной и государственной идентичности, появлением новых объектов идентификации (мировое сообщество, локальные группы) и новых форм иден-

тичности (виртуальная идентичность), непривязанных к определенному месту, возникновением гибридных идентичностей посредством пересечения старых и новых классификаций, через конфликт традиционных ценностей и ценностей современности.

Таким образом, процесс социальной идентификации превращается в проблему, идентичность из социальной «данности» превращается в «задачу»¹, а риск как явление, динамично функционирующее в современном обществе, выступает в качестве одной из черт формирования идентичности.

Риск является сложным понятием, сочетающим в себе объективные и субъективные характеристики. К объективным можно отнести наличие случайности, ограниченность знаний, независимость конкретного исхода разных явлений от воли и сознания субъекта. К субъективным характеристикам (составляющим) риска относятся неполная информированность конкретного человека, порождающая неопределенность, и его личная оценка возможных исходов.

Наиболее верный подход к пониманию составляющих риска — субъективно-объективный, так как человек либо группа в ходе деятельности включаются в субъективные отношения, получается, что сама эта деятельность имеет субъективную и объективную сторону. Риск представляет собой специфическую деятельность в условиях неопределенности, ситуаций необходимого выбора, он представляет собой диалектическое единство объективного и субъективного. Осознание существования в риске двух этих составляющих позволяет выбирать и выработать более адекватные методы, приемы, оптимизирующие на практике процессы человеческой деятельности².

Данные составляющие риска в своем единстве воздействуют на идентификационные процессы. Индивид, который живет в современном обществе (обществе риска), должен обладать высокой степенью профессионализма и компетентности. Риск вместе со своими составляющими выступает как одна из форм самоутверждения и самоусовершенствования человека, интересы которого связаны с творческим поиском, самобытностью индивида, который развивает свои способности индивида.

Неопределенность побуждает преодолеть прежнюю планку своих возможностей. В обществе риска в социальных процессах возрастает значение организационных решений практически во всех областях общественной жизни, например, в невероятно сложных обстоятельствах развивающегося мира потеря государ-

¹ Гизатова О. Г., Иванова Г. К. Риск как имманентная черта формирования // CREDO NEW теоретический журнал. URL: <http://credonew.ru/content/view/836/61/> (дата обращения 10.10.2014).

² Матвеева К. А. Особенности социологического изучения рисков // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. – 2009. – Выпуск 1. – С. 131–137.

ственной и национальной идентичностей минимизируется благодаря законам, которые принимаются социальными организациями, политическими группами и институтами. Рискогенная среда под воздействием объективных и субъективных составляющих формирует людей с разной степенью социальной активности и восприятием постоянно меняющегося мира. От скорости принятия решений, профессионализма, решительности, потребности в самореализации зависят успех, благополучие, самодостаточность и самодостоинство, то есть категории, которые выступают, в свою очередь, социальными качествами идентичности.

Идентичность социальна по происхождению, так как формируется в результате взаимодействия с людьми и усвоения каждым выработанного в процессе коммуникации языка, а изменения идентичности обусловлены социальными изменениями¹. Идентификационные риски — потенциальные угрозы существованию индивида и определенной социальной группы, вызываемые созданием или поддержанием социальной идентичности.

В качестве основных институциональных механизмов формирования социальной идентичности выделяются семья, образование и средства массовой информации². Динамичные процессы, протекающие в обществе, затрагивают, прежде всего, институциональный уровень, который через систему социальных институтов влияет на процесс идентификации личности. Именно благодаря нормальному функционированию социальных институтов поддерживается совместная кооперативная деятельность людей в группах и организациях. На основе такой интеграции у индивида формируется чувство принадлежности к социальной группе, которое с одной стороны обеспечивает подчинение личности существующим нормам, а с другой групповую защиту и систему оценки и самооценки, что в свою очередь способствует поддержанию стабильности и целостности общества. Нарушение нормального функционирования социальных институтов ведет к нарушению идентификационных процессов.

В рамках реализации проекта «Идентификационные риски в полиэтническом пространстве региона» (грант Президента РФ МК-4165.2013.6) проводился социологический опрос населения Краснодарского края (выборка 1000 человек, метод анкетного опроса), а так же серия полуструктурированных глубинных интервью с 48 информантами, опросные листы были включены вопросы, ориентированные на выявление рисков социальной идентичности населения полиэтнического региона.

¹ Жаде З. А., Шикова Р. Ю. Концептуальные подходы к исследованию феномена идентичности в российской науке // Теория и практика общественного развития. 2010. № 1. С. 67–72.

² Лескова И. В. Трансформация социальной идентичности в российском обществе: социологический анализ. – М.: Изд-во РГСУ «Союз», 2008. – 374 с.

Социальная идентичность — это многоуровневое образование, включающее этническую, религиозную, региональную, национально-гражданскую, геополитическую и цивилизационную идентичности. Обозначенные уровни тесно взаимосвязаны и представляют собой иерархически структурированную, и в то же время сложно организованную систему и каждый из ее уровней связан с определенного рода рисками.

Каждый индивид выступает как носитель набора социальных идентичностей (этнической, гражданской, профессиональной и т. п.). Потенциально у каждого есть огромное количество идентификационных возможностей. Часть из них наиболее значима для личности, соответственно можно говорить о своего рода иерархии идентичностей, и данная иерархия может меняться под воздействием как различных внешних факторов, так и в зависимости от доступных индивиду коллективных принадлежностей.

В ходе исследования было выявлено, что в целом по выборке доминирует гендерная идентичность (93,4%), семейная (88,2%) затем идет гражданская идентичность (79,1%), региональная и локальная (Я — житель своего села/города/станции) идентичности стоят рядом (78,3% и 78% соответственно), этническая идентичность не стоит на первом месте, но не менее актуальная для 72,1% опрошенных. Менее всего выражена идентификация с жителями СНГ и европейцами (29,9% и 20% соответственно не сознают себя в этом качестве).

Структура «мы-идентификации» несколько отличается от «я-идентификаций». Мы-идентификации одновременно сопряжены как с широкими «воображаемыми общностями», так и с реальными группами повседневного общения. Большинство респондентов ощущает единство прежде всего с гражданами России (63,4%), на втором месте находится единство с этническим сообществом (57,9%), затем следует общность с людьми своего поколения (54,7%) и на четвертом месте находится общность с локальным сообществом (44,7%). Полученные данные указывают на возможное возникновение рисков. Единство с гражданами России и с этническим сообществом характеризует принадлежность индивида к макросоциальным образованиям — народу, этносу, что прививается в процессе социализации культурой, семьей, т. е. окружением, однако, если исходить из такой трактовки данных, то 63,4% и 57,9% по рассматриваемым показателям не являются высокими. Единство с гражданами страны может не ощущаться из-за высокой разницы в уровне жизни в регионах и центре. Это приводит к отчуждению и нежеланию граждан участвовать в жизни России, отсутствию или минимальному уровню политической активности. Что касается локальных сообществ, то менее половины опрошенных чувствуют свою вовлеченность в них, т. е. фактически данная категория не позиционирует себя как гражданка своей страны, не ощущая общности с нацией и государством, так и со своим

городом, населенным пунктом, где непосредственно проходит его жизнь. Также каждый третий житель не чувствует единства с жителями Северного Кавказа, что в некотором роде характеризует изоляционистские настроения, крайнюю степень закрытости людей и принцип «каждый за себя».

Обобщая данные анкетирования и интервью можно выделить следующие риски, связанные с тем или иным уровнем социальной идентичности.

Этническая идентичность, ее становление сопряжено с рядом рисков, особенно в полиэтничном регионе, где возможно обострение противоречий между представителями разных национальностей, способное перерасти в открытые столкновения.

Риски гражданской идентичности обусловлены тем, что в составе гражданской идентичности на первый план выходят такие гражданские качества, как патриотизм, уважение и знание исторического прошлого страны и поддержание государственного порядка, тогда как активное участие в общественной и политической жизни при этом не рассматривается как важный атрибут гражданской идентичности.

Региональная идентичность характеризуется ощущением индивида общности с территориальным образованием, значимости проживания на той или иной территории, а также набором характеристик, отличающим жителей его территории, например, края, области, города, поселка и т. д. основными рисками в данном случае будут являться превосходство региональных интересов над общероссийскими, а также чувство своего собственного превосходства, как представителя уникальной общности, что может негативно отразиться на взаимодействии с выходцами из других территорий.

Риски связанные с религиозной определяются тем, что отношение к религии опосредует поведенческие модели, соответственно разрыв между декларируемой религиозностью и практическим проявлением веры, которое зафиксировало исследование, может свидетельствовать о скрытом кризисе религиозной идентичности. Кроме того, учитывая тенденцию отхода от традиционного понимания религии и исполнения религиозных практик, перехода к индивидуальной религиозности, для которой свойственно вариативное или ситуационное следование религиозным нормам с приоритетом собственным интересам и мнений, появляется вполне реальная угроза активизации различного рода сект.

На других уровнях идентичности наиболее выраженных рисков не наблюдается, что позволяет говорить только о потенциальных угрозах, для реализации которых в данный момент нет необходимых условий.

Таким образом, в результате проведенного исследования были выявлены риски, свойственные для развития и функционирования социальной идентичности, дифференцированные по уровням социальной идентичности. В большинстве своем данные риски носят потенциальный характер практически на всех уровнях

социальной идентичности, кроме этнической идентичности, где данные риски выражены в значительно большей мере.

Работа выполнена в рамках проекта «Идентификационные риски в полиэтническом пространстве региона», поддержанного грантом Президента РФ (МК-4165.2013.6)

Список литературы:

1. Гизатова О. Г., Иванова Г. К. Риск как имманентная черта формирования//CREDO NEW теоретический журнал. URL: <http://credonew.ru/content/view/836/61/> (дата обращения 10.10.2014).
2. Матвеева К. А. Особенности социологического изучения рисков//Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. – 2009. – Выпуск 1. – С. 131–137.
3. Жаде З. А., Шикова Р. Ю. Концептуальные подходы к исследованию феномена идентичности в российской науке//Теория и практика общественного развития. 2010. № 1. С. 67–72.
4. Лескова И. В. Трансформация социальной идентичности в российском обществе: социологический анализ. – М.: Изд-во РГСУ «Союз», 2008. – 374 с.

*Rogozhina Ekaterina Pavlovna,
Saint Petersburg State University,
master student, the Faculty of Sociology
E-mail: ekaterinarogozhina@gmail.com*

Attitude of the university students in Russia and Germany to the problem of euthanasia: comparative analysis

*Рогожина Екатерина Павловна,
Санкт-Петербургский государственный университет,
магистрантка, факультет социологии
E-mail: ekaterinarogozhina@gmail.com*

Отношение студентов высших учебных заведений России и Германии к проблеме эвтаназии: сравнительный анализ

Важнейшим следствием изменения современного общества становится возрастающий интерес к человеку, его жизненному миру, его проблемам и потребностям. В настоящее время все большее количество людей высказывается

в поддержку идеи легализации эвтаназии¹. Многие исследователи видят в наблюдаемом изменении отношения к данному феномену результат секуляризации и индивидуализации общества, которые непосредственно влияют на движение от традиционных ценностей к более либеральным отношениям и акценту на личной автономии². Легализация эвтаназии в Нидерландах и Бельгии, яркие случаи борьбы за право достойно умереть во многих других странах показывают, что вопросы принятия решений о «досрочном» прекращении жизни и медицинском вмешательстве в него становятся причиной споров и дебатов среди самых разных социальных групп³. Ситуация складывается неоднозначная. С одной стороны, значительный технический прогресс сегодня позволяет продлить жизнь пациента почти до бесконечности (с помощью аппарата искусственной вентиляции легких, например)⁴, с другой — эти достижения далеко не всегда гарантируют качество жизни при столь долгой ее продолжительности⁵. Вопросы о продолжительности и качестве жизни в наши дни остаются важными и нерешенными, и наиболее актуальной темой, обсуждаемой мировым сообществом, является этическая и социальная приемлемость и возможность легализации эвтаназии⁶.

Для Запада проблема эвтаназии не является новой, она институционализована и активно обсуждается как научным сообществом, так и широкой общественностью. В России же данная проблема до сих пор находится на стадии формирования; она не имеет той же актуальности, что в Европе и США. При этом, однако, дискуссии по поводу эвтаназии ведутся на различных уровнях и вовлекают все больше представителей различных сфер общественной жизни.

¹ Эвтаназия понимается автором как специальное медицинское вмешательство либо бездействие врача, направленное на прекращение жизни неизлечимо больного и тяжело страдающего человека, осуществляемого в соответствии с его собственной добровольно выраженным желанием и имеющее единственной целью прекращение невыносимых страданий.

² Cohen J. and others. Trends in acceptance of euthanasia among the general public in 12 European countries (1981–1999)//European Journal of Public Health, Vol. 16, No. 6, 2006. P. 663.

³ Maitra R. T. and others. Do German General Practitioners Support Euthanasia? Results of a nation-wide questionnaire survey. European Journal of General Practice, 2005. Vol. 11. P. 94.

⁴ Руунанен, О. Р., М. Мыллыкангас, М. Вирен и Н. Хейно. Attitudes toward euthanasia among physicians, nurses and the general public in Finland. Public Health, 2002. 116. P. 322.

⁵ Ummuhan Bas Aslan, Ugur Cavlak. Attitudes towards euthanasia among university students: A sample based on Turkish population//Journal of Medical Science, 2007. Vol.7. P. 396.

⁶ Verpoort C., C. Gastmas, N. D. Bal and B. D. Casterle. Nurses' attitudes to euthanasia: A review of literature//Nurs. Ethics. Vol.11. 2004. P. 349.

Существует много исследований, предоставляющих данные о факторах, влияющих на отношение к проблеме эвтаназии пациентов, врачей, общества в целом (Maitra *et al.*; Ruunaenen *et al.*; Verpoort *et al.*; Карп, Потапчук, 2004; Богомягкова, 2010; Алабердыева, 2013); опубликованы работы, посвященные отношению к эвтаназии медицинских студентов (Wong Yut Lin *et al.*, 2005; Leppert *et al.*, 2013), однако практически нет сведений о различиях в отношении к эвтаназии между студентами медицинских специальностей и студентами, изучающими другие академические дисциплины (Bas Aslan, Caylak, 2007). Сравнительные же исследования, посвященные отношению к проблеме эвтаназии в России и в Германии, не проводились. Целью данного исследования было сравнение отношения к проблеме эвтаназии студентов высших учебных заведений России и Германии и выявление факторов, детерминирующих отношение студентов к данному феномену.

Автор не претендует на определение и описание всех факторов, способных оказывать влияние на формирование мнения о проблеме эвтаназии. Были выделены лишь несколько, которые, по мнению автора, могут детерминировать отношение к эвтаназии. Это:

- направление подготовки (специальность);
- политические взгляды и активность (уровень политизированности);
- религиозные взгляды и активность (уровень религиозности);
- степень вовлеченности в проблему;
- принадлежность к определенной стране (социокультурный контекст).

Под *уровнем религиозности* автор понимает активное участие в религиозной деятельности, позиционирование себя как члена религиозной общины, соблюдение религиозных постулатов и пр. *Уровень политизированности* включает в себя участие в выборах, членство в политических партиях, активную защиту своих политических взглядов, интерес к политической жизни города/страны и пр. *Степень вовлеченности в проблему* понимается как непосредственное столкновение респондента с ситуациями неизлечимых заболеваний (у родственников, друзей, знакомых и т. д.).

В ходе опросов, проведенных в мае 2013 года в г. Билефельд, Германия, и мае 2014 г. в г. Санкт-Петербург, Россия, были опрошены 324 человека: 153 студента Билефельдского университета, 114 студентов Санкт-Петербургского государственного университета и 57 представителей Первого Санкт-Петербургского государственного университета им. акад. И. П. Павлова. Средний возраст опрошенных в ФРГ составил 24 года (от 19 до 47 лет), в России — 21 год (от 18 до 27 лет). Соотношение мужчин и женщин среди опрошенных в общей совокупности составило 44,8% и 55,2% соответственно.

Студенты были разделены на три группы в соответствии с образовательной программой: студенты медицинских профилей ($n = 93$; 28,4%), студенты техниче-

ских и естественнонаучных профилей ($n = 75$; 22,9%) и студенты социо-гуманитарных профилей ($n = 156$; 48,1%); кроме того, сравнение проводилось также по территориальному признаку: немцы ($n = 153$; 46,6%) и россияне ($n = 171$; 52,1%).

Отношение студентов к проблеме эвтаназии выяснялось с помощью анкеты, самостоятельно разработанной автором на основании анализа литературы по релевантной тематике и результатов проведенных социологических исследований и состоящей из 25 вопросов с множественными вариантами ответа, обращаемыми к личным представлениям, знаниям и решениям относительно эвтаназии и облегчения страданий.

Сбор данных осуществлялся посредством интернет-опроса. Анкеты рассылались участникам, согласившимся участвовать в опросе, через электронную почту в течение 2013/2014 учебных годов.

Анализ данных проводился с помощью программы SPSS Statistics (ver. 19).

P (Sig.) < 0,05 была принята значимой. Описательные статистики были использованы для количественного описания данных с использованием основных статистических показателей. Тест на χ^2 проводился для выявления различий в оценках российских и немецких респондентов и в оценках студентов-медиков и студентов иных академических дисциплин. Корреляционный анализ проводился для фиксирования статистически значимых взаимосвязей между переменными «уровень религиозности» и «отношение к эвтаназии», «уровень политизированности» и «отношение к эвтаназии», «степень вовлеченности в проблему» и «отношение к эвтаназии».

Основной задачей исследования являлось сравнение отношения к феномену эвтаназии в России и Германии. Для этого автором были заданы как прямые вопросы, так и вопросы, позволяющие выяснить скрытые, неосознаваемые установки респондентов по отношению к данной проблеме и ситуациям, с ней связанным.

Феномен эвтаназии был условно разбит автором на два «блока» (2 вопроса): 1) как право человека на смерть (и на уход из жизни по собственному желанию); 2) как возможность помощи в этом процессе со стороны врача.

88,2% в Германии и 76% в России считают, что человек имеет право уйти из жизни по собственному желанию, причем в Германии процент медиков, согласных с данным утверждением, оказался самым высоким (94,4%) из трех подгрупп (студенты медицинских, гуманитарных и технических специальностей), в то время как в России с этим согласны только 64,9% представителей медицинской профессии. Российские студенты-медики, таким образом, более осторожны в высказываниях по данному вопросу по сравнению со студентами-соотечественниками, проходящими подготовку по иным образовательным программам, и немецкими студентами медицинских профилей. В целом же порядка 80% опрошенных в Германии и 71,9% в России в неявной форме допускают возможность эвтаназии.

На прямой вопрос о том, считают ли они эвтаназию приемлемой, в Германии ответили утвердительно 89,5%, в России — 78,9% (любопытный факт, учитывая, что в России законодательно запрещена любая форма эвтаназии, а в Германии легальна только пассивная). Кроме того, 41,2% немцев и 35,7% россиян также сочли допустимой эвтаназию детей с неизлечимыми заболеваниями.

Были исследованы также установки респондентов в отношении форм эвтаназии, которые могут быть осуществлены и которые могут быть легализованы. Каждая форма была представлена в виде жизненной ситуации:

1) Активная: У человека — последняя стадия рака. Понимая, что исцеление невозможно, а страдания и смерть неизбежны, он просит врача ввести ему смертельную дозу лекарства.

2) *Involuntary*¹: Поддерживающая терапия неизлечимо больного пациента с раком желудка в 4 стадии и метастазами прекращена по решению врача. Смерть пациента неизбежна в любом случае, но без терапии она может наступить быстрее.

3) *Non-voluntary*: Функции головного мозга человека безвозвратно утеряны. Сознание никогда не вернется к нему, поскольку мозг мертв, однако его тело продолжает функционировать при помощи специального жизнеподдерживающего оборудования. Решение об эвтаназии может быть принято доктором, родственниками или юристами, но не самим пациентом.

4) Евгенистическая: Руководство психиатрической клиники предлагает подвергнуть процедуре эвтаназии часть своих пациентов как неизлечимо больных людей с генетическими отклонениями, которые могут быть опасны для общества и требуют больших финансовых затрат на свое содержание.

Большинство немецких респондентов в каждой подгруппе считает, что и активная, и пассивная эвтаназия могут иметь место. Исключение составляет евгенистическая эвтаназия. Студенты-медики, однако, более осторожно относятся к вопросу лишения жизни человека, который находится в сознании, в то время как студенты иных специальностей допускают такую возможность. Интересно отметить также высокую лояльность к эвтаназии во всех ее формах у немецких представителей технических и естественнонаучных специальностей. В целом же отношение немцев к разрешению эвтаназии на законодательном уровне менее лояльно по сравнению с отношением к допустимости эвтаназии как таковой.

В России общий уровень притяия различных форм эвтаназии несколько ниже. Большинство представителей каждой подгруппы высказывается за возможность

¹ Корректный перевод термина на русский язык не представляется возможным. И данная, и упомянутая далее формы являются разновидностью пассивной эвтаназии. *Involuntary* эвтаназия имеет место тогда, когда процедура осуществляется без согласия пациента, но он в состоянии выразить свои пожелания, *non-voluntary* же отражает ситуацию, когда больной в силу своего состояния не может выразить мнения относительно продолжения или прекращения лечения.

осуществления активной и *nonvoluntary* эвтаназии. Поддержка *involuntary* эвтаназии российскими студентами существенно ниже по сравнению с немецкими. Кроме того, особого внимания заслуживает неожиданно большое количество людей, считающих приемлемой евгенистическую форму эвтаназии: в России вдвое больше респондентов (18,1%), чем в Германии (9,2%) выразили свое согласие с применением эвтаназии к психически больным пациентам с генетическими отклонениями.

Как и в Германии, в России количество респондентов, считающих возможной легализацию эвтаназии, несколько снижается по сравнению с теми, кто одобряет эвтаназию «по факту»: например, активную эвтаназию готовы разрешить только 56,7% опрошенных (в Германии с этим согласны 70,6%). Несмотря на согласие с возможностью разрешения эвтаназии в определенных случаях, в целом российские студенты медицинского профиля не готовы к узаконению подобной практики. В обеих странах респонденты-медики выражали наибольший уровень согласия с пассивной эвтаназией в случаях, когда пациент не способен высказать свои пожелания, оказавшись в необратимом вегетативном состоянии — последнее рассматривается большинством респондентов как необходимое условие эвтаназии. Это противоречит нашим предположениям о том, что воля пациента является главным и неотъемлемым элементом при принятии решения об эвтаназии, а также основным законодательным актом, разрешающим осуществление пассивной эвтаназии только на добровольном основании. Возможно, необходимо проведение дополнительных исследований для интерпретации данного парадокса.

Вероятно, эвтаназия представляется медикам наиболее допустимой в случаях, когда очевидна неэффективность жизнеподдерживающей терапии. Кроме того, невысокий по сравнению с другими уровень одобрения пассивной эвтаназии при возможности выражения пациентом его собственной воли может быть связан с тем, что медики стремятся ориентироваться на объективную текущую и прогнозируемую оценку состояния пациента, нежели на его субъективные ощущения.

В целом же, и в России, и в Германии различия в оценках эвтаназии де-юре и эвтаназии де-факто можно объяснить неготовностью респондентов допустить разрешение эвтаназии на законодательном уровне.

Основными причинами, по которым они считают эвтаназию недопустимой, респонденты назвали следующие. 34,6% в Германии и 40,4% в России считают, что эвтаназия может провоцировать злоупотребления со стороны врачей и родственников пациентов (большее количество сторонников данного утверждения в России может быть связана с более низким уровнем правовой культуры российского общества по сравнению с немецким); 30,7% и 42,1% соответственно ссылаются на ненулевую вероятность постановки ошибочного диагноза; 9,8% и 32,7% полагают, что развитие медицины в будущем может достигнуть такого уровня, при

котором будут успешно лечиться неизлечимые ранее болезни. Только 3,3% и 6,4% считают эвтаназию недопустимой, потому что человек не имеет права распоряжаться собственной жизнью, и 6,5% и 12,3% соответственно назвали эвтаназию убийством со стороны врача. Высокая статистическая значимость различий в ответах немецких и российских респондентов позволяет сделать вывод, что россияне более позитивно воспринимают возможности современной медицины и ее дальнейшего развития, но в то же время сохраняют определенный уровень недоверия к представителям медицинской профессии (это во многом связано с низкой квалификацией врачей «на местах»). В то же время существенная разница в оценке немецкими и российскими респондентами гипотетических возможностей медицины будущего может быть связана и с тем, что на Западе существуют достаточно успешные способы лечения некоторых заболеваний, по-прежнему считающихся неизлечимыми в России. Разница во мнениях об эвтаназии как убийстве со стороны врача может быть проинтерпретирована с учетом социокультурного контекста: в России эвтаназия запрещена, в Германии разрешена пассивная; кроме того, по мнению многих специалистов, российское общество сегодня может быть охарактеризовано как неопатриархальное — в стране растет авторитет церкви, происходит возврат (в том числе и с подачи правительства) к традиционным духовным ценностям, к числу которых относится и священность человеческой жизни. В Германии же, как ведущей стране Западной Европы, широко распространены либеральные идеи, особое внимание уделяется правам и свободам человека. Гуманизм здесь трактуется несколько иначе: если я уважаю человека, его личность и права, я помогу ему уйти из жизни, сохранив достоинство.

Основными причинами допустимости эвтаназии, по мнению респондентов, являются следующие. Наибольшую поддержку как немцы, так и россияне выразили варианту «*Это гуманно, когда человек испытывает невыносимые страдания*» (по 71,9% в каждой стране). По всей видимости, страдания, сопровождающие больного человека, имеют наибольшую значимость для допустимости эвтаназии вне зависимости от сферы деятельности респондента. При этом, говоря о студентах медицинского профиля, мы можем предположить: они имеют большую вероятность столкновения с ситуациями тяжелых заболеваний, сопровождаемых мучительными болями; это, в свою очередь, может влиять на их мнение относительно эвтаназии. 55,6% в Германии и 46,8% в России считают, что *необходимо уважать желание пациента, который не хочет быть обузой для своих близких*. 57,7% и 43,3% соответственно полагают, что *человек имеет право распоряжаться жизнью по собственному усмотрению*. Расхождение во взглядах представителей разных стран также объясняется различиями в ценностных установках (см. выше). Наконец, 13,7% немцев и 27,5% россиян высказались за то, что *поддержание жизни в безнадежно больных пациентах требует больших затрат, которые более необхо-*

димы тем, кто имеет шансы на выздоровление. Большую солидарность российских студентов с данным утверждением можно связать с состоянием современной российской медицины, до сих пор не решившей полностью ряд проблем системного характера — в частности, недостатка финансирования, проявляющегося, в том числе, и в дефиците медицинской техники, расходных материалов и высококлассных специалистов. В такой ситуации, вероятно, более рациональной респондентам представляется забота о больных, имеющих надежду на выздоровление.

Мнения опрошенных об особых обстоятельствах, которые могут сделать эвтаназию допустимой, распределились следующим образом. Большая часть респондентов в обеих странах полагают, что эвтаназия допустима в случае *смерти мозга* (т. е. перехода пациента в необратимое вегетативное состояние): 83,7% в Германии и 74,3% в России. 39,9% и 39,2% соответственно считают, что она может иметь место в случае *тяжелой инвалидности* (полного паралича тела, например). 69,9% и 50,9% сочли возможной эвтаназию в случае неизлечимого смертельного заболевания (СПИД, рак и пр.). 20,3% в Германии и всего 9,4% в России согласны с тем, что причиной для эвтаназии может стать длительное состояние *комы*. В данном случае, однако, разница во мнениях может отражать не столько разницу в социокультурных контекстах, сколько являться отражением событий, произошедших незадолго до проведения опроса российской части выборки: в апреле 2014 г. в мировых СМИ появилась информация о выходе из 95-тидневной комы известного немецкого автогонщика Михаэля Шумахера. События, связанные с Шумахером, получили широкий общественный резонанс, и это могло косвенно повлиять на формирование мнения респондентов об эвтаназии. Также 10,5% опрошенных в Германии и 6,4% в России в качестве обстоятельств, делающих эвтаназию приемлемой, указали вариант «Другое» при ответе на данный вопрос, причем наиболее популярными здесь стали такие критерии, как *сильные боли* и *четко выраженное желание самого пациента*.

Одной из составляющих отношения к проблеме эвтаназии является возможное поведение респондента в ситуациях непосредственного столкновения с неизлечимыми заболеваниями и страданиями. Автором изучалась не только оценка феномена эвтаназии, но и возможные действия человека в похожих ситуациях. Так, оказавшись на месте безнадежно больного человека, испытывающего невыносимые страдания, 75,8% в Германии и 65,5% в России предпочли бы попросить доктора ускорить их смерть, нежели умирать естественным путем; то есть больше половины респондентов в обеих странах, вне зависимости от получаемой специальности, согласны на эвтаназию в отношении себя. Такое лояльное отношение может быть связано, во-первых, с низким уровнем религиозности (см. ниже), а также являться следствием «несерьезного» отношения к смерти как к явлению, не имеющему к респондентам прямого отношения (в силу возраста, например),

и свидетельствовать о том, что жизнь не является приоритетной ценностью для большинства опрошенных.

Если бы знакомый или родственник респондента оказался в необратимом вегетативном состоянии, а принятие решения о продолжении жизнеподдерживающей терапии зависело от респондента, 62,7% в Германии и 56,1% в России отключили бы больного от системы питания. 19,0% и 35,1% соответственно продолжили бы поддерживать жизнь искусственным способом. Интересно отметить, что в обеих странах наименее согласными с прерыванием процедур по поддержанию жизни оказались представители социально-гуманитарного профиля. Необходимо также отметить, что количество респондентов, поддерживающих эвтаназию другого человека, снижается по сравнению с количеством опрошенных, согласных на применение эвтаназии в отношении них самих. Очевидно, что, несмотря на установки о предпочтительности смерти страданиям и нежелании обременять близких, ни немцы, ни россияне не готовы принимать подобные решения за других людей. Тем не менее, количество респондентов, готовых лично избавить близкого друга или члена семьи от невыносимых мучений посредством эвтаназии, достаточно велико: 48,3% в Германии и 49,1% в России согласились с данным утверждением (из них, однако, только 12,4% и 11,7% соответственно высказали однозначное согласие). 51,7% и 49,9% отказались это сделать. В России 43,9% студентов-медиков готовы провести акт эвтаназии, в то время как в Германии их количество составило 52,7%. Снова обращает на себя внимание «радикальность» представителей технических и естественнонаучных специальностей: 60,3% немецких и 76,4% российских студентов, обучающихся по данным программам, согласились избавить близкого человека от страданий собственноручно. Эти данные вместе с уже проанализированными выше дают основания сделать обобщающий вывод о том, что студенты, изучающие точные науки, более склонны рассматривать эвтаназию как допустимое действие. Возможно, сфера и направление подготовки студента (в данном случае — сфера точных наук) способствует формированию и развитию определенного мировоззрения, в рамках которого эвтаназия рассматривается как рациональное и целесообразное действие (к слову, среди высказавшихся за аргумент о приемлемости эвтаназии в случаях, когда жизнеподдерживающая терапия безнадежно больных пациентов требует значительных финансовых затрат, большинством оказались именно студенты технических и естественнонаучных направлений).

Одной из задач исследования являлось выяснение различий во мнении относительно эвтаназии различных подгрупп. Анализ переменной «отношение к эвтаназии» по полу и экономическому статусу не выявил никаких связей, что свидетельствует о том, что ни пол, ни финансовое положение не влияют на формирование мнения о проблеме эвтаназии ($p > 0,05$). Дальнейший анализ поэтому

проводился по трем независимым переменным: религиозные взгляды, политические взгляды и степень вовлеченности в проблему.

Уровень религиозности

Автором было высказано предположение: конфессиональная принадлежность оказывает существенное влияние на степень принятия эвтаназии. В данном исследовании анализируются два аспекта религиозности: конфессиональная идентичность и религиозная активность респондента.

Вопреки ожиданиям, большинство (88,2%) сторонников христианства в Германии считает эвтаназию приемлемой. Люди, не считающие себя верующими, также в большинстве (96,2%) поддерживают идею эвтаназии. Интерес представляет также ситуация с последователями ислама, однако ввиду малого количества респондентов сделать содержательные выводы невозможно.

Вероятно, столь высокий уровень одобрения эвтаназии представителями христианства связан с тем, что в г. Билефельд, где проводился опрос, большинство жителей (45%) принадлежат Евангелической церкви (протестантизм), и только 16% являются католиками¹. Протестантская церковь имеет особое отношение к человеческому достоинству и к смерти, и потому гораздо более терпима к эвтаназии.

В России гораздо меньше христиан высказывается в поддержку эвтаназии. Это связано с тем, что большинство верующих респондентов принадлежат к Русской Православной Церкви, которая категорически запрещает самоубийство (эвтаназия здесь рассматривается как одна из его форм).

Верующие представители основных конфессий высказываются в поддержку эвтаназии реже, чем неверующие респонденты, что является следствием основных положений этих религий о том, что человек не имеет права распоряжаться ни своей, ни чужой жизнью.

Тем не менее, достаточно большое количество верующих студентов в обеих странах все же считает эвтаназию приемлемой. Это отчасти может быть связано с тем, что религиозность многих респондентов является «поверхностной» — они позиционируют себя как христиан, мусульман и представителей иных религий, но соответствующие религиозные предписания либо не соблюдают, либо соблюдают частично. Позитивное же отношение к эвтаназии неверующих респондентов достаточно предсказуемо: нерелигиозное мировоззрение основной ценностью считает свободу выбора, проявляющуюся, в том числе, и в возможности избавиться

¹ Angaben des Amtes für Demographie und Statistik, Bielefeld (Stand Ende 2013) (Эл.ресурс <http://www.bielefeld.de/de/gs/kirchen/>, доступ от 14.05.2014).

от страданий, в то время как сами страдания, в отличие от религиозных убеждений, не представляют собой никакой ценности¹. Позитивное отношение к эвтаназии у обеих групп респондентов объясняется прежде всего состраданием (см. выше); неприемлемость эвтаназии аргументируется верующими с такой же частотой, как и неверующими, вероятностью врачебной ошибки и риском злоупотреблений. Примечательно, что религиозные аргументы (человек не имеет права распоряжаться жизнью, эвтаназия — убийство) против эвтаназии у верующих встречаются достаточно редко. Таким образом, негативное отношение, как у верующих, так и у неверующих респондентов обуславливается не столько религиозным или нерелигиозным мировоззрением, сколько опасениями по поводу криминализации эвтаназии.

Преыдушие исследования показали, однако, что на одобрение эвтаназии влияет в большей степени уровень религиозной активности респондента, нежели его принадлежность к определенной конфессии (см. выше). В данном исследовании 88,9% опрошенных, часто принимающих участие в религиозных мероприятиях, высказались за недопустимость эвтаназии, в то время как 93,3% и 84,9% респондентов, не принимающих в них участия или участвующих редко, считают эвтаназию возможной. Между переменной «религиозная активность» и «отношение к эвтаназии» существует относительно слабая обратная корреляция (чем выше религиозная активность респондента, тем более нетерпимо он относится к эвтаназии). Принимая во внимание высокую значимость ($p < 0,001$), можно сделать вывод, что в данном исследовании высокая религиозная активность действительно детерминирует отношение респондента к проблеме эвтаназии.

Уровень политизированности

Одной из гипотез исследования являлось предположение о том, что политические взгляды респондента влияют на его отношение к проблеме эвтаназии. Как и в случае с уровнем религиозности, переменную «уровень политизированности» в данном исследовании составляют два аспекта: политические взгляды и политическая активность.

И в Германии, и в России большинство опрошенных высказывается в поддержку эвтаназии вне зависимости от политических воззрений. Общий уровень поддержки эвтаназии в Германии снова выше, чем в России.

¹ Религия в российском обществе. Традиционные религиозные и либеральные взгляды // Под ред. М. В. Романова и В. В. Степанова – М.: Общественная палата РФ, 2012.

Ожидаема поддержка идеи эвтаназии среди респондентов с демократическими и либеральными взглядами, а также приверженцев анархистской идеологии: главным принципом и либерализма, и демократии является неизбежность прав и индивидуальных свобод человека, анархизм же отрицает любое проявление власти человека над человеком; свобода анархизма — в возможности каждого выбрать правила для себя. Любопытно неожиданно большое количество сторонников эвтаназии среди социалистов, ведь сам по себе социализм всегда противопоставлялся индивидуализму. В то же время, однако, благодаря именно коллективистским воззрениям, отрицающим ценность отдельного человека для общества, эвтаназия может считаться социалистами приемлемой. Интерес представляют также респонденты, разделяющие националистические взгляды, однако снова не представляется возможным сделать содержательные выводы ввиду малого количества опрошенных. Кроме того, необходимо отметить, что в России в поддержку эвтаназии выступили также те, кто причисляет себя к монархистам.

Анализ переменной «уровень политизированности» показал также, что степень принятия эвтаназии зависит не только от религиозной активности респондента, но и от политической. Между переменными «политическая активность» и «отношение к эвтаназии» существует слабая прямая корреляционная зависимость (чем выше политическая активность респондента, тем более он склонен одобрять эвтаназию). Несмотря на небольшое значение коэффициента корреляции, зависимость была признана значимой ($p < 0,05$), что дает основания для вывода: политическая активность, хотя и в меньшей степени, чем религиозная, также влияет на отношение респондента к феномену эвтаназии.

Степень вовлеченности в проблему и социокультурный контекст

Еще одной гипотезой исследования являлось предположение о том, что люди, лично сталкивавшиеся с ситуацией терминальных заболеваний и невыносимыми страданиями, причиняемыми ими, более лояльны к эвтаназии, нежели те, кто знает о данной проблеме благодаря СМИ или рассказам знакомых. Однако по результатам настоящего исследования данная гипотеза не может быть ни подтверждена, ни опровергнута. 85,3% респондентов, чьи близкие родственники или друзья смертельно больны либо умерли от неизлечимых заболеваний, считают эвтаназию приемлемой. Ее также поддерживают 93,0% опрошенных, чьи коллеги или однокурсники оказывались в подобной ситуации, и 90,9% слышавших что-либо от своих знакомых. 83,3% респондентов, знакомых с проблемой эвтаназии через масс-медиа, также относятся к ней одобрительно. Примечательно, что в Германии целых 91,3% опрошенных, чей родственник или друг находится в ситуации терминального заболевания, поддерживают эвтаназию, в то время как в России с этим соглашаются только 78,3% респондентов из той же подгруппы. Следует также заметить, что среди немецких студентов частота случаев непосред-

ственного столкновения с такими заболеваниями выше, чем в России: 45,1% против 35,1%. Большая часть (54,4%) российских студентов получает информацию о проблеме эвтаназии из средств массовой коммуникации.

Была также проверена гипотеза о том, что социокультурный контекст оказывает существенное влияние на отношение к феномену эвтаназии. Несмотря на то, что большинство респондентов в обеих странах, в целом, высказываются в поддержку эвтаназии, в Германии одобрение данного феномена существенно выше, чем в России. Между названными переменными также существует значимая корреляция, что позволяет утверждать: социокультурный контекст действительно детерминирует оценку данного феномена.

Подводя итог всему вышесказанному, можно сделать следующие выводы. Абсолютное большинство опрошенных в обеих странах знает, что такое эвтаназия. Интересно, что о проблеме эвтаназии российские студенты осведомлены лучше, чем немецкие, хотя развитость западноевропейского дискурса по данной проблеме должна предполагать обратное. Далее, подавляющее большинство респондентов в обеих странах считают эвтаназию допустимой. Отношение к феномену эвтаназии различается у немецких и российских студентов. На отношение респондента к эвтаназии влияют специальность, которой он обучается, а также уровень религиозности и политизированности. Представители медико-санитарных специальностей в целом поддерживают эвтаназию менее активно по сравнению со студентами технических и естественнонаучных и социо-гуманитарных профилей; кроме того, они более сдержанны в оценках данного явления. Респонденты с низким уровнем религиозности в большей степени принимают идею эвтаназии, чем религиозно активные участники исследования. Политически активные студенты также относятся к эвтаназии лояльнее, нежели респонденты с низким уровнем политизированности. Степень вовлеченности в проблему не оказывает влияния на отношение опрошенных к эвтаназии.

Респонденты в целом высказываются как в пользу допустимости эвтаназии, так и в пользу ее легализации. Тем не менее, существуют различия, во-первых, в оценках студентов медицинских и немедицинских профилей. Респонденты, не имеющие отношения к медицине, в большей степени склонны поддерживать эвтаназию. Во-вторых, статистически значимые различия наблюдаются в оценках студентов-немцев и студентов-россиян. И в России, и в Германии большинство респондентов поддерживает как пассивную, так и активную формы эвтаназии. Большинство респондентов при этом считают эвтаназию допустимой либо в ситуации смерти мозга, либо в ситуации неизлечимого смертельного заболевания.

Социокультурный контекст оказывает влияние на отношение респондента к эвтаназии. Для Германии, европейской страны с высоким качеством жизни, где авторитет церкви достаточно слаб и широко распространены идеи либерализма,

проблема эвтаназии не нова. Большинство респондентов, опрошенных в Германии, поддерживают эвтаназию в любой ее форме, кроме евгенистической (вероятно, это связано с исторической памятью немецкого народа). В России проблема эвтаназии не столь актуальна, она не входит в круг проблем, обсуждаемых регулярно и формирующих вокруг себя определенный дискурс. Кроме того, на формирование общественного мнения по поводу эвтаназии сильно влияет институт церкви, который в России по-прежнему обладает высоким авторитетом. Тем не менее, несмотря на то, что общая поддержка идеи эвтаназии в России несколько ниже, чем в Германии, больше половины опрошенных считают ее приемлемой.

Дискуссионность проблемы эвтаназии и неоднозначность ее трактовок и объяснений являются одними из основных признаков ее проблемности. Дебаты о законности и моральности данного феномена стали значительным событием последних десятилетий XX века, и есть основания предполагать, что они останутся источником сильных противоречий и в XXI веке. Исследование, проведенное автором, является лишь одним из многих шагов в направлении дальнейшего исследования данного феномена и комплекса проблем, связанных с ним — проблем обеспечения качества жизни, реализации прав человека, реформирования системы здравоохранения и т. д.

References:

1. Cohen J. and others. Trends in acceptance of euthanasia among the general public in 12 European countries (1981–1999)//European Journal of Public Health, Vol. 16, No. 6, 2006. Pp. 663–669.
2. Leppert W. and others. A Comparison of Attitudes Toward Euthanasia Among Medical Students at Two Polish Universities//J Canc Educ, No. 28. 2013. Pp. 384–391.
3. Maitra R. T. and others. Do German General Practitioners Support Euthanasia? Results of a nation-wide questionnaire survey. European Journal of General Practice, 2005. Vol. 11. Pp. 94–100.
4. Ryynaenen, O. P., M. Myllykangas, M. Viren and H. Heino. Attitudes toward euthanasia among physicians, nurses and the general public in Finland. Public Health, 2002. 116. Pp. 322–331.
5. Ummuhan Bas Aslan, Ugur Cavlak. Attitudes towards euthanasia among university students: A sample based on Turkish population//Journal of Medical Science, 2007. Vol.7. Pp. 396–401.
6. Verpoort C., C. Gastmas, N. D. Bal and B. D. Casterle. Nurses' attitudes to euthanasia: A review of literature//Nurs. Ethics. Vol.11. 2004. Pp. 349–365.
7. Wong Yut Lin and others. Attitudes of Medical Students Towards Euthanasia in a Multicultural Setting//Med J Malaysia, Vol. 60, No. 1. March 2005. Pp. 46–49.

8. Алабердеева Г. Р. Отношение к эвтаназии (опыт анализа общественного мнения) // Социологические исследования. 2013. № 5. С. 141–144.
9. Богомяткова Е. С. Эвтаназия как социальная проблема: стратегии проблематизации и депроблематизации // Журнал исследований социальной политики, т. 8, № 1. 2010. С. 33–52.
10. Иерусалимский В. П. Религиозность и конфессии в современной Германии // [Online] (<http://www.gazetaprotestant.ru/2008/10/religioznost-i-konfessii-v-sovremennoy-germanii/>) (дата обращения 28.06.2014).
11. Карп Л. Л., Потапчук Т. Б. Проблема эвтаназии в Казахстане: «за» и «против» // Социологические исследования. 2004. № 2. С. 135–137.
12. Религия в российском обществе. Традиционные религиозные и либеральные взгляды // Под ред. М. В. Романова и В. В. Степанова — М.: Общественная палата РФ, 2012.

*Stepanova Elena Igorevna,
Baltic State Technical University VOENMEH,
Senior researcher
E-mail: len.stepanova@gmail.com*

*Saganenko Galina Iosifovna,
Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences,
Leading researcher
E-mail: saganenko.selina@yandex.ru*

Modern principles for effective learning: a view of sociology¹

1) Changes in the world.

Modern society changes constantly in various aspects. In the Soviet Union intensive and unpredictable changes were started by Mikhail Gorbachev's Perestroika in 1985. Changes happen around the world and they become more powerful and more variable. To think that soon the life will become stable and steadily is unacceptable.

Sociologists study changes, fixing that they occur at different levels – macro, meso and micro. In particular, in Anthony Giddens's textbook «Sociology» the problematics of changes is presented in section «Social Changes: Why they occur? Changes in our day». The whole chapter «The changing world» is devoted to globalization

¹ This article is prepared on the basis of the projects supported by the Russian Foundation for Humanities (No 13-33-01315 and No 14-03-00773).

questions: «Why there is a globalization»; «The factors promoting growth of globalization»; «Influence of globalization on our life»¹.

2) Theoretical vs. empirical approach.

The sociologists mostly discuss changes theoretically and pay small attention to their empirical studies. Changing society demands special research tools. So Anthony Giddens in his textbook «Sociology» offers a section «Need for Global Management», but there is no section on how sociologists should study such global processes empirically.

The most interesting ideas, programs and empirical results on studying the global changes we found in Hans Rosling presentations. He worries that the experts have no good statistical knowledge and understanding of worldwide tendencies, in this case it is impossible to make adequate decisions. Hans Rosling's model is saturated with the real data on 500 variables and contains data about 125 countries, for the period since 1962. The table models show how continuously the world changes and how certain countries from one development group move into another through years. Having created the unique tools of analysis and presentation of world Hans Rosling worries on a problem of their implementation and he wants to make them available to different people on the Internet in order to provide the possibility to study the world tendencies, to see transformations of the situations in different regions and in the certain countries².

3) Usefulness of sociological thinking for people.

Sociologists also discuss the issue of importance of peoples' understanding of the surrounding world and their own life, of resources that sociology can offer for this purpose. The American sociologist Charles Wright Mills in his book «The Sociological Imagination» written more than 50 years ago strongly criticized sociologists standing on the two global research platforms – their hope on so-called «the big theory» and commitment to «abstract empiricism» – and put forward the idea of extreme significance of «sociological imagination»³.

For many sociologists of the ideas of Mills became very attractive, they began to emphasize importance of sociological imagination and to offer their findings concerned to the issue. Among them *Zygmunt Bauman*, Anthony Giddens, Piotr Sztopka, Peter Berger, etc. and also Russian sociologists Andrey Alekseev, Andrey Zdravomyslov, Sergey Kravchenko, etc.

¹ Giddens, Anthony (2006). *Sociology* (Fifth Edition). Cambridge. P. 55-77.

² Rosling, Hans. Best stats you've ever seen before. http://www.ted.com/playlists/35/bill_gates_my_13_favorite_tal.html

³ Mills, C Wright (2000). *The sociological imagination*. Fortieth Anniversary Edition. Oxford University Press, 2000.

Zygmunt Bauman in his textbook "Thinking Sociologically" (1990) declares that he is confident in its demand: "the art of sociological *thinking* tends to widen the scope, the daring and the practical effectiveness of your and my freedom"¹.

Unfortunately, we cannot find any applicable advice on how to learn/teach to think sociologically and how to develop the sociological imagination.

4) Respondents as a resource not a partner in research.

The part of cares of modern sociologists can be related to a problem of study of actual social reality, need of interaction with it. The President of the International Sociological Association (2006-2010) Michel Wieviorka in a report "Sociology: What does it serve?" on the 3rd All-Russian Sociological Congress (Moscow, 2008) addressed to a situation realized by only very few sociologists – how to return results to those whom we study and from whom we receive information, whether respondents are a resource or a partner in our research, how to give them opportunity to make something with results of our analysis of their data, somehow to use them. Wieviorka offers several ways for the solution of such a task².

Our reflexive technology provides certain opportunities: to study changes, to develop sociological thinking, to be useful for people whom we involve in our researches and thereby to promote the better understanding of the world and our life. We substantiated the system of the developed principles of humanistic sociology which are able to provide progress for researchers and respondents, lecturers and students, experts and common people.

5) Character of modern economy, factors of its efficiency in the world.

The character of modern economy, its purposes and demanded resources are substantially changed. The epoch of total information technologies has come. They penetrate production, work and all aspects of our life. The mass of professions left from the modern stage or moved to other countries. The multiplicity of new professions and occupations appeared. The mass of new requirements and opportunities of public and private character came. Parameters of quality of life are changed. Possibilities of the modern construction industry strike with unique examples of megaprojects in the different countries.

The economy becomes economy of knowledge. Essentially new tasks are set for the education system.

However standardization and formalization of education and knowledge, carried out in Russian education, preserve for years methods and technologies, education prepares "soldiers" for "the previous war". Respectively, cardinal changes in education are required, and in Russian education they are especially insistent.

¹ Bauman, Zygmunt (1990) *Thinking Sociologically. An introduction for Everyone*. Cambridge.

² Wieviorka, Michel (2008). *Sociology: What does it serve? – In: 3rd All-Russian Sociological Congress. Moscow.*

6) Information technologies and new calls to education.

The developed information technologies and new communication resources created by them are capable to bring revolutionary changes to the education system.

The Learning World program gave unique examples of learning efficiency with support of modern information and communication technologies

Other points we will only list.

– Education as EXCLUSION factor.

– Changes of ideas and parameters of quality of life.

– Dissatisfaction with prospects of professional and personal self-realization in the country.

– People at the bottom of societies. People in difficult life situation. Migrants. Refugees.

– Worthy education for children as a link extending all chain, exempting from factors of unsuccessful life.

– Education for disabled people. Inclusive order to education. Resources and ways of inclusion/return of people in normal life.

7) Diagnostics of existing education and results received in it.

Let's note the most important aspects of insufficiency of existing education.

1) content of a training material on the majority of subjects and in considerable volume in each subject;

2) principles and ways of training (stretched on time, not dynamic);

3) reached results (nature of received knowledge and degree of confidence of students themselves on educational, social and professional fields);

4) roles of the students in educational process;

5) high potential of exclusion (deprivation of huge portion of students) as the direct pressure at the expense of uncomfortable and inefficient forms of education, low-quality education.

Each of these points can be described more thoroughly, to give results of empirical researches and private examples.

Outdated, static, unattractive material having no relation to reality on the majority of subjects. Generally it belongs to social and humanitarian subjects, but also partially to exact disciplines;

Material is boring, abstract, aloof or artificially complicated, training formats not dynamic, not attractive, monotonous, demanded patience and assiduity – children not lose the interest to study, but also earn the mass of inferiority complexes for the rest of life. Such shouldn't be.

Life of the real person and his social environment, the concrete place and time are completely ignored in educational process;

The role which is given to a student, is a specific passive role.

Education doesn't correspond to age and abilities of students. Age of students and their ability in educational material/process as a whole are underestimated, training is guided by a situation of previous decades, doesn't consider shifts in development of modern children.

There is no modern reality; there is no modern era, the modern world, the modern country and society.

Education doesn't address to life of the modern student, isn't guided by judgment to them values and spheres of its own life, a situation in its environment and further in spheres of private and public life more remote from it. It is supposed that the child shouldn't see, hear, realize, be filled with information and live life – him rigidly close on the dead text of the textbook which was created in specific conditions and under specific tasks.

In textbooks/study the situation of permanent and universal changes isn't discussed at all, conditionality of changes isn't analyzed by global, national, regional, group and individual factors of different level.

Earning of the independence / own importance of the student is postponed for far and absolutely uncertain future.

Teachers themselves have seldom own experience of considerable achievements (and that too is important, absence of experience of overcoming of serious losses and defeats) and therefore isn't able to transfer to the wards of idea of appeal of persistence, concentration, overcoming of critical situations, usefulness not only take-off, but also falling and, finally, achievement of pleasure of victories and fulfillments.

In Russian (general and professional) education, the applied parties of knowledge, possibility of transition to practical realization, ideas of motivation to activity and innovations, readiness for professional self-realization are extremely poorly presented.

In training materials there are no modern personalities – unless the canonized persons who have entered into the Pantheon of domestic glory tens or hundreds years ago are only presented. Even there are opportunities to get on a meeting with alive classics – to hear to a course of lectures, to read their articles and conversation about creativity, culture, education ... However, "palette" of the Russian opportunities of a meeting and communications with large-scale figures is rather modest.

In training materials there are no actual events. As the most attractive and effective for development/training of students – it is undoubted, separate breakthrough achievements in modern architecture and the construction, having complex character can act.

*Yurova Inna Yurievna,
Saratov State Medical University named after V.I. Razumovsky,
postgraduate student, the Department of Philosophy,
Humanities and Psychology
E-mail: innessa2010@mail.com*

Different approaches to health-saving behavior

The term health-saving behavior is now investigated in the field of Russian social medicine. Social science pays more and more attention to behavioral component in people's attitude towards their health and life quality.

Health-saving behavior has been studied by many Russian scientists but the greatest contribution in research has been made by the group of scientists under the guidance of Professor A. Antonov. On the basis of empirical studies they have managed to work out that gender aspect is essential in people's attitude towards their health and life quality. According to A. Antonov structure of health-saving behavior of a person has not been worked out yet as well as relationship between its structural elements, classification of main results of such behavioral habits in concern with people's health (or problems) referred to interconnection between health-saving behavior of an individual and health level, morbidity rate, life expectancy of different social groups in country as a whole. However, we can assume that nowadays study of health-saving behavior in different social groups is a problem of current importance, it being solved within various social sciences, i. e. social demography, sociology of health and sociology of medicine¹.

A great number of approaches to the question of health-saving behavior reveal a wide range of different components in its structure. Thus, O. Kalachikova and S. Korchagina have analyzed theoretic and methodological approaches to the given problem and offered the following structure of health-saving behavior. Health-saving behavior is claimed by them to be based on people's requirements of health and longevity associated with their attitude to medical and hygiene education, health self-judgment, health value and socially approved behavioral patterns².

Health is one of the main goals in life of an individual. It is determined by many factors, i. e. physical and medical activity, sexual behavior, diet, stress resistance, bad habits, work-rest ratio, age³, etc. Some researchers (A. Antonov, V. Zhuravleva,

¹ Антонов А. И. Микросоциология семьи (Методология исследования структур и процессов): Учебн. пособие для вузов. – М.: Издательский Дом «NotaBene», 1998. – 360 с.

² Калачикова О. Н., Корчагина П. С. Основные тенденции самосохранительного поведения населения региона // Проблемы развития территории. – 2012. – № 5 (61). – С. 72–82.

³ Чернышкова Е. В. Альтернативные практики поддержания здоровья в пожилом возрасте // Саратовский научно-медицинский журнал. – 2011. – Т. 7, № 4. – С. 923–925.

L. Ivanova, S. Kashurkina and L. Shilova) have outlined a number of other aspects of health saving behavior. They have pointed out the role of health in the people's value paradigm; motives that make an individual take care of health; changes in attitude towards health during life of an individual and their causes. Others have indicated the importance of healthy life style, disease prevention, physical activity, etc. in view of personal self-judgment¹.

It is necessary to emphasize that health-saving behavior is a wider notion including the idea of health preservation as well. Some scientists suppose that health-saving behavior is equal to health preservation. So, health-saving or health-preserving behavior is considered as a system of succeeding actions aimed at creating and maintaining health level, decreasing morbidity and increasing life expectancy. The main factors that determine health-preserving behavior are identical to those ones peculiar to health-saving behavior patterns, i. e. medical activity; attitude to personal health, physical activity and sports, drug abuse; reproductive activity and sexual behavior². We consider methodologically incorrect to identify these two scientific notions. Since it may result in confusing of two concepts, one should assume the necessity of distinct categorization of these health-related behavior types.

Health-preserving behavior is the object of study within a sphere of psychology. According to L. Ulyayeva the given type of behavior includes three structural components: cognitive, emotional and motive-behavioral. Cognitive component comprises knowledge of individual health, negative and positive factors that may influence it and its role in vital function of a person. The second one reflects emotional approach to individual health level, feelings and worries related to positive or negative changes in physical and mental wellbeing. The third component defines the role of health within value paradigm, people's motives to keep and maintain health level and behavioral changes in case of health problems. Thus, it is necessary to point out that important aspect of such activity is lost due to the lack of value-determined component in notion of health preservation³.

Otherwise, in research work performed by N. Yakovleva health-preserving behavior is analyzed from social-psychological view point. On the basis of this concept three aspects are outlined, i. e. action/activity, multi-stage process and the act of decision

¹ Калачикова О. Н., Корчагина П. С. Основные тенденции самосохранительного поведения населения региона // Проблемы развития территории. – 2012. – № 5 (61). – С. 72–82.

² Мальцев С. В., Давыдова В. М., Землякова Э. И. Условия формирования здоровьесберегающего поведения подростков // Научно-практический медицинский журнал. Практическая медицина. – 2011. – № 5 (11). URL: <http://pmarchive.ru/usloviya-formirovaniya-zdorovesberegayushhego-povedeniya-podrostkov> (дата обращения 24.02.14).

³ Уляева Л. Г. Психологический индикатор здоровьесбережения личности // Теория и практика физической культуры. – 2006. – № 6. – С. 55.

making. Health-preserving behavior as the act of decision-making is described by N. Yakovleva through two behavioral patterns of an individual. The first one is a result of integration of personal cognitions related to health, such as perceived risk, awareness of the problem, possible advantages and disadvantages of the given behavioral pattern of an individual. The second one is based on self-effectiveness value, i. e. personal evaluation of non-adaptive behavior and its denying. These are one-dimensional models of decision-making. They are cognition-related health patterns which may be helpful only in the analysis of the simple forms of social behavior. Within multi-stage approach to health-preserving behavior N. Yakovleva notices that an individual must experience several stages of health behavior starting with decision-making and finishing with action/activity itself. Every new stage is a completely different type (model) of behavior. Transitional phases give the possibility to make different prognosis and to suppose different factor changes attributed to the transition. This concept evokes two corresponding behavioral models: the model associated with taking protective measures and another one — trans-theoretical model of behavioral changes¹.

Health-preserving actions are activities concerned with the development of individual life resources necessary to adaptation of a person in social environment. Health-preserving activity like any other activity has its own motive, aim, system of actions and results control. At the same time priority, integrity and systematic optimality distinguish health-preserving activity from any others.

According to S. Letunovskaya one of the main criteria of health-preserving behavior in a person is the necessity of health which results from impairment of body functions or from any outward danger. Certain knowledge is helpful in making health-preserving behavior function, i. e. awareness of positive and negative factors, signs of different health disorders, their treatment and prevention, subjects of help, information resources, etc. Health-preserving behavior is regulated by social norms, i. e. rules and standards worked out by society. Social attitudes based on three components: cognitive, affective (positive attitude toward obtained information) and behavioral (intentions to behave in a certain manner) are necessary to keep the rules and standards. Relevant knowledge and skills are also of great importance².

In Russian scientific society the question of health-saving behavior is studied within the psychological-pedagogic tradition as well. It has brought to life the follow-

¹ Яковлева Н. В. Здоровьесберегающее поведение человека: социально-психологический дискурс // *Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие: сетевой журн.* – 2013. – № 1. – С. 70–79. URL: http://humjournal.rzgm.ru/upload-files/02_Yakovleva_N.V_2013_03.pdf (дата обращения 24.02.14).

² Летуновская В. С. Здоровьесберегающее поведение детей с ОВЗ: основные задачи формирования. URL: http://www.rusnauka.com/14_ENXXI_2012/Psihologia/8_110395.doc.htm (дата обращения 12.01.13).

ing scientific notion — “health saving pedagogics” (V. Bukova, V. Bykov, D. Viktorov, L. Borisova, O. Evstifeeva, V. Kasatkin, etc.). From this point of view health-saving behavior is seen as a specific type of activity in high school educational environment. Its aim is to transmit cultural background experience of the humanity to next generation in concern with improvement of individual and public health as well as transformation of intellectual and emotional aspects of personality. It may become possible only if a student realizes personal responsibility for individual health. Furthermore, it may help to improve intellectual and emotional life spheres of a person¹.

Health-saving techniques are based on different approaches to health protection. Thus, various methods and forms of work are used in educational system for their realization. Among them it is necessary to mention medical-hygiene techniques (associated with health and prophylaxis), health-related physical education techniques (associated with physical exercises necessary for the development of a healthy individual), ecological (associated with healthy environment and balanced interrelation with nature), life safety techniques (associated with life/health maintenance in case of emergency situation), health-saving educational techniques (associated with psychological health, healthy life style, absence of bad habits and improvement of health culture). Two more techniques are left, i. e. social-adaptive and the ones related to personal development. Their tasks are to make adaptive abilities of an individual much better and to strengthen psychological health as well. So, all the techniques are closely connected with health-preserving actions in forming health-saving behavior of a child². This is one of the ways how health-saving behavior notion is realized within the subject matter of educational sciences in Russia.

Defining general notion of health behavior and its types Western and American scientific societies follow almost the same patterns but still there are some notable variations. Thus, according to D. Gochman, health behaviors are “those personal attributes such as beliefs, expectations, motives, values, perceptions, and other cognitive elements; personality characteristics, including affective and emotional states and traits; and overt behavior patterns, actions, and habits that relate to health maintenance, to health restoration, and to health improvement.” Hence, he assumes that any human action which has a direct or indirect impact on the health of a human being is health behavior.

The author has categorized health behavior into four major types. The first one is healthy behavior, which involves activities of individuals that keep them healthy,

¹ Быков В. С., Викторов Д. В. Здоровьесбережение студенческой молодёжи технического вуза в условиях поиска новой образовательной парадигмы//Успехи современного естествознания. – 2010. – № 9 – С. 154–156.

² Смирнов Н. К. Здоровьесберегающие образовательные технологии в современной школе. Методическое пособие. – М.: АПК и ПРО, 2002. – 121 с.

such as having a balanced diet, doing regular exercises, etc. Second — preventive health behavior, which involves activities undertaken by individuals for the purpose of preventing or detecting illness. Third one is risk behavior, which involves activities of individuals that cause some sickness, such as consumption of alcohol, tobacco and having unsafe sex, etc. Finally, there is sick-role behavior, which involves activities of individuals that help them in recovering from a disease, e. g. medical treatment, etc¹.

Other scientists (K. Glanz, J. Maddock, N. Chin, A. Monroe, K. Fiscella, D. B. Bishop, etc.) claim that behavioral health refers to the reciprocal relationship between human behavior — individually or socially — and the well-being of the body, mind and spirit, whether the latter are considered individually or as an integrated whole.

The term is more commonly used by researchers to describe a field of scientific study, academic proficiency and clinical healthcare practice. The term “behavioral health” has also been used in some research papers to describe the blending of substance (alcohol, drugs, inhalants and tobacco) abuse and mental health disorders prevention and treatment for the purpose of providing comprehensive services. So it could turn into an opportunity for integration of two scientific fields (social and medical) on the basis of behavioral health research².

Furthermore, N. Chin, A. Monroe and colleagues have proposed biopsychosocial model of health behavior. Health behavior is understood by them in a broad social context, where social class plays a great role in the formation of people’s health behaviors through multiple pathways, including limited opportunities for self-fulfillment, financial constraints, health beliefs, self-efficacy, stress and social support. People are quite rational, aware, self-creating agents of their own health who pursue their own self-interests. In these rational approaches “behavior model is seen as a psychological property of individuals who are influenced by consciously chosen goals”³. However, rational choice model is incomplete. It lacks many important components. While biopsychosocial model gives fuller understanding of all risk behaviors. In this model societal factors are viewed as fundamental contributors that affect behavior through social, psychological, and ultimately biological pathways⁴.

¹ Glanz K., Maddock J. Health-Related Behavior//Encyclopedia of Public Health. 2002. Available at: http://www.encyclopedia.com/topic/Health_behavior.aspx (accessed 12 October 2014).

² Behavior, Health, and Society. Available at: <http://sowkweb.usc.edu/research/research-clusters/behavior-health-and-society> (accessed 23 September 2014).

³ Chin N., Monroe A., Fiscella K. Social Determinants of (Un)Healthy Behaviors// Education for Health. – 2000. – № 3 (Vol. 13). – Pp. 317–328. Available at: <file:///C:/Users/%D0%98%D0%BD%D0%BD%D0%B0/Downloads/-fmclerk-files-required-reading-chin-tbl-1.pdf> (accessed 23 September 2014).

⁴ Там же.

The health of a person has a vital impact on the collective health of his community and hence on the well-being of the society as a whole. In today's fast paced technology driven world, health issues are increasingly being associated with human behavior — their lifestyle. Social networks have a tremendous impact on the health behavior of individuals these days. Many researchers have used different approaches and analyses to understand human behavior that implicates social, medical, economic and other environments. So the problem is widely discussed in the context of sociology, medicine, psychology and pedagogics.

References:

1. Антонов А. И. Микросоциология семьи (Методология исследования структур и процессов): Учебн. пособие для вузов. – М.: Издательский Дом «NotaBene», 1998. – 360 с.
2. Быков В. С., Викторов Д. В. Здоровьесбережение студенческой молодёжи технического вуза в условиях поиска новой образовательной парадигмы//Успехи современного естествознания. – 2010. – № 9 – С. 154–156.
3. Калачикова О. Н., Корчагина П. С. Основные тенденции самосохранительного поведения населения региона//Проблемы развития территории. – 2012. – № 5 (61). – С. 72–82.
4. Летуновская В. С. Здоровьесберегающее поведение детей с ОВЗ: основные задачи формирования. URL: http://www.rusnauka.com/14_ENXXI_2012/Psihologia/8_110395.doc.htm (дата обращения 12.01.13).
5. Мальцев С. В., Давыдова В. М., Землякова Э. И. Условия формирования здоровьесберегающего поведения подростков//Научно-практический медицинский журнал. Практическая медицина. – 2011. – № 5 (11). URL: <http://pmarchive.ru/usloviya-formirovaniya-zdorovesberegayushhego-povedeniya-podrostkov> (дата обращения 24.02.14).
6. Смирнов Н. К. Здоровьесберегающие образовательные технологии в современной школе. Методическое пособие. – М.: АПК и ПРО, 2002. – 121 с.
7. Уляева Л. Г. Психологический индикатор здоровьесбережения личности//Теория и практика физической культуры. – 2006. – № 6. – С. 55.
8. Чернышкова Е. В. Альтернативные практики поддержания здоровья в пожилом возрасте//Саратовский научно-медицинский журнал. – 2011. – Т. 7, № 4. – С. 923–925.
9. Яковлева Н. В. Здоровьесберегающее поведение человека: социально-психологический дискурс//Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие: сетевой журн. – 2013. – № 1. – С. 70–79. URL: http://humjournal.rzgmu.ru/upload-files/02_Yakovleva_NV_2013_03.pdf (дата обращения 24.02.14).

10. Behavior, Health, and Society. Available at: <http://sowkweb.usc.edu/research/research-clusters/behavior-health-and-society> (accessed 23 September 2014).
11. Chin N., Monroe A., Fiscella K. Social Determinants of (Un)Healthy Behaviors//Education for Health. – 2000. – № 3 (Vol. 13). – Pp. 317–328. Available at: <file:///C:/Users/%D0%98%D0%BD%D0%BD%D0%B0/Downloads/-fmclerk-files-required-reading-chin-tbl-1.pdf> (accessed 23 September 2014).
12. Glanz K., Maddock J. Health-Related Behavior//Encyclopedia of Public Health. 2002. Available at: http://www.encyclopedia.com/topic/Health_behavior.aspx (accessed 12 October 2014).

Section 11. Philosophy

*Alyoshin Sergey Vasilyevich,
Military training center
at Southern Federal University, docent
E-mail: aleshin66@gmail.com*

Trust and responsibility

*Алёшин Сергей Васильевич,
Учебный военный центр
при Южном федеральном университете, доцент
E-mail: aleshin66@gmail.com*

Доверие и ответственность

Доверие и ответственность, отражающие характер и тенденции развития общества, уровень его солидарности и конфликтности, являются категорией динамичной, изменяющейся в соответствии с доминирующими тенденциями общественного развития в области социально-экономических, политических, культурных отношений. Особенно это характерно для обществ трансформационного типа, в которых происходит конструирование нового социального порядка и критическому осмыслению подвергается все то, что считалось незыблемым и истинным прежде. В обществе трансформационного типа складывается специфическая социокультурная ситуация, характеризующаяся тем, что старый мир активно разрушается и присутствует четкое понимание того, что возврата к нему уже нет, но видение нового мира еще не сложилось и к чему придет общество в результате трансформации с высокой точностью достоверности ответить невозможно.

Проблема формирования доверия и ответственности в современном российском обществе, которое переживает период социетальной трансформации и, соответственно, характеризуется специфической социокультурной ситуацией, заключается, прежде всего, в том, что российский социум уже не представляет, как прежде, единого социокультурного целого, поскольку после распада СССР разрушилась та система ценностей, на которой выросло несколько советских поколений.

В свою очередь, советская система ценностей в своей основе содержала социокультурный код россиян, сложившийся в ходе исторического развития российского общества и государства. Этот код базируется на коллективистской основе системы ценностей.

В России на данный момент времени присутствует две ценностные системы, противоположные по своей сути и социокультурному типу, характерные для разных типов обществ, традиционно разделяемых на Запад и Восток.

Рост индивидуалистических установок и ценностей в современной России, ставший следствием перехода к рыночным отношениям, на фоне исторически сложившейся иной ценностной матрицы вызывает противоречивую социокультурную ситуацию. Прежде всего, любые ценности должны вписываться в историческую и социокультурную специфику общества, в его социокультурный код и менталитет.

За годы реформ и преобразований, последовавших после распада советского государства и его социокультурных основ, в российском обществе накопился огромный спектр негативных явлений, способствующих снижению потенциала доверия и ответственности среди россиян. Вместо обещанного процветания, истинной демократии и подлинной свободы россияне столкнулись с ситуацией глубочайшего социального расслоения, социальной поляризацией, роста бедности, коррупции, и эта ситуация не соответствует представлениям о социальной справедливости и равенстве шансов для каждого реализовать свои способности и жизненные стремления.

Исследователи отмечают, что в российском обществе на психологическом уровне идет активный процесс переработки и изменения идеологических конструкций, сопряженных с переходом от официального языка, ключевыми словами которого были «интернационализм» и «дружба народов», к языку «национального государства» в контексте глобальных процессов и изменений современного мира.

Эта мировоззренческая динамика сказывается на национальном мироощущении россиян, меняются способы национальной (гражданской, этнической) самоидентификации, трансформируется восприятие настоящего и будущего России, уходит в прошлое высокое чувство патриотизма, теряются контуры национальной идеи и национальных интересов при параллельном переосмыслении отечественной истории, ее идеалов и героев. Одним словом, теряется связь времен, которая так необходима для стратегического и социокультурного развития государства и общества, сохранения его единства и самобытности.

Вместе с тем, любая социокультурная система подвержена изменениям и только за счет них она и способна к развитию. Важным вопросом в этой связи выступает вопрос о характере и причинах этих изменений. Согласно мнению П. Сорокина, эти изменения могут носить внешний и внутренний характер, и проблема заключается в определении доминирующего влияния тех или других.

Им был сделан вывод о том, что любая социокультурная система не может не изменяться, даже если все внешние условия ее существования неизменны. Таким образом, предпочтение П. Сорокин отдает имманентной теории социокультурного изменения подкрепленной при определенных условиях экстерналистским принципом. Другими словами, при изучении трансформации любой социокультурной системы искать причины или факторы ее изменения следует, прежде всего, во внутренних свойствах системы, а не просто во внешних условиях ее существования¹.

Цивилизационные особенности общества, заложенные в его социокультурной системе, институциональной природе, оказывают доминирующее влияние на процесс трансформации, что проявляется в различных результатах и последствиях однотипных реформ, протекающих в постсоветских странах.

Подобного рода события, как распад СССР и переход на принципиально иные принципы общественного развития, являются определенным шоком для социокультурной системы, для общества, в котором в результате столь резких переходов формируются цивилизационно-культурные разрывы или разломы, нарушающие поступательный процесс социальной эволюции.

В последние годы теоретико-методологическое пространство социально-гуманитарных наук все чаще актуализирует проблему перехода современного общества к обществу постиндустриального типа, для которого характерны, по мнению ученых, высокие технологии с высокой добавленной стоимостью, реализуемые на глобальном рынке; опора на «интеллектуальный капитал»; доминирование постматериальных потребностей людей, связанных с приоритетом самореализации; креативный «труд как творчество» и т. д., однако, все актуальные достижения постиндустриализма относятся, прежде всего, к изменению внешних условий жизни общества, когда технологический прогресс действительно увеличивает сумму доступных возможностей, удобств и удовольствий, располагаемых каждым членом общества².

Возникает вопрос: можно ли данные изменения расценивать как переход к новому типу общества, если мировоззрение и ценности этого общества, его цели и структура существенно от всего этого не меняются? Более того, общество перестало ставить перед собой некие великие цели, за которые человек мог бы пожертвовать своими интересами и даже жизнью. Общество перестало доверять и быть ответственным за всё, что происходит. Последний фактор, по мнению академика Б. В. Раушенбаха, является ключевым в системе факторов, свидетельствующих о том, что современная западноевропейская цивилизация, к которой он

¹ Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. М.: Астрель, 2006. С. 798–802.

² Мартыянов В. Постиндустриальное общество для России: миф, теория, реальная альтернатива? // Логос. 2008. № 1 (64), С. 32–33.

относит также современное американское и современное российское общество, идет к своей гибели¹.

Мнение вышеуказанного академика основано на сопоставлении признаков развития современной западноевропейской цивилизации с признаками упадка Римской империи, среди которых в качестве общих для древнеримского и современного западноевропейского обществ им обозначены следующие: Рим в период упадка не знал великих общенациональных целей и задач и основным принципом римского общества стали эгоизм и принижение уровня интересов отдельного римского гражданина; высшие слои римского общества погрузились в пьянство и разврат, а низшие, плебеи, стремились к безделью (пусть трудятся рабы!), даровым подачкам, зрелищам и, как и высшие слои, к сексу. Все эти признаки, по мнению данного ученого, наблюдаются и в нашем европейском обществе. В частности, отмечается им, в России наступила эпоха тотального пьянства, в результате которого быстро падает «качество» народа, рождается много неполноценных детей; на всех перекрестках продается водка и всеми способами рекламируется секс; и то и другое — отличное средство заставить народ забыть великие цели².

Опасность состояния информационной, культурной и идеологической среды российского общества, лишенной целостного ценностно-нормативного позитивного источника развития и совершенствования, заключается в разрушительном воздействии на психику людей, в частности молодых, которыми усваивается весь информационный негатив, оседаая в сознании в виде ориентиров для жизненных стратегий, поступков, действий. Наступила потребность в защите детей, да и всех людей от потока негатива, идущего от СМИ, наполненного нравственной, половой распущенностью, сценами жесткости и насилия, рекламой девиантного и делинквентного поведения.

Постепенно утрачивается острота реакции на эти негативные явления, которые воспринимаются с безразличием, граничащим с принятием зла и насилия как реальности современной жизни и формирующим смирение перед ним. Почти без всякого протеста и нравственного неприятия россияне, по мнению российских ученых, выживают в условиях тотальной коррупции, всеохватывающего взяточничества, разгула криминала³, ежедневно сталкиваясь с вопиющими фактами беззакония и произвола, постепенно проникаясь безразличием к происходящему⁴.

¹ Раушенбах Б. В. Глобальные проблемы и этика/Глобальный кризис западной цивилизации и Россия/Отв. ред. Г. В. Осипов. Изд. 2-е, доп. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. С. 442.

² Там же.

³ Брутенец А. К. Пагубный упадок нравов: нужна действенная терапия/Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние. М., 2008. С. 395–405.

⁴ Богомолов О. Т. Экономика и общественная среда/Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние. М., 2008. С. 8–16.

Неуверенность в эффективности официальных структур и институциональных процедур приводит к расширению так называемой «серой зоны», в которой процветают формы проявления квазидоверительных отношений (взятки, блат, «крыша»), компенсирующие отсутствие доверия. Преодоление «синдрома недоверия» в российском обществе, по мнению Заболотной, определяется сочетанием многих факторов, важнейшими среди которых являются развитие демократических основ общественной жизни, преодоление экономического кризиса, повышение нравственной и гражданской культуры населения и ответственности самой власти¹.

Таким образом, вывод относительно доверия и ответственности в современном российском обществе, основан на крайне противоречивой ситуации, сложившейся в области социальных взаимодействий и практик россиян. Доверие и ответственность в современном российском обществе столь же противоречивы, как и социокультурная ситуация, определяемая неопределенностью общественного развития и хаотичностью ценностного пространства россиян, в котором утеряно духовное начало как источник индивидуального и социального благополучия. В результате этого, при крайне низком уровне доверия властным и общественным структурам и организациям, россияне демонстрируют высокий уровень доверия основному субъекту власти — Президенту, поскольку он несёт на себе главную ответственность за судьбу России, за безопасность российского народа. Сохранение такого диссонанса в сфере мировоззренческих установок россиян, отражающегося на всей системе социальных интеракций, увеличивает дефицит доверия в российском обществе на всех уровнях и во всех сферах общественной жизни. Подобно тому, как россияне адаптировались жить в обществе риска и стали воспринимать риск как норму повседневной реальности, дефицит доверия может стать новой ценностной ориентацией для россиян, что надолго, если не навсегда исключит возможность духовно-нравственного возрождения и экономического процветания российского общества и государства.

В этой ситуации в обществе накапливается негативный потенциал как результат неопределенности, нестабильности, разрушения привычного образа и видения жизни, а также прежней социальной идентификации и восприятия мира и себя в нем. Соответственно, резко снижается потенциал позитивного доверия, происходит рост негативных явлений, девиаций, преступности и т. д. Общество постепенно распадается и уже не представляет собой социокультурного целого с единой историей и судьбой, с единой идеологией и целями общественного развития.

Сохранение таких тенденций длительное время формирует ряд угроз безопасности общества и государства, и, естественно, происходит поиск ответа

¹ Заболотная Г.М. Феномен доверия и его социальные функции // Вестник РУДН, серия Социология, 2003, № 1 (4), С. 75–78.

на вопрос: как можно преодолеть накопление негативного рискогенного потенциала в обществе с целью предотвращения национальной катастрофы.

На этом основании социально-философский прогноз относительно будущего развития российского общества малоутешителен и со всей актуальностью заставляет обратить внимание на потенциальные возможности, связанные с укреплением доверия и ответственности в обществе, которое, на пути к новой жизни, стремительно теряет свою культурную самобытность и духовную силу.

Список литературы:

1. Богомолов О. Т. Экономика и общественная среда/Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние. М., 2008. С. 8–16.
2. Брутенец А. К. Пагубный упадок нравов: нужна действенная терапия/Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние. М., 2008. С. 395–405.
3. Заболотная Г. М. Феномен доверия и его социальные функции//Вестник РУДН, серия Социология, 2003, № 1 (4), С. 75–78.
4. Мартынянов В. Постиндустриальное общество для России: миф, теория, реальная альтернатива?//Логос. 2008. № 1 (64), С. 32–33.
5. Раушенбах Б. В. Глобальные проблемы и этика/Глобальный кризис западной цивилизации и Россия/Отв. ред. Г. В. Осипов. Изд. 2-е, доп. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. С. 442.
6. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. М.: Астрель, 2006. С. 798–802.

*Alyoshina Svetlana Nikolaevna,
Military training center
at Southern Federal University, docent
E-mail: aleshina63@mail.ru*

Elite sport — the sphere of the human dimension

*Алёшина Светлана Николаевна,
Учебный военный центр
при Южном федеральном университете, доцент
E-mail: aleshina63@mail.ru*

Спорт высших достижений — сфера человекоразмерности

Спорт высших достижений является сферой предельных проявлений человека, деятельностью, в ходе которой осуществляется выход за пределы «обычного»

в человеческой жизни, повседневного и рядового. В спорте не просто реализуются «предельные» потенции человека — они обнаруживаются, открываются как самим спортсменом, так и соучастниками спортивного события. Становится очевидным то, что ранее (на тренировках, в беседах с тренером и т. п.) только предполагалось¹.

Важно отметить, что вообще всякая деятельность, которая осуществляется на пределе возможностей, всегда имеет исключительно продуктивный, творческий характер. Она приводит к открытию человеком себя, но в ходе ее происходит и открытие чего-либо нового в мире, создание шедевра — уникального и совершенного произведения. Однако предельные проявления и открытия возможностей человека, осуществляемые в спорте, принципиально отличаются от различного рода невероятных, потрясающих и великих достижений человеческого гения в других областях жизнедеятельности. Последние — индивидуальны, не запланированы и не предполагают повторений, в то время как в спорте высших достижений прорывы за рамки горизонта обычного не только множатся, но и целенаправленно преодолеваются новым, более мощным прорывом.

Так В. Б. Барабанова подчеркивает, что конституирующим элементом спортивной деятельности, ее смыслообразующей составляющей, реализуемой в разнообразных единичных, существующих в пространстве и времени актах, оформленных как игры-соревнования, является определение человекообразности. Причем последнее имеет два лика или уровня: индивидуальный (единичный) и общечеловеческий (всеобщий)².

Спортсмен в творческом акте преодолевает себя. Он не только преодолевает наличное, но и опирается на него в своем преодолении. В этом смысле творчество никогда не бывает на пустом месте. Но все же именно преодоление — конститутивная черта человеческого существования. Человек — спортсмен больше себя самого. Человек на несколько шагов вперед простирает мир, в который сам же потом и входит.

Занятия спортом заставляют человека в значительной мере сконцентрировать внимание на постижении биологической стороны человеческой природы, естественных возможностей человеческого существа, тех, что даны природой. Ведь до сих пор потенциал, заложенный в человеке природой, лишь в незначительной степени открыт нашему сознанию и освоен нами. Между тем многие исследователи утверждают, что человек в спорте должен уметь «вверить себя своему телу». Например, В. В. Лукоянов пишет, что отделы спинного мозга, контролирующие

¹ Барабанова В. Б. Спорт: проблема человекообразности. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 2004. – 18.

² Там же.

психомоторную систему, древнее, чем эволюционно более молодой головной мозг. Поэтому они обрабатывают информацию, получаемую сенсорными системами, в 1,3 млн. раз быстрее. Спортсмену необходимо научиться в экстремальных ситуациях отключать свое сознание, чтобы в лобных долях головного мозга не возникли процессы торможения. Поэтому, как ни пытаются некоторые авторы отнести понятие «органическое тело» к сфере биологии, они не могут отрицать, что никакое проявление индивидом себя в сфере спорта невозможно без актуализации заложенных в органическом теле возможностей. Более того, личность в спорте, в сущности, деперсонифицируется и раскрывает не столько собственный телесный потенциал, сколько возможности человеческого организма, как такового. Но, безусловно, человеческая телесность есть единство естественного и социокультурного, а спортсмен демонстрирует модифицированные (культурой) качества органического тела. Так В. И. Столяров обращает внимание на то, что техника ходьбы, плавания и т. п. не задана человеку генетически¹. Техника вообще есть феномен культуры, и разные ее виды, в том числе технику двигательной активности, человек должен освоить, чтобы стать полноценным субъектом деятельности. Выход же на пределы реализации своих возможностей в соревновании означает максимальную степень овладения ею спортсменом. Специфика техники двигательной активности заключается в автоматизации действия, создающей возможность эффективного решения возникающих в спортивном соревновании задач. Последнее осуществляется благодаря тому, что происходит перестройка механизмов регуляции психики. Возникает парадокс автоматизированного действия: оно разворачивается самостоятельно, без контроля сознания, и вместе с тем максимально им контролируется. Это удается сознанию потому, что оно начинает работать в «режиме мерцания»².

Спортсмен не сосредотачивает свое внимание на оценке внешнего раздражителя, затем на определении программы движения, запуске ее, — выполнении всей этой последовательности шагов воспрепятствовало бы осуществлению высокоскоростного действия. Вместо этого мастерство в выполнении движения шлифуется до такой степени, что двигательный образ, двигательное чувство и само движение сливаются воедино. Снимаются границы между средой и субъектом деятельности, между внешним и внутренним, стирается дистанция между спортсменом, его «Я», и окружающим миром. Спортсмен «погружается» в движение. Возникают специфические «чувства» воды, мяча, готовности и т.п.³.

¹ Столяров В. И. Философско-культурологический анализ физической культуры // Вопросы философии, 1988. — № 4. — С. 81.

² Там же.

³ Лукоянов В. В. Основные аспекты синтеза психофизической подготовки в спорте высших достижений // Теория и практика физической культуры, 1996. — № 9. — С. 62.

Сами соревнования создают такие условия деятельности, которые требуют наличия у спортсмена особых личностных, духовных качеств. Эти условия характеризуются, прежде всего, экстремальностью, вызываемой лимитом времени, необходимостью уплотнять моторные действия, преодолевать активное сопротивление соперника, снимать рассогласование между замыслом и информацией о результатах усилий. Поэтому спортсмен должен обладать развитым оперативным интеллектом, включающим способности динамического узнавания, структурирования элементов задачи, «свертывания» способов ее решения и выбора наиболее оптимального из них, прогнозирования наиболее вероятного течения ситуации, анализа возможных «ходов» и необходимых ограничений. Такого рода «мышление основывается на «видении с места всего решения с начала до конца»¹.

Таким образом, как утверждает В. Б. Барабанова, определение человекообразности в области спорта состоит в фиксации предельно выраженных естественно данных и культурно модифицированных телесных свойств индивида, возможностей оперативного интеллекта, а также, безусловно, определенных психических характеристик личности (прежде всего, воли, упорства, настойчивости, терпения) и нравственных качеств (например, чувства ответственности, долга, товарищества — особенно если речь идет о командных видах спорта и некоторых других).

Хочется подчеркнуть, что особенность феномена физической культуры в отличие от других ее сфер, состоит, прежде всего, в том, что она самым естественным образом соединяет в единое целое социальное и биологическое в человеке. Процесс физического развития любого человека выражается в совершенствовании форм и функций организма, реализации его физических возможностей. Но было бы неверным считать, что биологические процессы развития человека происходят изолированно от его социальных функций, вне существенного влияния общественных отношений. Воздействие природных факторов на развитие физического потенциала человека имеет объективный характер, но его специфика состоит в том, что оно может усиливаться или ослабляться в зависимости от активности человека, который может сознательно воздействовать на ход этого объективного процесса, опираясь на познание его законов и сущности.

В недавнем прошлом при обосновании влияния социальных факторов на физическое совершенствование человека часто имели в виду производственные отношения, во главе которых стоит труд, выступающий в качестве активного воздействия человека на природу. Эти стихийные воздействия существуют зачастую независимо от воли человека, хотя и поддаются изменению в процессе развития общества. Другие социальные факторы, действуя на человека, зависят

¹ Лукоянов В. В. Основные аспекты синтеза психофизической подготовки в спорте высших достижений // Теория и практика физической культуры, 1996. – № 9. – С. 62.

от его сознания и воли. Одним из них выступает физическая культура. Целесообразно воздействуя на процесс физического совершенствования человека, она позволяет обеспечить направленное развитие его жизненно важных физических качеств и способностей. Одной из форм ее воздействия является физическое воспитание. По мнению многих ученых, отличительные особенности физического воспитания определяются в основном тем, что это педагогически организованный процесс, направленный на формирование двигательных навыков и развитие физических качеств человека, совокупность которых в решающей мере определяет его физическую дееспособность. Иными словами, физическое воспитание является формой социального воздействия на биологическое по своей природе развитие организма человека.

Но было бы слишком недальновидно считать физическую культуру и спорт участвующих только в воспроизведении физической сущности общественного человека или лишь как фактор, модифицирующий образ жизни индивидуума. Специфическая задача физкультурного воспитания — воздействие на формирование личности, в частности одной из ее сторон — физической культуры.

Поэтому нельзя смешивать понятия «физическое развитие», «физическое воспитание» и «физкультурное воспитание». Первое является объективным процессом, который совершается в организме человека, второе — активным воздействием человека на этот процесс, а третье выступает как целенаправленный процесс приобщения людей ко всем ценностям физической культуры. Таким образом, физкультурное воспитание и его составная часть — это всегда педагогический процесс целенаправленного, регулируемого изменения физических и духовных кондиций человека¹, основная задача которого — сознательно и целенаправленно познавать и реализовывать в физкультурной практике уже созданные природой предпосылки гармоничного совершенствования физического потенциала человека.

В современной теории физической культуры все четче формируется тенденция использования философско-культурологического подхода при рассмотрении феномена физической культуры и механизма ее формирования каждой личностью. В связи с этим чаще ставится вопрос не о «физическом», а о «физкультурном» воспитании человека. Если в слове «физическое» акцент традиционно ставится на двигательном, биологическом моменте, то в термине «физкультурное» присутствует культура, то есть воспитание через культуру, посредством освоения ценностного потенциала физической культуры.

Итак, упражнения улучшают приспособляемость сердца и органов дыхания к условиям физических нагрузок. Внутренние органы можно тренировать так же,

¹ Кузин В. В., Никитюк Б. А. Интегративная педагогическая антропология. – М., 1996.

как и любую группу мышц. Однако, что более важно, систематические физические нагрузки влияют на процессы обмена веществ в тканях, тормозя процесс старения.

Физические нагрузки являются универсальным средством, положительно воздействующим на все системы и органы человеческого тела, и подготавливают их к различным неблагоприятным ситуациям, нередко возникающим в жизни каждого человека. Физические нагрузки закаляют, тренируют организм и, что очень важно, повышают неспецифическую сопротивляемость организма к различным инфекционным факторам. Ведь ни для кого не секрет, что люди, регулярно и длительно занимающиеся физкультурой и спортом, почти не болеют простудными заболеваниями. Эти люди легче переносят холод и жару, потому что центры терморегуляции у них гораздо тренированнее.

Спортсмен — не важно, принадлежит ли он к «массовому» или «большому» спорту, — это личность, действующая на пределе своих физических и ментальных способностей, поэтому спортсмен всегда выразитель общечеловеческого стремления испробовать свои силы.

Важную роль также играет самооценка спортсменом себя как субъекта спорта, спортивной деятельности, своих спортивных возможностей, своих перспектив в спорте. Адекватная самооценка выступает как условие эффективного развития спортсмена на пути его спортивного совершенствования. При этом необходимо отметить, что адекватной самооценкой для спортсмена является самооценка, при которой имеет место некоторое завышение своих возможностей. С ростом мастерства и зрелости у спортсмена появляется стремление к самовоспитанию, тем самым, обеспечивая условия, при которых вполне реальна актуализация возможностей человека.

Список литературы:

1. Барабанова В. Б. Спорт: проблема человекоразмерности. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 2004. – 18.
2. Кузин В. В., Никитюк Б. А. Интегративная педагогическая антропология. – М., 1996.
3. Лукоянов В. В. Основные аспекты синтеза психофизической подготовки в спорте высших достижений//Теория и практика физической культуры, 1996. – № 9. – С. 62.
4. Столяров В. И. Философско-культурологический анализ физической культуры//Вопросы философии, 1988. – № 4. – С. 81.

*Basharova Elizaveta Anantolevna,
Ivanovo State University,
Postgraduate student, the Department of Philosophy
E-mail: elizabethbasharova@gmail.com*

Back to the childhood: escapism as a infantilism

*Башиарова Елизавета Анатольевна,
Ивановский государственный университет,
аспирант, кафедра философии
E-mail: elizabethbasharova@gmail.com*

Назад в детство: эскапизм как инфантилизм

Для большинства людей не составляет труда различить фантазию и реальность, тем не менее, мозговые процессы, отвечающие за это, не до конца исследованы учёными. По данным исследования немецких учёных из института Макса Планка по когнитивным процессам А. Абрахам, Ивс Краймон за определение того, что реально, а что нет, отвечает жизненный опыт. «Способность мозга различать фантазию и реальность происходит благодаря тому, что реальное имеет намного более высокую степень индивидуальной значимости, чем различные фантазии и грёзы»¹.

Таким образом, дети лишь начинающие путь социализации не в силах различить реальность и фантазию. Фантазия играет значительную роль в их жизни, в частности как важный элемент игры. Эгоцентрическое мышление ребенка вполне совместимо с нечеткостью границы между реальностью и фантазией; воображаемые товарищи могут восприниматься как реальные и в то же время нереальные². Сами дети часто принимают свои фантастические выдумки за правду. Магическое мышление является реалистическим компонентом фантастического мира, в котором проявляются волшебные фантазии. До тех пор пока у детей не сформировалось ясное чувство реальности, мы не в состоянии отличить их фантазии от бредового мышления³. В настоящей статье эскапизм будет рассмотрен как результат намеренного стирания границ между фантазией и реальностью в сознании взрослого человека.

В силу того, что в зрелом возрасте индивид осознает уникальность реальности, для погружения в фантазию необходимы особые способы. Во все времена

¹ Abraham A., Yves von Cramon D. Reality = Relevance? Insights from Spontaneous Modulations of the Brain's Default Network when Telling Apart Reality from Fiction. // PLoS ONE, Vol. 4. (2009).

² Mitchel, R. W. Pretending and imagination in animals and children. Cambridge, UK: Cambridge University Press. (2002).

³ Вик Э. // http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_psychology/ (Дата обращения: 6. 09.2014).

для вхождения транс использовались различные вещества. В настоящее время особо популярностью пользуется ЛСД — полусинтетическое психоактивное вещество. Специфика таких веществ такова, что с их помощью делается возможным сближение двух состояний: реальности и фантазии. «Изменения восприятия встречаются почти во всех случаях. Это постоянная характеристика реакции на ЛСД. Они могут происходить в любой сенсорной области, но преимущественно относятся к визуальной. Они занимают диапазон от элементарных видений вспышек света, геометрических фигур и иллюзорных трансформаций окружающих предметов до сложных образов, включающих группы людей, различных животных и специфических ландшафтов. Реже феномены изменения восприятия встречаются в области акустики. Типичны сверхчувствительность к звукам, затруднения в дифференцировании различных звуковых стимулов, акустические иллюзии и псевдогаллюцинации»¹. «Многие испытывают переживания, описываемые как растворение границы между собственным «Я» и внешним миром»². Это способствует применению ЛСД в различных трансцендентных практиках.

Помимо сторонних препаратов, стимулирующих психику (фантазию), искусство также способно увести личность в мир фантазий. «Изобразительное искусство предоставляет нам более симметричные и насыщенные образы, чем те, что можно наблюдать в реальности»³. Примером влияния музыки на личность может служить пример короля Баварии Людвига II, «сбегавшего в сказочные миры опер Вагнера». Тем не менее, его пристрастие дало значимые для истории искусства и архитектуры плоды, под влияние произведений композитора был создан замок Нойшвайнштайн.

Таким образом, если ребенок наделен богатым воображением, вследствие стертых границ реальности и фантазией, но лишен каких-либо развитых физических навыков (будь то, художественные, литературные, архитектурные и др.); то зрелый индивид — реализовавший себя в совершенствовании навыков, практически лишен естественного, свободного, воображения, в силу четких представлений об имеющихся границах реальности и фантазии. В философии и психологии для такого явление — как бегство в мир фантазий — есть понятие — эскапизм. Различные трактовки сводятся к тому что: во-первых — это бегство (физическое или психологическое), во-вторых, определена его направленность — от реальности/действительности в мир фантазий/иллюзий.

¹ Гроф С. Области человеческого бессознательного. Данные исследования ЛСД. <http://psylib.org.ua/books/grofs01/index.htm> (Дата обращения: 25.09.2014).

² Linton, Harriet B. and Langs, Robert J. «Subjective Reactions to Lysergic Acid Diethylamide (LSD-25)». Arch. Gen. Psychiat. Vol. 6 (1962): 352–68.

³ Boyer P. Religion: Bound to believe?, "Nature", Vol. 455.pp.1039. 2008.

Ребенок, будучи не ответственным за не различение реальности и фантазии, не может быть эскапистом, потому данное явление присуще исключительно взрослым людям, намеренно сближающим реальность и фантазию. Причин для подобных намерений множество. Одна из наиболее часто встречающихся в научной литературе определений эскапизма это компенсация чего-либо¹. В результате постоянного стресса, тревоги, внешней неблагоприятной ситуации, индивид стремится защитить себя путем погружения в фантазии, в новый созданный мир. Отличие самообмана от эскапизма в том, что человек не стремится забыть реальность, он намеренно её искажает, подменяя воображаемыми конструктами².

Эскапизм часто становится модификатором дальнейшего поведения. В некоторых случаях эскапизм способен кардинально изменить поведение индивида. В некоторых случаях эскаписту необходимо подстраивать окружающую реальность под фантазии. В таких случаях индивид прибегает к физическому уходу, творчеству, изменению поведения. Подобное возникает, когда для поддержания жизнеспособности фантазии необходима соответствующая реальность. Индивид стремится воспроизвести в реальности свои фантазии. По такому сценарию появились парки развлечений, комиконы; однажды возникнув в воображении, они стали неотъемлемой частью реальности, хотя, по сути, не имеют с ней ничего общего.

Редко психические отклонения провоцируют крайний эскапизм, который доведенный до абсурда, усугубляет имеющееся расстройство. Сам по себе эскапизм не считается заболеванием и не зафиксирован как психическое расстройство.

В научной литературе приведено множество классификаций эскапизма. (Физический эскапизм, активный/пассивный эскапизм, экзистенциальный/инструментальный эскапизм и др.³) Тем не менее главная черта этого явление стремление к стиранию границ между фантазией и реальности, по-

¹ Литинская Д. Г. Типы современного эскапизма и феномен экзистенциального эскапизма.// Вестник Яр. пед. ун-та. № 1. 2012. Т. 1. Гуманитарные науки. С. 308., Труфанова Е. О. Эскапизм и эскапистское сознание: к определению понятий, «Философия и культура» № 3, 2012., Мантов Р. Е. Виды эскапизма и современное искусство: На материале кинематографа// Автореферат. URL: <http://www.dissercat.com/>. (Дата обращения: 25. 08.2014).

² Longeway John L. The Rationality of Escapism and Self-Deception.// Behavior and Philosophy, Vol. 18, No. 2 (Fall/Winter, 1990).

³ Вик Э.//http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_psychology/(Дата обращения: 6. 09.2014); Гроф С. Области человеческого бессознательного. Данные исследования ЛСД. <http://psylib.org.ua/books/grofs01/index.htm> (Дата обращения: 25. 09.2014); Литинская Д. Г. Типы современного эскапизма и феномен экзистенциального эскапизма.// Вестник Яр. пед. ун-та. № 1. 2012. Т. 1. Гуманитарные науки. С. 308.

тому имеет смысл изучать в первую очередь причины осознанного бегства и его результаты.

Таким образом, эскапизм — это намеренное стирание границ между реальностью и фантазией; стремление индивида к неразличению этих двух состояний посредством внешних стимулов.

Список литературы:

1. Вик Э.//http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_psychology/(Дата обращения: 6.09.2014).
2. Гроф, С. Области человеческого бессознательного. Данные исследования ЛСД. <http://psylib.org.ua/books/grofs01/index.htm> (Дата обращения: 25.09.2014)
3. Литинская Д.Г. Типы современного эскапизма и феномен экзистенциального эскапизма.//Вестник Яр. пед. ун-та. № 1. 2012. Т. 1. Гуманитарные науки. С. 308.
4. Мантов Р. Е. Виды эскапизма и современное искусство: На материале кинематографа//Автореферат. URL: <http://www.dissercat.com/>. (Дата обращения: 25.08.2014).
5. Труфанова Е. О. Эскапизм и эскапистское сознание: к определению понятий, “Философия и культура” № 3, 2012.
6. Abraham A., Yves von Cramon D. Reality = Relevance? Insights from Spontaneous Modulations of the Brain’s Default Network when Telling Apart Reality from Fiction.//PLoS ONE, Vol. 4. (2009).
7. Boyer P. Religion: Bound to believe?, “Nature”, Vol. 455, pp.1039. 2008
8. Linton, Harriet B. and Langs, Robert J. «Subjective Reactions to Lysergic Acid Diethylamide (LSD-25)». *Arch. Gen. Psychiat.* Vol. 6 (1962): 352–68.
9. Longeway John L. The Rationality of Escapism and Self-Deception.//Behavior and Philosophy, Vol. 18, No. 2 (Fall/Winter, 1990).
10. Mitchel, R. W. Pretending and imagination in animals and children. Cambridge, UK: Cambridge University Press. (2002).

*Ivanova Svetlana Ivanovna,
Military Training and Research Center of the Air Force
«Air Force Academy named after professor N. E. Zhukovsky
and Y. A. Gagarin», Voronezh, lecturer
E-mail: isvetlanai@inbox.ru*

**Religious concept of the Russian idea in the
publicistic creative work of F. M. Dostoevsky**

*Иванова Светлана Ивановна,
Военный учебно-научный центр военно-воздушных сил
«Военно-воздушная академия имени профессора
Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина», г. Воронеж, преподаватель
E-mail: isvetlanai@inbox.ru*

Религиозная концепция русской идеи в публицистическом творчестве Ф. М. Достоевского

Проблема поиска национальной идеи занимала одно из главных мест в творчестве Ф. М. Достоевского. В своих публикациях он неоднократно останавливается на понятиях «национальности», «народа». Характеристика понятия «национальности» дается автором уже в объявлении о выходе журнала «Время», где он выделяет его основу «народную почву», «народный дух»¹. Впоследствии он неоднократно обращался к этим понятиям. Так, уже в критических статьях журнала «Время» за 1861 год, он утверждал, что именно благодаря «нашей почве» влияние европейской цивилизации не повредило нашу народную жизнь, «нисколько не уклонив ее с ее нормальной дороге», наоборот, «давая нам новое оружие для будущих подвигов»². Благодаря «почве» русский народ представляет собой нечто «цельное, стройное единодушное», «сливаются все сословия, мирно, согласно, братски»³. Таким образом, «почва» в представлении Достоевского есть некая народная основа, «цемент», внутренняя связь, «на которой все сойдется и примирится»⁴. «Народный дух» это определенная метафизическая характеристика «почвы», которая включает в себя: «идеал народный», «образование», «нравственные качества», «убеждения», «стремления всех», то есть все то, что определяет характер народности. Важнейшую составляющую народного духа автор видел в языке. Автор убеждает читателя в необходимости обучения русских детей прежде всего русскому языку, потому как родной язык становится тем языком, «на котором мы мыслим», а следовательно, «можем передавать глубочайшие формы духа»⁵. Благодаря изучению народного, «жи-

¹ Страхов Н. Н. Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском/Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. – СПб., 1883. С. 179.

² Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1873 г. Политические статьи. Критические статьи. С многочисленными приложениями./Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений. Т. 19. – СПб.: Типо-литография Акц. О-ва «Самообразование», 1911. С. 13.

³ Там же. С. 13.

⁴ Там же. С. 14.

⁵ Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1876 год. С многочисленными приложениями./Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений. Т. 20. – Петроград: Книгоиздательское товарищество «Просвещение». С. 254.

вого языка», по мнению автора, мы сможем преодолеть «оторванность от народа» («язык», в понимании Достоевского, представляет собой синоним слова «народ»). Ф. М. Достоевский в основном не делает разницы в понимании «национальности» и «народа», часто используя эти понятия как синонимы. Но, вместе с тем, для него характерно и распространенное в этот период понимание «народа», как крестьянства. Об интерпретации «почвы», как «крестьянской физической почвы — земли» в символике Ф. М. Достоевского, упоминает в своей книге Т. Г. Массарик¹. Поэтому возвращение к «почве», к народной основе, по Достоевскому, можно понимать как освобождение крестьян и духовное единение с ними. Подтверждение этому легко найти у самого автора. «Нет-с, освободили мы народ с землей не потому, что стали культурными европейцами, а потому, что осознали в себе русских людей... Во имя этих — то народных начал и освобожден был русский народ с землей», — писал он в своем «Дневнике»².

Значительное место Достоевский отводил рассмотрению русского народа, характеристике его главных свойств. В «Дневнике писателя» автор подробно проанализировал многообразные свойства русского народа. Отмечая, что «народ наш груб и невежествен, предан мраку и разврату, «варвар жаждущий света», он все же призывает судить русский народ «не по тем мерзостям, которые он так часто делает, а по тем великим святым вещам, по которым он в самой мерзости своей постоянно вздыхает»³. То есть автор предлагает обратиться к «духу народа», его «идеалам», а вот они, по мнению автора, «сильны и святы, и они-то и спасали его в века мучений»⁴. Характеризуя духовные свойства русского народа Достоевский выделяет его «бессознательную и чрезвычайную» стойкость «в своей идее», «сильный и чуткий отпор всему, что ей противоречит»⁵. Наиболее ярко эта черта проявилась в отношении к реформам Петра I. Надо отметить, что сами реформы автор, как и славянофилы, оценивает негативно, говоря о том, что форма их проведения была «чрезвычайно резка», а сами преобразования — «бесспорно ошибочны», так как «противоречили народному духу» и «разъединили нас с народом»⁶. Но, в отличие от славянофилов, Достоевский положительно оценивает их результаты: «разойдясь с реформой, народ не упал духом», сохранил свою самостоятельность, «примкнув к европейской жизни», мы «не сделали европейцами», со временем возвратились на народ-

¹ Массарик Т. Г. От Белинского к Уварову // Звезда. 2000. № 12. – С. 174–175.

² Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1876 год. – С. 140.

³ Там же. С. 48–49.

⁴ Там же. С. 49.

⁵ Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1873 г. С. 94.

⁶ Там же. С. 94–95.

ную почву¹. Но главное, подчеркивает автор, это то, что мы приобрели в реформах: «расширение взгляда», «кругозора», благодаря которому мы «осмыслили будущее значение наше в великой семье всех народов»². Приобретенным качеством русской души стал ее «инстинкт общечеловечности», то есть «способность всемирной отзывчивости». Достоевский останавливается на объяснении этой черты. По его мнению, она означала способность русской души откликаться на все прекрасное, что есть в мире, в том числе и в других народах и, следовательно, способность «проникнуться вашей идеей, понять ваши идеалы», то есть оценить по достоинству все то, что было накоплено западной культурой и воспринять это, но при условии сохранения своей самобытности. Именно поэтому, утверждает автор, «всякий русский может говорить на всех языках, изучить дух каждого чужого языка до тонкости, как свой собственный русский язык ...»³. Но подобные уникальные «всеобщие народные способности» даны русскому народу не только для внутреннего обогащения своей самобытности, но и для приобщения западных народов к высшим нравственным ценностям человеческого бытия: «согласить ваши идеи, возвысить их до общечеловеческого значения ... увлечь вас всех за собою»⁴. Таким образом, у Достоевского формируется некий неповторимый, идеализированный образ русского народа, сочетающего в себе черты и русского и европейца, наделенного способностью необычайной, «высокосинтетической», способностью «всепримиримости, всечеловечности», «всеслужения человечеству». Здесь проявляется еще одно отличие Достоевского от славянофилов. Если славянофилы видели идеальный образ Руси в допетровском прошлом, то Достоевский ассоциировал его с современной ему Россией. По словам В. В. Зеньковского: «Святая Русь не столько даже задана, сколько уже дана по Достоевскому»⁵.

Все эти способности сформировались в русском человеке, по Достоевскому, благодаря православию. Для Достоевского православие, это не только форма вероисповедания Христа, это многозначное, всеобъемлющее понятие. В нем он видел «прогресс человеческий», «всеочеловеченье человеческое, .. ведущим все от Христа, воплощающим все будущее свое во Христе и во Христовой истине и не могущим представить себя без Христа»⁶. Христианством или «крестьянством», писал Достоевский, назвал народ русский «всю землю

¹ Страхов Н. Н. Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском. С. 178–179.

² Там же. С. 179.

³ Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1873 г. С. 20.

⁴ Там же. С. 21.

⁵ Зеньковский В. В. Русские мыслители и Европа. – М.: Республика, 2005. С. 119.

⁶ Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1876 год. С. 277.

свою, всю общность, всю Россию», но главное, в нем «живая сила», живой дух русского народа¹. По словам исследователя Анджея де Лазари, почвенники идеализировали православие до такой степени, что трудно было определить, что именно они под этим термином понимали: «в их представлении это была и религия, и образ жизни, и путь к спасению каждой отдельной личности, всей России и всего мира»². Кроме того, православие Достоевского было далеко от византийского характера ортодоксальной русской церкви, об этом писал К. Леонтьев в своей статье «О всемирной любви», где он не признавал трактовку православия, данную Достоевским, истинным православием, указывая на его слишком «розовый оттенок», противоречащий учению отцов церкви и византийской традиции³. То есть можно утверждать, что Ф. М. Достоевский прежде всего говорил о «русском православии», неоднократно называя Россию — «Святая Русь», о чем справедливо отмечают некоторые исследователи⁴. Именно Россия допетровских времен, утверждает он, несла «внутри себя драгоценность, которой нет больше нигде — православие», «она — хранительница Христовой истины, но уже истинной истины, настоящего Христова образа, затемнившегося во всех других верах и во всех других народах»⁵. Пережив реформы Петра I, русский народ сохранил православие в чистоте и непринужденности и, следуя логике автора, по праву может именоваться «народом-богоносцем».

Объективно оценивая творчество Достоевского по национальному вопросу, нельзя не отметить еще один факт, а именно то, что православие, в его понимании, выступает как политическая идея, атрибут русской государственности. Об этом писал польский исследователь Анджей де Лазари. Достоевский, по его мнению, «попросту уравнивал Православие с Россией», а в его понимании концепции «Москва-Третий Рим» православие становится «историософской категорией»⁶. В формировании образа «Великой России» Достоевский прямо обращается к этой идеологеме русского национализма, говоря о том, что «Великорусс теперь только что начинает жить, только что подымается, чтобы сказать свое слово и, может быть, уже всему миру; ... Москва еще третьим Римом не была, а между тем должно же исполниться пророчество, потому что «четвертого Рима не бу-

¹ Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1876 год. С. 309.

² Де Лазари А. В кругу Федора Достоевского. Почвенничество. - М.: Наука, 2004. С. 122.

³ Леонтьев К. Н. О всемирной любви. Речь Ф. М. Достоевского на Пушкинском празднике. URL: <http://www.vehi.net/leontev/dost.html> (дата обращения 06.02.2011).

⁴ Никитин В. А. Достоевский: православие и «русская идея» // СОЦИС. 1990. № 3. С. 126

⁵ Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1876 год. С. 212–213.

⁶ Де Лазари А. В кругу Федора Достоевского. С. 123.

дет», а без Рима мир не обойдется»¹. Таким образом, православие, вобравшее в себя все лучшие черты человечества, связывалось с избранностью русского народа, с его мессианскими идеями, превращаясь у Достоевского в национальную русскую религию.

Великой русской идее православия философ противопоставлял католичество, как основную идею Запада. По мнению Достоевского, католичество утратило христианское начало и привнесло в христианскую форму римское содержание. «Это — воскрешение древней римской идеи всемирного владычества..., — пишет автор, — «это Рим Юлиана-Отступника, но не побежденного, а как бы победившего Христа в новой и последней битве»². Состоялась «продажа истинного Христа за царства земные», провозглашает Ф. М. Достоевский, то есть произошла замена единства во Христе, подчинению человечества церковной власти. Наиболее полно свою идею замены христианской истины ложью католической церкви он раскрывает в легенде о «Великом Инквизиторе». Основная идея легенды состоит в том, что католичество отвергло Христа и его учение о свободе веры. Католичество в лице Великого Инквизитора не признает за человеком способности к христианской свободе. В романе «Братья Карамазовы» Инквизитор говорит о том, что «нет у человека заботы мучительнее, как найти того, кому бы передать поскорее тот дар свободы, с которым это несчастное существо рождается»³. Поэтому католическая церковь освобождает человека, отказываясь от священного дара Христа, «исправляя его подвиги», во имя счастья и пользы человечества. В легенде автор раскрывает страшную тайну католицизма — в нем нет веры в Бога, им руководит лишь «самое простое желание власти, земных грязных благ, порабощения...»⁴. Католическая церковь обманула человека, скрыла от него истинного Христа, подменила его силой и властью Римского папы, обрекая западное общество на глубокий кризис и гибель: «Мы не с тобой, а с ним, вот наша тайна! Мы давно уже не с тобою, а с ним, уже восемь веков. Ровно восемь веков назад как мы взяли от него то, что ты с негодованием отверг, тот последний дар, который он предлагал тебе, показав тебе все царства земные; мы взяли от него Рим и меч Кесаря и объявили лишь себя царями земными, царями едиными, хотя и донныне не успели еще привести наше дело к полному окончанию»⁵.

¹ Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1876 год. С. 164.

² Там же. С. 103

³ Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. Роман в четырех частях с эпилогом. Части I и II. - Минск: Издательство «Белорусская советская энциклопедия», 1981. С. 290.

⁴ Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. С. 297.

⁵ Там же. С. 293.

Не менее важным является значение легенды как пророчества будущей судьбе Европы. Уже в «Дневнике» философ предчувствует скорое развитие социализма в Европе, говоря о том, что все великие европейские державы «будут обессилены и подточены неудовлетворенными демократическими стремлениями огромной части своих пролетариев и нищих»¹. Подобные явления в Европе Достоевский считал вполне закономерными, так как видел в социализме не что иное, как перерождение католицизма, развитие католической идеи. Именно Римское католичество, писал он, «продавшее давно Христа за земное владение, заставившее отвернуться от себя человечество», стало «главнейшей причиной материализма и атеизма Европы». Социализм, по мнению автора, должен «зародиться в Европе естественно, взамен упавшего христианского в ней начала»². В статье «Великий Инквизитор» Н. А. Бердяев верно отмечает преемственность католицизма и социализма у Достоевского: «Великий Инквизитор является и будет еще являться в истории под разными образами. Дух Великого Инквизитора жил и в католичестве, и вообще в старой исторической церкви, и в русском самодержавии, и во всяком насильственном, абсолютном государстве, и ныне переносится этот дух в позитивизм, социализм, претендующий заменить религию, строящий вавилонскую башню»³. Социализм, по Достоевскому, имеет много общего с католицизмом, «ибо имеет задачей разрешения судеб человечества уже не по Христу, а вне Бога и вне Христа»⁴. Социализм отвергает свободное спасение людей, свободную веру, насильственно спасает человека, предлагая ему иллюзию будущего счастья всех людей. «Они будут расслабленно трепетать гнева нашего, умы их оробеют, глаза их станут слезоточивы, как у детей и женщин, но столь же легко будут переходить они по нашему мановению к веселью и к смеху, светлой радости и счастливой детской песенке. Да, мы заставим их работать, но в свободные от труда часы мы устроим им жизнь как детскую игру, с детскими песнями, хором, с невинными плясками»⁵.

В противовес западному, «механическому» социализму, основанному на принуждении, «на неуважении к человечеству (стадность)», Достоевский предлагает особый «русский социализм». В основе такого социализма философа лежит православная идея соборности, то есть истинное свободное духовное братство людей во Христе. По мнению Ф. М. Достоевского, такой социализм возможен только в русском народе, так как именно в нем преобладает православие: «народ

¹ Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1876 год. С. 144.

² Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1877 г. / Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений. Издание третье. Т. 11. - СПб: Типография Пантелеевых, 1888. С. 366.

³ Бердяев Н. А. Великий инквизитор. URL: <http://www.vehi.net/berdyayev/velinkv.html> (дата обращения: 06.02.2011).

⁴ Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1877 г. С. 366.

⁵ Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. С. 295.

русский в огромном большинстве своем — православен и живет идеей православия в полноте», которая проявляется в «неустанной жажде» его «великого, всеобщего, всенародного, всебратского единения во имя Христово». Поэтому «спасет человечество», по Достоевскому, не западный коммунизм, а «социализм русского народа»¹. Однако, обращаясь к понятиям «православной идеи» и «национальности» в изложении Достоевского, несомненный приоритет будет на стороне национального. Об этом можно судить, в частности, по стремлению философа примирить православных славянофилов и социалистов-западников. Закрывая глаза на пренебрежение западников к православию и поддержку Петровских реформ, Достоевский «обозначает» их «самыми ревностными русскими борцами за Русь и русский дух», так как становясь в «крайне левую» оппозицию, они критиковали все дурное и вредное, что было в Европе². С. Н. Булгаков очень точно выразил мысль о превосходстве национальной идеи над идеей религиозной в творчестве Достоевского: «В христианстве идее национальности бесспорно принадлежит свое определенное место, но если само христианство понимается и истолковывается лишь из идеи национальности, а не из Христа ..., то, очевидно, мы имеем подмену: уже не народ — тело Божие, а сама вера делается телом народа ... национализм становится выше религии, а православие нередко оказывается средством для политики. Этот уклон был и в Достоевском»³.

Таким образом, Ф. М. Достоевский сформулировал религиозную концепцию русской национальной идеи, сущность которой сводилась к православию, как к основе единения всех народов и «всечеловечной» сущности русского народа как носителя этой религиозной идеи. Однако характерной чертой мировоззрения Достоевского было признание первостепенной важности русской национальной идеи над общечеловеческой идеей. Сам Достоевский признавался в этом: «Мы не считаем национальность последним словом и последней целью человечества. Только общечеловечность может жить полной жизнью. Но общечеловечность не иначе достигается как упором в свою национальность каждого народа»⁴. Идеализация философом русского народа, «народа-богоносца», носителя вселенской истины и определение его роли — спасителя всего человечества, оказались очень далеки от реальности и делали его концепцию утопической. Наиболее уместны здесь слова Г. Флоровского, глубоко понявшего трагедию философа: «Трудно для человека удержаться в границах и пределах. И Достоевский не смог и не сумел из-

¹ Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1877 г. С. 497–498.

² Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1876 год. С. 204.

³ Булгаков С. Н. Тихие думы. – М.: Республика, 1996. С. 23.

⁴ Достоевский Ф. М. Литературное наследство. Неизданный Достоевский. Записные книжки и тетради 1860–1881 гг. - М.: Наука, 1971. С. 186.

бежать утопического искушения, и постоянно радостное предчувствие грядущего обновления развертывалось у него в картине Царства Божия на земле. Он знал и понимал, что не на земле и не во времени радость человеческая исполнится. Но слишком дороги и близки были для него эти здешние, дольные муки, слишком любил он эту грешную землю»¹.

Список литературы:

1. Бердяев Н. А. Великий инквизитор. URL: <http://www.vehi.net/berdyaev/ve-linkv.html> (дата обращения: 06.02.2014).
2. Булгаков С. Н. Тихие думы/протоиерей Сергей Булгаков; послесл. К. М. Долгова. – М.: Республика, 1996. – 509 с.
3. Де Лазари А. В кругу Федора Достоевского. Почвенничество. – М.: Наука, 2004. – 207 с.
4. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы: роман в четырех частях с эпилогом. Части I и II. – Минск: Издательство «Белорусская советская энциклопедия» имени Петруся Бровки, 1981. – 368 с.
5. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений. Т. 19. Дневник писателя за 1873 г. Политические статьи. Критические статьи. – СПб.: Типо-литография акц. о-ва «Самообразование», 1911. – 427 с.
6. Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1876 год. С многочисленными приложениями//Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений. Т. 20. – Петроград: Книгоиздательское тов-во «Просвещение». – 419 с.
7. Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1877 г. //Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений. Т. 11. – 3-е изд. – СПб.: Типография Пантелеевых, 1888. – 523 с.
8. Достоевский Ф. М. Литературное наследство. Неизданный Достоевский. Записные книжки и тетради 1860–1881 гг. – М.: Наука, 1971. – 727 с.
9. Зеньковский В. В. Русские мыслители и Европа. – М.: Республика, 2005. – 368 с.
10. Леонтьев К. Н. О всемирной любви. Речь Ф. М. Достоевского на Пушкинском празднике. URL: <http://www.vehi.net/leontev/dost.html> (дата обращения 06.02.2014).
11. Масарик Т. Г. От Белинского к Уварову: главы из книги «Россия и Европа»//Звезда. – 2000. – № 12. – С. 174–181.
12. Страхов Н. Н. Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском//Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. – СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1883. – 839 с.
13. Флоровский Г. Из прошлого русской мысли. – М.: Аграф, 1998. – 432 с.

¹ Флоровский Г. Из прошлого русской мысли. - М.: Аграф, 1998. С. 73.

*Kozlova Olga Valerievna,
Cherepovets State University, docent
Sevelova Maria Aleksandrovna,
Cherepovets State University, senior lecturer
Lyudogovskaya Natalia Alekseevna,
Cherepovets State University, student
E-mail: ppxss2000@mail.ru*

Social-philosophic analysis of Russian chronotope: today and tomorrow

*Козлова Ольга Валериевна,
Череповецкий государственный университет,
кандидат философских наук, доцент,
Севелова Мария Александровна,
Череповецкий государственный университет,
ст. преподаватель,
Людоговская Наталья Алексеевна,
Череповецкий государственный университет, студент
E-mail: ppxss2000@mail.ru*

Социально-философский анализ российского хронотопа: сегодня и завтра

Традиции — это тот механизм, без которого ни одно общество существовать не может. Традиции и, прежде всего нравственные, осознавались в качестве необходимых и вызвали уважение подавляющей части членов общества. Последнее суждение характеризует любые, предшествующие сегодняшней, эпохи. И это понятно, т. к. они призваны цементировать общество, сохраняя и обеспечивая его развитие в рамках рациональной стабильности. Известно, что кардинальное разрушение нравственных основ сознания российского (советского) человека имели место как в н. XX в., так и в к. 80-х — начале 90-х годов того же века. И сегодня значительная часть нашего общества испытывает на себе отрицательные последствия данного процесса в виде снижения уровня жизни, качества образования, медицинского обслуживания, роста преступности, казнокрадства среди всех уровней власти, несправедливости деления доходов во всех сферах общественной деятельности между властью и работниками. Можно констатировать тот факт, что мораль полностью вытеснена из практики социально — экономических отношений российской экономической модели. Современные реалии российского

хронотопа характеризуются, с одной стороны, попыткой вернуть (но только для зомбирования сознания трудящихся) некие советские нормы взаимоотношений между людьми, веру граждан в единство власти и народа, заинтересованности первой в благоденствии ВСЕГО населения страны.

С другой стороны — полным несоответствием подобных популистских обещаний властей с сегодняшней практикой, что не может не способствовать формированию и развитию отношений отчужденности в их крайне эгоистической форме в нашем обществе. «Снижение уровня и качества жизни происходило в течение всего периода постсоветских рыночных реформ, — пишет О. В. Заяц. — Индекс развития человеческого потенциала снизился с 0,848 в 1992 г. до 0,78 в 1996. По этому показателю Россия была отброшена в число развивающихся стран. Резко ухудшились частные показатели качества жизни, рождаемость, смертность, продолжительность жизни, заболеваемость. Ухудшились многие формы социального обеспечения... повысился удельный вес затрат на питание при общем снижении его калорийности»¹. Что объединяло значительную часть российского общества в последние десятилетия? Ничего. Общество разделено на, фактически, сформировавшиеся сословия, с привилегиями одних из них и все возрастающими обязанностями остальных, менее защищенных, сословий. Дифференцировано общество не только по возможностям доступа к качественным экономическим, социальным, но и духовным благам, не говоря уже о бытовых и трудовых условиях в качестве необходимых для современного уровня развития общества благ. Большую роль в этом играет «распиливание» бюджета, нецелевое расходование его средств, не доведение выделяемых для осуществления намеченных программ до ими предназначаемых субъектов и объектов, нерациональное распределение бюджетных средств между центром и регионами страны. Российская власть прославилась в последние десятилетия невиданным казнокрадством. Речь идет не просто о нерациональном использовании бюджетных средств, а именно об их присвоении (до 40%) теми чиновниками, топ — менеджерами, представителями местной власти, которые имеют доступ к исполнению бюджета.

Согласно результатам исследования Института социологии РАН и Фонда Эберта «Двадцать лет реформ глазами россиян» (2011), наиболее распространено в РФ чувство несправедливости всего происходящего вокруг, его испытывают более 90%: ощущение несправедливости жизни в стране характерно для большинства россиян, независимо от их дохода². В V веке до н. э. древнекитайский философ Конфуций сформулировал единственно правильный и эффективный

¹ Заяц О. В. Экономические основы социальной работы. – М.: Учебник, 2003.

² Изборский клуб. Социально-экономическое расслоение общества как фактор раскола. – URL: <http://izbryansk.ru/index.php/arkhiv/389> (дата обращения: 08.11.2014).

способ существования государства и общества, взаимодействия власти и народа: бери у народа не столько, сколько тебе надо, а столько, сколько он МОЖЕТ тебе дать. Иначе социальные конфликты и катаклизмы неизбежны.

Еще одной катастрофически сказывающейся на возможностях развития современного общества, причиной, на наш взгляд, является такое качество всех уровней и видов власти современной России как отсутствие у нее важной добродетели — совести. Последнее (бессовестность) власти проявляется в разных формах: полуправда или ее искажение в СМИ, популизм обещаний и увещаний власть предержащих и утверждение невозможности их выполнения со стороны правительства РФ, абсолютная несправедливость в распределении заработанных обществом средств. Резко бросается в глаза и подчеркивается аналитиками — экономистами и социологами — экономическая дифференциация общества, негативные последствия которой также опасны для будущего общества. Самое опасное то, что она никак не связана с недееспособностью или нежеланием работать большей части среди малообеспеченных граждан, имеющих высокий интеллектуальный потенциал.

Известный экономист М. Делягин отмечает: «... в группу сверх богатых входит 100 тысяч семей, которые владеют 70% национального богатства, а группа самых бедных — около 6 млн. человек — владеет только 1,9% богатств. Децильный коэффициент ... в России равен 16. В Скандинавских странах он составляет 3–4, в Евросоюзе — 5–6, Японии и Северной Африке — 4–6, в США — 9¹.

Что же объединило значительную часть сегодняшнего российского общества? Известный факт: возвращение территории Крыма. Парадокс заключался в том, что мало кто из граждан задумывался о политических основаниях (субъект федерации или нет) данного воссоединения, как и об экономических, политических, социальных и, как оказалось, определенных этнических последствиях данного события. Важен был сам факт реализации неких традиционных, сегодня называемых имперскими, стереотипов нашего сознания о справедливости. Вопрос заключается в том, почему для решения многих других вопросов, завязанных на проблемы справедливости, россияне не способны, бояться, объединяться? Большинство считает при этом, что любые наши действия априори будут «задушены» решениями властей, которые «нас не спросят, а сделают по-своему». Так полагают граждане из разных слоев населения РФ. Наше общество катастрофически разделено, что приводит к пессимистическому видению тенденций его развития. В первую очередь любое разделение укоренилось в качестве *нормы* общественной жизни россиян. Это проявляется в пессимизме граждан в отношении к социальной

¹ Делягин М. Чтобы восстановить справедливость Путину придется уничтожить правящий класс. URL: http://ruskline.ru/news_rl/2011/09/23/mihail_delyagin_chtoby_vosstanovit_spravedlivost_putinu_pridetsya_unichtozhit_pravyawij_klass/ (дата обращения: 08.11.2014).

несправедливости. О. В. Заяц отмечает, что « в заведомо выгодное положение попадают территории, где расположены ... отрасли добывающего комплекса. И, наоборот, беднейшие регионы ... находятся в критическом положении, связанном с низкой конкурентоспособностью выпускаемой продукции. Помимо Москвы, являющейся финансовым центром России (здесь сосредоточено 30% предприятий, головных офисов компаний и банков, и всего 6% населения страны), к наиболее обеспеченным относятся регионы, связанные с топливно-энергетическим комплексом ... »¹. Представители разных профессиональных, образовательных, культурных и др. слоев общества в научных статьях, общественных обсуждениях на сайтах, в которых граждане анализируют представленные авторами статьи по разным социально-политическим проблемам, часто высказывают суждения о том, что на территории РФ существует два «государства» — Москва и Россия.

Отрицать это, зная о социально-экономической политике в отношении москвичей и не москвичей, трудно: создается впечатление, что Россия все годы лениво бездействовала, а москвичи усердно трудились. Но россияне работают, при этом хорошо и, куда в более трудных условиях, везде. Отсюда и создается впечатление, что, если гражданин отработал 25–30-лет не в Москве, льгот не имеет, в отличие от москвича, значит, Россия работает на Москву. Россияне должны ощущать себя неким вторым сортом граждан РФ, в отличие от москвичей. Однако каким сортом должен ощущать себя трудящийся всю сознательную жизнь человек (а таких в нашем государстве большинство) по сравнению с очень богатыми, позволяющими себе удовлетворение любых, даже «сверхразумных» потребностей людьми, причем значительная часть из них нигде не работают, либо пристраиваются в доходном бизнесе, при этом, как правило, не производственном. Нельзя не согласиться с М. Делягиным в том, что оправдание не созданного человеком богатства, капитала, как и вывоз его за рубеж, где он будет «работать» на бюджет, создание рабочих мест экономики иного государства, не предполагает положительных тенденций для развития собственного производства, тем более, что инвестиционный фон для нашего государства значительно ухудшился². Часто можно услышать, что подобные рассуждения — результат зависти. Однако проблема куда глубже.

Об опасных для общества перспективах свидетельствуют приводимые И. Лапшиным результаты социологического опроса на вопрос: «Можно у нас [в РФ — прим авт.] разбогатеть честным трудом?» Из 504 опрошенных «да»

¹ Заяц О. В. Экономические основы социальной работы. – М.: Учебник, 2003.

² Делягин М. Чтобы восстановить справедливость Путину придется уничтожить правящий класс. URL: http://ruskline.ru/news_rl/2011/09/23/mihail_delyagin_ chtoby_vosstanovit_spravedlivost_putinu_pridetsya_unichtozhit_pravyawij_klass/ (дата обращения: 08.11.2014).

ответили всего 21%, а 79% ответили «нет, нельзя»¹. Это показывает, что в общественном сознании укореняются мотивации добиваться достойного уровня жизни *любой* ценой. Известно, что Россия является лидером по критерию сверхконцентрации богатства в руках небольшой группы олигархов, часть из которых составляет, в том числе, и политическую элиту. В мире в целом 1% самых богатых людей владеют более чем 46% всех активов, а в РФ одному проценту олигархов принадлежит 71% всех личных активов россиян. Данная ситуация приводит к формированию в сознании, особенно молодых поколений, перевернутых, искаженных идеалов жизни индивида, воплощение которых в практических реалиях социума может привести к его самоуничтожению.

Если в нашем обществе в качестве естественного, *нормального для развития* общества принимается уровень сегодняшнего децильного коэффициента, значит, подавляющее число населения нашей страны не понимает негативных последствий сложившейся ситуации. «Если опираться на данные официальной статистики, то за период 2000–2012 гг. децильный коэффициент в России увеличился с 13,9 до 16,4 раза. ... А председатель Комитета по вопросам собственности Госдумы Сергей Гаврилов озвучивал даже цифры 70–80 раз ...»². Общество, в котором величина дохода, как и расходов, зависит не от объема и качества собственного трудового вложения, а от должности, статуса, а за социальные роли и негативные их последствия статусные граждане, практически, не несут ответственности, обречено на разрушение, гибель и замену другим этно — политическим сообществом.

Основными принципами политики распределения и перераспределения в стабильном и перспективном обществе, на наш взгляд, должны быть, в первую очередь: 1) адекватная экономическая справедливость, 2) разумность расходов и обогащения отдельной группы (групп) граждан (решение проблемы децильного коэффициента), 3) правовое внедрение нравственной составляющей в экономические взаимоотношения работника и работодателя, 4) осознание и реализация того факта, что основополагающими составляющими общества, особенно информационного, являются образование, медицина, воспитание.

Список литературы:

1. Делягин М. Чтобы восстановить справедливость Путину придется уничтожить правящий класс. URL: http://ruskline.ru/news_rl/2011/09/23/mihail_

¹ Лапшин И. Можно ли в России разбогатеть честным трудом? – URL: http://maxpark.com/community/politic/content/2931465?utm_campaign=mostinteresting&utm_source=newsletter (дата обращения: 08.11.2014).

² Изборский клуб. Социально-экономическое расслоение общества как фактор раскола. – URL: <http://izbryansk.ru/index.php/arkhiv/389> (дата обращения: 08.11.2014).

delyagin_ chtoby_ vosstanovit_ spravedlivost_ putinu_ pridetsya_ unichtozhit_ pravuawij_klass/(дата обращения: 08.11.2014).

2. Заяц О. В. Экономические основы социальной работы. – М.: Учебник, 2003.
3. Изборский клуб. Социально-экономическое расслоение общества как фактор раскола. – URL: <http://izbryansk.ru/index.php/arkhiv/389> (дата обращения: 08.11.2014).
4. Лапшин И. Можно ли в России разбогатеть честным трудом? – URL: http://maxpark.com/community/politic/content/2931465?utm_campaign=mostinteresting&utm_source=newsletter (дата обращения: 08.11.2014).

*Kozlova Tatiana Alexandrovna,
Nizhny Novgorod State Pedagogical University im. K. Minina,
competitor, the Faculty of Philosophy and Theology
E-mail: kozlova-ta@inbox.ru*

Bateson's opinion of human nature: the cybernetic approach

*Козлова Татьяна Александровна,
Нижегородский Государственный Педагогический Университет
им. К. Минина, соискатель, философско-теологический факультет,
E-mail: kozlova-ta@inbox.ru*

Взгляд Г. Бейтсона на природу человека: кибернетический подход

Человек, семья, общество — сложные динамические системы, управление которыми пытается рассмотреть кибернетика. Одним из ярких представителей данной науки в XX веке является Грегори Бейтсон, междисциплинарные работы которого пронизаны философским смыслом. Все живые системы, с точки зрения Г. Бейтсона, обладают определенными характеристиками, переплетенными причинно-следственными нитями. Равновесие системы — некий залог ее постоянной и неизменной работы, «постоянство одних переменных поддерживается изменением других»¹. И если в механизме машины это данность (иначе устройство просто не будет работать), то живые системы более подвижны, очень сложные изменения в них являются неотъемле-

¹ Бейтсон Г., Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии. 1969–1972/Пер. с англ. М.: Смысл. 2000, Источник: URL: http://www.koob.ru/bateson_gregory

мой категорией их бытия. Потому важно сопоставить работу одушевлённых и неодушевлённых систем.

Как только в сбалансированной неодушевлённой системе происходит отклонение от заданного направления работы, мгновенно модифицируются элементы системы, они смещаются, качественно и/или количественно меняются. В системе появляются экспоненциальные кривые. И влияет на процесс возникновения сбоя систем часто «человеческий фактор». Многие глобальные ошибки, по мнению Бейтсона, совершены человечеством только в силу отрешения от знаний о работе систем. Сбой в работе экосистемы может развернуть следующий ход событий: «Некоторые растения станут сорняками, некоторые существа будут уничтожены, а система в качестве сбалансированной системы наверняка распадется на части¹. Подсистема (разум человека) осуществила наступление на систему (биота), в результате — потеря баланса, сдвиг по экспоненциальной кривой, приобретающий угрожающий характер. Так сброс отходов с Байкальского целлюлозно-бумажного завода приводит к вымиранию зоопланктона, обитающего в озере. Подобная картина может возникнуть и в социальной системе — в человеческом обществе: «Соскальзывание может зайти недалеко, а может дойти и до катастрофы»². Например, жестокий разгон мирного шествия петербургских рабочих 9 января 1905 года послужил толчком к Первой русской революции, которая унесла сотни жизней. Вот как вспоминает «кровавое воскресенье» свидетель этих событий А. И. Дубровин: «Я испытал толчок 9 января, я попал у Красных ворот в катастрофу. Я видел кровь, видел трупы и моя карета, когда приехал домой, была в крови»³.

Но не всегда изменения в системе носят строго негативный характер, они могут и улучшить ее, вывести на другой уровень, если учесть все многообразие взаимодействий элементов этой системы на различных уровнях: внутри системы, с подобными системами, с системой более высокого порядка. «Мудростью я считаю знание большей интерактивной системы»⁴. К постижению подобного знания способна одна из важнейших субсистем Вселенной — человек, структура и деятельность которого представляет для нас наибольший интерес. На пути к изучению человека между представителями различных наук легла

¹ Бейтсон Г., Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии. 1969–1972 /Пер. с англ. М.: Смысл. 2000, Источник: URL: http://www.koob.ru/bateson_gregory

² Там же.

³ Степанов А. Верный Богу, Царю и народу//Русская линия, 4.03.2006.

⁴ Бейтсон Г., Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии. 1969–1972 /Пер. с англ. М.: Смысл. 2000, Источник: URL: http://www.koob.ru/bateson_gregory

огромная пропасть из-за попытки изучить подсистемы отдельно друг от друга, пропало целостное многослойное восприятие структуры человека. «Блейк замечал: «В слезе есть интеллект», а Паскаль утверждал: «У сердца есть свои рассуждения, о которых рассудок ничего не знает»¹. Невозможно отделить разум от тела, интеллект от эмоций, к тому же, как утверждал Бейтсон, «есть большой Разум, в котором индивидуальный разум — только подсистема»². На пути к постижению мудрости Бейтсон ставит вопрос об использовании разума человеком, и приходит к выводу, что в настоящий момент он используется как «прибор ближнего действия, помогающий вам быстро получить желаемое. Он предназначен не для жизни с максимальной мудростью, а для получения желаемого кратчайшим логическим (каузальным) путем»³. Произошло это из-за длительной постановки перед человечеством узкоспециализированных задач. Бейтсон приводит в пример медицину: доктора берут во внимание ряд наиболее острых заболеваний и поэтапно разрабатывают вакцину для каждого из них, не учитывая системности человеческого организма, его сложных внутренних взаимозависимостей: «В этой науке поразительно мало знаний о том, о чем я говорю, — о теле как о системно-кибернетически организованной самокорректирующейся системе»⁴. Таким образом, успехи в лечении то одной, то другой болезни не дают желаемого результата. Намного важнее обнаружить основы процесса, принципы организации рассматриваемого объекта (в случае медицины этот объект — человек). Каждое отдельное действие, вырванное из цепочки «причина-следствие», будь то выброс химических отходов, истребление редких видов животных или повальное загрязнение воды — и вот человечество уже стоит на грани экологической катастрофы, из которой его может вывести только истинное знание, добытое собственными усилиями.

Человек — сложная кибернетическая система, наделенная мыслительной деятельностью, чутко реагирующая на сигналы извне, способная менять свою деятельность и преобразовать окружающий мир. Сущность человека — это его мысли: «каковы мысли в душе его, таковы и он»⁵. Ошибки в мышлении, по мнению Бейтсона, трагичны, поскольку порождают ложные ценности, становящиеся основной угрозой выживания человека. Мы забываем, что отдельно взятый объект экосистемы (озеро, например) входит в эконентальную систему человека. Унич-

¹ Бейтсон Г., Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии. 1969–1972 / Пер. с англ. М.: Смысл. 2000, Источник: URL: http://www.koob.ru/bateson_gregory/

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Ветхий Завет, Прит23:7, Источник: URL: <http://lib.pravmir.ru/library/cat/2500>

тожая отдельное озеро, мы тем самым вносим безумие в наше сознание, отдаляясь все больше от истинной мудрости. «Мы учимся на горьком опыте, что организм, разрушающий свою окружающую среду, разрушает себя»¹. Крайне необходимо научиться мыслить в рамках кибернетической эры, отказавшись от позиций эксплуататора, взглянуть иначе на окружающие вещи, помня о том, что мы всего лишь часть бескрайней эко-социальной системы. «Возможно, на сегодня самая важная задача — это научиться думать по-новому»².

Сила мысли способна родить идею. Однако идеи, посетившие человека, могут являться не только достоянием его мыслительной деятельности, но и результатом чуткого реагирования на сообщения из вне. Именно через мысли человек способен общаться со всеобъемлющим информационным потоком Вселенной, «поскольку значительные участки мыслительной сети расположены вне тела»³. Человек как организм со временем покидает орбиты вселенной: «То, что под кожей, приходит в хаос после смерти»⁴. Но его мысли способны сохраниться на информационном поле: «Сократ как биоэнергетический индивидуум мертв. Однако многое от него по-прежнему живет как компонент современной экологии идей»⁵. Идея, попадая к человеку из информационного потока, преобразуясь под воздействием разума, не пропадает, а возвращается туда вновь. Возникает коммуникация на уровне Я — Вселенная, подпитывающая творческие порывы человека. Все творчество, по мнению Бейтсона, имеет коммуникативную основу. И не только с информационного полотна Вселенной стоит ждать сигнала, но и в отношениях с собственным «я» следует искать творческий росток.

Внутренний конфликт — отправная точка всего нового: «В людях есть целое множество идей, которые все связаны воедино. Что-то вроде второго существа внутри цельного человека, и это второе существо должно иметь весьма отличающийся способ думать обо всем»⁶. Это второе существо — наше бессознательное. Творческие силы пульсируют на пересечении разума с бессознательным. Перетекающая информация из бессознательного в разум материализуется в глазах творца, он переносит ее в жизнь — на холст, на бумагу, на камень. Особое внимание Бейтсон уделил изучению сновидений: «Сновидения — это кусочки

¹ Бейтсон Г., Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии. 1969–1972/Пер. с англ. М.: Смысл. 2000, Источник: URL: http://www.koob.ru/bateson_gregory/

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

и обрывки вещества, из которого мы сделаны. Необъективного вещества»¹. Существует множество примеров озарений во сне: Д. И. Менделееву так приснилась периодическая система химических элементов, Ласло Биро осенила идея первой в мире шариковой ручки, А. Флеминг увидел во сне формулу пенициллина. Идеи музыкальных композиций, художественных произведений, ответы на жизненно важные вопросы приходили во сне... Сновидения — опора для постижения системной природы разумы, место встречи чувственного и разумного, эмоций и интеллекта. Сновидение как обитель творческих идей также имеет под собой коммуникативную основу. Поэтому на первый план выдвигается проблема истолкования, перевода той информации, которая через сенсорные каналы попадает в наши головы. От порядка интерпретации любой идеи зависит то, как она воплотится в жизнь.

Таким образом, цепочки обмена сообщениями на разных уровнях (с информационным потоком Вселенной, с нашим бессознательным), лежат в основе всего искусства, прибавляющего энергию к мировому круговороту, преобразующего и обновляющего. Искусство поднимает человека и уносит ввысь и вглубь, соединяя его со Вселенной, открывая перед ним новые горизонты, новые просторы: «Я утверждаю, что искусство — это часть человеческого поиска благодати; оно приводит его в экстаз при малейшем успехе и в ярость и муки при неудаче»².

И задача человека твердой поступью идти по пути искусства, постигая мудрость этого мира. Человек как система мыслящая и преобразующая должна учесть кибернетический подход к эко-социальной системе Вселенной, в творческом порыве возродить здоровую экологию человеческой цивилизации, очищая и свой разум и свою землю.

Список литературы:

1. Бейтсон Г., Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии. 1969–1972 / Пер. с англ. М.: Смысл. 2000., Источник: URL: http://www.koob.ru/bateson_gregory/
2. Ветхий Завет, Прит 23:7, Источник: URL: <http://lib.pravmir.ru/library/cat/2500>
3. Степанов А. Верный Богу, Царю и народу // Русская линия, 4.03.2006.

¹ Бейтсон Г., Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии. 1969–1972 / Пер. с англ. М.: Смысл. 2000, Источник: URL: http://www.koob.ru/bateson_gregory/

² Там же.

*Malakhova Nataliia Nikolaevna,
Rostov State Transport University,
associate professor Department of Social technologies
E-mail: vmalakh@yandex.ru*

Scientific institutions as subjects of innovative development of the global economy

*Малахова Наталия Николаевна,
Ростовский государственный университет путей
сообщения доцент кафедры «Социальные технологии»
E-mail: vmalakh@yandex.ru*

Научные институты как субъекты инновационного развития глобальной экономики

Основной характеристикой современной экономики является фундаментальная зависимость процессов ее развития от инноваций, в связи с чем некоторые исследователи определяют ее как инновационную экономику. Так, Джефф Сэйперстайн и Даниэль Руах пишут: «Одно из наиболее важных изменений на рубеже веков — это достаточно быстрое распространения явления, получившего название «Новая экономика». Мы предпочитаем называть ее инновационной экономикой, так как в основе экономического роста через создание нового богатства лежит быстрое распространение изменений через инновации¹.

В свою очередь, современный уровень технического развития общества делает производство инновационных продуктов и технологий невозможным без проведения соответствующих научных исследований, в связи с чем в инновациях сегодня объединяются востребованные текущим моментом наука и технологии, а научное знание объявляется источником инновационного развития экономики².

Тесная связь науки с экономикой, наглядно проявляющаяся в инновационной деятельности, между тем трансформирует научные институты, отношение к ним общества и государства, как на локальном, так и на глобальном уровне и порождает как для науки, так и для общества в целом ряд последствий, которые трудно оценить позитивно.

Один из проблемных моментов во взаимодействии научных и предпринимательских структур связан с формированием и функционированием глобальной

¹ Saperstein J., Rouach D. Creating Regional Wealth in the Innovation Economy: Models, Perspectives FT press.2002 С. 2

² Сосунова Л. А., Серпер Е. А. Научное знание как источник инновационного развития экономики // Экономические науки. 2010. № 7(68). С. 67–70.

науки, которая в условиях глобального рынка становится его частью и оказывается включенной в сферу влияния субъектов мировых рыночных отношений. Основными субъектами рыночных отношений на глобальном уровне и основным двигателем развития глобальной экономики являются транснациональные корпорации (ТНК). Они не только формируют спрос на инновационный продукт, но и способны нести расходы на его разработку. Так, в 90-е годы ТНК обеспечивали 80% частных расходов всего мира на исследования и разработки¹. Корпорациям же принадлежит решающая роль в интернационализации научных исследований и конструкторских разработок. С деятельностью ТНК связаны основные тренды в развитии мировой инновационной системы, оказывающие влияние на развитие науки и функционирование научных институтов. Первый тренд связан со стремлением ТНК сделать создание инновационных технологий неотъемлемой частью своих бизнес-процессов, для чего ТНК включают научные центры и лаборатории в свою организационную структуру. Кроме этого ТНК все чаще вовлекают в свою инновационную деятельность традиционные исследовательские структуры — университеты, академические и отраслевые НИИ, тем самым, делая и их исследования частью своей научно-технической политики. В результате, в мире увеличивается количество научных институтов, принадлежащих производственным корпорациям, находящихся как внутри крупных компаний, так и под их прямым управлением, и обслуживающих, таким образом, интересы крупного бизнеса. Второй тренд связан с первым и заключается в сокращении государственных расходов на научные исследования, осуществляемым одновременно с увеличением финансирования со стороны предпринимательского сектора².

Следствием этого является доминирование интересов бизнеса в процессах формирования и определения основных направлений научно-технической политики на уровне национальных государств, где государство постепенно уступает главенство в определении НТП бизнесу, в первую очередь, крупному, а также на мировом уровне.

Как правило, возрастание объемов вмешательства корпораций в организацию научной деятельности оценивается положительно, поскольку обладая большими финансовыми возможностями, ТНК способны выделять на ведение разработок значительные объемы средств, давая возможность государству постепенно сокращать бюджетное финансирование научной сферы. Кроме того, организуя исследования с применением технологии аутсорсинга, привлекая к ним ученых из различных стран и обеспечивая им доступ к своим технологическим программам, корпорации способствуют распространению знаний и трансферу технологий.

¹ Danning S. H. The globalization of business: The Challenge of 1990. – L.; N. Y., 1994. с. 80.

² Инновации на стороне <http://www.sibai.ru>

Однако невозможно не отметить и ряд негативных и потенциально опасных для развития науки (особенно национальной) последствий.

ТНК прежде всего являются коммерческими организациями, заинтересованными в получении прибыли и сохранении лидирующего положения на рынке, поэтому их участие в создании новых знаний строго ограничено стремлением обеспечить конкурентоспособность своей продукции. Из этих же соображений ТНК, пользуясь своим монопольным положением на рынке, могут сознательно подтасовывать результаты исследований, а иногда просто замораживают процесс получения новых знаний¹.

Главные интересы ТНК и цели их функционирования могут идти в разрез с интересами и целями государства, так как интересы промышленников узко специализированы, нацелены на решение узко корпоративных задач, ориентированы, в первую очередь, на получение собственной сиюминутной выгоды, а не на создание технологических открытий. Кроме того, результаты проводимых для ТНК и в рамках ТНК научных исследований уже не могут выступать в качестве общественного блага, так как их общедоступность лишает ТНК конкурентных преимуществ. Между тем общедоступность научных знаний является главным принципом научной этики, и его нарушение ведет к нарушению процесса саморазвития научного мира.

Корпорации, равно как и промышленные предприятия меньшего масштаба не заинтересованы в финансировании и проведении фундаментальных научных исследований. Хотя, как показывает опыт, применение знаний, полученных в ходе фундаментальных исследований, способствует появлению совершенно новых промышленных разработок, но на развитие и внедрение прорывных технологий может потребоваться, от 15 до 25–30 лет. Бизнесменам, как правило, далеким от академической науки, сложно оценить возможные последствия фундаментальных открытий. Кроме того, в условиях ускорения и повсеместного распространения технологического прогресса, приводящего к сокращению жизненного цикла инновационного товара, компании вынуждены обновлять свой ассортимент все более быстрыми темпами. Являющаяся следствием перманентной инновационной деятельности, *нестабильность экономической конъюнктуры порождает* неопределенность в отношении перспектив развития рынков и предпочтений потребителей и многочисленные риски, связанные с принятием и внедрением новых идей, решений и технологий при выпуске новой продукции. В этих условиях промышленные предприятия не заинтересованы в увеличении риска и неопределенности, участвуя в фундаментальных исследованиях — ориентированных

¹ Каблов Е. Н. Наука как отрасль экономики/Е. Н. Каблов//Наука и жизнь, 2009. т. № 10. С. 6–10.

на долгосрочную перспективу и рискованных проектах, результаты которых отличаются высокой степенью неопределенности и необходимостью значительных затрат на получение нового знания.

Слабая заинтересованность в проведении фундаментальных исследований обусловлена и тем, что как производитель, ТНК не может не принимать во внимание интересы потребителей. Более того роль потребителя в инновационной экономике становится все более определяющей. Т. Карлтон констатирует тот факт, что «в последнее время в научных кругах говорят уже не о «тройной», а о «четверной» или «комплексной спирали»: потребитель, он же гражданин страны, играет важную роль, обеспечивая обратную связь, взаимодействуя и оказывая влияние на направления развития новых технологий»¹. Со своей стороны, потребитель в большей степени заинтересован в так называемых динамически непрерывных инновациях, то есть продуктах, которые независимо от того, являются они новыми, или модификациями уже существующего, не изменяют устоявшихся поведенческих паттернов потребителей при покупке и использовании. Для создания такого рода товаров не нужны результаты фундаментальных исследований. В результате отсутствия заинтересованности в фундаментальных исследованиях, как со стороны производителей, так и потребителей, основной характеристикой развития науки неизбежно становится сокращение финансирования фундаментальных исследований.

Одной из особенностей ТНК, является сознательное использование преимуществ международного разделения труда, а также возможностей доступа к ресурсам иностранных государств, в то числе в вопросах, касающихся использования научно-исследовательского потенциала принимающей страны. Так, одной из тенденций в осуществлении инновационных разработок ТНК является то, что компании стремятся сократить расходы на собственные НИОКР за счет увеличения объема инновационного аутсорсинга в основном в страны с более низким уровнем заработной платы в сфере науки. С. Фулер обращает наше внимание на тот факт, что «как бы демонстративно индустрия ни поддерживала на словах «заоблачные» фундаментальные исследования, она во все большей степени стремится финансировать такие работы академиков, за которые можно заплатить меньше, чем при их проведении в собственных департаментах исследований и разработок. Не случайно поэтому, что первые крупные исследовательские лаборатории в промышленности, тесно связанные с фундаментальными исследованиями, возникли в первой половине XX века, когда было еще относительно легко переманить академиков, работавших в университетах и получавших вознаграждение лишь

¹ Карлтон Т. Поколение X – секретное оружие США/Т. Карлтон//Инновационные тренды. – 2011. – № 8. – С. 23–28.

за преподавание в пределах узких дисциплинарных ограничений. Теперь же, когда университеты увеличили масштабы своих собственных исследований и развили соответствующую материальную базу, с финансовой точки зрения для индустрии более мудрой является стратегия использования преимущества относительно более скромной оплаты труда в академических учреждениях и все еще остающихся либеральными правил передачи знаний»¹.

Между тем, глобализация процессов аутсорсинга на этапе исследований и разработок инновационных продуктов приводит к постепенному усилению влияния ТНК на систему национальных исследований и образования, подчинению научно-исследовательских институтов национальных государств интересам ТНК, что в условиях зависимости успешности развития экономики от научных исследований способствует установление контроля и над экономическим состоянием страны.

Нельзя не отметить и тот факт, что являясь транснациональными предприятиями, ТНК все же не являются наднациональными. Из 20 крупнейших ТНК в ведущих отраслях мировой промышленности — автомобильной, электронной, нефтеперерабатывающей — шесть американских, по три — из Великобритании, Японии, Германии, по две — из Франции, Швейцарии, Нидерландов². Родной страной наибольшего количества ТНК является США, как страна местонахождения субъекта предпринимательства. А значит, в своей деятельности они, так или иначе, действуют в интересах своей страны — будь это уплата налогов с прибыли (в том числе и от реализации инновационной продукции) в государственный бюджет, или закрепление технологического превосходства, в том числе и за счет описанного выше подчинения научно-исследовательских институтов других стран своим интересам и установлению контроля над экономическим состоянием этих стран.

Таким образом, в результате активного вовлечения научных институтов в инновационную деятельность, наука, выступавшая в качестве элемента глобальной культуры, теперь становится частью глобального рынка. Активное вмешательство интересов бизнеса в процессы формирования и определения основных направлений научно-технической политики приводит к тому, что государство постепенно уступает главенство в определении НТП бизнесу, в первую очередь, транснациональным корпорациям. Доминирование интересов ТНК в научных исследованиях приводит к сокращению финансирования фундаментальных исследований, процедура аутсорсинга к использованию интеллектуального потенциала разных стран в интересах ТНК, что в конечном итоге ведет к закреплению технологического превосходства одних стран над другими.

¹ Фулер С. В чем уникальность университетов? Обновление идеала в эпоху предпринимательства // Вопросы образования 2005. Т. 2. № 2 – С. 22.

² Danning S. H. The globalization of business: The Challenge of 1990. – L.; N. Y., 1994. – С. 80.

*Moskvitina Irina Vladimirovna,
Volgograd state socio-pedagogical University
student of Biology and Chemistry Department
E-mail: sha-man-ka94@mail.ru*

*Shipulina Nataliya Borisovna,
Candidates Philosophy, Associate Professor of philosophy
Department of Volgograd state socio-pedagogical University
E-mail: nbship@mail.ru*

The somatic aspects of a consciousness process in Modern Culture

*Москвитина Ирина Владимировна,
Волгоградский государственный социально-педагогический
университет, студентка биолого-химического факультета
E-mail: sha-man-ka94@mail.ru*

*Шипулина Наталья Борисовна,
Волгоградский государственный социально-педагогический
университет, кандидат философских наук, доцент
E-mail: nbship@mail.ru*

Соматизация современного культурного самосознания

Возможность широкого обсуждения темы взаимной обусловленности тела и общества предполагает, что философское знание способно ответить на вопрос, что такое тело. Для максимально исчерпывающего ответа необходимо придерживаться антропологически-феноменологического подхода, позволяющего мысленно схватывать тело одновременно и как материальность, и как опыт, и в качестве «вещи телесной», и в виде «собственной плоти». Такое понятие тела обозначается как телесное двуединство.

Начиная с Х. Плеснера (1975 г.) онтологический вопрос «Что такое тело?» можно трансформировать в вопрос антропологический: «В каких отношениях со своим телом находится человек?» Согласно Плеснеру, отношение это двояко: человек одновременно *есть* свое тело и *обладает* им. И потому, тело не что иное, как двуединство бытия и обладания. Особенно важным является тот факт, что это двуединство являет собой не вневременной или константный параметр, а исторически изменчивый и культурно разнотипный. В свое время Иоганн Готфрид Гердер заметил, что «человек, в отличие от животного имеет не наследственную, а приобретенную моторику», то есть должен научиться владеть своим телом в со-

ответствии с детерминантами культуры и социума. И в этом смысле собственное тело — первый культурный объект, с которым человек имеет дело.

Согласно теории позициональности, телесному существованию человека свойственно «эксцентрическое» отношение к окружающему миру. С одной стороны, и это касается органических данных, человек — сравнительно с животными — «позиционирован центрически», то есть привязан в плане единства и времени к «здесь и сейчас»: факт, что я есть некое тело, делает для меня невозможным одновременное присутствие в разных местах, сейчас и одновременно вчера или сегодня. С другой стороны, человек в состоянии оказаться «вне» себя и отстраниться в «положение предмета», занимая тем самым уже «эксцентрическую» позицию относительно своего окружения. Такая специфическая форма отношения к окружающему миру, присущая человеку, — следствие его обладания собственным телом, которое он может использовать и использует экспрессивно или инструментально. Также он может превратить себя в предмет, осуществляя рефлекссию над самим собой, или, сажем, переместившись в другое время или место. Каждый момент своего существования человек обретается в таком двуединстве. Он должен постоянно балансировать между бытием в теле, обладанием им и первичной реальностью, которая предписывает неизбежную конечность этого бытия и зовется смертью¹.

В рамках нашего исследования *это актуально в той мере, в какой способно объяснить пути утоления жадности телесного совершенства и бессмертия (как антипода смерти)*, характеризующие современное общество. Вопрос же о соотношении жизни и смерти локализуется в плоскости либо признания и приятия данного знания, или же чаще непризнания близости смерти как факта самосознания, определяющего поведение человека, его образ мыслей и жизни². Сам факт существования данного феномена наталкивает на постановку *проблемы* исследования: выяснить, как в современном мире объясняются и как воплощаются желания человека отсрочить смерть, а лучше приобрести бессмертие, выраженные в витализации ценностей, гедонизме как жизненной установке и соматизации красоты.

Вопрос о бессмертии, веками входивший в проблемное ядро философии, под натиском позитивного мышления вроде бы потерял свою актуальность, был локализован в сфере религии и эзотерики. Однако, несмотря на такие злободневные проблемы современности, как социальная несправедливость, экологический кризис, политическая нестабильность, вопрос о бессмертии не претерпел никакой

¹ Гугутцер Роберт. Глава из книги «Социология тела»: Что такое тело?//Архетипы телесности (российский и западный контексты): Сб. статей/Под ред. И. В. Кузина – СПб.: Изд-во РХГА, 2014. – 362 с.

² Лишаев С. А. Горизонты старости: типология и экзистенциальное содержание// *Mixtura verborum*. Сб. науч. статей, Самара, 2006. – С. 14–43.

глобальной антропологической трансформации за период, отделяющий нашу современность от времен Сократа, или апостола Павла, считает Е. А. Маковецкий. Это связано с тем, что «человек не может *вдруг* утратить интерес к вопросу о собственном бессмертии». Другое дело, что трансформируясь вместе с культурой, вопрос этот всякий раз приобретает различные оттенки, оставаясь неизменным по существу, но неустранимым для философского осмысления¹.

Можно предположить, что проблема бессмертия, экзистенциальная напряженность конечности человеческого бытия, в рамках современной культуры находит свое выражение в следующих социокультурных практиках и концепциях. *Во-первых*, в культуре здоровья, понимаемого именно как телесное здоровье, посредством витализации ценностей (здоровье, жизнь, телесность, комфорт, сексуальность и пр.) Интересно, что этот «телесный модус бессмертия» понимается современным массовым сознанием как бессмертие вообще, и эта особенность интерпретации бессмертия современной культурой — одна из ее самых ярких отличительных черт. *Во-вторых*, в идее эволюции: сама по себе чрезвычайно богатая историко-культурными коннотациями — от идеи иерархического устройства бытия до идеи прогресса, — но, что важнее в нашем контексте — эта идея содержит в себе представление о вечной жизни. Интересно, что вечность здесь достигается через телесное, родовое, сетевое (как нововведения века) и, парадоксальным образом, обезличенное бессмертие. *В-третьих*, в идеях и практиках искусства и масс-медиа, обещающих и реализующих символическое бессмертие.

Традиционно для философии вопрос о бессмертии — вопрос «невещественного», но суммируя «современные образы бессмертия» мы видим, что все они в той или иной мере материально ангажированы. Интересным оказывается и то, что вопрос об освобождении от тела — или, наоборот, о восстановлении тела (раскрываемый в диалогах Платона и св. Григория Нисского) — имеет столь большое значение именно в виду утешительной, или терапевтической направленности, посредством чего душевное напряжение человека, сознающего собственную конечность, утверждается в надежде. Этим и подпитывается жажда бес-телесного или телесного совершенства, характерная и для современных обществ.

Для более глубокого понимания современной ситуации необходим историко-культурный анализ, раскрывающий сущности и смыслы феномена телесности в рамках диады «тело-дух»². Особый акцент на анализе особенностей и тенденций европейского соматического мышления объясняется значимостью данных традиций для понимания ценностных ориентаций современных человека и общества.

¹ Маковецкий Е. А. Тело как залог бессмертия. Архетипы телесности (российский и западный контексты): Сб. статей/Под ред. И. В. Кузина – СПб.: Изд-во РХГА, 2014. – 362 с.

² Быховская И. М. Homo somatikos: аксиология человеческого тела. Тело в образе мира, мир в образе тела. М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 208 с.

Аксиологические и социокультурные смыслы человеческого тела находили свое отражение в сознании и практиках различных культур и эпох, но поразительно концентрированно представлены в античной культуре. Причиной тому служат два обстоятельства:

1. Телесность для античной культуры являлась важнейшим объектом анализа, размышлений и оценки; объявляясь ценностно-значимой характеристикой человеческого бытия, являлась в античности предметом не просто исследования и отображения, но восхищения и культивирования, и потому занимала видное место в философско-мировоззренческих системах, практике социализации в эстетических канонах, в шедеврах художественного творчества.

2. Фактором многообразия трактовок человеческой телесности послужили разноликость, многообразие и неунифицированность человеческой мысли в античности.

В этом смысле С. С. Аверинцев подчеркивает, что «греки создали не только собственную культуру; одновременно в двуедином творческом процессе они создали парадигму культуры вообще»¹. Потому, рассмотрение античных взглядов на человеческую телесность не столько и не только характеристика отдельной эпохи, сколько фундамент, на котором произросли соматика и концепции телесности. Вся система мироздания, весь космос в представлении древнего грека — не что иное, как огромное тело живого существа. Таким образом, тело для грека периферийно, напротив, мыслится как аналог самого мироздания, и наоборот. Что же касается тела индивида, то его значение и смысл «прочитываются» в словаре греческой культуры. Термину личность соответствует понятие «просопон», т. е. «то, что бросается в глаза, что видно глазами, что имеет вид, наружность»². Это не личность более поздней интерпретации, а личность как «данность», внешность, наружность, которая для грека сама по себе есть существенная характеристика. По-гречески личность можно выразить термином «сома», как пишет А. А. Тахо-Годи, и это свидетельство того, что для греков она неотрывна от живого тела, хорошо организованного, и в некотором смысле тождественна ему.

Однако неправильно было бы полагать, что понимание телесности у греков было моносемантическим. Как отправная точка и конечный пункт рефлексии она имела различную смысловую окраску, хотя верно то, что ведущим мотивом культуры античности была идея гармонии телесного с духовным, их единство. Телесность в данном контексте не часть, а фрагмент реальной целостности. К примеру, Плутарх в ряду высокозначимых ценностей выделяет, помимо собственно мораль-

¹ Аверинцев С. С. Античный риторический идеал и культура возрождения // Античное наследие в культуре возрождения. М.: Наука, 1984.

² Лосев А. Ф. Дерзание духа. М.: Политиздат, 1988. – 366 с.

ных, ценности красоты, здоровья, силы, где можно усмотреть истоки витализации ценностей¹. Телесное гармонично сливалось воедино с высшим, нравственным, духовным, что проявилось и в порожденных античным человеком богах. Одна из особенностей античного мышления — значительная практическая ориентированность и поэтому признание ценности человеческого тела в гармоническом единстве с духом определяло не только его гуманистическую направленность, но и предписывало определенную деятельность по отношению к телу. «Практическое» знание было вплетено в мировоззренческую систему, предписывая образ жизни, нормы, идеалы, отношение к телу и духу. В этом реализовался принцип эпохи, формировалось культурное самосознание. Эпикурейство и кинизм приносят уничижительно-пренебрежительное отношение к телесности. «Если для греков изначально тело было храмом души, — писал Т. Готье, — то постепенно — и особенно со становлением христианства — оно все более стало рассматриваться как его тюрьма». Принцип единения, гармонии, сопряжение диады сменяется принципом противостояния этих начал. Теперь освобождение души от телесного «гроба» — единственно значимая и достойная цель, к которой должен стремиться человек. Здесь приобретает особенную значимость возвышенное стремление к духовной свободе (бестелесности).

Таким образом, античность — это эпоха возвышения, воспевания и уничтожения телесности (при существенном превалировании первого). Это та колыбель, где гармония тела и духа утвердили себя, сформировав культурную парадигму, которая от разделенности дошла до противостояния². Этот пример позволяет вспомнить нам циклические структуры в культурной динамике, отражающие жизненные циклы, которые проходит общество, включающие в себя «первичную простоту», «цветущую сложность», а затем «вторичное смешительное упрощение» или попросту деградацию, в смысле отката назад³.

Подобный анализ взглядов античности на предмет телесности позволяет в рамках одной эпохи увидеть различные типы трактовок и ценностного отношения к данному феномену, подчас взаимоисключающие, оценить традиции в понимании тела, которые развивались в дальнейшем развитии теории социально-гуманитарной мысли и в духовной, социальной, практической жизни последующих эпох⁴.

¹ Аверинцев С. С. Плутарх и античная биография. М.: Наука, 1973. – 279 с.

² Быховская И. М. Homo somatikus: аксиология человеческого тела. Тело в образе мира, мир в образе тела. М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 208 с.

³ Леонтьев К. Н. Византизм и славянство. И.: Дарь, 2005.

⁴ Быховская И. М. Homo somatikus: аксиология человеческого тела. Тело в образе мира, мир в образе тела. М.: Эдиториал УРСС, 2000. – С. 60.

На протяжении всей истории развития соматического мышления, его направленность, характер, смысловые нагрузки определялись тем, в какой «системе координат» рассматривался человек — в холистической или же дихотомической; трактовалось ли тело человека как равноправный элемент в единой системе с другими атрибутами человеческого бытия или же утверждалась его отдельность, выделенность, «особость» тела.

Вернемся к тому, что принцип рассмотрения человека как телесно-духовного единства тесно связан с древней идеей о нем как о микрокосме. Рассмотренная выше античная форма проявления этой идеи имела и предысторию и «послесловие» в своем развитии. В целом, мысль о связи макрокосма (мироздания) и микрокосма (человека) была весьма характерной для древних восточных систем мысли, для мифологий разных народов. Например, Ригведа воссоздает картину возникновения мира из тела Пуруши: разъятые части тела превращались в разные социальные и природные явления (небо, землю, социальные классы и пр.). «Отелеснивание» всего мира снимает проблему противопоставления телесного и духовного, ибо теперь они соединены одной сущностью, «встроены» в одно пространство. К такому же выводу мы приходим и при обратном движении мысли: все стихии мира, все силы природы включены в человеческое тело. И потому нет никаких оснований для разграничения тела и духа, нет барьеров между мышлением и телом — они суть одно целое. Однако, встроенность «человека телесного» в единую систему мироздания определяет его поведение, образ жизни, отношение к духу и телу — прежде всего, через осознание этой всеобщности. Согласно древнекитайской философии, идеал телесности — это наиболее полное и правильное воплощение дао в человеке, что и роднит его со всем миром как телом Вселенной¹. В идеях стоицизма также прослеживается требование следовать единственному правилу: жить в соответствии с природой, подчиняясь мировому порядку, отличаться покорностью и снисходительностью по отношению к тому, что дано и не пытаться что-либо изменить.

Антропоцентрическому же мышлению эпохи Возрождения свойственно рассмотрение чувственной реальности (прежде всего телесной) человеческой жизни как ее смысловой константы и сущности. Космическое, социальное и телесное отражены здесь как неделимое живое целое². Аксиология тела как единого со всем мирозданием начинает осмысливаться также и в контексте идеи самореализации, самотворчества человека, которая, вероятнее всего, не имела более яркого проявления и аргументации, чем в эпоху Ренессанса. Главной становится идея, что

¹ Древнекитайская философия. Собрание текстов: в 2 т. М.: Наука, 1972.

² Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и ренессанса. М.: Худ. литература, 1965. – 527 с.

человек не есть нечто замкнутое и окончательное — он не завершен и открыт: потенциально это и растение, и животное, и собственно человек — и как индивид распорядится этим законом мироздания, тем он и станет.

Над-природная сущность, сверхъестественный статус, отрицание того, что человек может считаться лишь биологическим феноменом, роднит данные взгляды с казалось бы далекими теоретическими конструкциями теоцентрического толка. Но это не совсем так. Традиция негативного отношения к телесности, основанная на идее тела как «темницы души» и «вместилища греха», типичная для христианства, отвергается в нем же иной традицией осмысления телесности как «храма святого духа». Тело, согласно апостолу Павлу, не только не противоположно высшим духовным существам, но само должно быть включено в понятие достоинства человека, что требует заинтересованного и почтительного отношения к нему, что важно для наших идей.

Интересно отношение гуманистов эпохи Возрождения (например, Верджерио) утверждавших, что душевные качества отпечатываются во внешности человека и в связи с этим вспоминая Сократа, который призывал юношей чаще смотреть на себя в зеркало, чтобы «те, кто обладал достойной внешностью не обезобразивали ее пороками, а те, кто уродлив на вид, могли бы с помощью добродетели сделаться красивыми»¹. Ф. Шеллинг на этот счет пишет: «Сущность материи — есть разум, а его наиболее непосредственное реальное отображение — совершеннейший организм; поскольку же последний существует лишь в человеческой фигуре, то его отображение есть человеческая фигура»². Однако *доминирующим мотивом* в развитии европейского «соматического сознания» было утверждение существования двух, отличных друг от друга субстанций — телесной и духовной. Одно из оснований противопоставления — *возвышение разума* как посредника между человеком и Абсолютом, столь свойственное европейской ментальности. Закономерно, что поклонение этой идее приземляет все материальное, светское, плотское.

Таким образом, принцип дихотомии, идущий от Платона, в разные эпохи модифицировался по-разному. И, если в античности эта диада не противопоставлялась, то позднее, акцент все более явственно смещался на дуалистическое «расчленение» человека. Яркий пример тому — средневековая идеология с ее развитой иерархической системой: чем выше — тем чище, потому что свободно от плоти. Складывается жесткая категоричность в решение данного вопроса. Все высшее, «верхнее» должно быть лишено какой-либо материальности, ибо плотское связывает с грешной землей. Такое жесткое противопоставление души

¹ Античное наследие в культуре возрождения. М.: Наука, 1984. – 258 с.

² Шеллинг Ф. Философия искусства. М.: Искусство, 1966. – С. 307.

и тела свойственна не только христианству, данная традиция уходит корнями в дохристианскую эпоху и присуща гностикам с их категориальным аппаратом, делящим людей на «пневматиков» и «хоиков». Да и в трактатах мыслителей Возрождения присутствует данное противопоставление. Телесность остается за границами достойного, возвышенного, истинно человеческого. Вслед за И. С. Коном следует утверждать, что эпоха позднего Возрождения и Нового времени порождает явление, которое было новым для прежней культуры — табуирование тела как такового. Нагота не просто запрещается в общественных местах, даже наедине с самим собой отныне она считается «неприличной».

Крайними формами разделения духа и тела явились аскетизм и соматизация — направления, в основание которых были положены соответственно, идея безусловного приоритета внутреннего, духовного в человеке в первом случае и природного, естественного начала — во втором.

Господство принципа дуализма в понимании отношений между телом и духом нашло яркое отражение и в искусстве новейшей Европы. Эстетическое освоение тела постепенно сводится лишь к лицу: портрет преобладает над живой фигурой. Это не означает, что живописцы не изучают обнаженную натуру, но теперь они не мыслят «телесно», подобно Микеланджело, который пытался воскресить прежний тип мышления, угаснувший после эпохи античности. Одной из наиболее ярких эпох реабилитации телесности в истории европейской культуры, несомненно, была эпоха ухода от «бестелесности» Средневековья. «Бедра Тициановой Венеры, — писал Г. Гейне, — были столь же сильным аргументом против мрака средневековья, как и знаменитые тезисы, прибитые Лютером к дверям Виттембергской церкви»¹.

Особое место в разработке проблемы «телесность и культура» с акцентом на детерминационную роль физического начала в человеке принадлежит концепции фрейдизма в ее классической форме и в неофрейдической интерпретации. Ф. Ницше, подводя итоги своей жизни, говорил: «Я всегда писал свои книги всем телом и жизнью: мне неизвестно, что такое чисто духовные проблемы»².

Анализируя этапы эволюции рассматриваемой диады «тело-дух», мы можем увидеть, что соматизм соматизму рознь: от фейербаховского: «Человеческой натурностью следует восхищаться — в мире нет ничего более прекрасного и величественного» дистанция огромного размера до рассуждений художника — героя рассказа Нагибина³: «Довольно искусству воспевать лишь зримые очевидности

¹ Гейне Г. Собр. соч.: в 10 т. Т. 5. М.: Гослитиздат, 1958. – 538 с.

² Свасьян К. А. Фридрих Ницше: мученик познания: вступ. статья//Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. Т. 1 М.: Мысль, 1990. С. 23.

³ Нагибин Ю. Рассказы. М.: Художественная литература, 198. – 312 с.

человеческой сущности — лицо и тело; не менее прекрасна и совершенна в человеке, венце творения, его трубуха...». Подобный натурализм и воспевание человеческого тела базируются на разных основаниях. Однако сведение их вместе как производных от принципа соматической акцентированности, в том числе и с учетом его гипертрофированных форм, лишь подчеркивает многообразие и многоликость представлений о человеческой телесности, если даже в рамках одной (хотя и не гомогенной) парадигмы теснятся столь разнящиеся между собой концепции¹. Концепции, которые в противоречивом взаимодействии, дойдя до нашего времени, формируют *образ современного подхода к феномену телесности*: объясняя или оправдывая его, но, главное, давая ключ к поиску причин возникающих тенденций и, время от времени, спасающий от ожиданий очередного апокалипсиса.

Современный мир, вобрав в себя опыт и атмосферу предыдущих эпох, наследуя многие мифологические и философские идеи в области развития соматического сознания и связанных с ним практик, создает существенно новые обстоятельства бытия человека. Это значит, что современная действительность порождает и иное социокультурное пространство существования, функционирования, использования, «окультуривания» тела, новые соматические представления и ориентации. Каковы же факторы, существенно повлиявшие на возрастание интереса к телесности как одному из оснований человеческой жизни, а в определенном смысле, и на реабилитацию телесности как индивидуальной и социальной ценности в современном культурном самосознании?

«Производность» телесности человека зависит от множества социальных и культурных детерминант. Именно это диктует необходимость выявления тех тенденций, явлений, процессов, которые определяют новые конфигурации и акценты в осмыслении данного феномена, задают соответствующие траектории различным видам телесных практик, например, особенно популярные в настоящее время вегетарианство (веганство, сыроедение), йога, разные виды физической активности в тренажерном зале, диеты и пост как их разновидность. Можно выделить такие тенденции, определяющие эти конфигурации: постоянное изменение характера труда, усложнение и дифференциация социального пространства, изменение соотношения между временем рабочим и нерабочим, структурные изменения в демографических характеристиках (степень урбанизации, возрастание доли высоковозрастных групп и уменьшение их авторитетности)², нелюбимый имидж старости и кажущиеся бесперспективными горизонты старения, общее повышение интеллекта, развитие гедонизма как жизненной уста-

¹ Быховская И. М. Homo somatikus: аксиология человеческого тела. Тело в образе мира, мир в образе тела. М.: Эдиториал УРСС, 2000. – С. 88.

² Там же. – С. 158–159.

новки, информатизация пространства, глобализация мира, соматизация красоты и эстетизация культуры в целом.

Среди наиболее значимых, вслед за И. М. Быховской, выделим две противостоящие, но заострившие проблему телесности тенденции: возрастание социальной зависимости «человека телесного» от социума и в то же время — утверждение ценности человеческой индивидуальности, расширение ориентации на самореализацию, самоконтроль личности. Однако в контексте социально-научного познания следует говорить и об укреплении в обыденном сознании антирационалистических идей, теорий, настроений, о значительном расширении постматериалистических ориентаций и связанных с этим гедонистических настроений, о процессе экологизации общественного сознания.

Интересным является факт многообразия современных соматических ориентаций, коррелирующих с тенденцией к усилению социальной дифференциации. Процесс нарастания социальной зависимости, с одной стороны, носит объективный характер, потому как связан с повышением возможностей цивилизации воздействовать, трансформировать, подчинять заданному режиму разные стороны жизни человека, в том числе и его телесное бытие. С другой стороны, именно это обстоятельство и обязывает более серьезно отнестись к проблеме «социального тела», дабы оно не исказило до непригодности биологическую основу человеческого существования. Процесс же индивидуализации, Р. Кохли связывает со все большей деинституционализацией общественной жизни, перемещением в ее центр субъекта деятельности, что и делает необходимым процессы самоорганизации, самоконтроля, самодетерминации¹. В этих условиях проблема самовыражения личности, открытия своего «Я» рассматривается как главная тенденция и потребность «человека современного общества».

Для современного общества характерен «постмодернистский» тип сознания. Это сознание, — отмечает Д. Белл, — не является антимодернистским; оно весьма близко в своих фундаментальных принципах сознанию модернистскому, но более «примитивно» и экстремально. По его мнению, в основе постмодернистского сознания лежит убеждение в том, что «только импульс и удовольствие реальны и только на них опирается жизнь», что «разум — враг, а желание тела — истина»². Именно здесь вступают в силу законы, определяющие гедонизм как жизненную установку и именно здесь уместно определение Э. Фромма, которое он дал современному обществу — обществу потребления. Любопытно, что техника достижения «вечной молодости» со времен молодильных яблок шагнула

¹ Kohli M. Normalbiographie und Individualitat//Brose M., Hildenbrand H. (Hrs.) Vom Ende des Individuums zur Individualitat ohne Ende. Opladen, 1988. S. 37.

² Bell D. The cultural Contradictions of Capitalism. N. Y., 1976.

далеко вперед — сегодня нет нужды скакать очертя голову за тридевять земель. Магические эликсиры омоложения под названием «фитнес», «лифтинг», «ботокс» и им подобные известны всем — стоит только руку протянуть¹.

Идеи «сексуальной революции», развивавшиеся коволюционно с контр-культурными движениями, в значительной степени опирались именно на такого рода концепции «свободы импульсов». Это связано с тем, что именно с сексуальной сферой многие молодые люди, — как отмечает Г. Хендин, — рассчитывают реализовать свободу внутренних импульсов, обрести богатство эмоций, которые бы компенсировали отсутствие социально значимых целей. Однако данная сентенция сопряжена еще с одним феноменом, «молодые люди стремятся открыть тело для чувственных воздействий, но без интимности и эмоциональной привязанности»².

Отметим, что «соматизация человека», включая и такие ее эффекты, как «сексуальная революция», нудистские движения и т. п., безусловно, с одной стороны, привлекла внимание к телесно-физической природе человека, заставляя задуматься о ее роли в жизни индивида и общества, но в то же время, что важно, в своих крайних проявлениях этот процесс вызвал массовую негативную реакцию на «новые ценности», спровоцировав новый виток пуританских настроений в отношении человеческого тела. Сейчас же для части цивилизованного мира, уже пережившей сексуальные революции и контр-культурные бунты, в значительной степени отошедшей от натуралистических увлечений авангарда и пр., «соматизация» утратила свою эпатажность для одних и ореол притягательности для других. «Броуновское движение» поиска наиболее адекватных форм реабилитации телесного начала без его абсолютизации и противопоставления разумному, духовному началу откристаллизовалась в широком спектре феноменов:

1. *от признанности социальной значимости и престижности хорошего физического имиджа, чем и объясняется массовое увлечение спортом (тренажерные залы, секции, занятые турники во дворах, программы кроссфитов, фитнес, популярность косметической и пластической хирургии, фармакологии, моды на диеты и посты, мотивирующие фильмы и пр.);*

2. *до широкого распространения концепции «мудрости тела» (реальной или возможной) и его здоровья, ориентирующих на познание собственного тела, умение понимать его, управлять им³ и заботиться о нем (подчас прибегая к вспомогатель-*

¹ Иваненко Е. А., Корецкая М. А., Савенкова Е. В. Заклятье вечной молодости, или репрезентация телесности в жанре анимэ // Вестник Самарской гуманитарной академии. 2009. № 2 (6). С. 32–43.

² Hendin H. The Age of Sensation. N. Y., 1978. – P. 9, 16.

³ Быховская И. М. Homo somatikos: аксиология человеческого тела. Тело в образе мира, мир в образе тела. М.: Эдиториал УРСС, 2000. –С. 177–179.

ным средствам: технике, и прочим возможностям коими избилует цифровое машинизированное пространство, щекощущая воображение генная инженерия и пр.).

Управление своим телом и необходимость заботы о здоровье создали предпосылки к теперь уже устоявшемуся *медикализованному мировоззрению*, которое вносит существенные коррективы в образ наших мыслей и жизней, и уже поэтому требует комментариев, посылаемых «изнутри», а не «извне», посредством культивирования и пропандирования данной идеи в масс-медиа и глобальной сети (речь идет о столь популярных сегодня медицинских сериалах, множестве форумов и сайтов соответствующих тематик, поддерживаемом престиже врачебной профессии и пр.). *Медикализация* — это процесс, в результате которого человеческая жизнь начинает рассматриваться преимущественно как медицинская проблема, т. е. как проблема соотношения болезни и здоровья. Как результат всего этого, человек начинает априори смотреть на себя как на пациента, а человеческое тело и сознание от рождения до смерти становятся объектом пристального медицинского контроля и регулирования. Можно сказать, что «медикализация — это процесс патологизации общества, производства пациентского самосознания»¹, смещающего концептуальные различия субъекта и объекта в самом человеке.

Конечно, медицина осуществляется в целях победы над болью, в целях общего оздоровления. Медицина однозначно отвергла все стратегии оправдания патологической боли, существовавшие в прошлые эпохи². Но уловка медикизации состоит в том, что путь к телу-без-боли, к жизни без патологии прочерчен через автопатологизацию, через пациентское самосознание, повышенную озабоченность собственным здоровьем и, как следствие, зависимость от медицинского знания. «Только пациент может быть абсолютно здоров». Строго говоря, сама фигура пациента — это и есть результат медикизации патоса, его перехваченности идеей здоровья как нормы, устанавливаемой медицинским знанием.

Столь широкое и быстрое проникновение медикизованного мировоззрения в общество объясняется просто: медицина обещает продлить жизнь, а это серьезный аргумент для человека, сознающего конечность бытия и вообще-то боящегося смерти. Понимание жизни как бытия-к-смерти³, сформулированное Хайдеггером, и есть последняя тайна постпросветительской цивилизации, — пишет Т. В. Филатов⁴. Более того, для современного общества актуально не просто продлить жизнь, необходимо

¹ Лехциер В. А. Эффекты медикизации и апология патоса. Вестник Самарской гуманитарной академии. 2006. № 1 (4). С. 115.

² Белоусова Е. А. Родовая боль в антропологической перспективе // Электронный ресурс. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklor/belousova1.htm>. Дата обращения – 12.09.14.

³ Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997. С. 252.

⁴ Филатов Т. В. Эмоции и старость // Вестник Самарской гуманитарной академии. 2012. № 1 (11). С. 67.

продлить *молодость*. Этот феномен объясняется единством взаимодействия современной «соматизации», информатизации и популяризации общества. Тому есть ряд причин. Во-первых, старость утратила свою действительную авторитетность в глазах общественности. Теперь она не ассоциируется ни с властью, ни со славой, ни с мудростью. Современная действительность требует коммуникативности, мобильности, «профессиональной дилетантности» (в смысле перманентной необходимости «успевать» за информацией), но динамизм и открытость новому соответствуют молодости, не старости¹. Во-вторых, быть молодым — попросту модно! За молодым поколением не только будущее, но и настоящее — такова позиция современности². Тем более становится значительным этот факт, если учесть все то, о чем говорили выше.

В рамках актуализированной «соматизации» современного общества, «теле-ной идентичности», преобладающее значение сегодня имеет гедонизация общества, и это осязаемый факт. Наслаждаться жизнью и «брать от нее все» — прерогатива молодости любой эпохи, однако уникальность нашей заключается в том, что это не «каприз и озаренное буйство молодости», а негласно одобренная и практикуемая установка на жизнь; вдвойне облегченная тем, что авторитетность старости и умудренности опытом потеряли свой вес. Фетиш физического совершенства и отличной формы, которые активно пропагандируются СМИ, также вносят лепту в понимание сложившихся тенденций. Сегодня спортивные телесные практики — это часть работы по формированию своего собственного образа, когда человек придает себе такую форму репрезентации, которая обеспечит ему подобающее место в социальной организации, что особенно актуально в условиях все более усложняющейся дифференциации общества. Более того: «Теперь, — пишет Т. Алкеймер, — у тел появилась другая функция — выражать внешним образом сокровенные глубины «характера»³. Едва ли у тех, кого мы зовем стариками, подобная потребность может «быть» и может оказаться искренней.

Итак единство процессов «соматизации», информатизации и глобализации общества, действуя непрерывно, обнаруживает следующую закономерность: в современном мире временные рамки старости перманентно отодвигаются в направлении окончательной дряхлости, что, очевидно, связано с увеличением продолжительности жизни в развитых странах⁴. А последнее продиктовано в свою

¹ Лишаев С. А. Старость и современность. Вестник Самарской гуманитарной академии. 2007. № 1. С. 74.

² Лишаев С. А. Горизонты старости: типология и экзистенциальное содержание// *Mixtura verborum*. Сб. науч. статей, Самара, 2006. С. 14.

³ Богданова М. А. Рождение новой телесности в практиках спортивного движения// *Знание. Понимание. Умение*. 2013. № 1. С. 67.

⁴ Филатов Т. В. Эмоции и старость// Вестник Самарской гуманитарной академии. 2012. № 1 (11). С. 69.

очередь *необходимостью* «быть молодым и мобильным» (иначе ты попросту бесполезен), что достигается благодаря медиализированному сознанию. Цикл замкнулся сам на себя.

Становление аксиологии тела в современной системе ценностей тесно связано и с развитием ценностей экологического мышления, о котором следует говорить отдельно. Провозглашается принцип «охраны тела» и наряду с ним приходит осознание самого смысла человеческой телесности, отношения к ней как представителю, фрагменту глобальной природной системы, имеющей свои достоинства и права¹. Репрезентативным в этом контексте направлением в развитии ценностного отношения к телу стала концепция «экологической эстетики». Характеризуя ее, Т. Джессоп подчеркивает, что в ней сливаются традиционные эстетические ценности искусства и ценности физического окружения, физического бытия, т. е. это своеобразное «единство чувственной и идеочувственной красоты»². Но в целом не секрет, что мы живем в эпоху эстетизма, когда все больше людей руководствуются в своих поступках не моральными убеждениями, а чувственными предпочтениями³, что может считаться прямым следствием процесса «соматизации».

*Sandykbaeva Urykkil Duisenovna, al-Farabi Kazakh
National University, teacher, the Faculty of Pre –University education
E-mail: sandykbaeva@mail.ru*

*Begalieva Aysha Karipjanovna, al-Farabi Kazakh
National University, teacher, the Faculty of Pre –University education
E-mail: Aysha@mail.ru*

*Aytuarova Botagos Maldibaevna, al-Farabi Kazakh
National University, teacher, the Faculty of Pre –University education
E-mail: azizim_75@mail.ru*

*Aristanbekova Kuralay Dandibaevna, al-Farabi Kazakh
National University, teacher, the Faculty of Pre –University education
E-mail: bibakil@mail.ru*

Cultural values as a basis for the formation of youth

¹ Быховская И. М. Homo somatikos: аксиология человеческого тела. Тело в образе мира, мир в образе тела. М.: Эдиториал УРСС, 2000. – С. 179.

² Jessop T/E/The Definition of Beauty//Art and Philosophy. Reading in Aesthetics. N. Y., 197. P.53.

³ Щеглова Л. В. Значение этики и эстетики в эпоху эстетизма//Известия ВГПУ. № 2 (03). 2003. – С. 3.

*Сандыкбаева Урикуль Дуйсеновна
Казахский национальный университет имени аль-Фараби,
преподаватель, факультет довузовского образования
E-mail: sandykbaeva@mail.ru*

*Бегалиева Айша Карытжановна
Казахский национальный университет имени аль-Фараби,
преподаватель, факультет довузовского образования
E-mail: Aysha@mail.ru*

*Айтуарова Ботагоз Малдыбаевна
Казахский национальный университет имени аль-Фараби,
преподаватель, факультет довузовского образования
E-mail: azizim_75@mail.ru*

*Арыстанбекова Куралай Дандибаевна
Казахский национальный университет имени аль-Фараби,
преподаватель, факультет довузовского образования
E-mail: bibakil@mail.ru*

Жастардың қалыптасуындағы мәдени құндылықтар негізі

Қоғам жастар арқылы өзін биологиялық бүтін ретінде ғана емес, сонымен бірге, әлеуметтік бүтін жүйе ретінде де ұдайы сақтай алады және дами алады. Біз жастарды қоғамның стратегиялық «пейзажы», инновациялық қоры және қоғамды сақтау әрі дамытудың өзекті ресурсы ретінде қарастырамыз. Жастар болмысы мәселесін зерттеудің бастау көзін философтардың, мәдениеттанушылардың, әлеуметтанушылар мен саясаттанушылардың жеке тұлғаның дамуындағы объективтік және субъективтік факторлардың рөліне, қоғамның әлеуметтік құрылымына, мәдениеттің жеке адамға ықпалына талдау жасаудағы теориялық амалды негіздеуге қатысты теориялық пікірталастардан табуға болады. Жастар және оның әлеуметтік-мәдени болмысы мәселесі әрі қоғамның негізгі сипаты, құрылымдық ілгерілеуі мен өзгеруі контекстінде, әрі дифференді қабаты — қоғамның өзіндік бітімге, қабілет, қасиеттерге ие, ерекше әлеуметтік тобы ретінде қарастырылады. Жастар белсенділігі мәселесіне деген қазіргі ғылымның көтеріңкі қызығушылығын бүгінгі социумның дұрыс қызмет етіп, бірқалыпты қозғалысы үшін жастардың ең қажетті кеңістігі, қоғамның өзін-өзі қайта жасақтап, өндіруін қамтамасыз ететін негізгі қуат көзі, ұрпақ пен ұрпақты жалғастырудағы «кодты» иемденуші әлеует болуымен түсіндіруге болады.

«Жастар» — ол қоғамның әлеуметтік-демографиялық тобы; ол жастыққа тән сипаттамалардың жүйесі. Біз «жастар» терминін қоғам әлеуметінің жастар

тобы шоғырын білдіру үшін және ғалым-социолог Г. С. Абдрайымованың сөзімен айтқанда, қазіргі тарихи үдеріс аясында келешек құндылықтарын сомдайтын, жаңа қоғамның пайда болуына негіз қалайтын, ескіргенді жаңартатын, қоғамды алға жетелейтін ұлы күшті сипаттайтын ұғым ретінде қолданамыз¹.

Жастар белсенділігінің қалыптасуының әлеуметтік-мәдени алғышарттары мен жастар саясаты және оның мәдени бетбұрыстары жайлы айта келе, қазіргі кездегі жастардың белсенділігінің әлеуметтік-мәдени құндылықтық негіздеріне тұжырымдама жасаймыз. Қазіргі жастардың құндылықтық бағдары Қазақстан Республикасының әлеуметтік және мәдени саясатындағы маңызды тақырыптарының біріне айналып отыр. Елбасы Нұрсұлтан Назарбаев өзінің «Тәуелсіздігіміздің бес жылы» деген еңбегінде кеңестік дәуірдегі жағдайды баяндай келе, халықтың қазіргі кездегі рухани-құндылықтық дағдарысына ұшырағандығын айтады². Ал қоғамдық қарым-қатынастардың, ұлттық мәдениеттің бағыт-бағдары үшін Қазақстан жастарының әлеуметтік-құндылықтық түсінігін қалыптастырудың орны ерекше. Осыған орай, біздің де алға қойып отырған мақсатымыз осы үрдіске аз да болса өз үлесімізді қосу, азаматтық міндетті атқару, қоғам алдындағы жауапкершілігімізді орындау.

Қазіргі кездегі ең өзекті мәселелердің бірі жас ұрпақтың санасын қалыптастыру мақсатында Республикамызда жастардың жаңа саясаты жасалуда, әлеуметтік белсенділік мәселесіне, республиканың мемлекеттік тәуелсіздігінің нығаюы барысындағы жастардың орны мен рөліне баса назар аударылуда. Оларды отансүйгіштік рухта, әртүрлі саяси күштердің жетегінде кетпейтіндей етіп тәбиелеу қажет.

Мемлекеттік саясаттың басты мақсаты — жастардың шығармашылық, жаңашылдық қуатын қоғамды алға бастар күшке айналдыру. «Бақытты бала, бесікте еркін өседі»³ — деп белгілі қоғам қайраткері Әлихан Бөкейханов тәуелсіз елдің парасатты ұрпағын тәрбиелеуге көңіл бөлу басты мақсат екендігін айтып кеткен. Қазіргі жаһандану үрдісінде қазақ қоғамы өзінің діні мен ділін, салт-санасын сақтап қалатын мүмкіндіктерді пайдалануда маңызы зор. Жастардың рухани тұрғыдан қалыптасуында әлеуметтік-мәдени құндылықтардың орны бөлек. Қандай салада болмасын болашақ ұрпақтың кемелденуінің негізін сол елдің дәстүрі мен құндылықтары қалыптастыратын болса, оның еліне, жұртына адал болуын қамтамасыз етіп қана қоймай, елі үшін ерінбей еңбектенуіне негіз болады. Сол үшін мемлекеттің де жастарды назардан тыс қалдырмауы заңды құбылыс. Жастар саясаты «Қазақстан Республикасының мемлекеттік жастар саясатының

¹ Абдрайымова Г. С. Социология молодежи. – Алматы: Жибек жолы, 2008. – 278 б.

² Назарбаев Н. Тәуелсіздігіміздің бес жылы. – Алматы: Қазақстан, 1996. 144–145 бб.

³ Бөкейханов Ә. Шығармалар, Алматы, 1994. 190 б.

Тұжырымдамасы» ережесінен негізделіп, «жастардың рухани және тән саулығы — мемлекеттің стратегиялық капиталы мен оның қазіргі кездегі дамудың маңызды факторы»¹ деген тұжырым негізінде айтылған. 2004 жылғы «Қазақстан Республикасының мемлекеттік жастар саясаты туралы» заңы да ескерілгені жөн. Ол, жасөспірімдер мен жастардың құқықтық және рухани құндылықтары жастарды өз халқының рухани мәдениетіне бағыттауы, мемлекетіміздің тарихи өткеніне баулуы, қоғамдағы келісім мен бейбітшілікті нығайту жас ұрпақтың отаны үшін мақтан сезімін қалыптастыруы тиіс. Патриотизм, адамгершілік, шеберлік, жауапкершілік сияқты жеке қасиеттерді иеленуге ұмтылу жас қазақстандықтар үшін алға қойылуы қажет.

Сондықтан жастардың санасындағы «құндылық» ұғымын дұрыс қалыптастыру елдің болашағын айқындайтын факторлардың қатарына жатады.

Мемлекеттік жастар саясаты елдің әлеуметтік-мәдени дамуының негізі болып табылады. Жастар саясаты өз кезегінде кез-келген елдің басты басымдығы. Сондықтан еліміздің жастарын ұлтжандылыққа, адамгершілікке, білімділікке, өркениеттілікке тәрбиелеу біздің ең басты құндылықтарымыздың бірі болмақ. Қоғамның қалыптасуы мен мемлекеттің өркениеттілігін арттыру үшін ондағы адамдардың, әсіресе өскелең ұрпақтың рухани тұрғыдан жетілген болуына баса назар аударылады. Олай болса, біздің еліміздің болашағы болатын жастардың белсенділігі қандай бағытта дамуы керектігі өзекті мәселелердің бірі екені дауысыз.

«Жастар — қоғам» жүйесін алатын болсақ, олардың арасындағы онтологиялық тұтастықты байқаймыз. Бір жағынан, қоғамның өзінің қалыптасуы мен дамуы жастардың әлеуметтік-мәдени болмысының, тұлғалық образының қалыптасуы мен даму үдерісі болса, екінші жағынан, жастардың субъект ретіндегі қалыптасып дамуы қоғамның жетілу үдерісі болып табылады. Жастар тұлғасының қалыптасуы белгілі бір әлеуметтік ортаның, әлеуметтік жүйенің мәдени ұстанымдары мен нормалар кеңістігіне енуін әрі оны игеру процесін білдіреді. Ал әлеуметтік-мәдени ортаның қозғалысы — ол жас адам өмір жолы. Білім беру мен тәрбие арқылы қоғам жастарды әлеуметтендіріп қана қоймайды, сонымен қатар, жаңа идеялар мен көзқарастарды ұстанатын жастар да өз кезегінде қоғамды өзіне бейімделуге мәжбүрлеп, әлеуметтік жүйені өзгертіп әрі дамытып отыруға ықпал жасайды². Олай болса жастар адамзат қоғамының қозғалысқа түсуі әрі әлеуметтік жүйе ретіндегі қызмет ету компоненті болып табылады. Әлеуметтік ортаның даму қозғалысы өзінің ішкі мәдени-тарихи контекстінде жастарды қоғамдық субъект

¹ Мургабаева А. С. Қазақ мәдениетіндегі ұлттық ойындардың ерекшеліктері мен рәсімдік негіздері. – Алматы, 2006. 18 б.

² Родионов В. А. Государственная молодежная политика: история и перспективы // Молодежь 97: Надежды и разочарования. – М., 1997. – С. 254.

тұрғысынан орнықтыру және бекіту үдерісімен бірге жүреді. Осыдан жастар тұлғасындағы қайталанбайтын жекедаралық қасиеттер қалыптасады. Жастардың әлеуметтік тұғалық болмысының оң нәтижелі қалыптасуы социумның тиімді дамуының жемісі болып табылады. Қоғамның ұтымды функционалдық қызметінің көрсеткіші әрі өлшемі болып анықталады. Осы тұста «әрбір қоғамның ілгерілеуі реформалардың жүзеге асырылу үдерісіне жастар өкілдерінің қатысу дәрежесімен анықталады»¹ дейтін көзқарасты қолдаймыз. Осыған байланысты қоғамдағы әртүрлі әлеуметтік институттардың жастардың тұлғалық болмысын қалыптастырудағы маңыздылығы артады әрі олардың функционалдық өміріндегі жастардың орны мен рөлі мәдениет философиясы мәселелелерінің өрісін құрайды.

Патриотизм, адамгершілік, шеберлік, жауапкершілік сияқты жеке қасиеттерді иеленуге ұмтылу жас қазақстандықтар үшін алға қойылуда. Сонымен, жастар саясатының ресурсын, мәдениеті мен ғылыми білімін, ұрпақтың саны мен сапасын, оның өмірінің деңгейін анықтайтын бағдарлар, екіншіден, еліміздің қауіпсіздігі мен ұлттық үйлестігін сақтау және дамытуға кедергі болатын теріс салдарды шектеу — әрбір мемлекет үшін маңызды мәселе.

Қорыта айтқанда, елдің әлеуметтік-мәдени, саяси және экономикалық дамуында жастардың орны ерекше. Сондықтан жастар арасындағы қызығушылықтар мен бейімділікке дұрыс бағдар ұсыну, оның еліміз үшін тиімділігін көрсету, жастарды ұлтжанды әрі білімді етіп тәрбиелеу қоғам алдындағы басты міндеттердің бірі болмақ. Жастардың білімді әрі тәрбиелі болуы олардың бойында қалыптасқан рухани, ұлттық әрі ізгілікті қасиеттерінің дәрежесіне қарай жүзеге асады. Сондықтан жастардың әлеуметтік-мәдени болмысы дегенде біз ондағы құндылықтар жүйесін, рухани ұстанымдар кеңістігін, әлеуметтік мінез тәсілдері мен өмірлік позицияларын анықтауға қадам жасадық. Жастар және оның әлеуметтік-мәдени келбеті туралы түйін көптеген зерттеулердің әліде болса локальды сипат алатындығын, қажетті мәдениеттанулық негіздердің қалыптаса қоймағандығын анықтауға қол жеткізілді. Жастар әлеуметтік-мәдени қатынастардың субъектісі ретінде өзінің рухани әлеміне қандайда бір мәдени дәстүр мен құндылықтарды сіңіретіні және оның қоғамның әлеуметтік-мәдени тұрғыда қайта жаңғыруында маңызды рөл атқаратындығы анықталды.

Әдебиеттер тізімі:

1. Абдрайымова Г. С. Социология молодежи. – Алматы: Жибек жолы, 2008. — 278 б.
2. Назарбаев Н. Тәуелсіздігіміздің бес жылы. – Алматы: Қазақстан, 1996. 144–145 бб.

¹ Зайниева А. Ю. Мемлекеттік жастар саясаты: Қазақстан әлемдік тәжірибе тұрғысында. – Алматы: Дайк-Пресс, 2009. – 284 б.

3. Бөкейханов Ә. Шығармалар, – Алматы, 1994. 190 б.
4. Мургабаева А. С. Қазақ мәдениетіндегі ұлттық ойындардың ерекшеліктері мен рәсімдік негіздері. – Алматы, 2006. – 18 б.
5. Родионов В. А. Государственная молодежная политика: история и перспективы//Молодежь 97: Надежды и разочарования. – М., 1997. – С. 254.
6. Зайниева Л. Ю. Мемлекеттік жастар саясаты: Қазақстан әлемдік тәжірибе тұрғысында. – Алматы: Дайк-Пресс, 2009. – 284 б.

Contents

Section 1. Demography and ethnography	3
<i>Tchorzevska Tatiana Viktorivna, Boguslavska Yulia Yuriivna</i>	
Odesa: Dynamic of Ethnic stereotypes 2007–2014	3
<i>Kozlovskaya Svetlana Nikolaevna, Starovojtova Larisa Ivanovna</i>	
The quality of life of older people as a social problem	8
Section 2. Journalism.	15
<i>Yakimenko Alla Alexandrovna</i>	
Columnistic as a form of copyright journalism in a modern	
Russian periodicals	15
Section 3. Study of art and cultural studies	22
<i>Gorlina Inna Grigorievna</i>	
Pushkin images in ballet art	22
<i>Sheremet Vita Vasylivna</i>	
Northern Black Sea in Ukraine: ethnogenesis and the formation of	
the artistic culture of the region	27
<i>Shleiik Svetlana Gennadyevna</i>	
Principles of composite structure works by Sergei Fazytova	32
Section 4. History and archaeology	41
<i>Karsakova Gulmira Bolatovna</i>	
Kadyr-Ali bek Zhalairi and his historical work«Zhami at Tauarikh»	41
<i>Kindinov Mikhail Alexandrovich</i>	
The Swedish factor in Russian-French relations of the middle of	
the XVIII century (1748–1751)	45
Section 5. Pedagogy	51
<i>Şişianu Ala Ion</i>	
Evaluation in educational process	51
<i>Boronenkova Ljubov Sergeevna</i>	
Projects “University Game 2013/2014” and “We for an own health”!	58
<i>Boyarkina Yuliya Anatolyevna</i>	
Integration of formal and non-formal education of teachers as a	
condition of achieving topical educational results	71
<i>Bugaenko Tatiana Fedorovna</i>	
Exhibition of student projects in the educational process	78
<i>Vysotskaia Anna Vasiliievna</i>	
Coaching as an instrument of ESL knowledge formation for the	
hotel industry receptionists	80

<i>Vinevskaya Anna Vyacheslavovna, Bomatsarova Olga Nikolaevna, Smirnova Ekaterina Viktorovna, Berlizova Darya Aleksandrovna</i>	
Using art-technology in preparing children for school.	82
<i>Egorova Galina Ivanovna, Martynenko Helena Petrovna</i>	
The efficiency of formation of professional identity of bachelors of technology in technical education	88
<i>Ermakova Tatyana Yuryevna</i>	
Integration and humanization of educational space within a technology of cooperation (the experience of participation in international projects)	95
<i>Karimova Beibitkul Sarsemhanovna</i>	
Upgrading the content of school textbooks.	100
<i>Knyazeva Olga Nikolaevna</i>	
Constructive interaction between teachers and learners in a multicultural student group	103
<i>Kozlovskaya Svetlana Nikolaevna, Shimanovskaya Yanina Vasilevna</i>	
The impact of employment of University students on the formation of professional orientation	108
<i>Krasnozhonova Ekaterina Sergeevna, Managarov Roman Viktorovich</i>	
Functions of teacher of foreign language in conditions of modern development of educational processes	114
<i>Lukashevich Anna Mikhailovna</i>	
Methods of teaching “conditional sentences” Pupils in high school at English lessons.	122
<i>Majorowa Natalja Iwanowna</i>	
Die Arbeit mit der Information als eine der notwendigen Bedingungen für die erfolgreiche Lerntätigkeit	126
<i>Pechko Leyla Petrovna</i>	
Cultural and aesthetic relations in the development of humanistic giftedness	130
<i>Skripnik Oksana Alexandrovna, Cherstvaya Olga Yevgenyevna</i>	
Pedagogical support as the factor of foreign-language culture formation	134
Section 6. Political science	140
<i>Huseynova Sevda Elbrus</i>	
Political features and role of the International Economic Organizations in world policy	140
<i>Melnyk Viktor Myroslavovych</i>	
Political anthropology of tradition and nation (Ukrainian ethno-historical example)	146

<i>Ponomarenko Nadezhda Anatoljevna</i>	
System method in the study of the political elite	155
<i>Slavina Olga Vjacheslavovna</i>	
Successful practice of re-symbolization in the post-communist Baltic States.	163
Section 7. Psychology	168
<i>Minullina Aida Faridovna, Murtazina Elmira Ildusovna</i>	
Emotional attachment to the mother (normal and pathological)	168
<i>Ovchinnikova Oksana Anatolevna</i>	
Psychological characteristics of victims — members of bullying	176
Section 8. Regional studies and socio-economic geography	181
<i>Bubnovskaya Olesya Vladimirovna, Kacherauskayte Tatiana Leonas</i>	
Role of ICT in the booking of travel services and tourism products	181
<i>Gluschkowa Irina Walerjewna</i>	
Energiepolitik Deutschlands – Herausforderungen und Erwartungen auf einen Blick	187
<i>Don Sergey Vissarionovich, Volkova Anna Olegovna</i>	
The analysis of expected demand of the ecological tour «Leopard path» (Khasansky District) by foreign and Russian tourists	193
Section 9. Agricultural sciences	199
<i>Tkacheva Olga Alesandrovna</i>	
Information technology in the use and protection of land resources	199
Section 10. Sociology	205
<i>Angel Olga Yurievna</i>	
The role of social networks in the professional field	205
<i>Kashirina Maria Valerevna</i>	
Nietzsche against Scheler: the sociological aspect of the debate about the resentment.	207
<i>Krivorotova Tatyana Anatolyevna</i>	
Russian identity: on the way to post-industrial society	212
<i>Mukha Victoria Nikolaevna</i>	
Risks of identity in a multiethnic region.	218
<i>Rogozhina Ekaterina Pavlovna</i>	
Attitude of the university students in Russia and Germany to the problem of euthanasia: comparative analysis	223
<i>Stepanova Elena Igorevna, Saganenko Galina Iosifovna</i>	
Modern principles for effective learning: a view of sociology	237

<i>Yurova Inna Yurievna</i>	
Different approaches to health-saving behavior	242
Section 11. Philosophy	249
<i>Alyoshin Sergey Vasilyevich</i>	
Trust and responsibility	249
<i>Alyoshina Svetlana Nikolaevna</i>	
Elite sport — the sphere of the human dimension	254
<i>Basharova Elizaveta Anantolevna</i>	
Back to the childhood: escapism as a infantilism	260
<i>Ivanova Svetlana Ivanovna</i>	
Religious concept of the Russian idea in the publicistic creative work of F.M. Dostoevsky	263
<i>Kozlova Olga Valerievna, Sevelova Maria Aleksandrovna, Lyudogovskaya Natalia Alekseevna</i>	
Social-philosophic analysis of Russian chronotope: today and tomorrow	272
<i>Kozlova Tatiana Alexandrovna</i>	
Bateson's opinion of human nature: the cybernetic approach	277
<i>Malakhova Nataliia Nikolaevna</i>	
Scientific institutions as subjects of innovative development of the global economy	282
<i>Moskvitina Irina Vladimirovna, Shipulina Nataliya Borisovna</i>	
The somatic aspects of a consciousness process in Modern Culture	287
<i>Sandykbaeva Urykkil Duisenovna, Begaliev Aysha Karipjanovna, Aytuarova Botagos Maldibaevna, Aristanbekova Kuralay Dandibaevna</i>	
Cultural values as a basis for the formation of youth.	300

